

Н. ВАН-ВЕЙК

ИСТОРИЯ
СТАРОСЛАВЯНСКОГО
ЯЗЫКА

И * Л

*Издательство
и н о с т р а н н о й
литературы*

**GESCHICHTE
DER ALTKIRCHENSLAVISCHEN
SPRACHE**

VON NICOLAUS VAN WIJK

ERSTER BAND

LAUT- UND FORMENLEHRE

*Berlin und Leipzig,
1931*

Н. ВАН-ВЕЙК

ИСТОРИЯ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Перевод с немецкого
В. В. БОРОДИЧ

Под редакцией и с предисловием
Н. А. КОНДРАШОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, 1957

АННОТАЦИЯ

Книга выдающегося голландского слависта Н. Ван-Вейка является капитальным исследованием, посвященным истории звукового и грамматического строя старославянского языка по памятникам болгарской письменности X—XI вв.

Работа содержит богатый и систематизированный фактический материал из старославянских и отчасти церковнославянских памятников.

Предназначена для специалистов по русскому языку и славянскому языкознанию, студентов языковедческих вузов.

Редакция литературы по вопросам филологии
Заведующий редакцией В. А. ЗВЕГИНЦЕВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди трудов, посвященных изучению старославянского языка, публикуемая ныне в русском переводе „История старославянского (древнецерковнославянского) языка“ занимает видное место. Ее автор, крупный голландский лингвист профессор Николай Ван-Вейк, получил основательную научную подготовку в области славянских и балтийских языков в Лейпцигском и Московском университетах и в 1913 г. занял кафедру славистики в Лейдене.

Научную деятельность Ван-Вейка характеризует широта интересов. Он занимался вопросами общего языкознания, внес крупный вклад в изучение славянской и балтийской систем ударения и интонации, живо интересовался вопросами славянской диалектологии в связи с изучением взаимоотношений отдельных языковых групп, написал большое количество ценных работ о фонетических и морфологических явлениях праславянского и современных славянских языков, изучал язык старославянских памятников, явился автором ряда обобщающих работ.

Первой его работой была диссертация „Morphologie des aspects du verbe russe“, 1909. В 1913 г. он издает монографию „Balties-slaviese problemen“, а в 1919 г. — „Altpreuussische Studien“. Особенно много занимается Ван-Вейк проблемами балто-славянских языковых связей, в частности акцентологических. Накопленный к тому времени материал позволил славистам поднять на новую ступень

изучение славянской акцентологии. Монография Ван-Вейка „Die baltischen und slavischen Akzent- und Intonationssysteme“, Amsterdam, 1923, наряду с трудами А. А. Шахматова, А. И. Белича, Т. Лера-Сплавинского, Ю. Куриловича, Л. А. Булаховского относится к основополагающим работам в этой области славянского языкознания. Важное значение имеет также его статья „Die slavischen Metatonien im Lichte der Phonologie“ („Indogermanische Forschungen“, т. 59, 1942), где он показал, что действовавший к концу праславянской эпохи закон, по которому на все начальные слоги распространялась восходящая интонация, обусловил в более позднее время характер вторичных интонаций в славянских языках.

Как известно, первые десятилетия нашего века отмечены подлинным расцветом славянской диалектологии, принесшим большие научные результаты. Ван-Вейк в свою очередь много занимался изучением проблемы диалектных смещений, привлекая к исследованию преимущественно материал смешанных и переходных славянских говоров (польско-чешских, словацко-польских, словацко-украинских). Назовем здесь следующие его работы: „Die čechisch-polnischen Übergangsdialekte und die ältern Beziehungen des polnischen Sprachgebietes zum čechisch-slovakischen“, 1928; „Zur Ostslowakischen“ („Slavia“, IX); „Ostslowakisch und Lachisch“ („Sborník Matice Slovenskej“, XIII); „Die Stellung des ostslowakischen innerhalb des čechoslovakischen“, 1933 и др. Проблеме чехословацких отношений он посвятил книгу „Čechies, Slovaaks, Čechoslovaaks“, Amsterdam, 1928. Ряд работ Ван-Вейка освещает вопросы болгарской диалектологии: „Zur Grenze zwischen dem Ost- und Westbulgarischen“ („Archiv f. sl. Philologie“, т. 39, 1925) и др.

Однако наибольших результатов Ван-Вейк достиг в изучении фонетического строя праславянского языка. Примечательной особенностью его трудов в этой области яв-

ляется стремление связывать изучение частных вопросов истории славянских языков с постановкой важных методологических проблем славянского языкознания. Увлечшись принципами фонологии, изложенными Н. С. Трубецким, Ван-Вейк применяет фонологические методы при изучении конкретного материала славянских языков. В 1939 г. он издал на голландском языке книгу „Phonologie“, являющуюся введением в эту отрасль языкознания.

Стремление к углубленному изучению взаимодействия отдельных элементов языковой структуры позволило Ван-Вейку, всегда опиравшемуся на богатый фактический материал, подметить и сформулировать важнейшие тенденции развития фонетического строя славянских языков, плодотворно разрабатываемые в настоящее время. Особенно ценными являются положения Ван-Вейка об основных тенденциях развития славянских языков дописьменной эпохи, позволяющие органически связать между собой внешне разнородные явления. К таким тенденциям относятся тенденции к палатализации согласных и закон открытых слогов. В одной из своих более поздних статей Ван-Вейк следующим образом характеризует указанные явления: «Конец общеславянской эпохи — это период усиленного звукового развития, которое, очевидно, находится в некоторой связи с брожением социальным, предшествовавшим расселению славянских племен и распадению их географического единства. Тенденции, начавшие формировать звуковую систему в общей прародине, продолжали действовать и в период миграции и даже после окончания этого периода, чем и объясняется замечательный параллелизм в развитии славянских языков. Наиболее важные из этих тенденций — это тенденция к палатализации согласных и стремление проносить все слоги с возрастающей звучностью. В своей книге „Geschichte der altkirchenslavischen Sprache“ я исходил из этих двух тенденций как из принципов распреде-

ления для группировки большого количества фонетических законов»¹.

Наиболее ярко особенности исследовательского метода Ван-Вейка проявились в кратком обзоре развития славянской фонетики, которому посвящена его работа „*Les langues slaves: de l'unité à la pluralité*“ (1937, оттиск из парижского журнала „*Le monde slave*“). Этот краткий и оригинальный сравнительный обзор славянских языков подытожил многочисленные исследования автора и его лекции в Сорбонне.

Таким образом, фонологический подход к явлениям славянской фонетики, пристальное внимание к вопросам соотносительной хронологии, связанное с углублением историзма в языкознании, привлечение большого материала исторической диалектологии и системный подход к языку позволили Ван-Вейку, основываясь на блестящих работах русских академиков Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова по славянской исторической фонетике, значительно усовершенствовать методику сравнительно-исторического исследования.

Важное место в научной деятельности Ван-Вейка занимает изучение древней славянской письменности и старославянского языка. Ему принадлежат исследования, посвященные многим старославянским памятникам и отдельным грамматическим явлениям старославянского языка, например: „*Zur Komposition des altkirchenslavischen Codex Suprasliensis*“, 1925; „*O prototypie cerkiewnosłowiańskiego Codex Zographensis*“ („*Rocznik Slawistyczny*“, IX); „*Zu den altbulgarischen Halbvokalen*“ („*Archiv f. sl. Philologie*“, т. 37, 39, 40); „*Sur l'origine des aspects du verbe slaves*“ („*Revue des Études slaves*“, IX, 1929), где излагается

¹ Ван-Вейк, К истории фонологической системы в общеславянском языке позднего периода, „*Slavia*“, роč. XIX, seš. 3 — 4, 1950, стр. 294.

оригинальная концепция развития славянской видовой системы, и т. п.

Таким образом, „История древнецерковнославянского языка“ является своеобразным итогом многолетних трудов Ван-Вейка по изучению старославянского языка. В ней собран большой и тщательно систематизированный фактический материал из старославянских и отчасти церковнославянских памятников, имеющий первостепенное научное значение. На основе этого подвергнутого обобщению материала автор формулирует главные закономерности фонетического развития праславянского языка.

Изложение открывается введением, посвященным фактам внешней истории старославянского языка: условиям и времени возникновения этого древнейшего литературного языка большей части славянства и краткой характеристике кирилло-мефодиевской проблемы, а также выяснению диалектной основы этого языка. Затем рассматривается проблема моравских и паннонских элементов в составе старославянского языка, характеризуется старославянская традиция на чехословацкой, словенской и хорватской почве и, наконец, подробно освещается болгарский период старославянского языка. Особое внимание уделяет автор критике текста старославянских памятников. Проблема старославянской графики и взаимоотношения двух славянских алфавитов, а также смежные палеографические вопросы сознательно обсуждаются в сжатой форме (см. предисловие автора). Введение заканчивается подробной характеристикой старославянских памятников и их классификацией. Все перечисленные разделы сопровождаются обильными библиографическими указаниями.

Раздел фонетики является наиболее ценным и самостоятельным. Вслед за характеристикой произношения старославянских гласных и согласных рассматриваются результаты действия закона открытых слогов или тенденции

к восходящей звучности слога (§ 9 — 15). К таким явлениям относятся: монофтонгизация дифтонгов, возникновение носовых гласных, появление слоговых плавных, некоторые изменения в слогоразделе, случаи метатезы, упрощение групп согласных, утрата конечных согласных наряду со специфическим развитием конца слова, возникновение протетических согласных и т. д. Автор не углубляется в историю праславянского языка, ограничиваясь лишь историей старославянских явлений, ибо праславянский язык не является темой его исследования (см. предисловие автора). Явления палатализации, обязанные сильному влиянию предшествующих согласных на их окружение, рассматриваются в § 16 — 19. Здесь характеризуются процессы палатализации заднеязычных согласных, воздействие *i* на предшествующие согласные и их группы, а также переход гласных заднего ряда после мягких согласных в передний ряд. Рассмотрение фонетических явлений старославянского языка в связи с этим приобретает систематический и стройный вид. Именно в этих главах проявилось новаторство автора и отразились его методологические позиции.

За перечисленными разделами общего характера следует изложение фонетического развития собственно старославянского языка. Читатель найдет здесь множество ценных наблюдений над отдельными фонетическими явлениями; все это подкрепляется обильными иллюстрациями из старославянских памятников; очень важен анализ написаний различных памятников, сопровождаемый толкованием различий и графических вариантов.

Третий и последний раздел „Истории древнецерковнославянского языка“ содержит изложение морфологии, сгруппированное вокруг склонения имен и спряжения глаголов. Здесь приведены парадигмы словоизменения с некоторыми замечаниями о вариантных формах, отразившихся в старославянских памятниках.

Все остальные проблемы, которым не уделено места в данном издании, а именно — проблемы старославянского синтаксиса, словообразования и лексики, были включены автором во второй том его работы. О том, что второй том существовал, свидетельствуют издательские объявления и прежде всего систематические отсылки к параграфам этого тома, опущенные в нашем издании. Однако судьба второго тома нам неизвестна.

Н. Кондрашов.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

История старославянского языка выходит в двух томах. Во втором томе будет дан синтаксис и глава о словообразовании.

Так как в „Энциклопедии славянской филологии“ должен появиться специальный том, посвященный старославянской азбуке и всем связанным с нею палеографическим проблемам, мы касаемся данного предмета лишь там, где это является необходимым, т. е. при рассмотрении некоторых вопросов грамматики.

Рукопись обоих томов была готова уже в июне 1927 г. С тех пор мы дважды вносили в нее новую литературу. Работы, появившиеся с лета 1929 г., не могли быть использованы нами, но о них будет упомянуто вместе с некоторыми более старыми исследованиями (попавшими к нам в руки лишь позднее) в приложении ко второму тому.

Монография Арнима о писцах Синайской псалтыри и издание Синайской псалтыри (1930) имеет значение почти для каждого параграфа разделов фонетики и морфологии. Эта работа важна для Псалтыри так же, как „Языковедческий разбор“ (Jazykovědecký rozbor) Ланга для Синайского требника. Но по сравнению с работой Ланга она имеет еще и то преимущество, что построена на хорошем издании текста. Мы упомянем в приложении только о важнейших параграфах этого исследования.

Материал из Ассеманиева евангелия мы черпали в издании Чрнчица, так как не имели возможности использовать фототипическое издание Вайса и Курца.

І. ВВЕДЕНИЕ. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

§ 1. Мораво-паннонский период

Древнецерковнославянский (старославянский) язык — это древнейший славянский письменный язык. Он был введен в употребление славянским первоучителем Константином (или Кириллом). Начальным, так называемым мораво-паннонским, периодом старославянской письменности является период переводческой деятельности Константина, его старшего брата Мефодия и их сотрудников. О жизни и трудах Константина и Мефодия мы сообщаем здесь только то, что находится в прямой связи с историей старославянского языка. Наши главные источники — это так называемые паннонские жития (легенды) Константина и Мефодия, написанные на церковнославянском языке.

В 863 г. братья Константин и Мефодий отправились из Византийской Империи в Великую Моравию, князь которой Ростислав просил императора Михаила прислать ему „епископа и наставника“. „Мой народ, — писал Ростислав, — отказался от язычества и держится христианского закона, но у нас нет такого учителя, который мог бы наставить нас в истинной христианской вере на нашем родном языке“ (Житие Кирилла, гл. 14). Тогда император предложил Константину-„философу“ взять на себя эту миссию, поскольку он проявил уже и ранее большие способности к миссионерской деятельности, знал много языков и с успехом защищал христианскую религию. Согласно Житию Мефодия (гл. 5), император сказал: „Вы оба (Константин и Мефодий) родом из Солуни, а солуняне все говорят хорошо по-славянски“ (Бы ко уста солунянини, да солуняне вси чисте словьньскы бесѣдоуютъ).

Тогда, как повествуют оба жития, Константин составил славянскую азбуку и применил ее для своего первого пе-

ревода; это было так называемое „Недельное евангелие“ (Евангелистарий), т. е. извлечения из четырех евангелий для чтения при богослужении. Об этом можно судить по первым словам переведенного текста Жития Кирилла (гл. 14): „Вначале было слово, и слово было у бога, и бог был слово“ (Искони въ слово и слово въ оу бога и богъ въ слово. — Иоанн I, 1). Затем братья отправились в Великоморавское княжество, где Ростислав „собрал учеников и стал их обучать“ (под руководством Константина). Обычно полагают, что центр деятельности Константина и Мефодия следует искать на западе современной Словакии, несколько восточнее р. Моравы. Константин быстро перевел весь церковный язык и обучал учеников оутреници, часомъ, всеръниш, павсеръниш и таниш слоужьбъ¹ (Житие Кирилла, гл. 15). Эти пять названий (утреня, часы, вечерня, повечерие и литургия) действительно и составляют „весь церковный чин“ (totum ordinem ecclesiasticum).

Согласно Житию Кирилла, братья пробыли в Великой Моравии 40 месяцев (по Житию Мефодия — три года, по Итальянской легенде — четыре с половиной года) и затем отправились в путь, чтобы посвятить своих учеников в священники. Место, где они намеревались это сделать, не упоминается; обычно считают, что они отправились в Рим, а не в Константинополь. По дороге они задержались на некоторое время у паннонского князя Коцела на Блатенском озере, который очень обрадовался славянской письменности и дал им в обучение около 50 учеников (Житие Кирилла, гл. 15). Далее в Житии подробно рассказывается о их пребывании в Венеции (гл. 16), затем в Риме, где им был оказан блестящий прием; папа Адриан признал славянские книги, ученики Константина были посвящены в священники и отслужили славянскую литургию в нескольких церквях (Житие Кирилла, гл. 17; о некоторых противоречиях между источниками см. Jagić, *Entst.*, изд. 2, 29). 14 февраля 869 г. Константин умер в Риме, приняв постриг под именем Кирилла. Для Мефодия насту-

¹ Миклошич переводит два последних термина следующим образом: *breve officium* *vespertinum* bzw *sacramentorum officium* (Denkschr. XIX, 1870, стр. 243).

пили трудные времена. Из Жития Мефодия (гл. 8) мы узнаем, что некоторое время он был учителем, а затем епископом в Паннонии; потом по приказу епископов (Зальцбургского, Регенсбургского и Фрейзингенского) в течение двух с половиной лет находился в заключении в Швабии. С 873 г. Мефодий живет главным образом (если не считать нескольких предпринятых им путешествий) в Великой Моравии, где в то время правил племянник Ростислава Святополк. И хотя в последние годы своей жизни Мефодий занимал почетный сан архиепископа, а его влияние распространялось за пределы Моравского княжества, ему приходилось все же много бороться с „немецкой партией“, т. е. с немецким духовенством и его сторонниками. Пока он жил в Великой Моравии, богослужение совершалось на славянском языке, однако евангелие нужно было читать сначала на латинском и только потом уже на славянском языке.

Отношение папского престола к употреблению славянского языка в церкви и к Мефодию было не всегда одинаковым. Здесь многое осталось неясным; по отдельным деталям вопроса существуют различные мнения.

В 885 г. Мефодий скончался; вскоре после этого его ученики были изгнаны из Моравии, и славянский язык перестали считать общепризнанным церковным языком и употребляют в богослужении. Как повествует Житие (гл. 15), в последний период своей жизни Мефодий вместе с двумя священниками-„борзописцами“ за шесть месяцев, с марта до 26 октября¹, перевел с греческого на славянский всю библию, кроме книги Маккавеев, а также номоканон (немоканонъ рѣкъше закону правнао) и патерик (оѣхскимъ книги), тогда как раньше вместе с Кириллом им были переведены только псалтырь, евангелие с апостолом и некоторые избранные части богослужения (изъбранныя службу чръкъвьныя).

¹ Число месяцев в Житии указано неправильно; эта ошибка находит объяснение в том случае, если для Жития Мефодия принять оригинал, написанный глаголицей, так как буква *z*, имеющая в кириллице числовое значение 6, означает в глаголице 8 (Ϸ). См. Rešetar, „JA“, XXXIV, 234 и сл.; Nahligal, Razprave, I, 145 и сл., список.

ЛИТЕРАТУРА:

Так как история славянских апостолов относится больше к истории литературы и религии, чем к истории языка, из старой литературы мы упомянем здесь только: В. Ягич, *Вопрос о Кирилле и Мефодии в славянской филологии*, СПб., 1885 (резюме о предшествующей литературе по этому вопросу), и далее две книги, содержащие перечень последующей литературы и резюме: V. Jagić, *Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache*, изд. 2, Berlin, 1913 (изд. 1, Denkschr., XLVII, Wien, 1900). — F. Pastrnek, *Dějiny slovanských apoštolů Cyrilla a Methoda s rozбором a otiskem hlavních pramenů*, Praha, 1902. — Из новейшей литературы А. Brückner, *Die Wahrheit über die Slavenapostel*, Tübingen, 1913 (указ. лит. 2—4). — J. Vajs, *Die kroat.-glagolitischen Breviere und das Offizium der abendländischen Kirche vom VI.—X. Jahrh.*, „JA“, XXXIV, 483—496. — В Ламанский, *Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник*, Критические заметки, Петроград, 1915 (послесловие Н. Ястребова, редактора данного издания; главы 34—36 были опубликованы в „ЖМНП“ в 1903—1904 г.). — Н. von Schubert, *Die sogenannten Slavenapostel Constantin und Methodius. Ein grundlegendes Kapitel aus den Beziehungen Deutschlands zum Südosten*, Heidelberg, 1916 (основополагающая работа по вопросу об отношении Германии к юго-востоку); *Geschichte der christlichen Kirche im Frühmittelalter*, Tübingen, 1921, 510—524. — М. Поппуженко, *Славяне и Византия*, „Визант. временник“, XXII, 253—280 (в связи с книгой Ф. Успенского, *История Византийского государства*). — F. Snorek, *Die Slavenapostel. Kritische Studien*, см. также возражение моим рецензентам, *Kremsier*, 1918. — В. Ягич, *Константин (ирил) и Методие*, „Братство“, XVI, 27, книга Друштва св. Саве, Белград, 1921. — С. Кульбакин, *ирило и Методије и њихова делатност*, „Просветни Гласник“, I, 1922, 11—19, 79—87. — F. Grives, *Pravovernost sv. Cirila in Metoda*, *Bogoslovni Vestnik*, I, Ljubljana, 1920—1921, 1—43; *Viri Ciril-Metodove teologije*, „Slavia“, II, 44—60 (о том же — А. Михайлов, „Изв.“, XXX, 444—455); *Slovanska apostola Sv. Ciril in Metod*, Ljubljana, 1927. — В. Сл. Киселков, *Славянские просветители Кирил и Методий. Живот и дейност*, София, 1923. — П. Лавров, *Кирилло-Мефодиевские вопросы в трудах Ягича*, „Изв.“, XXVII, 375—393. — F. Dvornik, *Les Slaves, Byzance et Rome au IXe siècle*, Paris, 1926 (о том же — П. Лавров, „Изв.“, I, 1928, 255—292). — Ф. Успенский, *История византийской империи*, II, 1, Ленинград, 1927. — V. Pogorĕlov, *O národnosti apoštolov Slavjanstva*, Bratislava, I, 1927, 183—193; о том же: F. Grives, указ. соч., I, 510 и сл.; J. Vajs, указ. соч., II, 1928, 231 и сл.; Л. Милетич, „Мак. прег.“, III, 3, 120—123. — И. Огиенко, *Костянтин та Мефодій, їх життя та діяльність*, *Історично-літературна монографія*, Варшава, 1927—1928. — Н. Никольский, *К вопросу о сочинениях, приписываемых Кириллу-философу*, „Изв.“, I, 1928, 399—457. — П. Лавров, *Кирило та Мефодій в давньо-слов'янському письменстві*, Київ, 1929.

Публикация источников [старославянских — обычным (нормализованным) языком]: см. Пастернак, там же, 154 и сл.; подробное описание этих памятников — указ. соч., стр. 4 и сл.; краткий обзор у А. Лескина, *Грамматика*, XIII и сл.

[П. А. Лавров, Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности, Ленинград, 1930. — Г. А. Ильинский, Опыт систематической Кирило-Мефодиевской библиографии, София, 1934. — М. Попруженко — С. Романски, Кирило-мефодиевска библиография за 1934 до 1940 год, София, 1942. — N. Dugnov, Sur le problème du vieux slave, Travaux du Cercle linguistique de Prague, I, 139—145. — Н. Дурново, Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов, „Byzantinoslavica“, I, 48—85; Еще о происхождении старославянского языка и письма, III, 68—78. — Г. А. Ильинский, Где, когда, кем и с какой целью глаголица была заменена „кириллицей“?, „Byzantinoslavica“, III, 79 и сл. — J. Vajs, Rukovět' hlaholské paleografie, Uvedení do knižního písma hlaholského, Praha, 1932. — M. Weingart, Analyse philologique des légendes slaves de Constantin et de Méthode, София, 1935. — M. Weingart, Přehledy ke dnešnímu stavu bádání o jazyce a písemnictví církevněslovanském, „Byzantinoslavica“, V, 417—468; Z nové literatury o otázkách cyrilo-methodějských, VI, 328—339. — J. Ham, Postanak glagoliskoga písma v svijetlu paleografie, Nastavni Vjesnik, Zagreb, XLVI. — Е. Георгиев, Две произведения на с. Кирила. Към въпроса за книжовната дейност на славянския първоучител, София, 1938. — Е. Georgiev, Die italienische Legende, София, 1939. — Б. Геров, Към въпроса за народността на Кирил и Методий, „Slavia“, XVII, 38—53. — J. Stanislav, Slovianska liturgia na Slovensku a sidlo Metodovo a Gorazdovo, „Historica Slovaca“, I—II. — N. van Wijk, Zur Rekonstruktion des Urtextes der altkirchenslavischen Vita Constantini, „Zschr.“, 17, 268—284. — Е. Георгиев, Начало на славянската писменост в България, Старобългарски азбуки, София, 1942. — J. Stanislav, Slovanskí apoštoli Cyril a Metod a ich činnosť vo Veľ'komoravskej riši, Bratislava, 1945. — М. Małeckі, Czy św. Cyryl i Metody byli Grekami czy Słowianami? сб. К. Нитшу, Inter arma, Kraków, 1946, 51—57. — J. Stanislav, Znova o účinkovaní Cyrila a Metoda na Slovensku, Jazykovedný sborník, I—II, 178—193. — М. Małeckі, Najstarszy literacki język słowian, Kraków, 1947. — Н. С. Чаев, Л. В. Черепнин, Русская палеография, М., 1946. — П. Я. Черных, Происхождение русского литературного азбуки и письма, М., 1950. — Е. Георгиев, Славянская письменность до Кирилла и Мефодия, София, 1952.]¹

§ 2. Древнейший старославянский язык и первые старославянские тексты

Из предшествующего изложения видно, что старославянский язык — это письменный язык, который на протяжении всего периода своего употребления, несмотря на диалектную окраску всех сохранившихся памятников, никогда не был народно-разговорным языком. Жития, рису-

¹ Литература, приведенная в квадратных скобках и дополняющая библиографию автора, составлена редактором настоящего издания — Прим. изд.

ющие картину возникновения древнейших текстов, свидетельствуют о том, что славянские тексты, употреблявшиеся при богослужении — сначала в Моравии и Паннонии, — были не чехословацкими и не словенскими, а болгарскими, так как древнейший старославянский текст — недельное евангелие — был переведен Константином на славянский язык еще до отъезда его в Моравию. Несмотря на это, некоторые более ранние исследователи и даже Ф. Миклошич (ум. в 1891 г.) считали старославянский язык языком Паннонии; отсюда часто употреблявшееся, ныне уже не принятое, название „древнесловенский“ язык.

В настоящее время это мнение отвергнуто полностью. Процесс исследования вопроса о происхождении старославянского языка и борьбу мнений описывает Ягич в своей „Истории возникновения старославянского языка“.

О том, что в основе старославянского языка лежит одно из болгарских наречий, свидетельствует более убедительно сам язык, чем данные житий. Важнейшими аргументами при этом оказываются сочетания št, žd (шт, жд) на месте праславянских tj, kt, dj и „якающее“ произношение ё (ѣ); последнее явствует из применения одного и того же глаголического значка (▲) на месте праславянских е и ja, 'а; именно этими двумя фонетическими особенностями болгарский язык и отличается от остальных славянских языков.

Фрейзингенские отрывки содержат древнесловенский текст, написанный приблизительно в одно время с древнейшими, известными нам старославянскими кодексами. Несмотря на отчетливые следы старославянского влияния¹ как в языке, так и в содержании, их текст являет собой отклонение от старославянского языка. Язык этого памятника близок современному словенскому языку, о чем свидетельствует как его лексика, так и трактовка tj, kt, dj и ё, а также некоторых иных звуков и фонетических групп.

Из других особенностей старославянского языка, которые рассматривает Ягич во втором издании своей „Истории возникновения церковнославянского языка“, стр. 273—281, как специально болгарские, следующие три имеют наи-

¹ Фонетические церковнославянизмы, принятые Ягичем и Вондраком, были отвергнуты Нахтигалем, Шкрабцем и Рамовшем („Slavia“, I, 117 и сл.); однако остаются еще лексические заимствования.

большее значение: 1) различие ь и ѣ, которые во многих текстах в сильном положении выступают как е и ѣ (в Фрейзингенских отрывках — е, і для обоих редуцированных); 2) полные формы склонения на -аго, -аго; -оуоуоу, -оуоуоу и т. д. (в Фрейзингенских отрывках — -ега, -ети); 3) дательный принадлежности.

Прочие особенности: s (dz) в словах типа ѕѣло, ѕвѣзда наряду с заменявшим его позже z; условное наклонение ѡмь-ѡѡ; аористы типа ѡдѣ, ѡсѣ, рѣхѣ; глаголический знак М (в транскр. ѣ) — могут также указывать на болгарский язык. Однако невозможно было бы доказать, что первые три из этих особенностей не могли возникнуть в той области, где был распространен древнесловенский язык, а значок М мог быть создан каким-либо славянином-неболгарин для передачи гр. γ перед палатальными звуками.

Так как старославянский язык был по существу болгарским языком, то его можно называть также и древнеболгарским. Хотя это понятие включает в себя и народно-разговорный язык, оно не является двусмысленным, поскольку о древнем народном языке мы почти ничего не знаем. Нам известны лишь некоторые сведения о нем, почерпнутые из старославянских источников¹. Название „древнецерковнославянский“ (= старославянский) все же правильнее, так как его можно применять к текстам и не чисто болгарским, каковыми являются, например, Киевские листки; в тех случаях, когда речь идет о позднейшем периоде, когда наряду с болгаро-церковнославянскими (среднеболгарскими) существуют тексты русско-церковнославянские, сербо-церковнославянские и хорватско-церковнославянские, мы должны употреблять только термин „церковнославянский“, а не древнецерковнославянский (= старославянский).

Точное определение родины древнейшего старославянского языка невозможно. Вместе с Облаком можно считать, что родиной его был диалект македонского села Сухо (на северо-востоке от Солоник), где 'а, ја и е совпадают в одном звуке ѣ (ср. употребление одного и того же гла-

¹ Й. Иванов („Български старини“, 20) в качестве единственных памятников живого языка X в. отмечает запись 980 г. на торговой грамоте Зографского монастыря, кириллическую надпись царя Самуила 993 г. и надпись из нескольких слов 996 г. в с. Варош.

голического знака *а* для передачи указанных двух звуков). Но это еще не есть решение вопроса о родине языка: такие диалекты, как диалект села Сухо, могли быть и в западной части Македонии; то же можно сказать и о восточных говорах (например, об Ахырчелебийском говоре), где *е*, *ја* и *'а* также произносятся одинаково. Происхождение славянских первоучителей из Солоник дает возможность предположить, что в основу литературного языка ими было взято одно из наречий, на котором говорили в окрестностях этого города. Цонев пытался доказать, что лексический состав древнейших старославянских памятников точнее всего отражается в современных македонских говорах, главным образом на юге. Однако его попытка не дала положительных результатов, поскольку такие древние слова, как *ваини*, *въинти*, *стеръ*, *жль*, *подъпъга*, *въсьпати*, *хлпати*, не обнаружены в современных диалектах.

В своем древнейшем виде старославянский язык нигде не представлен. Все имеющиеся в нашем распоряжении старославянские тексты представляют более поздние особенности болгарских диалектов X и XI вв., за исключением тех памятников, которые отражают чехизмы, свидетельствующие о чехословацком происхождении этих текстов (Киевские листки, Пражские глаголические отрывки).

Для истории старославянского языка чрезвычайно важна проблема моравизмов и паннонизмов, имеющих как грамматический, так и лексический характер. В древнейших текстах, однако, вряд ли были отклонения от болгарского языка, за исключением случаев, связанных с книжным характером старославянского языка. Само собой разумеется, что тексты, переведенные еще до путешествия в Моравию или выполненные на моравско-паннонской почве, но без активного участия местных влияний, скорее всего должны быть написаны на чисто болгарском языке. Изучение самих текстов подтверждает это.

Какие тексты восходят к моравско-паннонскому периоду? Из Жития Кирилла видно, что недельное евангелие или часть его переведено до путешествия в Моравию. Четверо-евангелие, которое по языку почти не отклоняется от недельного евангелия, относится, по всей вероятности, к древнейшим переводам моравского периода. Апостол, т. е. деяния апостолов и послания, также возник в это время.

Избранные для чтения при богослужении места из апостола относятся к полному его переводу, как недельное евангелие относится к четвероевангелию. Перевод псалмов, находящихся в Синайской, Болонской и Погодинской псалтырях, а также их хорватско-глаголические редакции были сделаны в Моравии или в Паннонии. Некоторые отрывки из Синайского требника восходят, вероятно, также к этому периоду. Несомненно моравско-паннонского происхождения и паремийник, содержащий избранные отрывки для чтения при богослужении из книг Ветхого завета. Житие Мефодия рассказывает, что Мефодий предпринял перевод всей библии, за исключением книг Маккавейских; Экзарх Иоанн (см. § 4) также слышал о переводе Мефодием шестидесяти канонических книг.

Действительно, обнаружены полные переводы и других книг, кроме евангелия, апостола и псалтыри; эти переводы можно рассматривать как продолжение работы над паремийником, а не как переводы Симеоновского кружка (см. § 4), что относится в первую очередь к книгам пророков. Однако в указанных библейских текстах имеются довольно большие пропуски; так, например, совершенно невозможно доказать принадлежность к эпохе Мефодия перевода книги Бытия.

Хорваты-глаголиты, получившие свои самые древние тексты непосредственно из Моравии или Паннонии, из книг Ветхого завета имеют только паремийник. В последнее время многие склоняются к тому мнению, что замечание о переводе в Житии Мефодия правильно; в этом случае придется допустить, что часть перевода библии утрачена.

Согласно Житию, Мефодий перевел также патерик и номоканон. Какой именно патерик, точно не установлено. А. И. Соболевский предполагал, что следует иметь в виду римский патерик Григория Великого (так наз. Григория Двоеслова); номоканон Мефодия обычно видят в состоящем из пятидесяти глав *tažicъ tōu kаubъwъ* Иоанна Схоластика. Любопытно, что приложением к номоканону служит маленький трактат о примате римской церкви, который, совершенно очевидно, был переведен не с греческого. Этот трактат позволяет думать о близкой связи Мефодия с римской церковью и ее ритуалом, о чем также можно предполагать и на основании других данных (V a j s, „JA“, XXXIV, 483 и сл.).

Невозможно установить, какие еще тексты, кроме вышеуказанных, возникли на моравско-паннонской почве. Вероятно, был и перевод чина литургии (миссала), но являются ли Киевские или Венские листки отрывками этого перевода, — мы не знаем. Если Житие Кирилла, как это многие думают, составлено Мефодием, то и оно моравского происхождения. Но при таких ненадежных данных в этом не может быть твердой уверенности.

Так как в „Энциклопедии славянской филологии“ специальный том посвящается глаголице и кириллице, мы не будем останавливаться на вопросах палеографии. Заметим только, что мы придерживаемся общепринятого мнения и считаем Кирилла изобретателем глаголицы, а в кириллице видим более позднюю азбуку.

ЛИТЕРАТУРА:

Относительно рассматриваемых здесь вопросов см. V. Jagić, *Entstehungsgeschichte*, изд. 2 (см. литературу к § 1).

Фрейзингенские отрывки V. Vondrák, *Frisinské památky, jich vznik a význam v slovanském písemnictví*, Praha, 1896 (лучшее издание). О датировке см. указ. выше (X или XI в.).— R. Nahtigal, *Vážnost latinského dela brižinského kodeksa in njegovih pripiskov za vprašanje o postanku in domovini slovenskih odlomkov* (*Freisingensia*, II), „*Čas. za slov. jez.*“, I, 1—63 (ок. 975).— I. Grafeпауер, *Kratka zgodovina slovenskega slovstva*, изд. 2, Ljubljana, 1920, 30 и сл.— M. Kos, *Paleografske in historične študije k freisinškim spomenikom*, „*Čas. za slov. jez.*“, IV, 1—37 (между 972 и 1022—1023: первый отрывок, возможно, более поздний); о том же: R. Nahtigal, „*Čas. za slov. jez.*“, IV, 171—184.— Ср. далее: P. J. Šafařík, *Über den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus*, Prag, 1858, 28.— V. Jagić, „*JA*“, I, 449 и сл.; XVIII, 598—601; XXVIII, 260 и сл.— V. Vondrák, „*JA*“, XVI, 118—132; *Studie*, 5—18, 45—66; „*JA*“, XXVIII, 256—260.— V. Oblak, „*JA*“, XVI, 163.— A. Соболевский, „РФВ“, XLIII, 176.— S. Škrabec, *Jezikoslovni spisi*, I, Ljubljana, 1916—1919, 145—150.— R. Nahtigal, *Freisingensia* I, II, „*Časopis za zgodovino in narodopisje*“, XII, Marburg, 1915, 1—12, 77—122.— E. Sievers, *Die altslawischen Verstehte von Kiew und Freising*, „*Berichte*“, LXXVI, Leipzig, 1924.

[J. Stanislav, *Doterajšie výskumy o Frisinských pamiatkach, „Byzantinoslavica“*, IV.— F. Ramovš, M. Kos, *Brižinski spomeniki*, Ljubljana, 1937 (факсимиле памятника с транскрипцией и словенским переводом).— A. V. Isačenko, *Jazyk a pôvod Frizinských pamiatok*, Bratislava, 1943.— K. Horálek, *K otázce jazyka a stylu Frisinských památek*, „*LF*“, 70, 241—246.— A. V. Isačenko, *Začiatky vzdelanosti vo Veľkomoravskej ríši*, *Jazykovedný zborník*, I—II, 158—165.— M. Weingart, *Ceskoslovenský typ cirkevnej slovančiny*, Bratislava, 1949.]

Родина старославянского языка: V. O b l a k, Über die Heimat des Alt-slovenischen, „JA“, XV, 363—370; XVII, 161; „Mac. Stud.“, 140.— B. Цепкин, Рассуждение, XXIV.— V. Jagić, у Л. Милетича, Rhodopemaa, VIII; Entst., изд. 2, 272 и сл., 280 и сл., 424.— Б. Цонев, Кон новобългарски говори стоят най-близу до старобългарски в лексикално отношение, „Списание“, XI, 1—32.— С. Кулбакин, О языку ѿрила и Методија, „Браство“, XX, Белград, 1925.

[M. Małeckі, O ojczyźnie języka starocerkiewnoślōwiańskiego, „Sprawozdania PAU“, XLVI, 1945, 35—36.]

Методиевские переводы библии: А. Михайлов, „РФВ“, LI, 143 и сл.; Опыт и др.— J. V a j s, Nejst. breviář, CVI и сл.; Bis zu welchem Maße bestätigen die kroatisch-glagolitischen Breviere die Annahme einer vollständigen Übersetzung der hl. Schrift durch den hl. Methodius, „JA“, XXXV, 12—18.— И. Евсеев, Дан., XV и сл., спец. XXVI.— V. Jagić, Entst., изд. 2, 81 и сл.— M. Rešetar, „JA“, XXXIV, 234 и сл.— M. Weingart, Bulh. a Čeř., 7, 23.

[B. Arnim, Beiträge zum Studium der altbulgarischen und altkirchenslavischen Wortbildung und Übersetzungskunst, Berlin, 1931.— J. V a j s, Byzantská recense a evangeliini kodexy staroslověnské, „Byzantinoslavica“, I, 1929, IV, 1932; K charakteristice nejstarších evang. rukopisů staroslověnských, V, 113 и сл.— J. V a j s, Kritické studie staroslověnského textu biblického. I — Evangelium Sv. Marka a jeho poměr k řecké předloze, Praha, 1927; III — Evangelium Sv. Matouše, 1935; IV — Evangelium Sv. Marka, Text rekonstruovaný, 1935; V — Evangelium Sv. Lukáše, 1936; VI — Evangelium Sv. Jana, 1936.— J. V a j s, Je-li staroslověnský překlad evangelií a žaltáře nějak závislý na Gotském překladu Vulfilově?, „Byzantinoslavica“, VIII, 145—171.— J. J a n k o, Měl-li Wu'filův gotský překlad bible vliv na překlad starocírkevněslovanský, „ČMF“, 28, 29—42, 121—134, 254—268.— K. H o r á l e k, Řecká předloha staroslověnského překladu evangelia, „Slovo a slovesnost“, 9, 218—220.— O lexikálním složení stsl. evangelií, „ČMF“, 29, 78—79; K otázce poměru stsl. evangelií a tetra, „ČMF“, 30, 102—105.— A. V a i l l a n t, Une homélie de Méthode, „Revue“, 23, 34—47; La préface de l'évangéliste vieux-slave, „Revue“, 24, 5—20.— K. H o r á l e k, Evangelií a čtvero evangelia. Příspěvky k textové kritice a k dějinám staroslověnského překladu evangelia, Praha, 1954.]

Патерик Мефодия: А. Соболевский, Мат. и иссл., 111.— V. Jagić, Entst., изд. 2, 84 и сл.— Н. Никольский, „Изв.“, I, 1928, 442—445 (Отеческие книги не были патериком).

[Несколько работ Ван-Вейка рассмотрены М. Вейнгартном в „Byzantinoslavica“, V, 460 и сл.]

Номоканон Мефодия: А. Павлов, Первоначальный славяно-русский номоканон, Казань, 1869.— А. Соболевский, Мат. и иссл., 140—153.— С. Бобчев, История на старобългарското право, София, 1910, 124—127; Съкратен учебник по историята на българското право, София, 1919, 43 и сл.; Св. Кирил и Методий и най-ранният старобългарски номоканон, София, 1923.— В. Златарски, Какви канонически книги и граждански закони Борис е получил от Византия, Летопис на българската Академия на науките, I, за година 1911, София, 1914, 79—116, спец. 108—110.— V. Jagić, Entst., изд. 2, 83 и сл.— H. F. S c h m i d, Die Nomokanonübersetzung des Methodius. Die Sprache der ksl. Übersetzung der Synagoge des Johannes Scholasticus, Leip-

zig, 1922; Neuere Beiträge zur Frage nach der ältesten ksl. Nomokanon-übersetzung, „Zschr.“, I, 198—210.— V. Benešević, „Slavia“, II, 135—138.— A. Brückner, „Literarisches Zentralblatt“, LXXIII, 971 и сл.— Th. Saturník, Příspěvky k šíření byzantského práva u Slovanů, Praha, 1922.

Славянское учение (схолия) о церковном примате: А. Павлов, Анонимная греческая статья о преимуществах Константинопольского патриаршего престола и древнеславянский перевод ее с двумя важными дополнениями, „Визант. временник“, IV, 1897, 143—154.— В. Бенешевич, Синагога в 50 титулах и другие юридические сборники Иоанна Схоластика, СПб., 1914 и др.— Fr. Grivec, Cerkevno prvenstvo i edinstvo po bizantinskem pojmovanju. Doctrina Byzantina de primatu et unitate ecclesiae, Ljubljana, 1921, 81—98.

§ 3. Дальнейшая судьба церковнославянского языка в чехословацкой, словенской и хорватской областях

После смерти Мефодия церковнославянская письменность развивалась дальше главным образом на болгарской почве; кроме того, она существовала еще некоторое время в Чехии, а вывезенная из Моравии и Паннонии глаголица продолжает употребляться и в наши дни в северных частях Адриатики. Однако в Моравии (которая вскоре перестала существовать как самостоятельное княжество) и в Паннонии неофициальное употребление славянского церковного языка не прекратилось полностью после 885 или 886 г. И хотя отчетливо выступающее в Фрейзингенских отрывках (см. § 2) церковнославянское влияние и не указывает непосредственно на продолжение церковнославянской традиции в Паннонии до X в., однако оно позволяет предположить ее наличие.

Распространение как в Хорватии, так и в Болгарии (а затем и в России) Жития св. Вацлава — церковнославянского памятника, возникшего на чешской почве в X в., свидетельствует о непосредственной связи Богемии с югом и косвенно о существовании сторонников церковнославянской традиции в этих областях.

Хорватская глаголица в средние века была в употреблении в северной Далмации, на хорватском побережье, включая Лику и Крбаву, до р. Купы, а также в Истрии и на островах Крк, Црес, Лошинь, Раб и т. д. до Задара. Южнее — только местами. Указанное географическое положение, а также кирилло-мефодиевский характер древнейших частей хорватской глаголической церковной лите-

ратуры свидетельствуют о северном происхождении этой глаголицы. Связи с югом, находившимся под влиянием Македонии, которые выявляются из отрывков Гршковичева и Михановичева апостола (XII в.), являются более поздними, чем связи с севером, о которых свидетельствуют Венские листки (XII в.), содержащие отрывки литургических текстов такого же рода, что и Киевские листки. Четвертый хорватско-глаголический текст того же периода — это листки из Башки, содержащие евангельский текст Матфея, 26, 37—43.

Точные исторические данные о более ранней хорватской глаголице отсутствуют; возможно, что глаголица эта восходит к периоду пребывания славянских первоучителей у Коцела и в Венеции, но ни в коем случае нельзя сомневаться в непосредственной связи ее с моравской и паннонской деятельностью Кирилла и Мефодия.

О дальнейшем существовании церковнославянского языка в Богемии у нас есть некоторые исторические сведения: св. Вацлав (Вячеслав, ум. в 929 г.), как сообщает его славянское житие, в юности изучал славянскую письменность; при основании Пражского епископства папой Иоанном XIII (965—972) в грамоте последнего, несомненно подложной, упоминается славянский церковный язык, который не допускается к употреблению; в XI в. в чешском монастыре на Сазаве совершается богослужение на славянском языке. Кроме того, в Киевских листках и в Пражских отрывках мы имеем тексты с несомненными чехизмами.

Киевские листки, отрывки миссала по римскому обряду, с палеографической точки зрения являются, может быть, древнейшим старославянским памятником (самое позднее — начало XI в.). В грамматическом отношении этот памятник сохранил очень древние черты старославянского языка, но в нем регулярно встречаются некоторые чехизмы (ч , $\text{з} < \text{tj}$, kt , dj ; $\text{шч} < \text{stj}$ и палатального $-\text{sk}-$; твор. п. ед. ч. на $-\text{ъмь}$), а также лексические моравизмы. На основании этого памятника можно говорить о моравской редакции старославянского языка. Пражские отрывки, состоящие из отрывков церковной службы по восточному обряду, содержат многочисленные, но менее последовательно проявляющиеся чехизмы. Любопытно, что эти два текста на месте $\text{d}\dot{\text{i}}$ (древнеболгарское ѡд) имеют з (т. е. z), как и в чешском языке,

а не dz, как в современном словацком языке; этот моравизм z выступает несколько раз также в других чисто болгарских кодексах. Отсюда возникают вопросы, на которые нельзя ответить с полной уверенностью: случайно ли рядом с чешским z не представлено и словацкое dz < dĭ в старославянских кодексах? Произносили ли z в IX и X вв. на востоке от Моравы? Располагался ли древнейший центр старославянской письменности к западу от р. Моравы? Какие формы употреблялись в Моравии — только ли болгарские; верно ли, что чехизмы вошли в язык лишь в более поздний период?¹

Некоторые церковнославянские тексты, включенные в более поздние, в грамматическом отношении уже не старославянские памятники, как свидетельствует их лексический состав, возникли на чехословацкой почве. Яснее всего это проявляется в Житии св. Вацлава, представленном в русских и хорватско-глаголических кодексах. А. И. Соболевский считает текстами моравского происхождения также церковнославянские речи Григория Великого (Григория Двоеслова), Житие св. Бенедикта, евангелие Никодима, библейские книги Царств (I и II) и некоторые другие тексты.

Ягич, однако, указывает на невозможность отграничения (из числа моравских текстов) текстов, возникших на чехословацкой почве, от текстов словенских и хорватских.

Несомненно, более правильно включать тексты с так наз. „северо-западными“ словами и выражениями в чехословацко-словенско-хорватскую группу и быть очень осторожными при определении их родины. Даже относительно Киевских листков можно предположить, что они только были переписаны на территории Чехословакии, но содержат текст южного происхождения.

Наличие чехо-словацко-словенско-хорватской группы подтверждает тот факт, что после 885 г. славянский церковный язык не прекратил своего существования в Богемии. Следует обратить внимание и на молитву к исповеди немецкого происхождения, встречающуюся как в Фрейзингенских отрывках, так и в Синайском требнике, а также на латинское происхождение эпитимий в Требнике 102a—105b.

¹ Против этой последней гипотезы можно привести звуковые моравизмы в древнеболгарских рукописях южного происхождения.

ЛИТЕРАТУРА:

Происхождение хорватской глаголицы: P. J. Šafařík, Über den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus, Prag, 1858, 13.—L. Geitler, Die albanesischen und slavischen Schriften, Wien, 1883, 155 (о южном происхождении).—А. Михайлов, „РФВ“, LI, 2—5.—V. Jagić, Entst., изд. 2, 247 и B. Vodnik, Povijest hrvatske književnosti, I, Agram (Zagreb), 1913, 10 и сл., 18, 23 и сл.

Древнейшие хорватско-глаголические памятники: В. Ягич, Графика, 137—145. Об отдельных памятниках: Венские листки. V. Jagić, Glagolitica, Wien, 1890.—Башский отрывок: J. Vajs, Nejst. breviář, VII, 21 и сл.—Отрывок Михановича: V. Jagić, Gradja za glagolsku paleografiju, II, 1—35.—Отрывок Гршковица: V. Jagić, Grškovičev odlomak glagolskog apostola, „Starine“, XXVI, 33—110.

Фрейзингенские отрывки: см. литературу к § 2.

Церковнославянский язык в Богемии: W. Wattenbach, Die slavische Liturgie in Böhmen und die altrussische Legende vom h. Wenzel, Breslau, 1857.—W. Vondrák, Zur Würdigung der altslovenischen Wenzelslegende und der Legende vom heil. Prokop., „S.-B.“, CXXVII, 13, Wien, 1892; Die Spuren der aksl. Evangelienübersetzung in der altböhmischen Literatur, „S.-B.“, CXXIX, 10, Wien, 1893 (о том же V. Flajšhans, „LF“, XXI, 372—378); Nový text hláholský csl. legendy o sv. Václavu, „ČCM“, 1903, 145—162, 435—448; O původu Kijevských listů a pražských zlomků a o bohémismech v starších církevněslovanských památkách vůbec, Praha, 1904.—V. Oblak, Zur Provenienz der Kijewer und Prager Fragmente, „JA“, XVIII, 106—112.—V. Jagić, Entst., изд. 2, 100—109.—F. Pastrnek, Dějiny, 136—143.

Славянское Житие Вацлава: F. Pastrnek, Slovanská legenda o sv. Václavu, „Věstn. č. spol. nauk“, 1903, VI (резюме о прежних исследованиях). О позднейшей литературе: V. Jagić, Entst., изд. 2, 102 и сл.—О Киевских и Пражских листках см. § 6.—Остальные церковнославянские тексты — западного происхождения: А. Соболевский, Церковнославянские тексты моравского происхождения, „РФВ“, XLIII, 150—217; К хронологии древнейших церковнославянских памятников, „Изв.“, XI, 2, 1—19; Мат. и исслед., 36—91 (частично совпадает с двумя предшествующими работами)¹; из названных в первый раз: V. Jagić, „JA“, XXIV, 263—268; Г. Ильинский, „Изв.“, V, 1383—1386. О чешско-словенско-хорватском церковнославянском языке см. у В. Вондрака: O původu и др.; у В. Ягича: Kirchenslavisch-böhm. Glossen saec., XI—XII, Denkschr., L, 2, Wien, 1904.—W. Vondrák, Althochdeutsche Beichtformeln im Aksl. und in den Freis. Denkmälern, „JA“, XVI, 118—132; Введение к изданию Фрейзингенских отрывков. Studie, 23—66; Zachodnio-europejskie postanowienia pokutne w języku cerk.-słow., „Rozpr. fil.“, XL, 1—67.

[K. Horálek, Rajhradské Martyrologium Adonis a otázka české cyrilice, „LF“, 66, 23—43, а также работы М. Вейнгарта, А. Исаченко, Я. Станислава, упомянутые в дополнениях к § 1.]

¹ См. также „Изв.“, X, 4, 66—78 (несколько редких молитв из русского сборника XIII в.) и XI, 4, 401—403 (два слова о древних церковнославянских переводах с латинского).

§ 4. Болгарский период старославянского языка

Возможно, хотя это и не доказано, что и до смерти Мефодия старославянский язык уже употреблялся в Болгарии, князь которой Борис-Михаил после некоторых колебаний между Римом и Византией решил наконец примкнуть к греческой церкви (870 г.). После смерти Мефодия церковнославянская письменность очень интенсивно развивалась на болгарской почве (на территории современных Болгарии, Македонии и отчасти в некоторых областях Албании) и отсюда была перенесена в Россию и в Сербию.

Изгнанные из Великой Моравии ученики Мефодия разными путями попадали на юг. Славянское Житие Наума рассказывает, что некоторые из них были привезены в качестве рабов в Венецию; их выкупил один крупный императорский чиновник из Константинополя и взял с собою в Византию, где их судьбой заинтересовался император Василий (ум. в 886 г.). Затем они были восстановлены в духовном звании; одни из них остались в Византии, другие отправились в Болгарию. Как рассказывает пространное Житие Климента, другим путем попали в Болгарию Климент, Наум и Ангеляр. Во время своего бегства они нашли на некоторое время пристанище в Белграде у начальника местного гарнизона, который, дав им отдохнуть, направил их в Преслав, резиденцию болгарского князя Бориса-Михаила. Ангеляр вскоре после этого умер. О дальнейшей судьбе Климента и Наума рассказывают нам два греческих жития и славянское Житие Наума. О Горазде, которого Мефодий назначил своим преемником, и о других учениках Мефодия сведения прекращаются с начала преследований их в Моравии.

Через некоторое время, а именно в 886 г., Климент получил от князя поручение выехать в качестве учителя в область Кутмичиница (Κουτμικινίτζα); однако возможно и более длительное пребывание Климента в Преславе. Область Кутмичиница включала г. Охрид и простиралась главным образом на запад, вдаваясь в современную Албанию. В годы 889—893 царствовал старший сын Бориса Владимир; с 893 г., с вступлением на престол Симеона, младшего брата Владимира, начинается блестящий период первого болгарского царства. Симеон (893—927) содейст-

вовал назначению Климента в епископы Δρεμβίτζας (или Δρεθενίτζας) ἤτοι Βελίτζας, — καὶ οὕτω δὴ Βουλγάρῳ γλώττῃ πρῶτος ἐπίσκοπος ὁ Κλήμης καθίσταται (Пространное житие, XX). По вопросу о значении этих слов (δὴ Βουλγάρῳ γλώττῃ — болгарскому народу? болгарского происхождения? болгарского языка?) единого мнения не существует; несомненно одно: в первой половине данного периода крупнейшим продолжателем дела Мефодия и главным представителем церковнославянской письменности был Климент. Когда Климент стал епископом, Наум взял на себя его миссионерские обязанности; возможно, до этого времени (893 или 894 г.) Наум находился в Преславе, где он склонял будущего епископа Константина к литературной деятельности. Наум умер в 910 г., Климент — в 916 г.

Епископство Климента находилось, вероятно, восточнее Кутмичиницы, Баласчев полагал — и Ягич в свое время это подчеркивал, — что в названии Βελίτζα, которое встречается в житии (в другом источнике род. п. Βελίχας; в Ассеманиевом евангелии и в заглавиях некоторых проповедей Климент называется епископом Величьским — епископъ величъскы), скрывается македонское название реки Велика. Златарский также относит эту область к Македонии: название Βελίτζα он трактует как Белица (Вьлиця)¹ (так называется одно село южнее Кичева), а во втором имени он предполагает славянское *Дребица*. Это слово он связывает с названием Δεϋρίτζη, Δεϋρίτζα, упоминаемым в других источниках, а также с современным *Дебриште*, *Дебриште*, к северо-западу от Прилепа. В сферу церковного правления Климента, по мнению Златарского, входили южная часть епархии г. Скопле, северная часть Битольской (Монастир) и северо-восточная часть Охридской епархии. Златарский приводит в этой связи не менее пяти различных гипотез прежних исследователей.

Климент занимался также литературным трудом. Он присовокупил к церковнославянским текстам, восходящим к моравско-паннонскому периоду, и другие тексты, а именно (Пространное житие, XXII): простые и ясные проповеди

¹ Предположение, что славянское *величъскы* было образовано в соответствии с греческим названием в то время, когда действительное славянское имя данной епархии было забыто, представляется маловероятным.

на все годовые праздники, в которых говорилось о сущности праздников, посвященных Христу (τῶν τε χριστοῦ καὶ ἐπὶ χριστῷ τελομένων ἐργῶν), похвальные слова на все богородичные праздники и рассказы о чудесах богородицы, похвальные слова в честь Иоанна Крестителя и обретения его главы, жизнеописания пророков и апостолов, проповеди о мучениках и святых отцах, церковные песнопения в честь богородицы и многих святых; незадолго до своей смерти он присоединил к триоди (сборник церковных песнопений) недостающую ей еще часть от пасхи до троицына дня (так называемая триодъ цвѣтныя). Кое-что из литературного наследия Климента известно нам по среднеболгарской, русской и сербской редакциям памятников и издано Лавровым (из наследства Ундольского) и другими. Однако часто нелегко определить автора этих произведений. В кодексах некоторые из них приписываются самому Клименту и представляют собой исходную точку для исследования других текстов, которые по своему языку, или стилю, или по своему образу мыслей напоминают эти произведения. Особенно далеко пошел В. Вондрак, приписывая Клименту не только молитвы к исповеди в Синайском требнике, но даже большую часть Требника, а также оба паннонские жития. Эти гипотезы, однако, вызывают сомнение, поскольку следует предполагать, что язык учеников Мефодия был весьма единообразным. При правильном применении звуко-аналитического метода разбор звуковых особенностей этих произведений дал бы больше, чем исследование их речевых и стилистических признаков. Прекрасную иллюстрацию того, какие трудности связаны с постановкой указанных проблем, дают разнообразные взгляды на так называемые паннонские жития: одни считают их переводами с греческого (например, Лескин), другие — исконно церковнославянскими, приписывая оба жития Клименту (Лавров, Вондрак), и, наконец, некоторые думают, что автором Жития Кирилла является Мефодий, а Жития Мефодия — Климент (Пастрнек, Мурко, Вейнгарт). Кроме того, ряд исследователей приписывает Клименту похвальные слова, адресованные не только Кириллу, но и Кириллу и Мефодию. Во всяком случае, все эти тексты относятся к древнейшему достоянию старославянского языка, как и древнее церковнославянское Житие Наума.

Известный трактат „О писменехъ уръноризца Храбра“, входящий, вероятно, к глаголическому оригиналу, возник скорее всего в древнейший македонский период церковнославянского языка. Вейнгарт предполагает, что автором его был Наум; но так как мы не знаем никаких произведений Наума, это предположение остается необоснованным. Обычно считают, что автор трактата называет себя Храбром; Ильинский, однако, предполагает, что автор, в котором он видит Иоанна Экзарха, не назван, а заглавие следует читать „О буквах монаха Храбра“; этот Храбр, по его мнению, не кто другой, как Константин. Напоминает ли язык и стиль действительные произведения Экзарха — этого Ильинский не исследовал. Златарский предполагает, что Храбр — это сам царь Симеон.

К древнейшим церковнославянским текстам, возникшим на юге, относится, повидимому, также болгарская книга законов — *Законъ сѣданы людемъ*. Перевод второго номоканона Синтагмы (*Σύνταγμα*; в 14 главах) можно также отнести к IX в.

В первые годы болгарского периода старославянского языка центр древнеболгарской письменности находился на западе, главным образом в Македонии; эти традиции сохранялись там и позже: многие древнеболгарские кодексы, написанные в XI в. глаголицей, имеют западноболгарские черты, как и весьма многочисленные среднеболгарские кириллические памятники. Около 900 г., в царствование Симеона, на востоке образовался новый центр. Симеон усиленно склонял своих подданных к духовной деятельности; в Преславе, в царской резиденции и в центре тогдашней болгарской культуры, возникла новая литературная школа, имевшая резко выраженные особенности. Однако нельзя противопоставлять восток и запад друг другу, так как между ними было много различных взаимоотношений и взаимовлияний, а между отдельными говорами не существовало резких границ. О некоторых текстах трудно сказать, какого они происхождения: западного или восточного.

Симеон сам переводил или скорее заставил перевести сборник из творений Иоанна Златоуста, известный под названием „Златоуструй“. По его инициативе появился также сборник, именуемый „Изборникъ Святославов“, 1073 г., содержание которого составляет главным образом *Ἐρωτή-*

σεις καὶ ἀποκρίσεις (вопросы и ответы) Анастасия Синайского.

Наиболее известной личностью в литературном кружке Преслава был Иоанн Экзарх (экзарх — в то время „благочинный“). К важнейшим его произведениям относятся: 1) так наз. „Богословие“ или „Слово о правой вере“, перевод одной части „Ἐκδοσις ἀκριβὴς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως“ („Точное изложение православной веры“) Иоанна Дамаскина (ч. III — Περὶ τῆς γνώσεως — Источник познания); 2) „Шестоднев“ — богословско-философское объяснение творения мира, основанное на греческих источниках и также представляющее в большей своей части перевод. Кроме того, Иоанн Экзарх занимался составлением проповедей. В его переводах много ошибок; но, несмотря на это, они очень интересны не только по языку, но и по своему стилю.

К кружку Симеона принадлежал также пресвитер Григорий, который перевел „Восьмикнижие“ (5 книг Моисея, книги Иисуса, Судей и Руфи); именно так можно понять замечание в одной компилятивной рукописи XIII в. о том, что Григорий перевел книги Ветхого завета, образы которого содержатся в Новом завете.

Третьим современником Симеона был священник, а затем епископ Константин. Его связь с преславским кружком была менее тесной. Возможно, что он лично знал Мефодия. По просьбе Наума он составил „Поучительное евангелие“ — собрание воскресных проповедей. Часть проповедей была переводом, а начало и конец — собственными произведениями Константина. Он переводил также речи Афанасия Александрийского против ариан. Кроме того, он проявил себя и как поэт, составив так называемую алфавитную молитву с акrostихом из букв славянской азбуки. Он пользовался при этом, следуя греческим образцам, шестистопным ямбом, который по-гречески называется στυχὶ πολιτικῇ (гражданские стихи). Существует много церковнославянских стихотворных произведений такого рода. Одно из них, пролог (прогласъ) к славянскому четвероевангелию, некоторыми исследователями приписывается также Константину.

Само собой разумеется, что в период расцвета старославянской письменности в восточной Болгарии очень часто переписывались также и старые переводы библии,

причем переписчики вводили в них некоторые черты восточного наречия. Иногда возникали даже новые редакции. Однако высказанное Вейнгартром мнение, что якобы при содействии Симеона появился новый перевод всей библии, является большим преувеличением. Едва ли может идти речь о новом систематическом переводе евангелия, а также и апостола; следует учитывать, однако, возможность некоторых систематических нововведений (отчасти, вероятно, в связи с добавлением толкового перевода). Скорее всего можно говорить о новой редакции псалтыри и пророков, зависимой, однако, до некоторой степени от более старой редакции.

В то время как западноболгарское толкование псалтыри Исихия Иерусалимского просто присоединяется к неизменному старому переводу псалмов, текст псалтыри, происходящий из восточной Болгарии, к которому относится толкование Феодорита Кирского, значительно отступает от последнего. Для пророческих книг также можно указать новую восточноболгарскую редакцию; в основу ее положен не лукиановский текст, употреблявшийся в Константинополе, а текст александрийский, так наз. текст Исихия; эта редакция, в противоположность старому переводу, держала еще и толкование. Для пророческих книг Софонии, Аггея, Захарии и Малахии такой восточноболгарской редакции не существует. Относительно некоторых книг библии возможно предположение, что они были полностью переведены только в эпоху Симеона: это можно сказать о большей части Восьмикнижия (см. § 2).

Точное отграничение эпохи Симеона от последующего периода невозможно, и некоторые толкования или другие тексты могли возникнуть как до, так и после 927 г. Многие более новые „симеоновские“ варианты к старым текстам библии, вероятно, также только позднее были включены в тексты. Дошли же лишь немногие тексты, которые приписываются определенному автору или переводчику и таким образом могут быть хронологически определены.

Как указывает Мурко, с этого периода (протяжением более чем 150 лет) до нас дошли имена только трех писателей: 1) пресвитера Космы, написавшего трактат против богомилов; 2) некоего пресвитера Иоанна (XI в.), который перевел по заказу архиепископа Охридского Иоанна Жи-

тие Антония Великого, написанное Афанасием Александрийским, и Житие мученика Панкратия Тавроменийского; 3) Иллариона, епископа Мегленского, умершего в 1164 г.; он проповедовал против переселившихся в его епархию манихеев и армян. Илларион жил уже в среднеболгарскую эпоху. Правда, границу между древнеболгарской и среднеболгарской литературой точно установить невозможно. Что касается языка болгарских памятников, то достаточным критерием для этого является произношение носовых гласных (см. § 5). В истории литературы отсутствует также четкое различие между староболгарским и среднеболгарским периодом. Предположительно можно установить границу около 1100 г.; впрочем, для многих текстов невозможно даже приблизительная датировка.

Название „старославянский“ лучше оставить только за теми текстами, которые либо по языку являются старославянскими, либо по каким-либо другим признакам с уверенностью могут быть отнесены к IX, X или XI вв.; к последней группе относятся в первую очередь такие церковнославянские памятники русской редакции, происхождение которых без всякого сомнения или предположительно южнославянское; они представлены в древних списках (XI в. или начала XII в.).

Кроме библейских и литургических текстов, среди старославянских памятников мы находим:

в сборнике Клоца: отрывки гомилий и одну целую гомилию (проповедь);

в Супрасльской рукописи: 24 жития святых, одну проповедь Василия Великого, проповедь Фотия, 20 проповедей, составленных Иоанном Златоустом или приписываемых ему; проповедь Епифания, которая находится также и в сборнике Клоца, и молитву Пиония;

в Хиландарских листках — отрывок гомилии (проповеди) Кирилла Иерусалимского;

в Македонском глаголическом листке — отрывок увещания Ефрема Сирина;

в Македонском кириллическом листке — отрывок на старославянском языке, на который оказало влияние „Введение к богословию“ Иоанна Экзарха;

в Зографском листке — отрывок неизвестного происхождения.

Наличие известных текстов только в отрывках, состоящих из одного или нескольких листков, показывает нам, какое количество старого языкового материала погибло.

Кроме вышеупомянутых старославянских текстов, следует еще указать:

Служебную минею (миней за сентябрь, октябрь и ноябрь издал Ягич по их русско-церковнославянской редакции 1095—1097 гг);

13 речей Григория Назианзина (Низкого) в списке русской редакции XI в.;

пандекты священного писания Антиоха Иерусалимского в церковнославянском списке XI в. русской редакции;

κλίμαξ τοῦ πορροδείσου — так наз. „Лествицу“, перевод Иоанна Лествичника, игумена одного из синайских монастырей;

некоторые апокрифы; древнейшие переводы летописей: Никифора, Малалы, Амартола = Георгия Монаха (так наз. „Временник“).

Во втором томе этой книги мы попытаемся дать лексикологическую характеристику старославянских текстов¹, не имеющих библейского характера. В этом направлении следует интенсивно продолжать работу и далее; только тогда постепенно можно будет прийти к более удовлетворительной характеристике старославянского языка; одновременно необходимо собирать надежный сопоставительный материал для датировки до сих пор сомнительно датированных текстов.

ЛИТЕРАТУРА:

Некоторые работы общего содержания: Р. J. Šafařík, Rozkwět slowanské literatury w Bulharsku („Časopis Českého Musea“, 1848, 1—32). — М. Д р и н о в, Из старо-българската книжнина, „ПСП.“, XXXI, 113—121². — Е. П е т у х о в, Болгарские литературные деятели древнейшей эпохи на русской почве, „ЖМНП“, № 4, 1893, 298—322. — Д. Ц у х л е в, Духовно-литературният живот на българския народ при цар Симеона, „ПСП.“, XII, 1895, 561 до 614; История на българската църква, I, София, 1911. — А. Т е о д о р о в, Българска литература,

¹ Второй том этой книги не был опубликован. — *Прим. ред.*

² Главным образом о житиях Антония и Панкратия и их переводчике. Монография указывается здесь, так как эти тексты не будут рассматриваться в последней главе данной книги.

Пловдив (Филиппопел), 1896; изд. 2, 1907.— M. Murko, Geschichte der älteren südslawischen Literaturen, Leipzig, 1908, 57—100, в сборнике: Die osteuropäischen Literaturen und die slawischen Sprachen [Die Kultur der Gegenwart, I, IX], Берлин — Лейпциг, 1908, 199—203 — Д. Мирчев, Българска литература, Плевен, 1911, изд. 2.— M. Weingart, Bulhəri a Čařhrad, 1915; Přehled literatury bulharské, Praha, 1919, 8—22.— J. Máchal, Slovanské literatury, I, Praha, 1922, 17—26 (с библиографией).— Б. Ангелов, Българска литература, I, София, 1923.— F. Dvorník, Les Slaves, Byzance et Rome au IXe siècle, Paris, 1926, 282—322. Этот список не является исчерпывающим, о древнеболгарской письменности говорится в капитальных трудах по болгарской истории, по истории болгарской или русской церкви и по истории литературы.

Специальную литературу см. в § 118—143.— О пресвитере Григории, не упомянутом там, см. Евсеев, Григорий пресвитер, переводчик времени болгарского царя Симеона, „Изв.“, VII, 3, 356—366.— M. Weingart, Byz. kron., I, 31—39; II, 86 и сл.; см. также и более старую литературу, приводимую этими авторами.

§ 5. Значение текстов для истории старославянского языка

Не все названные выше тексты имеют важное значение при изучении старославянского языка. Ценность большей части текстов зависит от древности списков, в которых они представлены.

Большинство рукописей, содержащих тексты, восходящие к старославянскому периоду, относится к более позднему времени. Древнеболгарскими или старославянскими именуют лишь небольшую группу памятников, написанных до 1100 г. (некоторые памятники, может быть, восходят к более поздней эпохе). Главным критерием для такого приурочения служит правильное употребление носовых гласных, унаследованных древнеболгарским языком из праславянского; в то время как в среднеболгарский период (начиная с XII в.) происходит так называемая „мена юсов“ (после некоторых звуков *ж* изменяется в *я* и наоборот; см. § 29), в церковнославянском языке русского извода *ж* и *ю*, *я* и *и* совпадают и смешиваются на письме, в церковнославянском же языке сербского извода обычно пишется *ю* вместо *ж* и *е* вместо *я*, если не принимать в расчет некоторые архаические написания в древнейших текстах. Во многих других особенностях фонетики древнеболгарские тексты значительно отличаются друг от друга; некоторые из них в развитии определенных звуков достигли

состояния, которое характерно для среднеболгарского периода. Вследствие этого совершенно правильно считают, что главным критерием для объединения в одну группу и в отношении языка хронологически связанных между собой древнейших болгарских памятников, именуемых обычно древнеболгарскими или старославянскими, является судьба носовых гласных. К этой группе следует отнести также несколько памятников, созданных в России (Новгородские листки, Слуцкая псалтырь), но сохранивших при редких русизмах старославянские особенности в написании носовых.

Киевские листки и Пражские отрывки, несмотря на представленные в них чехизмы, также можно назвать старославянскими (термин „древнеболгарский“ здесь менее подходит), потому что старославянский язык употреблялся сначала в Великой Моравии, где очень рано должен был возникнуть наряду с чисто древнеболгарским типом этого языка его особый тип с моравизмами или чехизмами. Между чешским церковнославянским языком, с одной стороны, и русским, сербским и хорватским церковнославянскими языками, с другой, имеется и различие. Оно заключается в том, что в Богемии и Моравии церковнославянский язык прекратил развитие и, несмотря на некоторые следы его бывшего существования в старочешских языковых памятниках, никак не связан с позднейшим старочешским письменным языком; напротив, в России, Сербии и Хорватии церковнославянский язык, изменившийся под влиянием местных языков, следует рассматривать как древнейшую ступень национального письменного языка, в своем дальнейшем развитии все более подчиняющегося влиянию народного языка.

Отношения среднеболгарского языка с древнеболгарским уже иные, так как здесь налицо только различные периоды развития одного и того же языка; поэтому среднеболгарский язык дает немало материала для объяснения древнеболгарских отношений, тем более, что в основе известных среднеболгарских кодексов (таких, например, как Добромирово или Добрейшево евангелия) лежат говоры, недостаточно известные из древнеболгарских источников.

Если отвлечься от этих дополнений из среднеболгарских памятников, то основным источником суждений о фонетике и морфологии старославянского языка будут лишь

собственно старославянские памятники. В результате изучения имеющихся текстов видно, насколько быстро меняется в кодексах тип языка в узком смысле этого слова, в первую очередь его звуковой тип. Так, в среднеболгарских памятниках находим лишь слабые следы тех особенностей, которые характеризовали древнеболгарский язык.

Это касается главным образом замен редуцированных и носовых гласных. Древнейшие тексты русской, сербской и хорватской редакций отражают совершенно иные особенности развития указанных звуков, чем в Болгарии. Сами по себе древнеболгарские кодексы значительно отличаются друг от друга многими диалектизмами; кроме того, в них проникают более поздние языковые черты. Таким образом, ни один из памятников не отражает точно языка славянских первоучителей; иногда даже невозможна реконструкция этого языка.

Некоторые кодексы в фонетическом отношении особенно архаичны, в частности Киевские листки и Зографское евангелие; но и в них перемежаются новые и старые черты, а местами новое почти вытесняет старое. Как в упомянутых, так и в некоторых других памятниках нетрудно отличить многие архаические особенности, не свойственные более поздним писцам, от обычного стиля этих писцов. Для Зографского евангелия и в меньшей степени для Мариинского можно констатировать увеличение архаических черт к концу кодекса; напротив, для Супрасльской рукописи, как указывает Вондрак, в отношении одного явления (1 эпентетикум) большая самостоятельность позднейшего переписчика проявляется именно в последней части этого памятника; однако уменьшение случаев написания *ѣ* на месте *ь* в сильном положении во второй половине Супрасльской рукописи вряд ли следует ставить в связь с этим явлением¹. Но, несмотря на все сказанное, каждый из упомянутых трех кодексов, рассматриваемый как единое целое, обладает определенным характером языка. Это относится даже к Синайской псалтыри, единственному старославянскому памятнику, в котором можно различить почерки нескольких писцов. Причем необходимо заметить, что каждый из них довольно систематически вносил в ко-

¹ См. Margulíés, Suprasl., стр. 232—236.

декс свои языковые особенности. Это создает особенно благоприятные условия для различения более древнего языкового слоя от позднейших наслоений¹.

Церковнославянские памятники русской, сербской и хорватской редакций мало что могут прибавить к установленной на основе старославянских памятников фонетике и морфологии старославянского языка. Среднеболгарские памятники в этом отношении являются более важными, так как процессы позднейшего языкового периода имеют всегда большое значение для понимания отношений предшествующего периода.

Правда, есть случаи, когда в русских, сербских или хорватских памятниках сохраняется какая-либо фонетическая особенность древнейшего старославянского языка, не известная нам непосредственно из старославянских памятников. Так, например, в сербо-хорватской редакции Шестоднева Иоанна Экзарха встречаются формы с -ал-, сохранившимся в середине слова (см. § 12). Эти формы восходят, вероятно, к древнеболгарскому оригиналу, однако они не представлены в старославянских памятниках. Таким образом, редкое исключение лишь подтверждает общее правило. В отличие от фонетических явлений более устойчивыми оказываются некоторые морфологические особенности. Так, в позднейших болгарских и неболгарских памятниках встречаются иногда корневой аорист, сигматический аорист старого типа, формы аориста на -тъ, причастия типа сътвориъ, формы имперфекта на -шеъ, -шеа, однако эти формы не прибавляют ничего нового к фактам, известным уже из старославянских источников; они не имеют значения для старославянской грамматики и важны только для тех текстов, в которых они встречаются как материал для приблизительной датировки или установления места написания либо перевода этих текстов. Некоторые исследователи полагают, что один из русских памятников, а именно Остромирово евангелие, точно отражает старославянские особенности. В частности, окончание -тъ 3 лица глаголов и почти полное отсутствие вокализации редуцированных якобы указывают на какой-то иной говор, чем говоры, представленные

¹ О так наз. Зогр. 6 см. § 6.

древнеболгарскими памятниками¹. Но так как все эти особенности очень часто встречаются и в других церковнославянских памятниках русской редакции, то правильнее признать их просто русизмами.

В отличие от фонетики и морфологии иначе обстоит дело со словарным фондом и весьма мало исследованным синтаксисом. Хотя и в этой области при многократной переписке старых текстов имели место значительные изменения, однако здесь все же наблюдается больший консерватизм, вследствие чего в довольно поздних русских, сербских или хорватских глаголических памятниках легко могут быть вскрыты некоторые не известные из других источников слова, выражения или синтаксические конструкции. Так, например, встречающееся в двух редакциях хорватской глаголической псалтыри слово *скиинпи* (*Пс. 104, 31*) нельзя найти ни в Синайской, ни в среднеболгарских списках псалтыри. Это древнейшая передача греческого *σκιῖπες* (см. Vajs, „Slavia“, I, 281 и сл.). Употребительная форма будущего предварительного типа *буудьт имѣтъ* в церковнославянской Устюжской Кормчей русской редакции, несомненно, отражает особенность мефодиевского перевода Номоканона, полностью не раскрытую в старославянских кодексах (см. Schmid, Nomokanonübers., 87 и сл.).

Даже поверхностное исследование словаря текстов, сохранившихся только в поздних списках, модернизированных в отношении фонетики и морфологии и лишенных болгарских особенностей, бывает иногда достаточным для доказательства их возникновения в древнейшие периоды старославянского языка. Общеизвестен факт, что такой памятник, как Шишатовский апостол, несмотря на сербский характер его языка, наряду с некоторыми среднеболгарскими кодексами может вполне заменить древнеболгарские, к сожалению, утраченные списки апостола для установления словоупотребления Кирилла и Мефодия.

Большую помощь оказывает также наличие нескольких экземпляров одного и того же текста известных памятников не очень древнего происхождения.

¹ В Киевских листках также отсутствует вокализация редуцированных, в противоположность почти всем старославянским памятникам, возникающим на юге.

Различное отношение писцов к звуковому составу, к морфологии, синтаксису и словарю ясно проступает в сводных кодексах, состоящих из частей различного происхождения, таких, например, как Клоцов сборник, Синайский требник, Супрасльская рукопись. Звуковой характер каждого из этих кодексов довольно однороден, более устойчивы некоторые морфологические различия (например, тип *агъ* и *сѣтворѣ* в Супрасльской рукописи в противоположность *ъ*, *сѣтворихъ* в других разделах этого памятника). Еще большую ценность для определения происхождения памятника имеют такие синтаксические признаки, как употребление перфекта или дательного принадлежности *ми*, *ти*, *си*, а также лексика памятника.

Из сказанного для историка старославянского языка вытекает необходимость различного отношения к памятникам и объектам исследования: фонетике, морфологии, синтаксису и словарю. В отношении фонетики и морфологии важны только памятники старославянские по языку и лишь иногда могут быть использованы некоторые среднеболгарские кодексы; напротив, для синтаксиса и лексикологии известную ценность представляют все памятники, содержащие тексты, восходящие к старославянскому периоду.

Во всяком случае (как подтверждает наша практика), из текстов, представленных во многих памятниках, мы можем ограничиться лишь несколькими наиболее древними кодексами. К сожалению, многие тексты недостаточно исследованы. Большое значение имеет обзор словаря евангелия, апостола и других частей перевода библии, принадлежащий Ягичу (*Entstehungsgeschichte...*, Heft 2, 3, Zum aksl. Apostolus) и основанный на его собственных исследованиях и на трудах других ученых. Но, к сожалению, для других разделов старославянской литературы нет таких обстоятельных работ. Поэтому наши сведения о лексике отдельных текстов еще очень неполны. То же самое относится и к синтаксической и стилистической сторонам памятников. Ягич в своей „Истории возникновения...” приводит список слов из Синайского требника; Вондрак в издании Клоцова сборника поместил глоссарий; глоссарий находим также и в петербургском издании мелких старославянских отрывков. К Киевским листкам и Пражским

отрывкам имеется глоссарий, составленный Вондраком, — „O rǐvodu...“; к Супрасльской рукописи относятся замечания Облака, Ягича, Вондрака, Маргулиеса и словарь Ван-Вейка к двум параграфам, начиная с § 48. Лексический материал из творений Иоанна Экзарха собирал Вондрак; к собранному кое-что добавил Ягич. Важное значение имеет лексикологическая часть издания Болонской псалтыри Ягича (вместе с глоссарием Северьянова к Синайской псалтыри). Глоссарий (к сожалению, неполный) к Номоканону издал Соболевский; этот глоссарий имеет значение для сравнительной лексикологии. Составлены глоссарии к Пандектам Антиоха и к тринадцати речам Григория Низкого (но, к сожалению, с научной точки зрения не вполне безукоризненные). Все еще полезен старый материал Горского-Невоструева; кое-какой материал из переводных хроник сообщили Вейнгарт, Истрин и др. Но все это нельзя даже сравнить с тем, что сделано по изучению евангелия и апостола. Само собой разумеется, что из-за отсутствия удовлетворительной обработки материала и в настоящем труде разделы о словарном фонде будут более фрагментарными, чем разделы по фонетике и морфологии; то же можно сказать и о синтаксисе. Еще менее систематично исследованы словарь и синтаксис памятников, возникших после старославянского периода; поэтому вполне допустимо ограничить исследование старославянским периодом. Это ограничение законно еще и потому, что после старославянского периода церковнославянский язык на болгарской, русской и сербо-хорватской почве становится неоднородным; развитие его идет разными путями и относится уже к истории болгарского, русского и сербо-хорватского языков.

§ 6. Старославянские памятники и их классификация

В § 2, 3, 4 были перечислены тексты, которые несомненно или предположительно были переведены или составлены в старославянский период. В большинстве случаев они находятся только в позднейших памятниках. Для старославянской же фонетики и морфологии важны только кодексы, написанные в старославянский период (см. § 5).

В дальнейшем изложении мы перечислим сначала глаголические, затем кириллические памятники. Внутри каждой группы памятники располагаются по их содержанию; памятники с чехизмами или русизмами рассматриваются в конце глаголической или кириллической групп. Хронологическую группировку памятников, при которой Киевские листки и Зографское евангелие, датируемые концом X в., должны быть рассмотрены перед остальными памятниками, возникшими в течение XI в.¹, нельзя провести, так как ни один из древнеболгарских памятников не датирован; кроме того, подобная группировка основывается главным образом на палеографических признаках и не отражает относительной архаичности языка. Невозможна также удовлетворительная классификация памятников по языковым особенностям, так как при этом надо принимать во внимание очень большое количество языковых явлений, причем один памятник в одном пункте, другой в другом будет проявлять себя наиболее консервативным. Можно с уверенностью утверждать, что в языковом отношении Супрасльская рукопись будет менее архаичной, чем крупные глаголические памятники или Саввина книга, но вряд ли можно решить, какой из перечисленных ниже памятников наиболее архаичен: Мариинское евангелие, Синайская псалтырь или Саввина книга. Так как все старославянские памятники изданы, мы ограничиваемся здесь только описанием кодексов с указанием на издания. О памятниках, их истории и их языковых особенностях подробно говорится в грамматиках Вондрака и Кульбакина.

А. Глаголические тексты

1. Зографский кодекс, из Зографского монастыря на Афоне, подарен русскому царю Александру II в 1860 г.; последний передал этот кодекс Императорской публичной библиотеке в Петербурге (ныне Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина), где он находится и в настоящее время. Четвероевангелие. Отры-

¹ Существуют ли какие-либо еще более поздние памятники, установив нельзя вследствие отсутствия всякой датировки в самих памятниках.

вок из Матфея XVI, 20—XXIV, 20 написан другим писцом и менее древен по своим палеографическим чертам и в отношении языка, чем остальной текст. Издан кириллицей Ягичем: *Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus*, Berlin, 1879. (Об этом см. J. Kolář, *O Zografském Evangelium a jeho berlinském vydání*, Praha, 1879; М. Колосов, „РФВ“, II, 271—280.)

2. Маринский кодекс, привезенный В. Григоровичем в Россию из Мариинского монастыря на Афоне; в настоящее время находится в Румянцевском музее (ныне Государственная библиотека им. В. И. Ленина) в Москве. Четвероевангелие. Издан кириллическими буквами Ягичем: *Quattuor evangeliorum versionis palaeoslovenicae Codex Marianus glagoliticus*, Berlin — St.-Petersburg, 1883. С богатым подстрочником вариантов из других кодексов, с подробными палеографическими, грамматическими и лексикологическими главами (стр. 407—476) и почти полным глоссарием. Евангелие от Луки издано фототипически Ягичем с объяснительной вступительной статьей в 1880—1881 гг. в Петербурге: „Евангелие от Луки из глаголической рукописи XI века“ (№ 59 и 79 издания Общества любителей древней письменности).

3. Ассеманиев кодекс привезен в Рим ориенталистом Ассемани в XVIII в.; в настоящее время находится в Ватиканской библиотеке. Недельное евангелие. Два издания: 1-е глаголическое, изд. F. Rački, *Assemanov ili vaticanski evangelistar*, Zagreb (Agram), 1865, с подробным введением Ягича на хорватском языке; 2-е лучшее, но не безукоризненное издание латинскими буквами (латиницей) I. Crnčić: *Assemanovo izbornô evangjelje*, Rom, 1878.— Фототипическая репродукция листов 151—158: J. Vajs, *Specimina codicis Assemaniani Slavici Vaticani* 3. In usum praelectionum academicarum, Rom, 1924. По этому вопросу писал J. Kurz, *O potřebě nového vydání rukopisu Assemanova*, „LF“, LIII, 106—118, 234—247.

4. Охридское евангелие или Охридские глаголические листки, найдены В. Григоровичем в Охриде в 1845 г.; с 1865 г. находятся в университетской библиотеке в Одессе. Два листка евангельского текста. Издания: И. Срезневского в его книге „Древние глаголические

памятники“, СПб, 1866¹, стр. 76—87, глаголицей и кириллицей; Н. Г р у н с к о г о: Охридское евангелие, „Изв.“, XI, 4, 157—164, кириллицей; И л ь и н с к о г о (лучшее): Охридские глаголические листки. Отрывок др.-церк.-слав. ев. XI в. (Памятники старославянского языка, т. III, № 2), Петроград, 1915, кириллицей.

5. Синайская псалтырь, в библиотеке монастыря св. Екатерины на Синае. Псалтырь без комментариев. Издания: Л. Гейтлера: *Psalterium. Glagolski spomenik manastira Sinai brda, Zagreb (Agram), 1883*; С. Северьянова: Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI в. Памятн. ст.-сл. языка, IV, Петроград, 1922, с полным глоссарием. В гейтлеровском издании много ошибок, и теперь, когда есть новое хорошее издание псалтыри, оно уже не имеет ценности. Оба издания кириллические.

6. Синайский требник, в библиотеке монастыря св. Екатерины на Синае. Большая его часть — перевод греческого требника (книга обрядов специального назначения); некоторые отделы переведены с немецкого и латинского; этот сборник, во всяком случае частично, восходит к моравско-паннонскому периоду. Издание кириллицей Л. Гейтлера: *Euchologium. Glagolski spomenik manastira Sinai brda, Zagreb (Agram), 1882*. — Листы 101а—104б отпечатал В. Бенешевич (*Jagić-Festschr.*, 591—596) на основе собственных фотографий. К этому же кодексу (начала у него нет) относятся, вероятно, три листка, привезенные с Синая в Петербург архимандритом Порфирием и Н. Крыловым в 1853 г.; эти листки Миклошич определил как „Синайскую литургию“; они, вероятно, относились к служебнику, который обычно помещается в качестве общей (вводной) части в начале Требника. За принадлежность их к одному кодексу говорят палеографические и языковые соответствия, особенно редко встречающийся тип императива *дажди*. Издания этих листков: И. Срезневского: *Др. глагол. пам.*, 243—274 (текст — 244—255); — Р. Нахтигала: *Razpr.*, II, 272—278.

7. Клоцов сборник, раньше принадлежал графу Парису Клоцу, теперь находится в музее (*Museo civico*)

¹ Изданные в этой книге тексты Срезневский опубликовал еще раньше в „Изв. Арх. Общ.“, III, IV, V (1861—1865).

в Триенте; 2 листа из 12 (Clozianus II), находящиеся теперь в „Ferdinandeam“ в Инсбруке, принадлежали раньше Ал. Андр. Дипаули. Гомилии (проповеди). Представлены частично в отрывках. Издания: Б. Копитар: *Glagolita Clozianus*, Wien, 1836 (Триентские листки); — Ф. Миклошич: *Zum Glagolita Clozianus. Denkschr.*, X, 195—214, Wien, 1860 (Инсбрукские листки); В. Вондрак: *Glagolita Clozův*, Praha, 1893 (единственное полное издание, с грамматико-палеографическим введением и полным глоссарием). Все издания напечатаны кириллицей.

8. Македонский глаголический листок, найденный в 1845 г. В. Григоровичем в Рыльском монастыре, позднее находился у И. Срезневского, после его смерти (1880) — у В. Срезневского; теперь — в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (в Ленинграде)¹. Отрывок из Ефрема Сирина. Издания: И. Срезневского (2): *Др. глагол. пам.*, 220—234; *Свед. и зам.* (Сборник, I), № V; В. Ягича: *Specimina*, 27—29; Г. Ильинского: Македонский глаголический листок. Отрывок глаголического текста Ефрема Сирина XI века. Памятники старославянского языка, I, 6, СПб, 1909 (это лучшее издание, с введением и глоссарием).

9. Киевские листки. Церковнославянский памятник чешской редакции, найденный в 1874 г. Срезневским в Библиотеке Духовной Академии в Киеве, прежде был в Иерусалиме. В палеографическом и языковом отношении — очень древний отрывок литургии по римскому обряду. Издания: И. Срезневского: *Свед. и зам.*, LXXVII (Сборник XV, 530—538, 1877; глаголицей и кириллицей; весь текст — стр. 529—545); J. Kolář: „*ČSM*“, 1878, тетр. 3 (по изданию Срезневского); В. Ягича: *Glagolitica. Würdigung neuentdeckter Fragmente*, *Denkschr.*, XXXVIII, 2, 1890, стр. 44—58 (единственное хорошее издание с фототипической репродукцией). Полный глоссарий у В. Вондрака, *O řůvodu..*, 94—104. Издание (латинскими буквами) Э. Сиверса с предпринятым им делением на стихи. Текст стихов 32—45.

10. Пражские листки. Церковнославянский па-

¹ В настоящее время находится в библиотеке АН СССР, в фонде Срезневского. — *Прим. ред.*

мятник чешской редакции, открытый Хефлером в 1855 г. в библиотеке митрополичьего капитула в Праге. Богослужбная книга — литургия по греческому обряду. Издания: К. А. С. Höfler и Р. J. Saffárik, *Glǫgolitische Fragmente. Abh. kgl. b. Ges. d. W. V. Folge, 10*, Prag, 1857; И. Срезневского: Др. глагол. пам., 33—55 (отпечаток текста, 36—45); В. Вондрака: *O řívodu...*, 87—90; Н. Грунского: Пражские глаголические сръеки. Памятники старослав. язъка, 1, 4, СПб, 1905.

Б. Кириллические тексты

11. Саввина книга, хранится в Московском Главном Архиве, в фонде Типографской библиотеки. Недельное евангелие. Издания: И. Срезневского: Древнеславянские памятн. юсового письма, № I; В. Шепкина: Саввина книга, Памятники старославянского языка, I, 2, СПб, 1903. Поправки к нему Н. Каринского: Перечень важнейших неточностей последнего издания Саввиной книги, „Изв.“, XIX, 3, 206—216.

12. Листки Ундольского, после смерти В. Ундольского находятся в Московском Румянцевском музее (ныне Библиотека им. В. И. Ленина). Отрывок недельного евангелия. Издания: И. Срезневского: Др.-сл. пам. юсового письма, № VII; Е. Карского: Листки Ундольского, отрывок кирилловского евангелия XI в. Памятники старослав. письма, I, 3, СПб, 1904 (с фоторепродукцией).

13. Супрасльская рукопись, найденная в начале XIX в. в Супрасльском монастыре около Белостока вильненским проф. Бобровским; теперь одна часть (118 листов) находится в Любляне, в бывшей Лицейской библиотеке, вторая часть (151 лист) — в Варшаве, в книжном собрании Замойских, третья (16 листов) — принадлежала И. Бычкову в Ленинграде. О содержании см. стр. 34. Издания: Ф. Миклошича: *Monumenta linguae palaeoslovenicae e Codice Suprasliensi*, Wien, 1851. С. Северьянова: Супрасльская рукопись. Памятники старославянского языка, II, 1, СПб, 1904. Фотографическая репродукция Люблянской части находится в Ленинграде, в Академии наук. Общество любителей древней письменности издало в 1879 г. репродукцию восьми листов.

14. Хиландарские листки, найдены В. Григоровичем в 1844 г. в Хиландарском монастыре на Афоне. С 1865 г. находятся в университетской библиотеке в Одессе. Два листка. Отрывок поучения Кирилла Иерусалимского. Издания: В. Григоровича в статье „О древнейших памятниках церковнославянских“, „Известия II отдела.“, I, СПб, 1852, 91—96; И. Срезневского: Древнеслав. памятники юсового письма, № V;—В. Ягича: Specimina, 64—66; С. Кульбакина: Хиландарские листки, отрывок кирилловской письменности XI века. Памятники старославянского языка, I, 1, СПб, 1900 (с фотографическими репродукциями).

15. Македонский кириллический листок, найден А. Гильфердингом в Македонии. Находится теперь в Ленинграде в библиотеке Академии наук СССР. Отрывок текста, напоминающий отчасти пролог Иоанна Экзарха к богословию. Издания: И. Срезневского: Древнеслав. пам. юсовского письма, № VI (раньше им же опубликован в „Изв. Импер. Археол. Общества“, V, 1865 и в Др. глагол. пам., 1866); Г. Ильинского: Македонский листок. Отрывок неизвестного памятника кирилловской письменности XI—XII вв. Пам. старослав. языка, I, 5, СПб, 1906.

16. Зографские листки, найдены в 1906 г. П. Лавровым и опубликованы им в „Revue“, VI, 11—13. Текст прежде не известный.

17. Наряду с древнеболгарскими памятниками следует упомянуть еще и о кириллической надгробной надписи Болгарского царя Самуила в церкви села Герман (восточнее озера Преспа). Она относится к 993 г. и является, может быть, древнейшим из всех кириллических памятников. Издания: в „Известиях русск. археол. института в Константинополе“, IV, София, 1899, тетр. I, со статьями Ф. Успенского, Т. Флоринского, Л. Милетича.—Е. Карский, „РФВ“, XLII, 231—236.—И. Иванов, Българ. стар., 24—26.—П. Лавров, Палеографическое обозрение кирилловского письма, „Энци. слав. филол.“, IV, I), Петроград, 1915, 22—27.—В грамматике Лескина—стр. XLV и сл., в 3-ем изд. „Др.-ц.-сл. яз.“ Кульбакина—стр. 38. О кириллической надписи 980 г. и о Варошской надписи 996 г. см. стр. 19, прим. Считается, что так называемая „Темницкая надпись“ относится к более позд-

нему времени [там написано *сѣвѣримъ*, в то время как в надписи царя Самуила находим (*риѣими*)¹].

18. Новгородские или Куприяновские листки, повидимому, русской редакции (судя по окончанию -тъ 3 лица, имперфекту *волаше* и, вероятно, *мънии*, что находим также в Остромировом евангелии; однако на болгарской почве она появляется лишь в среднеболгарских текстах; такая форма, как *мъръмъ*, не может сама по себе свидетельствовать о русском происхождении); раньше принадлежали И. Куприянову; в 1865 г. поступили в Публичную библиотеку в Петербурге. Текст евангелия. Издания: А. Бычкова: „Изв. Импер. Археол. Общ.“, V, 1865, 29—37 (текст отпечатан на стр. 36—37); И. Срезневского: Др.-сл. пам. юсового письма, № III; Н. Каринского: Хрестоматия по др.-ц.-сл. и русск. языкам, изд. 1, СПб, 1904, изд. 2, 1911; Ф. Каминского: Отрывки евангельских чтений XI в., именуемые Куприяновскими (Новгородскими), „Изв.“, XXVIII, 273—276, с подробными историческими и грамматическими примечаниями и глоссарием (277—320), а также фотографическими репродукциями.

19. Слуцкий отрывок, очевидно, русско-церковнославянской редакции (ввиду повторяющихся *всть*, также *нъсть*, *вѣдъть*). Сначала был у Срезневского, потом бесследно исчез. Издания: И. Срезневского: Древнеслав. пам. юсового письма, № II; В. Ягича: *Spesimina*, 52—56.

Нами уже было указано, что точная хронологическая группировка памятников вряд ли возможна; географическое приурочение также очень затруднительно, тем более, что различные языковые пласты, которые оставили свои следы в одном и том же памятнике, могут иметь различное географическое происхождение. Однако в общих чертах группировка возможна. Прежде всего надо выделить из всех памятников два так наз. чешско-церковнославянских памятника. Считается общепринятым, что Пражские отрывки с их многочисленными чехизмами (*ч*, *з* вместо *шт*, *жд*; *шч*; *а* вместо *ѧ*; *оу* вместо *ѡ*, -ие как перегласовка -*ija*; *въшькъ* и т. д. вместо *вьс-*; *модантвами* и т. д. с западно-

¹ Самая древняя надпись 927—940 г. найдена при раскопках в Преславле на надгробной плите Мостича. См. „Български език“, № 2, София, 1955.— *Прим. перев.*

славянским -dl; твор. п. ед. ч. на -ъмь, род. п. ед. ч. на -ъ вместо -а; им. п. ед. ч. къзни, милости) возникли на чешской почве. Палеографические данные указывают на вторую половину XI в. Это делает возможным предположение о связи с Сазавским монастырем (см. стр. 25). О Киевских листках, с их тремя систематически проводимыми чехизмами (ц, з из t₁, kt, d₁; шү; также, повидимому, и окончание твор. п. -ъмь, которое ни в одном памятнике не употребляется так последовательно, как здесь) и с их чисто старославянским языком, имеются различные мнения. Одни — Миклошич, Фортунатов, Ляпунов, Кульбакин — считают язык Киевских листков переходным болгаро-чехословацким говором, другие — Ягич, Облак, Вондрак, Дурново — приписывают чехизмы чеху, переписывавшему данный список или более древний его оригинал. В частности мнения расходятся; так, например, Вондрак заставляет чеха-переписчика работать в Хорватии (но предполагается, что оригинал памятника написан в Сербии); Ягич считает, что оригинал Киевских листков паннонского происхождения. Точка зрения Гейтлера и Калины (о том, что Киевские листки написаны в Македонии) близко соприкасается с точкой зрения Миклошича и др., поскольку она предполагает однородный говор, а не смешение двух языковых слоев. Кульбакин назвал („Revue“, II, 198) говор Киевских листков просто южнославянским, не определяя более точно его географического положения (см. также Щепкин, Рассуждение..., XVIII—XXI).

Относительно этих гипотез нужно сказать следующее: вряд ли можно отрицать, что ц, з; шү; -ъмь — это чехизмы, имея в виду несомненное применение старославянского языка на чехословацкой почве, латинский ритуал Киевских листков и связанное с ним употребление таких слов, как прѣфациѣ, оплатъ, и таких морализмов, как цѣръкъве, а также отсутствие каких-либо следов южнославянского говора с ц, з на месте t₁, kt, d₁ (šċ встречается в новоболгарском, но не известно древним текстам). Нельзя признать, что здесь представлен южнославянско-чехословацкий переходный говор, ибо в таком случае следовало бы говорить также о болгаро-словацкой пограничной области; однако, учитывая историко-географические данные, приходится сомневаться в возможности непосредственного

соседства этих двух племен (см. V. Chaloupecký, Sborník filos. fak. univ. Bratisl., III, 1925, 141); в этом случае скорее следовало бы ожидать словацк. dz, чем чеш. z < d_l (ср. Pastrnek, „ČSM“, 1894, 68—73). Напротив, гипотеза, допускающая, что в чешских областях в качестве литературного языка употребляется старославянский язык с систематически проводимыми отдельными чешскими элементами, вполне вероятна; так, например, в Словакии до 1780 г. применялась подобная разновидность чешского языка; таким был и великорусский язык в подкарпатской Руси¹.

Что касается классификации памятников в более узком смысле, то у нас есть только один надежный критерий, а именно: замена редуцированных в сильном положении. В новоболгарском языке отличают западную область (главным образом Македонию), где сильные ъ и ь выступают как о и е, от восточной, где в одних говорах удержались ъ и ь, в других ь изменился в е, а старый ъ, за исключением случаев со sporadическим о, сохранился.

Эти отношения уже установились в среднеболгарский период; они представляют единственно надежный критерий для классификации среднеболгарских кодексов. К тому времени, когда возникали древнеболгарские кодексы, уже происходил переход ь > е, ъ > о. Поэтому мы можем применить этот критерий также и к древнеболгарским кодексам; но, конечно, мы должны здесь обратить внимание на хронологические различия: так, редкое появление ѿ и ѿ на месте ъ и ь в Зографском евангелии, в противоположность Мариинскому, представляет более древнюю ступень развития языка; с другой стороны, сохранившиеся ъ и ь в Саввиной книге, вообще не особенно древней, указывают на восточную Болгарию; но еще не доказано, что здесь мы имеем более древнюю ступень современных родопских говоров. Мы должны быть тем более осторожны, что некоторые древнеболгарские говоры, например говоры, располагавшиеся на север от Дуная, полностью исчезли.

По способу употребления сильных редуцированных все большие глаголические памятники (Зографское ев., Мариинское ев., Псалтырь, Требник, Клоцов сборник) относятся

¹ В настоящее время Закарпатская область УССР.— *Прим. ред.*

к западноболгарской группе, а два больших кириллических памятника (Саввина книга и Супрасльская рукопись, в первой части которой в на месте ь встречается чаще, чем во второй части) — к восточной группе. Это приводит к вполне вероятному предположению, что кириллица восточноболгарского происхождения. Правда, древнейший датированный кириллический текст — надпись 993 г. — найден в Македонии. Для мелких древнеболгарских отрывков противопоставление глаголические — западные, кириллические — восточные вряд ли подойдет; так, Македонский глаголический листок, повидимому, восточного происхождения, так же как и листки Ундольского. Более точно установить это вряд ли возможно.

Кульбакин наряду с о, е (<ъ, ь) в качестве вторичной особенности западной группы (Кульбакин называет ее „юго-западной“) отмечает еще ѡд-, в противоположность восточному (по Кульбакину — северо-восточному) ѡуд-. Он мог бы еще указать и на развитие мягкого г', которое в говорах Саввиной книги и Супрасльской рукописи стало твердым, но этим, однако, не достигается более точная локализация отдельных памятников; она не достигается и тем, что в отдельных памятниках употребляется dz, а в других — z, sc или st; приблизительно можно определить в каждом памятнике, какой из этих звуков произносил писец, но для более точной фиксации географических групп эти критерии недостаточны. Перегласовка редуцированных или такое противопоставление, как плѣть (плѣть) : плѣть, скорее могут дать материал для более точной группировки македонских памятников (см. § 23, п. 2 и 4).

Часто встречающееся ѡу вместо ж в Мариинском евангелии и в Клоцовом сборнике можно отнести к сербизмам. Полагают, что эти памятники возникли на сербской или хорватской почве. Ягич (Codex Marianus, 410, 423—425) приводит для Мариинского евангелия еще следующие явления: мену ѡу-ж-, некоторые формы с н на месте ы, ѡуселенѣжѣ и ѡуорѣжѣ са с ѡу вместо въ, одиночную форму свѣга рѣди, коготь вместо коурь; ѡу и ж смешиваются также и в Клоцовом сборнике; там встречаются и н вместо ы и ѡуорѣжи, где ѡу может быть понято, конечно, и как праславянское и-; такие явления, как тѣ жѣ вместо тѣ жѣ и до-

стовнѣ вместо -инѣ (оба случая в очень испорченной гомилии неизвестного происхождения), трактуются как сербизмы; см. Vondrák, Glag. Clozův, 5—7.

Однако в других отношениях вследствие болгарского характера языка этих памятников, особенно из-за перехода ѡ в ѣ, ѣ в ѣ, что является македонской чертой, а также из-за отсутствия замены ж посредством ѣ, лучше считать, что в основу языка Мариинского евангелия и Клоцова сборника лег западноболгарский говор, находившийся в некоторых своих чертах под влиянием сербского языка (и вместо р, -га вместо -го; возможно, также рано развившееся і на месте у, и вместо вѣ) (см. Кульбакин, „Revue“, II, 200; „J. фил.“, IV, 219)¹. Может быть, дальнейшее изучение среднеболгарских памятников прольет больший свет на эти говоры (см. Кульбакин, „Revue“, III, 240). Пять форм родительного падежа на -га в Супрасльской рукописи (может быть, также некоторые случаи мены ѡу-ж- в этом памятнике) — вероятно, сербизмы; происхождение их, однако, не ясно. Во всяком случае, в болгарских диалектах возможно влияние именного окончания родительного падежа на -а. Принятое Кульбакиным для XI в. деление говоров по сильным редуцированным как основному признаку имеет более положительное значение, чем его деление говоров X в., при котором все старославянские кодексы, кроме Киевских листов и возможной более древней редакции Остромирова евангелия, имеющей ѣѣ, ѣѣ и не знающей перегласовки редуцированных, объединяются им в одну большую группу. Киевские листки отличаются своими неболгарскими чертами; необходимо также быть осторожным с гипотезой о древнеболгарском оригинале сильно русифицированного Остромирова евангелия (см. стр. 39).

Цонев на основе редуцированных дал следующую группировку древнеболгарских текстов: Зографское евангелие — Клоцов сборник — Саввина книга — Надпись Самуила — Мариинское евангелие — Синайский требник и Синайская псалтьрь — Ассеманиево евангелие — Супрасльская рукопись; небольшие отрывки он располагает следующим образом: Македонский глаголический листок —

¹ Относительно и < вѣ см. Младенов, „Slavia“, IV, 139 (со списком литературы); относительно га см. Милетич, МСб., II, 246.

Охридское евангелие — Слуцкая псалтырь, Хиландарские листки, листки Ундольского — Македонский кириллический листок; однако это деление скорее хронологическое, чем географическое, и его ценность весьма незначительна, если принять во внимание замечание автора, что в основу можно положить другие критерии, в согласии с которыми может получиться и другая группировка. Отдельные моравизмы в Синайской псалтыри, Мариинском евангелии и Клоцовом сборнике (см. § 18, п. 3) не имеют никакого значения для локализации памятников, написанных в Болгарии и в Македонии.

Отрывки Слуцкой псалтыри и Новгородские листки содержат, несмотря на свой в общем древнеболгарский характер, бесспорные русизмы. Если в древнерусском языке правильным окончанием 3 лица единственного числа является окончание -ть, а с другой стороны, в несомненно древнеболгарских текстах это окончание встречается лишь спорадически, то было бы методически неверным принять для указанных выше двух памятников древнеболгарский говор с -ть. Новгородские листки содержат также и другие русизмы. С еще большим правом это можно сказать и об Остромировом евангелии, которое имеет настолько сильный русифицированный язык, что его нельзя относить к старославянским памятникам. Напротив, мнение, что Саввина книга или Супрасльская рукопись написаны русским, неосновательно (Vondrák, Altslov. Stud., 70 и сл., 44—53). Предположение Облака о связи со словацким языком (для Саввиной книги на основании *господа* и *прахънъ* 'σάπρος'; для Супрасльской рукописи на основании *роз-* вместо *рз-*; „JA“, XV, 356 и сл., 344) является недостаточно обоснованным. Несколько позже Вондрак относит оба памятника к болгарскому северо-восточному диалекту, находящемуся недалеко от русских областей (Aksl. Gr., изд. 2, 32, 34); см., однако, Кульбакин, „Revue“, II, 201 и сл.

Из русско-церковнославянских памятников, кроме Слуцкой псалтыри и Новгородских листков, большинство исследователей ставят в один ряд с древнеболгарскими памятниками и Остромирово евангелие, характеризуя его как источник старославянского языка. Лескин в своем „Руководстве“ исключил Остромирово евангелие из списка старославянских памятников, но А. Шахматов во втором

издании русского перевода упомянутой книги вставил главу о языке этого памятника. Остромирово евангелие содержит много русизмов: ж там передается через ѳу, ѿ — через ю, а и ѡ — через ѡ; в этом евангелии мы встречаем ѣр, ѣр, ѣл и компромиссное написание: ьрь, ьръ, ьль наряду с рь, ръ, лъ; ж рядом с жд, ѡа в имперфекте рядом с ѡа и т. д. Часто встречающееся окончание творительного падежа -ьмь тоже следует рассматривать как русизм, равно как и последовательно употребляющееся в Киевских листках окончание -ьмь является бесспорным чехизмом. Личное окончание -ть, вопреки Фортунатову и Шахматову (см. выше), — также русизм. Фортунатов доказал, что первая часть памятника (листы 1—24) во многих местах значительно отклоняется от второй части (листы 25—294) и в отдельных случаях более руссифицирована. Однако имеются примеры точного сохранения древнеболгарского звукового характера; так, например, полногласие повторяется только в послесловии и в календаре (Новгородъ; Володимира, переѣхавъ).

Другие церковнославянские памятники русской и сербской редакции представляют такую же пеструю картину, как и Остромирово евангелие. Поэтому они лишь в том случае могут быть включены в список старославянских памятников, если русизмы встречаются в них sporadически, как, например, в Новгородских листках, или же если тот или иной кодекс значительно обогащает наши сведения о старославянском языке. Но этого нет. Можно было думать, так действительно и думали, что сохранение почти всех редуцированных в слабом положении и почти полное отсутствие вокализации их указывает на очень древний староболгарский оригинал; однако известно, что падение редуцированных в России произошло значительно позже, чем в Болгарии (см. В. Поржезинский, Краткое пособие к лекциям по исторической грамматике русского языка. Введение и фонетика, Москва, 1911, стр. 44; А. Шахматов, Очерк, 203—229; К. Н. Meyer, Hist. Gr., 31—33, вряд ли верно; К. Būga, „Ztschr.“, I, 45 и сл.; Н. Трубецкой, там же, 294—301; Н. Дурново, там же, 497). Отношения, проявляющиеся в Остромировом евангелии, как раз вполне естественны для древнерусского текста (см. С. Обнорский, О языке Ефремов-

ской Кормчей XII века, СПб, 1912, стр. 19—30). Отсутствие вокализации также вполне понятно на русской почве; наличие вокализации в Остромировом евангелии как раз в таких словах, как *въдова*, *-ица* и *създати*, *зъдание*, подтверждает такое понимание. Так, именно *въдова* имеет в древнерусском *ъ*, а в *зъда-ъ* лучше всего трактовать как болгаризм; это вовсе не общая древнерусская форма (см. Обнорский, цит. соч., 20; П. Копко, „Изв.“, XX, 3, 189 и сл.), и проще всего такое написание можно объяснить тем, что русский писец не знал этого слова в своем собственном языке, а просто взял из оригинала древнеболгарскую форму.

Итак, по моему мнению, для изучения старославянской фонетики и морфологии Остромирово евангелие является не более ценным источником, чем Пандекты Антиоха и некоторые другие древнерусские памятники или Мирославово евангелие сербской редакции. Место написания древнеболгарского оригинала этого памятника можно установить на основе одного звукового критерия (*ѡ*, *ѡ* < *ъ*, *ѡ* в сильном положении). Этот оригинал написан в Македонии.

ЛИТЕРАТУРА:

Классификация старославянских памятников: В. Облак, Няколко бележки върху старославянските паметници, „МСб.“, IX, 3—20 (со специальными разделами о Клоцовом сборнике и Супрасльской рукописи). — В. Шепкин, Рассуждение, XI и сл., 107—113 (ср. также „Изв.“, V, 324—326; Бол. пс., III—VII). — Б. Цонев, Классификация, 7—12; История, I, 158—164. — С. Кульбакин, Du classement des textes vieux-slaves, „Revue“, II, 175—205. — N. van Wijk, „JA“, XL, 42 и сл. — A. Marguliés, Suprasl., 227—247. — В. Погорелов, Sbornik filos. fakulty univ. Komenského v Bratislavě, V, 1927, 7—11.

Обзор всех древнеболгарских памятников: Б. Цонев, История, I, 165—189.

Зорграфское евангелие: V. Jagić, Studien über das altslovenisch-glago-litische Zographos-Evangelium, „JA“, I, 1—55, II, 201—269. — Н. Грунский, К Зорграфскому Евангелию, „Сборник“, LXXXIII, № 3; Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков, II, Дорпат, 1911, 257—338. — N. van Wijk, O prototype cerkiewnosłowiańskiego Codex Zographensis, „RS“, IX, 1—14; Еще раз о Зорграфском четвероевангелии, „Slavia“, I, 215—218. — J. Kurz, Několik poznámek k staroslov. čtvero-evangeliju Zografskému, „LF“, L, 229—232. — П. Бузук, „Изв.“, XXIX, 352—356.

[J. Kurz, K Zografskému evangeliu, „Slavia“, IX, 465 и сл., 673 и сл., XI, 385 и сл. (разбор грамматических особенностей памятника). — H. G. Lunt, On Old Church Slavonic Phonemes. The Codex Zograph-

ensis, „Word“, VIII, 311—328. — G. H. Fairbanks, The Phonemic Structure of Zographensis, „Language“, XXVIII, 360—365. — T. Nilsson, Über den Gebrauch der Präpositionen im altbulgarischen Codex Zographensis, Stockholm, 1944.]

Мариинское евангелие. А. Будилович, „ЖМНП“, 1884, март, 152—169. — L. Masing, „GGA“, 1884, 687—711. — J. Polívka, „LF“, XI, 402—412. — Л. Милетич, Особностите на езика в Марийския паметник, „ПСП“, XIX—XX, 1886, 219—252. — Ф. Фортунатов, Состав О. Е., 56—60. — П. Бузук, К вопросу о месте написания Мариинского евангелия, „Изв.“, XXIII, 2, 109—149; Замечания о Мариинском евангелии (продолжение), „Изв.“, XXIX, 307—368. — С. Кульбакин, „J. фил.“, IV, 219—222; V, 304—307.

Ассеманиево евангелие: В. Kopitar, Hesychii glossographi discipulus et ἐπὶ γλωσσῶν τῆς russus, Wien, 1840, 39—44. — И. Срезневский, Свед. и Зам., XV—XVII (Сборник, I). — J. Kurz, O potřebě nového vydání rukopisu Assemanova, „LF“, LIII, 108—118, 234—247.

[J. Kurz — J. Vajs, Evangeliarum Assemani, Codex Vaticanus 3. Slavicus glag. Editio phototypica, d. I, Prolegomena, Tabulae, Praha, 1929 (третье фототипическое издание). — J. Kurz, Evangeliarium Assemani, d. II, Praha, 1955 (текст в кирилловской транскрипции). — М. Н. Сперанский, „Злые дни“ в приписках Ассеманиева евангелия, „Мак. прег.“, VIII, кн. 1. — S. Mladenov, Assemański albo Watykański Ewangeljarz, в изд. Słownik starożytności słowiańskich, Warszawa, 1934, 1—3.]

Синайская псалтырь: В. Ягич, Четыре... статьи, 42—65. — А. Кочубинский, Итоги слав. и русской филологии, Одесса, 1882, 28—30, 32—36. — J. Polívka, „LF“, XI, 395—402. — Е. Будде, „Филологические записки“, XXIV, 3, Воронеж, 1885, 8—10. — К изданию Северьянова Н. Дурново, „Slavia“, III, 138 и сл. — М. Долобоко, Zschr., I, 452—466. — С. Кульбакин, „J. фил.“, IV, 166—181.

[B. Arnim, Studien zum altbulgarischen Psalterium sinaiticum, Leipzig, 1930 (языковой разбор памятника). — Г. А. Ильинский, „Byzantinoslavica“, III, 228 и сл. (рецензия).]

Синайский требник: А. Кочубинский, Итоги слав. и русской филологии, Одесса, 1882, 30, 37—39. — V. Jagić, „JA“, VII, 126—133. — J. Polívka, „LF“, XI, 390—395. — Е. Будде, „Филологические записки“, XXIV, 3, Воронеж, 1885, 2—8. — R. Jarosiewicz, Über das Euchologium sinaiticum (Bericht des Real-gymn. in Kolomyja), 1888. — P. Lang, Jazykovědecký rozbor Euchologia Sinajského (Berichte des Gymn. in Příbram), 1888—1889—1890. — А. Соболевский, Мат. и иссл., 100—106. — N. van Wijk, „JA“, XL, 271—278; затем последние четыре работы (до кв. скобок) из упомянутых на стр. 27 к § 3. — R. Nahtigal, Starocerkvenoslovanski evhologij, „Razprave“, II, 221—288 — посвящена вопросу о связи трех листов „Литургии“ с Синайским требником; см. об этом же F. Miklosich, Asl. Formenlehre in Paradigmen, Wien, 1874, XIII и сл. — В. Ягич, Графика, 131 и сл.

[J. Frček, Euchologium Sinaiticum. Texte slave avec sources grecques et traduction française, „Patrologia Orientalis“, t. 24, fasc. 5, Paris, 1933 (второе издание памятника); t. 25, fasc. 3, Paris, 1939 (критическое издание в кирилловской транскрипции). — S. Słóński, Index verborum do Euchologium Sinaiticum, Warszawa, 1934 (словарь с учетом

предыдущего издания, но на основе Гейтлера).— R. Nahtigal, *Euchologium Sinaiticum*, d. I, Fotografski posnetek, d. II, Tekst s komentarjem, Ljubljana, 1941—1942 (новейшее издание памятника в фотografической репродукции и кирилловской транскрипции).— Н. С. Державин, *Euchologium Sinaiticum* (К вопросу о времени происхождения памятника); Сб. статей и исследований в области слав. филол., М.-Л., 1941.— J. Frček, K textové kritice Sinajského euchologia, „Slavia“, XVIII, 31—46.]

Клоцов сборник: L. Geitler, *Die albanesischen und slavischen Schriften*, Wien, 1883, стр. 155.— J. Kolář, *Glagolita Clozův*, Praha, 1894 (*Věstník Spol. Nauk*, 1893).— V. Oblak, „JA“, XV, 348—356 (в приложении. Zur Würdigung des Altslovenischen).— G. A. Thal, *Textkritische Studien zu Homilien des Glagolita Clozianus*, „JA“, XXIV, 514—554.— M. Noha, *Dílo Václava Vondráka*, „Časopis Matice Moravské“, L. 40—43.

[F. Grivec, *Clozov-Kopitarjev glagolit v slovenski književnosti in zgodovini*, „Razprave“, I, 1943, 341—408.]

Македонский глаголический листок В. Погорелов, К вопросу о македонском глаголическом листке, Сборник-Фортунат., 492—499.

Киевские листки (объяснение чехизмов) F. Miklosich, Vgl. Gr., I, изд. 2, 219 и сл.— L. Geitler, *Die albanesischen und slavischen Schriften*, Wien, 1883, 153, 185 и сл.— V. Jagić, *Glagolitica*; Четыре ... статьи, 120; Zur Provenienz der Kijever glagol. Blätter, „JA“, XX, 1—13, Nochmals die Kijever Blätter, „JA“, XXII, 39—45; „JA“, XXIV, 263, 266; XXVII, 441—446 (как приложение к монографиям Грунского и Вондрака); Entst., изд. 2, 106—109.— A. Kalina, *Przegląd pol.*, 1891.— А. Будилович, Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы, Варшава, 1892, II, 88 и сл.— V. Oblak, „JA“, XV, 359—362; XVIII, 106—112 (Zur Provenienz der Kijever und Prager Fragmente).— W. Vondrák, „JA“, XIV, 278—292 (с дополнением В. Ягича, 292 и сл.); O původu Kijevských Listů a Pražských Zlomků, Praha, 1904.— F. Pastrnek, *Starobylé, dz ve slovenských nářečích a hlholské zlomky kijejské a pražské*, ČSM, 1894, 68—73.— Ф. Фортунатов, у Б. Ляпунова, „Изв.“, I, 940—942.— Б. Ляпунов, Синод спис, 56 и сл.— В. Щепкин, Рассуждение, XXI—XXIV, прим.; Учебник р. пал., 14.— Н. Грунский, Памятники и вопросы древнеславянской письменности, Юрьев (Дорпат), 1901.— А. Михайлов, „РФВ“, LI, 35 (латинский оригинал не древнее XI в.).— С. Кульбакин, „Изв.“, X, 4, 320—338; „ЖМНП“, 1906, № 3, 185—214; „Ревue“, II, 196—198.— А. Соболевский, Мат. и иссл., 92—99, 106—109 (Родина Киевских отрывков).— M. Weingart, *Nové Atheneum*, III, 1921, 295 и сл.— Н. Дурново, К вопросу о языке Киевских листков, „Slavia“, I, 219—227.— J. Kurz, „LF“, LI, 310; LIV, 355 и сл.— E. Sievers, *Die altslawischen Verstehte von Kiew und Freising*, Berichte, Leipzig, LXXVI, 1924; об этом же М. Грунский, Записки истор.-фил. відділу Укр. Акад. Наук, XVI, Киев, 1928, 7—25.— N. van Wijk, *Kilka uwag o pochodzeniu Mszachu Kijowskiego*, Księga pamiątkowa ku czci O. Balzera, Lemberg, 1925, II, 665—667.— Л. Арасимович, К вопросу о Киевских листках, „Slavia“, VI, 18—27.

[C. Mohlberg, Il messale glagolitico di Kiew, Atti della Pontificia Accademia Romana di archeologia, Roma, 1928, 207—320 (фототипическая репродукция памятника с латинскими источниками).— J. Vajs, Kijevské listy a jejich latinský (řimský) originál stol. VI—VII, Bratislava, IV, 521—527.— Б. М. Ляпунов, Вацлав Вондрак и его научная деятельность, „Изв.“, XXXII, 254—257.— G. L. Trager, The old church slavonic Kiew fragment. Its accents and their relation to modern slavonic accentuation, „Language“, XIII.— J. Stanislav, Dnešní stav otázky československých prvků v staroslovenských pamiatkach, сб. Říša Vel'komoravská, изд. 2, Praha, 1935, 491—532.— M. Weingart, Hlaholské listy Videňské. K dějinám staroslověnského missálu, „ČMF“, XXIV.]

Пражские листки: см. литературу к Киевским листкам (Miklosich, Geittler, 187 и сл., Будилович, Ягич, „JA“, XXVII, 446 и Entst., изд. 2; Oblak, „JA“, XV, 358 и сл. и XVIII, 106 и сл.; Vondrák, O p'vodu; Pastrnek, Грюнский, Кульбакин), кроме того: P. J. Šafařík, Über den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus, Prag, 1858, 10, 12, 28.— В. Макушев, Из чтений о старочешской письменности, „Филологические записки“, 1877, Воронеж, 4, 15—22.— W. Vondrák, Altslov. Stud., 75—81; Zur Würdigung der altslov. Wenzelslegende, Wien, 1892, „S.-B.“, CXXVII, 41—45.— Б. Ляпунов, Wie soll man, I B, 4—5 der Prager glagolitischen Fragmente lesen? „JA“, XXVIII, 478—480.

[F. V. Mareš, Pražské zlomky a jejich předloha v světle hláskoslovného rozboru, „Slavia“, XIX, 54—61.— Его же: Pražské zlomky a jejich původ ve světle lexikálního rozboru, „Slavia“, XX, 219—232.]

Саввина книга: V. Jagić, Das altslovenische Evangelistarium Pop Sava's, „JA“, V, 580—612 (главным образом поправки к изданию Срезневского).— W. Vondrák, Altslovenische Studien, 70 и сл.— V. Oblak, „JA“, XV, 356—358.— В. Щепкин, Рассуждение о языке Саввиной книги, „Сборник“, LXVII, № 9, СПб, 1901 (также в „Изв.“, III—IV). Об этом же W. Vondrák, „JA“, XXII, 247—255; Отчет о присуждении премий имени гр. Толстого в 1900; А. Соболевский, „ЖМНП“, CCCXXVII, 399—404.— Возражения Щепкина „ЖМНП“, CCCXXVIII, 392—396; „ВВ“, XXVI, 161—166.— В. Погорелов, Опыт изучения текста Саввиной книги, Sborník filos. fak. univ. Kom v. Bratislavě, V, 1927, 1—120.

[K. Horálek, Význam Savviny knihy pro rekonstrukci stsl. překladu evangelia, Praha, 1948.]

Листки Ундольского. В. Щепкин, Листки Ундольского, Сборник Фортунат., 249—269.

Супрасльская рукопись поправки к изданию Миклошича: A. Brückner, Zum Supraslercodex, „JA“, XIII, 317 и сл.— F. Pastrnek, O rukopise Supraslském, „LF“, XXIV, 96—109.— E. Zivier, Studien über den Codex Suprasliensis, I, Breslau, 1892, II, Kattowitz, 1899.— Далее: А. Бычков, Известие о Супрасльской рукописи XI века, „Изв.“, II, Отд. V, 1856, 335 и сл.— А. Бем, Историко-филологическое исследование о Супрасльской рукописи, „Филол. записки“, Воронеж, 1869.— И. Паплонский и П. Лавровский, Варшавские Университетские Известия, 1872, № 4.— И. Срезневский, Сборник, X, XXXII—XXXIV.— П. Бобровский, Судьба

Супрасльской рукописи, „ЖМНП“, 1887, № 10—12 (см. также „JA“, X, 360—362, XI, 313—315: Письма М. Бобровского с примечаниями к ним В. Ягича).— W. Vondrák, Zur Kritik der altslovenischen Denkmale, „S.-B.“, CXII, Wien, 1886; Altslovenische Studien, „S.-B.“, CXXII, № 7, Wien, 1890, Über einige orthographische und lexicalische Eigenthümlichkeiten des Codex Suprasliensis im Verhältnis zu den anderen altslovenischen Denkmälern, „S.-B.“, CXXIV, № 2, Wien, 1891.— V. Oblak, „JA“, XV, 338—348 (Zur Würdigung des Altslovenischen — как приложение к двум вышеупомянутым работам Вондрака).— R. Abicht, Quellen: schweize zum Codex Suprasliensis, „JA“, XV, 321—337; XVI, 140—153.— R. Abicht und H. Schmidt, то же (продолжение), „JA“, XVIII, 138—155 (156—192— греческие тексты, опубликованные Абихтом и Шмидтом, О. фон-Гебхардтом, J. Ванден-Гейном).— R. Abicht und C. Reichelt, то же (продолжение), „JA“, XX, 181—200.— R. Abicht und H. Schmidt, то же (продолжение), „JA“, XXI, 44—49.— А. Кочубинский, О Супрасльской рукописи, I—II, „Изв.“, II, 1143—1148.— A. Leskien, Zur Kritik des aksl. Codex Suprasliensis, Abh. s. Ges. d. W., XXVII—XXVIII, Leipzig, 1909—1910.— N. van Wijk, Zur Komposition des aksl. Codex Suprasliensis, Amsterdam, 1925; „JA“, XL, 266—271; Был ли Климент переводчиком № 21 Супрасльской рукописи, Юбилейный сборник М. Грушевского, II, Киев, 1928, 178—184; Zur Herkunft dreier Legenden des Codex Suprasliensis, „JA“, XLII, 289—295.— Н. Дурново, К вопросу о древнейших переводах на старославянский язык библейских текстов. Супрасльская рукопись, „Изв.“, XXX, 353—429.— A. Margulies, Der altkirchenslavische Codex Suprasliensis, Heidelberg, 1927.— P. Diels, Zur Schreibung des Codex Suprasliensis, „JA“, XLI, 115 и сл.

[K. H. Meyer, Altkirchenslavisch-griechisches Wörterbuch des Codex Suprasliensis, Glückstadt—Hamburg, 1935.— Ero же: Altkirchenslavische Studien. I. Fehlübersetzungen im Codex Suprasliensis, Halle, 1939.]

Хиландарские листки В. Погорелов, Сборник Фортунат., 492 и сл.— W. Vondrák, Palaeographisches und Sprachliches anlässlich der neuen Publication der Blätter von Chilandar, „JA“, XXII, 542—553

Македонский кириллический листок: В. Ягич, Рассуждения старины о др.-цсл. языке, СПб., 1895, стр. 37 (= Исследования по русскому языку, I, 325).

Зографские листки. P. Lavrov, Les feuillets du Zograph, „Revue“, VI, 5—20 (Факсимиле, 21—23).— M. Dolobko, La langue des feuillets du Zograph, от 24 до 38. Обе работы изданы вместе.

[P. A. Lavrov—A. Vaillant, Les Règles de Saint-Basile en vieux-slave: les feuillets du Zograph, „Revue“, X, 1—35.]

Надпись Самуила Е. Карский, Надпись Самуила 993 г., „РФВ“, XLII, 231 и сл.— С. Jireček und V. Jagić, Die cyrillische Inschrift vom Jahre 993, „JA“, XXI, 543—557.— P. Diels, „JA“, XLI, 317.— О Темницкой надписи Л. Стојановић, Темницки натпис X—XI века, „J. фил.“, I, 4—20 (с репродукциями).— С. Кульбакин, Др.-ц.-сл. яз., изд. 3, 39; Le vieux slave, Paris, 1929, 27.— С. Станојевић, „J. фил.“, VI, 215 и сл.

Новгородские листки и Слуцкая псалтырь: F. Miklosich, Altslov. Formenlehre in Paradigmen, XV, Wien, 1874 (оба памятника

в этой работе относятся к старославянским памятникам, то же О. Wiedemann, „Beiträge“, 3) — Новгородские листки: V. Jagić, Ein verkanntes altslovenisches Denkmal, „JA“, V, 689 и сл. — W. Vondrák, Altslov. Stud., 67—69. — Ф. Фортунатов, „Изв.“, XIII, 2, 41—43. — С. Кульбакин, „J. фил.“, IV, 234 и сл.

Старославянские тексты в памятниках русской редакции: Н. Дурново, Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка, „J. фил.“, IV, 72—94; V, 93—117.

О старославянских текстах, представленных только в сербской или русской редакциях, см. § 118—143. Здесь мы укажем три евангелия, которые имеют некоторое значение для изучения старославянского языка:

Остромирово евангелие: Издание А. Востокова. Остромирово евангелие 1056—1057 г. С приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями, СПб., 1843. — Фототипическое издание по счет купца И. Савинкова: Остромирово евангелие 1056—1057 г., СПб., 1883 и 1889. — М. Козловский, Исследование о языке Остромирова евангелия (Исследования по русскому языку, I, 1—127, стр. 119—127, поправки к изданию Востокова), СПб., 1885. — В. Щепкин и А. Шахматов, Особенности языка Остромирова евангелия, Приложение (стр. 155—192) к Грамматике старославянского языка А. Лескина, Москва, 1890; об этом V. Oblak, „JA“, XIII, 248—253 — Ф. Фортунатов, Состав Остромирова евангелия; помещено в „Сборнике статей, посвященных... В. И. Ламанскому...“, II, СПб., 1908, 1416—1479.

Др.-серб. Мирославо евангелие: Издание короля Александра I: Мирослављево Јеванђеље, Белград, 1897, с палеографическо-грамматическим приложением Л. Стојановића. — С. Кульбакин, Палеографска и језичка испитивања о Мирослављевом Јеванђељу, Белград, 1925.

Др.-серб. Вуканово евангелие: И. Срезневский, Свед. и зам., XII (Сборник I). — С. Кульбакин, Заметки о языке и правописании Волканова евангелия, „Изв.“, III, 1140—1172.

§ 6 а. Общие работы по грамматике и лексике старославянского языка. Хрестоматии

ЛИТЕРАТУРА:

А. Более старые грамматики, главным образом исторического значения:

J. Dobrovský, Institutiones linguae slavicae dialecti veteris, Wien, 1822. О том же — монография Вейнгапта. M. Weingart, Dobrovského Institutiones, 1925, сначала в Sbornik filos. fakulty University Komenského v Bratislavě, т. I, 1923 и III, 1925, часть I — о грамматике Добровского.

F. Miklosich, Lautlehre der altslovenischen Sprache, Wien, 1850; Formenlehre der altslovenischen Sprache, Wien, 1850; оба исследования в переработке в Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, I, изд. 2, III, изд. 2, Wien, 1879 соотв. 1876 (включительно); как отдельные оттиски: Altslovenische Lautlehre, изд. 3, Wien, 1878; Formenlehre der aslov. Sprache, изд. 2, Wien, 1854; — Altslovenische Formenlehre in Paradigmen mit Texten aus glagolitischen Quellen, Wien, 1874; — Сравнительная морфология славянских языков, перевел Н. Шляков, под редакцией Романа

Брандта, Москва, 1884—1888. С важными поправками и дополнениями, стр. 745—838.

A. Schleich er, *Formenlehre der kirchenslavischen Sprache*, Erklärend und vergleichend dargestellt, Bonn, 1852.

А. Востоков, *Грамматика церковнославянского языка*, СПб, 1863.

А. Будило вич, *Начертание церковнославянской грамматики применительно к общей теории русского и других родственных языков*, Варшава, 1883.

Б. Грамматики, соответствующие современному состоянию науки¹

A. Leskien, *Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache*, Grammatik, Texte, Glossar., изд. 5, Weimar, 1910; стереотипное изд. 6, Heidelberg, 1922; изд. 1, 1871.— *Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache*, Heidelberg, 1909, (изд. 2, 1920).— Русский перевод этого справочника переработан А. Шахматовым и В. Щепкиным: *Грамматика старославянского языка* А. Лескина, перевод с немецкого с дополнением по языку Остромирова евангелия, Москва, 1890.— Л. Милетич, *Старобългарска граматика*, София, 1888 и более поздние издания.— А. Соболевский, *Древний церковнославянский язык*. Фонетика, Москва, 1891; 2 литографированное изд., 1910; *Курс церковнославянской морфологии*. По лекциям... А. И. Соболевского составили под редакцией профессора С. Воронихин и А. Петеретский, изд. 2, СПб, 1902 (литогр.).— W. Vondrák, *Altkirchenslavische Grammatik*, изд. 2, Berlin, 1912 (изд. 1, 1900).— Н. Грунский, *Грамматика церковнославянского языка (древнего и нового)*, изд. 2, Дорпат (Юрьев), 1910 (изд. 1, 1906), очень краткая; подробнее *Лекции по древнецерковнославянскому языку*, изд. 2, Дорпат (Юрьев), 1914 (изд. 1, 1907).— F. Pastrnek, *Tvarosloví jazyka staroslověnského s úvodem a ukázkami*, Praha, 1912, изд. 1, 1909.— С Кульбакин, *Древнецерковнославянский язык*, изд. 3, Харьков, 1917 (изд. 1, 1911—1912); *Грамматика церковнославянского языка по древнейшим памятникам*, „Энциклопедия славянской филологии“, 10, Петроград, 1915, *Mluvnice jazyka staroslověnského. Z rukopisu přeložil V. Havránek*, Praha, 1928; *Le vieux slave*, Paris, 1929.— Ф. Фортунатов, *Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка*. Посмертное издание, Петроград, 1919.— J. Łoś, *Gramatyka starosłowiańska. Głosownia-morfologia-składnia*, Lemberg — Warszawa — Kraków, 1922.— T. Lehr-Spławiński, *Zarys gramatyki języka staro-cerkiewno-słowiańskiego*, Posen, 1923.— С. Младенов, Т. Атанасов, С. П. Василев, *Учебник по старобългарски език*, Пловдив, 1926 (для средней школы).— H. Ułaszyn, *Język starocerkiewnosłowiański Zarys gramatyki-ćwiczenia-teksty-słownik*, Lemberg, 1928.

NB. В главах по фонетике и морфологии в списке литературы грамматики не указываются.

¹ Грамматики Кульбакина, Лескина и Вондрака — наиболее важные грамматики ввиду того, что материал обработан в них весьма обстоятельно, грамматика Лося и „Mluvnice“ Кульбакина важны из-за приведенного в них синтаксиса. На некоторые, менее важные грамматики, указывает еще Пастрнек в своем библиографическом обзоре славянской филологии 1876—1891, Berlin, 1892, 63—65.

[P. Diels, Altkirchenslavische Grammatik. Mit einer Auswahl von Texten und einem Wörterbuch, I — II, Heidelberg, 1932—1934.— M. Weingart, Rukovět' jazyka staroslověnského, I—II, Praha, 1937—1938.— Н. К. Грунский, Введение в славянское языкознание. Старославянский язык, Киев — Львов, 1946.— А. Товар, Antiguo eslavo, Madrid, 1949.— A. Vaillant, Manuel du vieux slave, I — II, Paris, 1948; русский перевод: А. Вайан, Руководство по старославянскому языку, Москва, 1952.— T. Lehr-Spławiński, Zarys gramatyki języka staro-cerkiewno-słowiańskiego na tle porównawczym, изд. 3, Kraków, 1949.— S. Słoiński, Gramatyka języka starosłowiańskiego (starobułgarskiego), Warszawa, 1950.— А. М. Селищев, Старославянский язык. I Введение; Фонетика, М., 1951, II. Тексты, словарь, очерки морфологии, М., 1952.— С. Д. Никифоров, Старославянский язык, М., 1952.— R. Rosenkranz, Historische Laut- und Formenlehre des Altbulgarischen, Heidelberg, 1954.— N. S. Trubetzkoy, Altkirchenslavische Grammatik. Schrift-, Laut- und Formen-System, Wien, 1954.]

В. Словари:

А. Востоков, Словарь церковнославянского языка, СПб, 1858—1861.— F. Miklosich, Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinitum emendatum auctum, Wien, 1862—1865.— И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, 3 тома, СПб, 1890—1912. Указывается здесь, поскольку используемые на памятники содержат тексты старославянского происхождения.

О новом плане словаря Вондрака см. M. Weingart, O slovníku jazyka staroslověnského. Prolegomena. Symbolae-Rozwadowski, II, 227—246.

[С. Петковић, Речник црквенословенског језика, Сремски Карловци, 1935.— L. Sadnik—R. Aitzetmüller, Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten, I — III, Heidelberg, 1955.]

Г. Хрестоматии:

Ф. Буслев, Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков, Москва, 1861.— V. Jagić, Specimina linguae palaeoslovenicae — Образцы языка церковнославянского по древнейшим памятникам глаголической и кирилловской письменности, СПб, 1882.— E. Berneker, Slavische Chrestomathie mit Glossaren, Straßburg, 1902, Abt. I, Kirchenslavisch.— Н. Каринский, Хрестоматия по древнецерковнославянскому и русскому языкам, СПб, 1904, изд. 2, 1911.— W. Vondrák, Kirchenslavische Chrestomathie, Göttingen, 1910; Kirkevněslovanská chrestomatie, Brunn, 1925.— Б. Ангелов и М. Генев, Стара българска литература (История на българската литература в примери и библиография, II), София, 1922.— S. Słoiński, Wybór tekstów starosłowiańskich (starobułgarskich), Lemberg, 1926.

[С. Романски, Старобългарски език в образци, София, 1945.— M. Weingart, Texty ke studiu jazyka a písemnictví staroslověnského, изд. 2, Praha, 1949 (подготовил J. Kurz).]

Д. История болгарского языка

S. Mladenov, Geschichte der bulgarischen Sprache, Berlin — Leipzig, 1929. В этой книге принимается также во внимание и старославянский язык. В списке литературы к отдельным параграфам данная работа не указывается.

II. ФОНЕТИКА

§ 7. Общие тенденции фонетического развития

К концу праславянского периода действовали две тенденции, значительно изменившие фонетическую систему славянского языка, а именно: 1) тенденция к восходящей звучности (Sonoritätswelle); в результате действия этой тенденции претерпели изменения не только закрытые слоги, став открытыми, но изменились и нисходящие дифтонги, благодаря чему наиболее звучной оказалась конечная часть слога, 2) тенденция к палатализации, т. е. сильное влияние предшествующих звуков на их окружение. Действие этих двух тенденций не закончилось в праславянский период; оно продолжалось в отдельных славянских языках, в том числе и в болгарском, который был положен в основу старославянского письменного языка и оказывал на него влияние в течение всего его дальнейшего развития. Таким образом, историю фонетической системы языка мы должны начать с рассмотрения указанных тенденций. При этом мы не будем подробно останавливаться на тех явлениях, которые одинаково проявляются во всей славянской области; мы будем говорить о них только по необходимости, очень кратко и без указания литературы, ибо это раздел истории праславянского языка; можно предположить, а иногда даже и точно установить, что некоторые процессы закончились только после расхождения языков, причем в развитии последних наблюдается примечательный параллелизм.

В болгарский период старославянского языка, когда возникали древнеболгарские памятники, а может быть уже и в моравско-паннонский период в текстах появляются хронологически более новые, диалектные черты болгарского языка, отступления от древнейшего типа; эти отдельные явления будут рассмотрены в § 20—35. Причем будет показано, что в языке опять становятся возможными закрытые слоги и нисходящие дифтонги, так как благодаря

падению *ъ* и *ь* в слабой позиции согласные, предшествовавшие этим звукам, включая сюда и *і*, оказываются в конце слога; однако при этом сохраняется характерная для славянских языков слабая связь (или слабо выраженный акцент). Указанное явление развивается параллельно во всех славянских языках. Тенденция к палатализации также ослабевает в течение старославянского периода. В результате некоторые палатальные звуки вновь отвердевают, а диалекты в этом отношении значительно расходятся между собой. Подобные явления имели место и в других славянских языках, однако каждый язык в развитии отдельных черт идет своим особым путем. Утрата неслогового *і* перед гласными относится уже к развитию отдельных языков; в праславянском имела место обратная тенденция: вставка *і* (см. § 15 и § 21).

Третьей особенностью исторического периода, имеющей свои параллели и в других частях славянской области, является взаимное сближение некоторых гласных переднего, заднего или среднего ряда, что иногда приводит к полному их совпадению; это относится к *ь* — *ъ* (поскольку они не перешли в сильном положении в *е* и *о*), к *і* — *у*, *г'* — *г*, *л'* — *л*. В этой связи можно упомянуть и о среднеболгарской мене носовых, указывающей на фонетическую близость среднеболгарских *ѣ* и *о*, при известных условиях приводящую к полному их совпадению; можно указать и на совпадение *ѣ* и *'а* в части болгарской области.

Сокращение долгих гласных произошло также в большинстве случаев уже после праславянского периода; и здесь между отдельными языками наблюдается известный параллелизм, но вовсе не единство; для такого древнего письменного языка, как старославянский, этот вопрос имеет второстепенное значение.

ЛИТЕРАТУРА:

Тенденции в развитии звуков славянского языка: W. Vondrák, Vgl. Gr., I, изд. 1, 11; I, изд. 2, 33.— A. Meillet, Des innovations caractéristiques du phonétisme slave, „Revue“, II, 206—213, он же, Slave c., II.— Ср. также А. Соболевский, Общеславянские изменения звуков, „РЧВ“, XXII, 1—49.

Открытые слоги, слабая связь: O. Jespersen, Lehrbuch der Phonetik, изд. 2, Leipzig—Berlin, 1913, стр. 204.— O. Broch, Slav.

Phon., стр. 263—269.— J. J. Mikko la, La question des syllabes ouvertes en slave commun, „Revue“, I, 15—19.

Позднейшие звуковые процессы церковнославянского языка: M. V a s m e r, „KZ“, XLI, 163 (с библиографией).

[N. van W i j k, К истории фонологической системы в общеславянском языке позднего периода, „Slavia“, XIX, 294 и сл.]

§ 8. Произношение старославянских звуков

Исторической фонетике мы предположим описание произношения отдельных звуков. Звуки, изменившиеся в течение старославянского периода или обладавшие местными различиями в произношении, мы рассмотрим позже в специальных разделах; в данном же параграфе будет идти речь только о вероятном древнейшем старославянском произношении.

В общих чертах старославянское произношение IX в. было близко к праславянскому. Для его определения мы располагаем следующими средствами: сравнение с другими славянскими языками и с болгарским языком позднейших периодов, учет случаев изменения орфографии в старославянских памятниках, анализ графики, исследование заимствованных слов, звукоаналитический метод Э. Сиверса. До сих пор, однако, данные, полученные Сиверсом, лишь частично согласуются с результатами других методов исследования.

А. Г л а с н ы е

- а (а) — довольно ясный звук а.
- о (о) — очень открытый звук. Такое праславянское и более позднее произношение этого звука выявляется из частой замены индоевропейского а посредством о в праславянских и старославянских заимствованных словах; например, общеслав. koraбl'ъ, ст.-слав. корабль < гр. καράβιον, ст.-слав. полъ < гр. παπᾱς, род. папᾱ, возможно, через германское посредство; гонезнѣти < гот. ganisan, поганъ < лат. pagānus. И, напротив, слав. о передается посредством гр. α: Σλαβηνοί и т. д., лат. а (в далматинских грамотах), например

Dabpa; ср. также финские слова из севернорусских говоров. Из этих фактов нельзя заключить, что славянское *o* незадолго до письменного периода было звуком *a*, но можно утверждать лишь, что *a* других языков имело довольно глухое, заднее произношение.

е (е) — е открытое. Нужно обратить внимание на замену его звуком ё в некоторых словах греческого происхождения: *нерѣи* наряду с *нерен*, *июдѣи* наряду с *июден* и т. д.

ѣ (ѣ) — по общепринятому мнению, звук ѣ. Это древнейшее старославянское произношение ё не совпадало с праславянским; см. § 27.

ю (и) — в общем, вероятно, довольно закрытое и.

и, ѣ, ѣ (і) — в общем, вероятно, довольно закрытое і.

ѣ, ѣи (у) — обычно считается монофтонгом среднего ряда верхнего подъема, как русское *ы* и польское *у*. Некоторые относят его к дифтонгам. Возможно, что произношение этого звука находилось в зависимости от соседних звуков, так же как и произношение русского *ы*; см. § 25. На монофтонгическое произношение указывают такие слова, как *монастырь*, *псалтырь* и т. д., в которых гр. *ti* (на письме *тѣ*) передается славянским *ty* (но *потѣрь* < *потѣрью*).

ѣ (о), ѣ (е) — носовые *o* и *e*, как во французских *оп* и *ѣп*, но *ѣ*, повидимому, более открытое, чем французское. Сиверс считает даже, что в некоторых случаях *ѣ* звучало как *a*, например *а* Супрасльской рукописи.

ѣ, ѣ (в транскрипции — *й* и *ї*) — очень краткие гласные, называемые обычно полугласными или ерами. Название „иррациональные гласные“ менее удачно, чем „сверхкраткие“ (см. Leskien, „JA“,

XXVII, 323). Лучше всего назвать их „ерами“, поскольку такое название ничего не говорит о их произношении. В древнейшем старославянском языке ѣ был лабиализованным задним звуком или лабиализованным „шва“, ъ был передним нелабиализованным звуком; см. § 23.

ѣ, ъ — на письме передаются через ѣ и ъ, а также посредством ѣ, и (і). Это своего рода промежуточные звуки между ѣ и у или ѣ — і. Их называют напряженными ерами или редуцированными у и і; см. § 24.

рѣ, рѣ, лѣ, лѣ — имеют двоякое произношение в зависимости от происхождения:

1. $r + \text{ѣ}$, $r + \text{ѣ}$, $l + \text{ѣ}$, $l + \text{ѣ}$;

2. Заднее и переднее r и l слоговые или нечто вроде r^b , r^b , l^b , l^b . Различие между r слоговым и r^b (r с гласным элементом) и т. д. едва ли ощутимо; возможно, что оба произношения сосуществовали; см. § 13 и 28.

ѣ, ю, ю, ѣ, ѣ — см. о неслоговом j . Вполне возможно, что в древнейшем старославянском языке ю, ѣ и ѣ (глаголич. Δ), употреблявшееся на месте праслав. ja , после неслогового j и мягких согласных были звуками типа $\ddot{u}$, $\ddot{o}$ (или чем-то вроде $\ddot{u}$, $\ddot{o}$) и $\ddot{a}$ (а); см. § 19.

Б. Согласные

б (b), п (p) — звонкий и глухой губные (билабиальные) взрывные звуки, без придыхания. — м (m) — звонкий губной носовой.

д (d), т (t) — звонкий и глухой зубные взрывные звуки, без придыхания. — н (n) — звонкий зубной носовой.

г (g), к (k) — звонкий и глухой веларные взрывные звуки без придыхания. — х — глухой веларный спира́нт.

в (v) — повидимому, губно-губной спирант. Развитие новъ и т. д. показывает, что на месте этого звука не произносится ц, в противоположность формам с ĭ типа мон (moĭ) и т. д. из *moĭь и в противоположность формам со старым ĭь типа нго, нжѡ; въ, но ѡу (из цъ) является сербизмом, если такое и встречается в болгарских говорах. Надо также обратить внимание на передачу слова Παῦλος посредством Пауль или посредством Павъль.

ĭ — на письме или совсем не обозначается или обозначается посредством модификации последующего гласного; указанные модификации после согласного означают мягкость последнего, причем употребляется еще дужка ¹ (ѡти = ieti, вола, во[^]ла или во[^]ла = vol'e). В глаголической азбуке йотация и смягчение перед ѡ остаются неотмеченными, в Син. пс., в Охр. ев. и в Киевских листках — также и перед ѣ (ѣ = ѣ и iе, 'е). Это, вероятно, более древняя черта, чем различие между ѣ и ѣ (ѣ и iе, 'е), проводимое в других текстах. Для ја, 'а (в древнейшем старославянском языке, очевидно, произносились как ĭа, 'а) в глаголице применяется тот же значок, что и для ѣ (а); особый значок есть для ĭи или, скорее, ĭŭ, ĭŭ (ѣ) и для ĭр или, скорее, ĭŏ, ĭŏ (ѣ). В кириллице представлены буквы ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ; в ней находим ѡ наряду с ѡ (см. § 27); древнейшие кириллические тексты употребляли ѡ после гласных для обозначения iе, после же согласных встречались ѡ или а. В какой мере начальное и поствокальное ĭ в известных

¹ Чаше всего в Зографском евангелии и в Супрасльской рукописи; точно неизвестно, употреблял ли Константин эту дужку.

случаях получает йотацию, установить нельзя; при поствокальном *i* (дѣлѣтѣ, нѣслѣдоуѣ, одоуѣ, новѣ и т. д.) можно отметить постепенное ослабление слоговой функции и предположить переход в *i*, так как эти два звука уже раньше совпадали в одном (в отличие от сочетаний *yi*, *ii*). Путем звукового анализа Сиверс приходит к отрицанию йотации и смягчения согласных в тех случаях, где слависты обычно признают и то и другое.

р (r) — вибрирующий переднеязычный r. — л (l) — средний (или задний?) l.

з (z), с (s) — звонкий и глухой зубные фрикативные.

ж (ž), ш (š) — звонкий и глухой шипящие звуки. Славянские *ž*, *š* на месте *z*, *s* в словах, заимствованных из латинского языка (церк.-слав. *крижма* < лат. *chrisma*, *мыша* < *missa* и т. д.), указывают на различие в произношении между славянскими и романскими *s* и *z*.

с (dz), ч (c), ѣ (č) — аффрикаты, состоящие из *d + z*, *t + s*, *t + š*. Каждая из этих групп согласных представляет для славянского языкового чувства одно фонетическое целое; то же относится и к ст.-слав. *шт*, *щ* (*št*) и *жд* (*žd*).

В позднем праславянском языке смягченными были *š*, *ž*, *č* и звуки, из которых позже развились др.-болг. *št*, *žd* (должно быть, подобные *tj*, *dj*), так же как и возникшие по закону Бодуэна (см. § 17, п. 4) *dz*, *ts*, *s* (ст.-слав. *кѣназь*, *отѣць*, *вьсь*) и *l'*, *n'*, *r'*, образовавшиеся из *l*, *n*, *r* + *i*.

Данные истории языка и орфографические указания свидетельствуют об их мягком произношении еще в эпоху позднего старославянского языка; *l'*, *n'*, а по диалектам также и другие согласные оставались и позже смягченными. В таких словах, как *чѣль*, *зѣло*, *вьсьмь* (см. § 17, п. 2), *c*, *dz* и *s* были тоже смягченными, но не в такой степени, как в слове *кѣназь* и т. д. И у нас нет никаких доказательств, что указанное произношение еще сохранялось в старославянском языке.

В славянских языках не было звуков, соответствующих греческим φ и ψ . Для передачи звука φ в заимствованных словах был создан особый значок по греческому образцу. Однако произносили его часто как лат. p , воспринимая, следовательно, значок для $\dot{\imath}$ как букву, обозначающую звук p в греческих словах. Потому встречаются и такие написания: тафати 'τὰ πᾶθῃ' (Мар., заголов. к Иоанн., 18), фрѣпѣу 'προφήτῃ' Клоц., 134, скорѣфни, Фетрѣни (Син. тр., 516, 19 и сл., 93а, 3 и т. д.). На месте гр. ψ встречаем t , вероятно, как более старую передачу этого звука, а также значок ϕ , заимствованный из греческого. Нехтигаль попытался произвести реконструкцию, относящуюся к более раннему периоду: значок ϕ на месте греческого ψ еще в моравско-паннонский период стал только вариантом ϕ . k вместо x в таких случаях, как пѣска (старославянские источники имеют написание пѣсха; но дат.-местн. пп. пѣсць, -тъ заставляет предположить произношение paska),

¹ См. также § 23, п. 4 а.

скима (Син. тр., 82а, 3; в среднеболгарском часто), видимо, основано на различии в произношении между гр. *σχ* и слав. *сх*; может быть, оно восходит к вульгарно-греческому произношению *sk*. Напротив, для таких слов, как *крѣсть*, *кризма*, можно предположить германскую или романскую форму с *k*.

В. Количество и ударение

Исконно долгими были гласные *а, ё, і, и, у, ѣ, е* и плавные сонанты; исконно краткими были *е, о, ь, ъ*. В старославянском языке, как и в других славянских языках, *ь, ъ* становились свехкраткими, а затем в слабом положении исчезали (см. § 23). Для долгих гласных в дальнейшем принимают очень раннее, еще праславянское сокращение в следующих позициях: в конечном слоге, в положении не непосредственно перед главным ударением (например, *klādenā*), во втором предударном слоге, или еще дальше от главного ударения, или за ним (например, *(j)āgoda, dēsētero*), непосредственно перед ударным долгим закрытым слогом (*χvāliti > -liti*), в закрытом слоге с акутовым ударением (например, *χvāliti*). Однако нельзя доказать, что эти законы были праславянскими, и мнение Сиверса (основанное на звукоаналитических исследованиях), что в Киевских листках все без исключения старые долгие гласные являются долгими, с точки зрения истории языка вполне приемлемо. В современном болгарском языке старые различия в долготе исчезли; начало этого процесса нивелировки гласных может восходить еще к древнеболгарскому периоду.

Для старославянского языка в общих чертах можно предположить такое же ударение, как в позднем праславянском языке; это ударение лучше всего сохранилось в русском языке и в чакавских говорах. К какому периоду относятся известные случаи перемещения ударения — к позднему ли праславянскому или к более раннему времени — точно установить нельзя; речь идет о таких случаях перемещения ударения по закосу де Соссюра, как *bōbъ < bobъ*, когда ударение вначале находилось на *-ъ*. Иногда нам может помочь исследование старославянских стихов; однако их очень мало. Кое-что может дать нам и звукоаналитический метод. То же самое относится и к интонации. У Сиверса есть некоторые материалы

о движении тона и его направлении. Однако все его высказывания о высоком, среднем и низком регистре, о нисходящем, ровном и восходящем тоне, о прямом или изогнутом движении тона более важны для отдельных текстов, чем для старославянского языка вообще.

ЛИТЕРАТУРА:

Звуко-аналитический метод: E. Sievers (вместе с G. Gerullis и M. Vasmer), *Die altslawischen Verstexte von Kiew und Freising*, „Berichte sächs. Akademie, Phil.-hist. Klasse“, LXXVI, 2, Leipzig, 1925. — Того же автора: *Altslawisch e und ja. Eine sprachgeschichtliche Untersuchung*, „Berichte“, LXXVII, 2, Leipzig, 1925. В обоих исследованиях приведены замечания о произношении многих старославянских звуков и о движении тона.

Славянское произношение вообще: О. Броч, *Очерк физиологии славянской речи*, „Энциклопедия славянской филологии“, V, 2, СПб, 1910; немецкое издание: O. Broch, *Slavische Phonetik*, Heidelberg, 1911. — Старославянские звуки: А. Соболевский, *Звуки церковнославянского языка*, „РФВ“, XX, 241—274.

о и вопрос о заимствованных словах: F. Miklosich, *Vgl. Gr.*, I, изд. 1, 13, изд. 2, 71. — J. Schmidt, *Vocalismus*, II, 170, со сноской. — Н. Хирт, „РФВ“, XXIII, 330. — М. Bartoli, *Jagić-Festschr.*, 32 и сл. — М. Фасмер, „Изв.“, XII, 2, 202; *Zur slavischen Vertretung von arioeurop. o*, „KZ“, XLI, стр. 157—164. — A. Meillet, *Slavec.*, стр. 46 и сл. — P. Kretschmer, *Die slavische Vertretung von indogerm. o*, „JA“, XXVII, 228—240. — J. J. Mikkola, *Berührungen*, 36 и сл. — Я. Эндзелин, *Слав.-балт. этюды*, стр. 106 и сл. — Н. Jacobsohn, *Arier und Ugrofinnen*, Göttingen, 1922, стр. 76 и сл.

е, ё в греческих заимствованных словах: В. Щепкин, *Рассуждение*, стр. 270 и сл. — М. Фасмер, „Изв.“, XII, 2, стр. 202 и сл. — Н. Грунский, *К Зогр. ев.*, стр. 36 и сл. — A. Margulies, „JA“, XLI, стр. 168—178. — В. Погорелов, „*Slavia*“, VII, стр. 876—878.

у (ы) считают дифтонгом в праславянском и в старославянском: А. Томсон, „РФВ“, LIII, 237—240, 245—252; LXV, стр. 148 и сл.; „IF“, XXIV, 5; „Zschr.“, IV, стр. 347, 353—356. — Б. Ляпунов, *Формы склонения*, стр. 24 и сл.; А. А. Кочубинский и его труды по славянской филологии, Одесса, 1909, стр. 21—23; „JA“, XXXIII, стр. 533; „Изв.“, XXIX, стр. 158 и сл. — Б. Цонев, *МСБ*, XVIII, 385 и сл. — A. Meillet, „RS“, IV, 135 и сл. — J. Rozwadowski, *Gr. J. P.*, стр. 172. — E. Sievers, *Verstexte*, стр. 11 и сл.; *e und ja*, 6 — К монофтонгам относят: С. Кульбакин, *Прасловянське ѣ*, *Сбірник в память Михальчука*, Киев, 1914, стр. 46—53. — Г. Ильинский, *Прасл. гр.*, стр. 59 и сл. — M. Weingart, *Prasl. vok.*, стр. 34 и сл. — W. Vondrák, *Vgl. Gr.*, I, изд. 2, стр. 129—131. О *монастырь* и т. д. см. A. Meillet, *Études*, стр. 186 и сл.; М. Фасмер, „Изв.“, XII, 2, стр. 207, сноска 4, В. Погорелов, „*Slavia*“, VII, стр. 873 и сл. *ja, ju, jo*: Ф. Фортунатов, *Лекции*, 17. — П. Бузук, „Изв.“, XXIX, 330—332.

у С. Кульбакин, Спирант у в славянских языках, Сборник в честь... Дринова, Харьков, 1905, стр. 221—236.— А. Meillet, „MSL“, XI, стр. 174.— А. Frinta, Fonetická rovaňa a historický vývoj souhlásky „v“ ve slovanštině, Praha, 1916, особенно стр. 75.— С. Младенов, „РФВ“, LXXII, стр. 395 и сл.; „Slavia“, IV, 139.

š, ž < ром. s, z: А. Соболевский, К истории заимствованных слов и переводных повестей, „Изв.“, X, 2, стр. 140—145; Мат. и иссл., стр. 186—192.— В. Ягич, „JA“, XXIV, стр. 265.— М. Фасмер, *košulja:kačula*, Jagić-Festschr., стр. 273—275.

Ступени палатализации: В. Ягич, „JA“, II, стр. 222—225.— Ф. Фортунатов, „JA“, XI, 567; Лекции, стр. 15 и сл.— А. Шахматов, „JA“, XXV, стр. 225; Очерк, стр. 59 и сл.— R. Ekblom, „MO“, X, стр. 12—14 (с библиографией); XII, стр. 177—223 и др.— С. Кульбакин, „J. фил.“, III, стр. 156—158.— А. Meillet, *Slave s.*, стр. 78 и сл.— W. Vondrák, *Vgl. Gr.*, I, изд. 2, стр. 332.

Ġ, глаголич. Ѧ: М. Фасмер, *Der Lautwert des glagol. Ѧ (h)*, „Zschr.“, I, стр. 163 и сл.; V, стр. 523.— С. Кульбакин, „J. фил.“, V, стр. 309.— А. Margulies, „JA“, XLI, стр. 90 и сл.; XLII, стр. 70. См. также А. Соболевский, „РФВ“, XVII, стр. 407 и сл.

Гр. φ в славянском: А. Meillet, *Études*, стр. 188 и сл.— М. Фасмер, „Изв.“, XII, 2, стр. 204 и сл.— С. Кульбакин, *Мирсл.*, 103.— Гр. ѳ: М. Фасмер, там же, 211, 216.— С. Кульбакин, там же, 33, 103.— R. Nahtigal, *Črka „pe“*, „Razpr.“, I, стр. 135—154.— В. Погорелов, „Slavia“, VII, 881 и сл.

плекс и т. д.: П. Лавров, *Обзор*, 94.— М. Фасмер, „Изв.“, XII, 2, стр. 213.— С. Кульбакин, *Мирсл.*, стр. 106.

Старые законы сокращения гласных: А. Шахматов, „Изв.“, VII, 2, стр. 312—320.— С. Кульбакин, „RS“, I, стр. 54 и сл.— J. Rozwadowski, *Gr. J. P.*, стр. 84 и сл.— V. Vondrák, *Další příspěvky k nauce o praslovanském přízvuku*, Brunn, 1924.— E. Sievers, *Verstexte*, 10.— М. Фасмер, там же, стр. 56 и сл.

Ударение в древнеболгарских стихах: А. Соболевский, *Мат. и иссл.*, стр. 6—9.— E. Sievers, *Verstexte* и др.

§ 9. Тенденция к восходящей звучности (§ 9—15)

Тенденция к восходящей звучности вызывает следующие фонетические процессы:

1. Монофтонгизацию нисходящих дифтонгов: ěi, ěi, ōi, ěu, ěu, ōu¹.

2. Изменение сочетаний гласного с носовым согласным в ę, ɔ, если только носовой не исчез, а in, up не изменились в i, u.

3. Перемещение границы слога, вследствие чего соглас-

¹ ěi > i; ěi, ōi > ě, а в конце слова, согласно известному правилу, в i; bogu, вероятно, из -ōi; bogu (твор. п. мн. ч.), повидимому, из -ōis, ěu > ju, u; ěu, ōu > u.

ные, закрывающие слог или относящиеся к разным слогам, переходят к следующему слогу.

4. Утрата согласных, закрывающих слог, в тех случаях, когда не был актуален процесс, указанный в п. 3;

5. Метатеза или русское полногласие при дифтонгических сочетаниях *or, ol, er, el*.

6. Изменение *ъг, ьг, ы1, ы1* в плавные сонанты (заднего или переднего ряда).

7. Вставка редуцированного между согласными в иностранных и заимствованных словах.

8. Развитие *і, ь* при некоторых начальных гласных также, очевидно, связано с тенденцией к восходящей звучности слога.

Явления, указанные в пп. 1 и 2, имеют общеславянский характер и относятся к доистории славянских языков. Правда, в некоторых случаях завершение развития произошло уже после распада славянского единства; но наиболее правильно методически для истории славянских языков относить явление полного совпадения (а такие общеславянские отношения встречаются везде в древнейших текстах) к доистории.

Отмеченные в пп. 3, 4, 6 звуковые процессы также являются общеславянскими, но рассмотрение их необходимо для лучшего понимания некоторых явлений старославянского языка; подлежат рассмотрению и случаи (это относится главным образом к пп. 5 и 8), при которых развитие тех или иных процессов не является общеславянским.

§ 10. Изменение слогораздела

Согласные, закрывающие слог или принадлежащие двум слогам, относятся к последующему слогу в том случае, если при этом начало слога оказывается удобопроизносимым для славянина. Так, например, в позднем праславянском и в старославянском языке сочетание приставок *ot-, vъz-, vъn-* с *iti* произносилось как *o-ti-ti, vъ-zi-ti, vъ-ni-ti*; произносили также *тъ-zda, мо-zgъ, те-plъ, о-гнь*. Лескин (Gramm., 53 и сл., 59 и сл., 62) дает обзор начальных групп согласных, терпимых в языке; о том же см. А. Белич, „J. фил.“, II, 225. Там же, где возникала какая-либо другая группа согласных, действовали звуковые процессы, описанные в § 9, пп. 4—7, § 11—14.

С перемещением границы слога был связан ряд особых явлений, к которым мы и переходим.

1. Утрата *v* после *b*: ст.-слав. *ѡбити*, праслав. *o-bi-it* < **o-bvi-ti* < **ob-viti*; также *ѡбазати*, *ѡбѣшти*. Гораздо древнее выпадение *v* в праслав. **b(v)eхъ*, ст.-слав. *бѣхъ*.

2. Выпадение *k* между *s* и *n*: ст.-слав. *тиснѣти к тискъ*.

3. Появление *d* между *z* и *r*, например: ст.-слав. *възрадовати*, *издрѣшти*, *издрѣти*, *из-д-ръкъ* (*Супр.*, 81, 4/5, *Требн.*, 54 б, 4), *из-д-ръкъ Требн.*, 85 б, 6, *издраиль*. Это повторение значительно более древнего процесса, который вызвал *t* и *d* в славянских словах: *ostrъ* (гр. *ἄστρος*), *struja* (лит. *srovė*, др.-инд. *sru-*), *nozdrī* (лит. *nasraĩ*), *męzdra* (*męms-rā-*).

Процессы, указанные в пп. 1, 2, 3, были бы возможны и при распределении групп согласных *bv*, *skn*, *zr* между двумя слогами, но произношение их в одном слоге являлось обстоятельством, побуждающим или ускоряющим указанные явления.

4. Более важными являются процессы, происходящие в праславянских предлогах, оканчивающихся на согласный: *bez*, *iz*, *vъz*, **orz*; *ob*, *ot*; *vъn*, *съn*, *къn*.

Предлоги *bez*, *iz*, *vъz* (два последних — также глагольные приставки) и приставка *raz-* пишутся в древнейших текстах без конечного *ъ* (богатый материал дан у Вондрака, *Aksl. Gr.*, изд. 2, 185 и у Кульбакина, *Др.-ц.-сл. яз.*, изд. 3, 121 и сл.). Эти формы на *z* унаследованы из праславянского; функция предлога или приставки приводила к тому, что конечный звук развивался, подобно звуку внутри слова: праслав. *bez oтъс'a*, *bez naroda* и т. п. произносились *be-zo-тъс'a*, *be-zna-ro-da* и также в ст.-слав. *без оъца*, *без народа*, *вѣс краи* и *въздыхати*, *из насъ*, *исходити*, *раздати* и т. д., где *z* и *s* относились к последующему слогу. Написания *възвръхъмьнѣишѣ* (*Супр.*, 86, 30), *изъобрѣсти* (там же, 92, 24), *възъхоулиши* (481, 8/9), *разъврѣже* (501, 13/4), *възълъблъ* и повторяющееся *изъ* в Остр. ев. и т. п. встречаются только в более поздних памятниках и представляют собой образования по аналогии с предлогами на *-ъ*; отчасти этот *ъ* — вероятно, только графическое явление, подобно другим, уже не произносимым в старославянском языке редуцированным.

Тесная связь звука *z* со следующим звуком вызвала такого рода изменения:

а) перед глухими согласными (кроме *s*, *š*, *č*; см. пп. б и в) *z* изменяется в *s*: ст.-слав. *всѣ твоѣ, исхощити, вѣс краи, распустиити* и т. д.;

б) *z* исчезает перед *z*, *s*, *š* (как и *s*, возникающее из *z*): ст.-слав. *во зълѣбы, вѣсмырътънѣ, и свѣтааго, ишѣдѣ, раширити* и т. д.; см. § 11, п. 4; *ѿсшѣдѣ Супр.*, 558, 23/4, *вѣсшѣдѣшоуоумоу* 321, 11/2 и другие более поздние, а может быть, только графические новообразования;

в) *z* + праслав. *dž* (откуда общеслав. *ž*, ст.-слав. *ж*) изменяется в *ždž*, а последнее, по древнеболгарской диссимиляции, — в *žd* (жд); *z* + *č*, минуя стадию *sč*, изменяется в *šč* и затем в др.-болг. *št* (шт, ш). Произношение этих групп было первоначально мягким, как и лубых *жд*, *шт*, например: *иждѣнѣ* < **iz-dženŋ*, *въждадати* < **vъz-džędati*, *рждѣшти* наряду с *женѣ, жадати, жѣшти*; *иштеже Мар.*, *Асс.*, *Лука*, 24, 31, *Син. пс.*, 92, 15 (ѣ) < **is-čęze*, *вѣштѣсти Зогр.*, *Марк.*, 6, 4 < *bez čęsti*, *иштрѣва Син. пс.*, 25, 18, *ишрѣва Остр.*, *Лука*, 1, 15. Иногда *č* сохранялось под влиянием других случаев с начальным *č*, но тогда диссимиляция развивалась в другом направлении, в результате чего возникали такие формы, как *иѣѣж Син. пс.*, 130, 10, *и-ѣрѣва там же*, 14, б, 14 (*Пс.*, 109, 3; *Пог. и Соф.* не *ѣрѣва*) и т. п. В древнейших евангелиях этого нет в сложных словах, но встречается в *вѣштѣсти Зогр. ев.*, *Матф.*, 13, 57 (*Мар.* *вѣштѣсти*), *вѣштѣсти Мар.*, *Марк.*, 1, 4, *и-ѣрѣва (ѣ) Мар.*, *Зогр.*, *Асс.*, *Лука*, 1, 15; *Син. тр.* *иѣѣштѣна* 63а, 2, *вѣ-ѣштѣсти* 1а, 25 наряду с многочисленными формами с *шт*; *Супр.* *иштѣдѣдѣше* 466, 17 и т. д., *вѣштѣштѣнѣ* 436, 7 и т. д., находим также примеры с восстановленными по аналогии *z*, *s*: *вѣзѣдѣнѣм* 249, 16, *вѣсѣштѣвѣнѣ* 328, 10 и т. д. Ср. с этим *ишѣлѣити, ишт-*, *иѣ-* в § 31;

г) *z* + *s* выступает как *sc* или *st*; также *zd* < *zdz*; см. § 31;

д) *z* + *r* > *zdr*; см. выше п. 3;

е) *z* + *n'*, *l'* > *žn'*, *žl'*, например: *ѣѣнѣго Зогр.*, *Марк.*, 1, 25, *вѣж иѣгоже Киевск. лист.*, VI, 14/5, *вѣжѣѣѣж Зогр.*, *Иоанн.*, 14, 21. Эти формы для всех старославянских текстов являются фонетически обязательными, а такие формы, как *ѣз неѣго Зогр.*, *Лука*, 6, 19, *вѣжѣѣѣѣнѣ* — там

же, *Иоанн*, 14, 21 и т. д., представляют собой более поздние образования по аналогии.

По тем же причинам, по каким *з* сохранилось в *без*, *из*, *взз*, *разз*, сохранялось *в* и в *ов*, праслав. *ob* в *ок* *онъ полъ*, *ов* *ношъ* (оба примера в евангелии) и в сложении с глаголами, начинающимися на гласный звук или на *в*, *л*, *н*, *р*, например: *овоути* *овити* (*ob-viti*; см. стр. 76, п. 1), *овложити*, *овновити*, *оврезати* (см. глоссарий к *Мар. ев.* и *Син. пс.*). Различие здесь только в том, что в противоположность *взз* и т. п. *в* отпадает перед другими согласными, например: *о-градъ* 'χαῖρος', *о-дѣти* 'περιβάλλειν', *о-копати* 'σκάπτειν περι', *о-плоть* 'φραγμός'; то же относится и к предлогу *о*, который употребляется даже там, где должно было бы быть *ов* (*о* *вась* и т. д.). Такие формы, как *овьдръжа* *Асс.*, *Лука*, 14, 7, *овьстоимъ* *Мар.*, *Лука*, 21, 20, *овьхождаше* *Мар.*, *Марк*, 6, 6, *Зогр.* *овь-* — в двух случаях, *овьстоимъ* *Син. пс.*, 144, 13/4, *овьништахъ* 106 б, 5 (-*ен*- *Болон.*, *Погод.*, *Чуд.*), *овьшедшихъ* 386, 4 и т. д., *Хиландар. л.* *овьходитъ*, -*атъ*, *Супр.* *овьхода*, *овьвати*, *овьвѣтъ*, *овьстоимъ* *Асс.*, *Остр.* *овьвѣмлютъ*, *овьвѣмъ*, возникли вследствие введения по аналогии приставки *ов*; редуцированный мог появиться, по крайней мере перед согласными, так же, как он появляется в греческих словах *видѣсандъ*, *альфѣовъ* и т. д. Подобным же образом можно объяснить и мену *ъ* в *ъ*. При этом можно предположить такой же процесс аналогии, как и при *изъ*. Под действием аналогии в другом направлении имеем: *овьовѣжавъ* *Клоц.*, 40 (*Супр.*, 326, 21: *овьовѣжавъ*), *ов(ъ)торити* *Супр.*, 569, 13, 22; 570, 2, формы *onemeti*, -*ml'ati* *Син. пс.*, *Требн.*, *Супр.*

То же можно предположить и относительно праслав. **ot-*; оно встречается в *отити*, *отати*, *отрокъ*, *отверсти*; с выпадением *t*: *оходити*, *ошѣдъ*, *оставити* и т. д. Но значительно чаще находим *отъ-*: *отъдати*, *отъпоустити*, *отърѣшити*, *отъврѣшити*; также и *отъходити* наряду с *оходити* (*Мар.*, 1:5, *Зогр.*, 2:4). Древность *от-* видна из *отверсти* (*Мар.*, *Зогр.*, *Асс.*, *Пс.*, *Клоц.*, *Требн.*, *Сав.*, *Супр.*); здесь исконная форма потому так хорошо сохранилась, что указанный глагол без приставки не встречается, в результате чего сложный глагол не воспринимается языковым сознанием как сложный; также и *отрѣшити* в старославянском имеет только *от-*. Совпадение *ot-* и *ob-* в тех сложных словах, где *t* или *b* исчезало

Так называемое эпентетическое п, которое выступает после предлогов перед падежными формами местоименной основы *i-*, *ie-*, развилось из конечных согласных некоторых предлогов. Общеславянские предлоги *vъ*, *съ*, *къ* произносились раньше как **vъп*, **съп*, **къп*. Перед гласными и неслоговым *i* п сохранилось, причем так же, как *z* в *bez* и т. д., оно произносилось в начале следующего слога. Так возникли старославянские глаголы типа *вънити*; *сънити*; *вънмати*, *вънмаѣ*; *вънати*, *вънмаѣ*; *сънати*, *сънмаѣ*; *сънѣсти* и такие имена существительные, как *сънъмъ*, *сънатиє* ‘*συνέδριον*’, *сънмишгє* ‘*συναγωγή*’; эти сложные слова появились раньше, чем появилось *i* перед начальным гласным переднего ряда, вызвавшее такие формы, как *имати*, *иммаѣ*, *имати* и т. д.

Первоначально это п находилось в составе сочетания предлога с именем, но, кроме отдельных случаев (вън-оуш *Син. пс.*, 18, 10, вън-оушю *Мар.*, Лука, 1, 44; Зогр. и др. имеют более позднюю, нефонетическую форму: въ оушю), оно сохранилось только в сочетании, слившемся в одно слово: вънѣтръ 'ѣσω' (въ ѣтръ *Син. тр.*, 196, 6 — вторично; к вънѣтръ относятся: вънѣтръѣдоу 'ѣσωθεν', вънѣтрѣни 'ὁ ἐντός') и в абстрагированном нѣдръ (ср. р. мн. ч.) 'κόλπος' из вън-ѣдръ, вън-ѣдрѣхъ (*Син. пс.*, 43, 8; 107, 7; 1196, 4; *Супр.*, 244, 26) (кроме упомянутых сочетаний, это слово, начинающееся с п, встречается только после древнеболгарского периода; без п — *Син. пс.*, 936, 18, *Клоц.*, 911).

Более продуктивным является это эпентетическое п при косвенных падежах всех родов и чисел в местоименной основе *je-*, *ij-*, *ij-*, так что из праславянских сочетаний *кь п'ету*, *кь п'еji*, *кь п'имъ*; *въ п'ъ*, *въ п'е*, *въ п'о*, *въ п'е*; *въ п'емь*, *въ п'еji*, *въ п'ихъ*; *съ п'его*, *съ п'еje*, *съ п'иуъ*; *съ п'имь*, *съ п'еjo*, *съ п'ини* и т. д., возникших

благодаря переходу п во второй слог и слиянию его с і; п'е-, п'ъ-, п'і- воспринимаются как формы местоименной послепредложной основы, которые начинают употребляться и после остальных предлогов. Отсюда старославянские формы до ѿго, ѿеа, ѿихъ; на ѿъ, ѿъ, ѿа; отъ ѿго и т. д.; это общеславянское явление. Оно отражается даже в союзах: злѣе (также с же), поѿже (реже без же) 'ѿтѣ ѣпѣдѣ', отъ ѿвѣ (же) 'ѿр' оѿ, ѿр' ѿс', до ѿдѣже (реже дондѣже; *Мар.*—47:2; *Зогр.*, за искл. *Зогр. б.*—35:8), до ѿвѣже (*Супр.*, 216, 28, *Сав.*, *Лука*, 17, 8), въ ѿсѣд (в Ев. нет, повторяется в *Пс.*, *Супр. рук.* и т. д.), отъ ѿдѣ же *Син. пс.*, 168, 10, *Син. тр.*, 536, 24, 57а, 4'5, отъ ѿдѣоу же *Син. тр.*, 546, 15. В сложных глаголах такое н встречается реже, его совсем не находим в древнейших текстах, лишь иногда в *Супрасльской рукописи*: отъна 32, 18; отънѣмъ 512, 21; отънѣмѣмъ 141, 4/5 вместо обычной формы ота и т. д.

ЛИТЕРАТУРА:

Р. Брандт, „РФВ“, XIV, стр. 350 и сл.—А. Meillet, *Etudes*, стр. 111 и сл., 153—155, 157 и сл.; „GGA“, 1910, 372—374; „RS“, VI, 126 и сл.; „MSL“, XX, 111 (об этом же С. Кульбакин, „*Южн. фил.*“, V, стр. 329); *Slave s.*, стр. 109—136 и др.—Я. Эндзелин, *Латышские предлоги*, I, Дорпат, 1905, стр. 1 и сл., 56 и сл., 62—64, 100 и сл., 109 и сл.—Ф. Фортунатов, *Состав О. Е.*, стр. 25 и сл.; „*Изв.*“, XIII, 2, стр. 10 и сл.; *Лекции*, стр. 222—224; *Краткий очерк сравнительной фонетики и.-е. языков*, Петроград, 1922, стр. 125—129.—J. Rozwadowski, *Jagić-Festschr.*, стр. 305 со сноской; „RS“, II, стр. 87—91.—О. Нуйер, *Slov. dekl. jm.*, стр. 18—25; „*Sb. fil.*“, VII, стр. 23—31.—Г. Ильинский, *Прасл. гр.*, стр. 257—274 и др.—P. Lang, „*CMF*“, V, стр. 104—108.—F. Trávníček, „*CMF*“, VIII, стр. 101—105, 198—202.—W. Schulze, *Zur kirchenslavischen Orthographie*, *Festschrift A. Bezzenberger zum 14. April 1921 dargebracht*, Göttingen, 1921, стр. 144—147.—M. Rešetar, „*Revue*“, III, стр. 216 и сл.—J. Kurz, *Příspěvek k staroslověnskému pravopisu* (Ksl. otrěšiti), MNHMA (*Zubaty-Festschrift*), Praha, 1926, стр. 428—438.—S. Słowski, *Prefiksy ob- | o- | o- w języku starobułgarskim i kilka wypadków t. zw. drugorzędnej dekompozycji w języku nowobułgarskim*, *Symbolae Rozwadowski*, II, стр. 223—226.

§ 11. Утрата согласных, закрывающих слог

Прежде всего необходимо различать положение внутри слова и в конце слова. В позднем праславянском языке

все конечные согласные, кроме указанных в § 10 предлогов, утратились и только носовые в некоторых случаях оставили следы своего существования в носовом произношении гласных *ѣ*, *ѣ*. Изменения конечных звуков — явление общеславянское, и история старославянского языка должна констатировать их как уже совершившийся факт; с точки зрения церковнославянского языка, *-ъ* является окончанием им.-вин. п. ед. ч. мужского рода основ на *-о*; *-ѣ* — соответствующее окончание среднего рода, *-ѣу* — окончание дат. п. ед. ч., *-ѣи* — окончание твор. п. мн. ч. тех же основ, *-ѣ* — тематическое окончание 1 лица ед. ч. настоящего времени и т. д. Возникновение этих окончаний — проблема предыстории. Только в двух случаях можно думать о неодинаковом развитии окончаний в южнославянских языках, с одной стороны, и в западных и восточнославянских языках, с другой: 1) ст.-слав. *-ѣ*, сербо-хорв., словенск. *-е*: зап. и вост.-слав. *-ѣ* из *-ѣns* в род. п. ед. ч., им.-вин. п. мн. ч. основ на *-ја*, а также в вин. п. мн. ч. *јо*-основ (ст.-слав. *доуша*, *-ѣ*: др.-русск. *доушѣ* и т. д.); 2) ст.-слав. *идѣ*: др.-русск. *ида*, др.-чешск. *jda*, др.-польск. *rzeka*, праслав. *-onts* в им. п. ед. ч. мужского рода причастий настоящего времени. Однако другие исследователи считают указанные окончания различными и по происхождению. Как бы то ни было, во всяком случае окончание на согласный отпало еще до исторического периода.

В закрытых слогах внутри слова отпадают все те согласные, которые не были отнесены к последующему слогу, потому что в противном случае возникла бы неудобная для славянской речи группа согласных; см. стр. 75. Только для носовых и плавных согласных существуют другие правила: носовые вместе с предшествующим гласным изменяются в гласные *ѣ* и *ѣ*; об *г*, *л* см. § 12, 13. Хотя утрата согласных в большинстве случаев — явление общеславянское, однако здесь необходимо упомянуть о правилах их отпадения, поскольку благодаря этому произошло видоизменение окончаний.

1. *р* из исконного *р* или *б* отпадает перед *s*, поэтому к *грѣѣж* аорист *грѣѣ*.

2. *т* из исконного *т* или *д* отпадает перед *s*, поэтому к *ѣтъж* аор. *ѣтъ*; к *кодѣж* аор. *-ѣтъ*.

3. *к* из исконного *к* или *г* отпадает перед *s*, поэтому

возникают χ , $\dot{s}$: $\dot{r}\dot{\chi}\dot{s}$, 2 л. мн. ч. $\dot{r}\dot{\chi}\dot{s}\dot{e}$, 3 л. мн. ч. $\dot{r}\dot{\chi}\dot{s}\dot{a}$, аор. к $\dot{r}\dot{\chi}\dot{s}\dot{a}$; точно так же и $-\dot{\chi}\dot{s}\dot{s}\dot{a}$ к $\dot{\chi}\dot{s}\dot{s}\dot{a}$.

4. s из s или z отпадает перед s , z , $\dot{s}$; см. стр. 77, п. 6. Более древнюю, чем в вышеперечисленных случаях, утрату находим в аористе $\dot{n}\dot{s}\dot{s}$ к $\dot{n}\dot{s}\dot{s}\dot{a}$ или в $\dot{d}\dot{s}\dot{s}\dot{n}$, где можно предположить индоевропейскую группу $\dot{k}s$, которая в более древнюю праславянскую эпоху произносилась как $\dot{s}s$. В $\dot{\chi}s$ (1 л. ед. ч. $\dot{\chi}s\dot{m}\dot{y}$) упрощение $-\dot{s}s-$ восходит, вероятно, к индоевропейскому периоду.

5. p из p или b отпадает перед t : $t\dot{e}t\dot{n}$ — инфинитив к $t\dot{e}p\dot{n}$; $g\dot{r}\dot{e}t\dot{n}$ — инфинитив к $g\dot{r}\dot{e}b\dot{n}$.

6. v исчезает перед t : $p\dot{a}v\dot{t}\dot{n}$ — инфинитив к $p\dot{a}v\dot{v}\dot{a}$. $\dot{n}t\dot{n}$ нельзя объяснить иначе, чем из $*\dot{z}iv\dot{t}\dot{i}$; это то же, что и лит. $g\dot{y}t\dot{i}$ „стать опять здоровым“. О $p\dot{a}v\dot{t}\dot{n}$ ср. K. Nitsch, Monographie polskich cech gwarowych, N3, Kraków, 1916, стр. 36.

7. k из k или g исчезло, согласно наиболее распространенному мнению, перед t + гласный заднего ряда, а перед гласным переднего ряда kt изменилось в палатализованный или палатальный звук (может быть, $\dot{j}$ или, что менее вероятно, палатализованное t'), который затем развивался так же, как и исконная группа $t\dot{i}$. С этой точки зрения $p\dot{a}st\dot{a}$, $-\dot{\chi}t\dot{a}$, $p\dot{a}st\dot{y}$ ($*plekt\dot{i}\dot{a} >$), $p\dot{a}sl\dot{a}$ являются фонетически правильными формами и, напротив, $p\dot{a}st\dot{e}v\dot{i}$ — нефонетическая форма. Супин $\dot{r}\dot{e}st\dot{a}$ также можно объяснить как образование по аналогии с инфинитивом $\dot{r}\dot{e}st\dot{n}$. Гуйер считает ст.-слав. $\dot{n}t$ во всех случаях фонетически правильным развитием kt ; см. далее, § 18, п. 3. С $\dot{r}\dot{e}st\dot{n}$ ср. еще $\dot{v}\dot{r}\dot{e}st\dot{n}$ $< *ver\dot{\chi}-t\dot{i}$ с χ из основы настоящего времени вместо фонетической формы $*vers-t\dot{i}$.

8. d выпадает перед m : 1 л. ед. ч. $\dot{d}\dot{z}\dot{m}\dot{y}$, $\dot{v}\dot{z}\dot{m}\dot{y}$, $\dot{z}\dot{m}\dot{y}$ ($\dot{m}\dot{y}$), 1 л. мн. ч. $\dot{d}\dot{a}\dot{m}\dot{y}$ и т. д. чередуются с 3 л. мн. ч. $\dot{d}\dot{a}\dot{d}\dot{a}\dot{t}\dot{y}$ и т. д. В формах двойственного числа $\dot{d}\dot{a}\dot{v}\dot{a}$, $\dot{v}\dot{a}\dot{v}\dot{a}$, $\dot{z}\dot{a}\dot{z}\dot{a}$ ($\dot{m}\dot{a}\dot{v}\dot{a}$) d исчезает по аналогии с формами 1 л. ед. и мн. ч. без d .

9. p , b отпадают перед n : $\dot{o}u-s\dot{c}\dot{n}\dot{j}\dot{t}\dot{n}$, $s\dot{c}\dot{n}\dot{y}$: $s\dot{c}\dot{n}\dot{a}t\dot{i}$, $s\dot{c}\dot{y}-g\dot{r}\dot{e}n\dot{j}\dot{t}\dot{n}$: $s\dot{c}\dot{y}-g\dot{y}\dot{v}\dot{a}t\dot{i}$.

10. t , d отпадают перед n : $\dot{o}-s\dot{c}\dot{v}\dot{n}\dot{j}\dot{t}\dot{n}$: $s\dot{c}\dot{v}\dot{t}\dot{y}t\dot{i}$, $\dot{v}\dot{z}-b\dot{e}n\dot{j}\dot{t}\dot{n}$: $\dot{b}\dot{e}\dot{d}\dot{y}t\dot{i}$.

11. b исчезает не только перед s , t , n , но и перед всеми другими согласными, кроме l , r , v ; см. стр. 78 об об, $\dot{o}$ и далее, стр. 84.

12. *t* в *ot-* сохраняется только перед гласными, *г* и *у*; см. § 10. Перед всеми другими согласными, кроме *і* (*tі > шt*), *t* утрачивается¹; перед *l* утрата *t* и *d* произошла уже после праславянского периода; см. далее, п. а.

13. *n* из **vъn*, **sъn*, **kъn* исчезает перед всеми согласными, кроме *і*, даже перед *у*: *въвести*, *съвѣтъ*, *къ вамъ*. Сравнивают противоположные формы *воіа* < **vo-nja*, но *дрѣво* < **der-vos*, *глава* < **gol-va*. Объяснение форм *р-*, *sp-*: *vъn-*, *sъn-*, *kъn-*: *въ*, *съ*, *къ* наталкивается на известные трудности, которые, однако, относятся уже к области праславянского языка.

Заслуживает внимания тот факт, что чувство языка за время от праславянского периода до древнеболгарского изменилось в двух пунктах:

а) группы *dl*, *tl* проявляются в старославянском в виде *л*: *вель*, *молити*, *псалъ*. Так вообще обстоит дело в восточных и южнославянских языках; западнославянские языки, напротив, сохраняют *dl*, *tl*; формы с сохранившимися *d*, *t* встречаются также в словенском языке и в севернорусских говорах. Этот факт объясняют или гипотезой о праславянской изоглоссе (по произношению *tl*, *dl*), или тем, что утрату *t*, *d* относят к предполагаемому периоду юго-восточного единства; если принять во внимание словенские отношения, которые указывают на постоянное отпадение *t*, *d* в самом словенском языке, то лучше вообще весь процесс отнести к периоду отдельных славянских языков. Древнеболгарские формы *тъшти*, *дланъ* не противоречат этому, так как конечный момент развития этих форм имел место уже в самом болгарском языке, когда группы *tl*, *dl* в нем снова стали терпимы. В поздний древнеболгарский период вследствие утраты слабых редуцированных возникла новая группа слов с *tl*, *dl*: *седло* < *содьло*, *свьтъло* < *свьтъло*.

б) *pn*, *bn* в праславянском языке изменились в *п*; отсюда старославянские *сънъ*, *канѣти* („капнуть“ наряду с общеслав. *канати*, *капѣтъ*), *съ-гънѣти*; см. выше, п. 9. Но в древнеболгарском языке эти согласные в некоторых случаях восстановлены в образованиях по аналогии: *погъгнѣти*

¹ Известно, что значительно раньше *tt* (из *tt* или *dt*) изменилось в *st*; поэтому *гнѣсти*:*гнѣтъ*, *плати* *падъ* и т. д.

(повторяется в очень древних текстах, таких, как *Мар.*, *Син. пс.*), прозвѣнѣти (*Мар.*, *Син. пс. и т. д.*), ослѣпнѣша (*Супр.*, 323, 5), истопнѣша (*Супр.*, 197, 10/1). Из наличия таких форм только с корнями на *b*, *p*, а не с корнями на *t*, *d* (-ваѣти, -праѣти, -свѣѣти) следует, что для древнеболгарского языкового чувства, вероятно, были допустимы группы *bp*, *rp* в противоположность группам *dp*, *tp*. Ср. такие глаголы, как *обновѣти*, *обновишати* (оба в *Син. пс.*).

В более позднем древнеболгарском, когда редуцированные в слабой позиции утратились, стали возможны группы согласных, ранее не принятые (например, *дне < дъне*); см. об этом § 23, п. 3.

ЛИТЕРАТУРА:

A. Meillet, Sur les groupes de consonnes en slave, *Etudes*, стр. 127—133; *Slave c.*, стр. 109—124.— Г. Ильинский, *Прасл. гр.*, стр. 256—270.

duše: -ě. Более старую или новейшую литературу по этому вопросу, относящемуся скорее к сравнительной грамматике славянских языков, чем к старославянской грамматике, см. у О. Нуйер, *Slov. dekl. jm.*, стр. 101—104.— М. Нoha, *Praslovanská dvojice -e||-ě*, *LF*, LI, стр. 244—263.— Кроме того, еще у Д. Бубриха, Монофтонгизация дифтонгов на носовой и перегласовка в праславянском языке, „Изв.“, XXIV, 1, стр. 246—272; „Zschr.“, II, стр. 121—124.— E. Sandbach, Die aksl. Endungen -y, -e im Gen. Sg. bei dem fem. ā- bzw. iā-Stammen, „JA“, XXXIX, стр. 133—139.— N. van Wijk, „Revue“, IV, стр. 12.— С. Кульбакин, „Jф.“, IV, стр. 204.— М. Нoha, Zum Alter der urslavischen Nasalvokale, „Zschr.“, IV, стр. 64—68. См. также Ф. Фортунатов, *Лекции*, стр. 183—186.— S. Agrell, *Slavische Lautstudien*, Lund-Leipzig, 1917, стр. 124, сноска 3.

idy:-a: N. van Wijk, Zur Entwicklung der partizipialen Nominativendung -onts in den slavischen Sprachen, „Zschr.“, I, стр. 279—286.

kt: Ф. Фортунатов, „JA“, XI, стр. 567.— C. C. Uhlenbeck, „PBrB“, XIX, стр. 518 и сл.— А. Meillet, *Etudes*, стр. 180 и сл.— K. Appel, *Poczenie językowe*, *Wychowanie*, 1910, S. 5 des S.-A.— E. Berneker, *Jagić-Festschrift*, стр. 602 и сл.— О. Нуйер, „RS“, V, стр. 232 и сл.; *Skupina kt ve slovanštině*, „CMF“, III, стр. 356—360.— Г. Ильинский, *Прасл. гр.*, стр. 249—253.— А. Белич, „Jф.“, II, стр. 221—226.— W. Vondrák, *Vgl. Gr.*, I, изд. 2, стр. 359 и сл.

въп и т. д.: J. Zubatý, *Předložky vz, zъ, kъ*, *Prace lingw.*, стр. 78—80.

von'a'drěvo и т. д.: E. Hermann, *Silbenbildung im Griechischen und in den andern idg. Sprachen*, Göttingen, 1923, стр. 317 и сл.

dl, tl: Р. Брандт, „РФВ“, V, 233—238.— М. Vasmer, „RS“, VI, стр. 211 и сл.— А. Шахматов, „РФВ“, LXIX, стр. 1—11; *Очерк*, стр. 99—103.— Г. Ильинский, *Прасл. гр.*, стр. 260 и сл.— T. Lehr-Spławiński, „RS“, IX, стр. 58—61.— F. Ramovš,

„Čas. za slov. jez.“, II, стр. 105 и сл.; *Historična gramatika slovenskega jezika*, II, Ljubljana, 1924, стр. 198—200.— A. Meillet, *Slave s.*, стр. 119.— W. Vondrák, *Vgl. Gr.*, I, изд. 2, стр. 466.— Н. Трубенко й, „Zschr“, I, стр. 292, II, стр. 117—121 (Рассмотрение звуковых сочетаний *tl, dl* в славянских языках).— R. Ekblom, *Le développement de dl, tl en slave*, *Symbolae-Rozwadowski*, II, стр. 57—70.— M. Rudnicki, *Grupy tl, dl w językach słowiańskich*, „Pr. fil.“, XII, стр. 30—34.

§ 12. Праславянские сочетания *or, ol, er, el*

Дифтонгические сочетания *or, ol, er, el* не развивались одинаково во всех частях славянской области, однако везде закрытый слог был устранен; для начала слова существовали особые правила. В восточнославянских языках во внутреннем слоге мы находим так наз. полногласие: *oro, olo, ere, olo* (редко *ele*); в начальном слоге — *ra, la* под акутовым ударением, *ro, lo* под циркумфлексным. Те же правила для начального слога действовали и в западнославянских языках; только в некоторых среднесловацких говорах развитие было таким же, как у южных славян. Развитие внутрислоговой группы *or* в западнославянских языках было неодинаковым: лехитские и лужицкие языки имеют *ro, lo, re, le* или другие звуковые группы, появившиеся в результате дальнейшего развития (в ляхском наряду с *ro* находим также *ar, ár*, чаще встречающиеся к западу), чехословацкая группа — *ra, la* и сочетания, входящие к *rě, lě*. Южнославянские языки имеют *ra, la* в начальном слоге, *ra, la, rě, lě* во внутреннем слоге; однако существуют и отклонения. Ясных случаев с *er, el* нет.

Развитие групп *or, ol, er, el* было вызвано поздней праславянской и общеславянской тенденцией к восходящей звучности слога. Неодинаковое развитие в отдельных языковых группах объясняется тем, что энергично произносимые *r* и *l* не могли утратиться так же легко, как другие согласные; не могли они отойти и к другому слогу, потому что в этом случае возникли бы труднопроизносимые сочетания: *go-rdъ, me-lko, o-rsti, o-lcii* и т. д.; сочетания *go-ŕ-дъ, me-l-ko, o-ŕ-sti, o-l-dii*, может быть, и существовали некоторое время, но такое произношение, появившись по какой-либо причине в языке, редко сохраняется надолго. Конечно, нельзя установить, действительно ли *or* и т. д. было первоначальной ступенью развития *or* в отдельных

языках; можно предполагать и огэ, °г° и т. п. Торбьёрнсон в своей книге о перестановке плавных берет для внутреннего слога общеславянские го, ъо, ге, ље, с чем вряд ли можно согласиться. Но он прав в том, что начальную группу ог и т. д. отделяет от группы внутрислоговой.

В старославянском языке мы имеем следующие отношения: внутри слога выступают общеюжнославянские группы рл, ал, рь, ль: грьдъ, мльдъ, врьгъ, млько. Конечный пункт развития мог быть достигнут относительно поздно. На это указывает не только слово врьль, представляющее собой имя Карла Великого. (Это слово могло возникнуть у славян не раньше конца VIII в., хотя во всех славянских языках оно представлено с закономерным фонетическим развитием группы ог [русск. *король*, польск. *król*, чешск. *král* и т. д.])¹, но также и встречающиеся в Шестодневе Иоанна Экзарха следующие формы: вльтны (67 в, 1; вльтны 62 в, 2), мльдичи (101 в, 3), пльть, пльть, пльть (53 в, 1, 2; 55 в, 4) с производными словами пльтьи (53 в, 2), пльтьина (60 в, 1), сальность (69 в, 4), так же как и златаринъ (*χρυσόχαρος*) в переводе речей Афанасия Александрийского. Эти формы указывают на местное ал или аль (см. ниже) в древнеболгарском языке. Род. п. зольта (Син. пс., 896, 10) нельзя считать ошибкой, поскольку подобные формы как в болгарском, так и в других языках фактически могли быть первоначальной ступенью исторических форм; во всяком случае, о форме зольта нельзя сказать ничего положительного. Формы с болгарским аг вместо га, приведенные Агрелем (Agréll, Z. sl. Lautl., 28 и сл.), являются сомнительными. Напротив, не лишены интереса славянские заимствования (и собственные имена) без перестановки в греческом, румынском и албанском.

а в жластн (Супр., 494, 4, 5), жладс (там же, 494, 9), жладьба (там же, 422, 14) наряду с жльдеть (там же, 360, 13) Фортунатов, Мейе и другие объясняли изменением е, происшедшим до метатезы под совместным влиянием ж и л (4).

¹ Это слово может относиться к запоздавшим, но оно все же показывает, что в 800-х гг. еще было живо чувство закона развития ог. Может быть, изменения начального слога были старше; в случае ол(ъ)тарь (также и в других славянских языках) ол- могло быть сохранено, так как ко времени этого заимствования переход ол- в ла-, ло-, в древнеболгарском также в ал(ъ)-, уже окончательно завершился. Но мы можем, так же как и при орьганъ и т. д., предполагать книжное заимствование. Наряду с ол(ъ) изредка появляется алтарю (Син. пс., 56, 15).

Однако это явление может быть основано и на позднейшем диалектном развитии: оно могло быть вызвано отвердевшим *ž* и оказавшимся под его влиянием *l*. Подобные явления встречаются и в других языках: сербо-хорв. *član* (церковнославянские формы этого рода, например *чланомъ Шишат. Евр., 4, 12*, имеют *la*, скорее сербо-хорватского происхождения, а не унаследованное из древнеболгарского оригинала), чешск. *člānek*, польск. *człop*. Слово *чловѣкъ* часто возводят к **čelvēkъ*, но эта форма восходит скорее к основе **čьlověkъ* или даже **čelověkъ*; неправильная редукция вполне понятна в этом длинном и часто употребляемом слове; ср. польск. *człek* и т. д.; из *el* трудно вывести западно- и южнославянское *lo* (чешск. *člověk*, польск. *człowiek* и т. д.).

Более сложными являются отношения в начальном слоге. Наряду со старославянским *ла-* встречаются формы на *ал-*, *алъ-*, но не существует определенных правил употребления этих двойных форм. В Мариинском евангелии мы постоянно находим *лдин*, а в Зографском — *лдин* и *ал'дин*. Иначе обстоит дело с глаголами *лакати* и *възлакати*: *Зогр.* *лак-*, *лау-* и только один раз *ал'у-* *Матф., 25, 44; Мар.* *алък-*, *алк-*, *лау-* (один раз *възалък*, 14 форм без *ъ*, среди них с написанием *-аалк-*); в Синайской псалтыри встречаются те же формы, что и в Зографском евангелии; напротив, Мариинское евангелие везде согласуется с Ассеманьевым евангелием (*алк-*, *лау-*), Синайским требником (*алък-*, *-у-*), Саввиной книгой (*алък-*, *-у-*) и Супрасльской рукописью (*ал'к-*, *-у-*); в Остромировом евангелии *ал'к-*, *ал'у-*, вероятно, болгаризм. *лакътъ* и *ланиа* находим только с *ла-*. Наряду с формой *лани*, не встречающейся в старославянских кодексах, попадает дублетная форма с *ал(ъ)-*. *шт(ъ) лани* „с прошлого года“ представлено в Слепченском апостоле и в Шишат. (*II, Кор., 8, 10*). Так же неустойчиво, как и принцип распределения форм, произношение *ал(ъ)*. Считают, что древнейшим старославянским произношением является *ал-*, так же как и *алъ-*. Принимая во внимание тенденцию славянских языков к восходящей звучности слога, произношение *алъ-* следует считать более вероятным; но в таком случае довольно странным кажется редкое появление написания *алъ-* в Мариинском евангелии, всегда сохраняющем *ъ* внутри слога в таких словах, как *жгълъ* (три раза), *игглинъ* (три раза); без *ъ* в Мариинском евангелии встречается и *алтарь*

и только один раз $\diamond \parallel$ лѣтаремъ 12, 1/2. Если принять во внимание трехкратное написание въздааа- в Мариинском евангелии, можно предположить произношение а-| (слоговое | с тембром а), при котором вполне возможно написание как аа-, так и аа-.

Не менее произвольной является замена ог-. Обычно пишется ра-: разо, раган, рать, растъ, рамо, рака, равнь, ракъ (-а, -ыйи, -ота, -отати, -отити), раз-. Наряду с ракъ встречается и ровъ, а именно один раз в Зографском ев. (*Иоанн, 15, 15*; и тут же рядом ракъ) и очень часто в некоторых разделах Супрасльской рукописи (так, 9 раз на стр. 48 — 58); повторяется эта форма и в среднеболгарском (см. Лавров, Обзор, 59); в новоболгарском, так же как в новосербском и словенском языках, говорят гоv. Более узкую сферу употребления по сравнению с ракъ имеет приставка раз- (рос-, ро-), которая появляется только в № 46 — 48 Супрасльской рукописи (522, 8/9; 524, 24; 535, 4; 554, 26/7; 556, 17/8; 558, 9; 559, 17). Там же встречается и разъ (556, 29; 559, 22), кроме того, есть она и в № 35 (401, 4), разга (*Мар., Зогр., Иоанн, 15, 4, 6; Син. пс., 108, 7*); разга (*Мар., Зогр., Иоанн, 15, 2*), радъ (там же, *Иоанн 15, 5*). Ассеманиево евангелие и Саввина книга имеют ро- во всех этих случаях; для новоболг., сербо-хорв. и словенск. rozga некоторые исследователи предполагают праслав. roz-; raz- в таком случае могло возникнуть по аналогии с приставкой raz-. Хотя при таком предположении возможна прямая связь с лит. rezgù „веревка“, мы считаем это предположение неприемлемым именно потому, что в тех самых словацких говорах, где ог- развивается так же, как у южных славян, представлены и формы razdie, razdina, razd'a. Изменение по аналогии с raz- мы считаем маловероятным. Южнославянское го- появляется наряду с га- только в таких словах, которые у западных и восточных славян имеют го-; какая-то связь между этими явлениями вполне вероятна; может быть, мы имеем здесь дело с праславянской тенденцией, которая после отделения южных славян от западных и восточных не привела к твердому правилу.

При не родити, не радити, несмотря на преобладание ро-, приходит мысль о праславянском начальном ог-. Интересна форма lǫkŭti, lŭkŭt'ǫ в новоболгарском диалекте села Сухо (Oblak, Mac. Stud., 12).

ЛИТЕРАТУРА:

Общая о праславянском: J. Schmidt, *Vokalismus*, II, 66—177.— F. Miklosich, *Über den Ursprung der Worte von der Form aslov. trét und trat*, „Denkschr.“, XXVIII, Wien, 1878.— V. Jagić, „JA“, I, 341 (список более старой литературы), стр. 386—411; *Zur ort-, ert- und tort-, tert-Formel*, „JA“, XX, стр. 48—53.— A. Leskien, *Bemerkungen zur Svarabhaktifrage*, „JA“, III, стр. 86—94; там же, стр. 703—705 (Rez. v. Miklosich) — Ф. Фортунатов, „JA“, IV, стр. 575—583; о том же у T. Torbiörnsson, *Ein Brief von Fortunatov*, „Slavia“, II, стр. 294—303; о том же, *Лекции*, стр. 187—198; Краткий очерк сравнительной фонетики и.-евр. языков, Петроград, 1922, стр. 186—195.— J. J. Mikkola, *Berührungen*, стр. 43—46; *Ursi. Gr.*, I, стр. 85—96.— T. Torbiörnsson, *Liquida-metathese in den slavischen Sprachen*, „BB“, XX, стр. 124—148; *Die gemeinslavische Liquidametathese*, I, II, Uppsala, 1901—1903; *Antikritische Bemerkungen zur slavischen Metathesenfrage*, „BB“, XXX, стр. 62—99; M. i Pr, IV, стр. 25—40; „МО“, VIII, стр. 136—155; XI, стр. 199—203 (серб. го).— А. Шахматов, „Изв.“, VII, 2, стр. 303—311 и далее в том же сочинении; Очерк, стр. 44—47.— F. Solmsen, „JA“, XXIV, стр. 568—579.— W. Vondrák, *Zur Liquidametathese im Slavischen*, „JA“, XXV, 182—211; *Vgl. Gr.*, I, изд. 2, стр. 393—409.— Я. Эндзелин, *Сборн. Фортунат.*, стр. 556—561.— H. Pedersen, „KZ“, XXXVIII, стр. 307—320.— A. Bruckner, *Zur slavischen Metathesenfrage*, „KZ“, XLII, стр. 39—52.— W. v. d. Osten-Sacken, *Zur slavischen Liquidametathese*, „JA“, XXXIII, стр. 1—7.— M. Vasmer, „RS“, VI, стр. 181—184; *Symbolae-Rozwadowski*, II, стр. 153—155.— S. Agrell, *Intonation und Auslaut im Slavischen*, Uppsala, 1913, стр. 18—47; *Zur slavischen Lautlehre*, Lund, 1915, стр. 3—94; *Slavische Lautstudien*, Lund, 1917 и др. Г. Ильинский, *Прасл. гр.*, стр. 113—134.— M. Weingart, *Prasl. vok.*, стр. 68—90.— M. Rudnicki, „Sl. O.“, I, стр. 117—120.— J. Rozwadowski, *Gr. J. P.*, стр. 160—167.— A. Meillet, *Slave s.*, стр. 58—66.— K. Bůga, „Zschr.“, I, стр. 36 и сл.— G. Nandriş, *Les diphthongues à liquides dans les éléments slaves du roumain*, *Mélanges de l'Ecole roumaine en France*, II, Paris, 1925, стр. 3—25; об этом же A. Rosetti, „Revue de linguistique romane“, III, 1927, стр. 227 и сл.— В. Поржезинский, „Sl. O.“, III/IV, стр. 225 и сл.— F. Ramovš, *O naravi psl. tort- in tert- v praslovensčini*, „Cas. za slov. jez.“, VI, стр. 22—26.— R. Ekblom, *Zur Entwicklung der Liquidaverbindungen im Slavischen*, I, II, Uppsala — Leipzig, 1927—1928.— E. Schwarz, „Zschr.“, IV, стр. 361—369.

Начальные группы *or-, ol-*: Ф. Фортунатов, у T. Torbiörnsson, „BB“, XX, стр. 129; Краткий очерк сравнит. фонетики и.-евр. языков, Петроград, 1922, стр. 55 и сл. (*rozga-razga*) — J. Zubaty, „IF“, Anzeiger, IV, стр. 60.— J. J. Mikkola, *Zur Etymologie der slavischen Worte mit anlautendem lo, ro, la, ra*, *Baltisches und Slavisches*, Helsingfors, 1903, стр. 29—47.— Б. Ляпунов, „JA“, XXXIII, стр. 535

Старосл. *aa(ъ)-*: Ф. Фортунатов, *Состав О. Е.*, стр. 21—23.— J. Kurz, „LF“, LI, стр. 171 и сл.— С. Кульбакин, „J. фил.“, IV, стр. 204.— *oo-*: N. van Wijk, „Revue“, IV, стр. 13 и сл.— С. Кульбакин, там же, стр. 203 и сл.

Внутрислоговое -ал(ъ)-: В. Ягич, „JA“, XVIII, стр. 598; XXII, стр. 32 жль-жаз- и под.: J. Gebauer, Hist. mluvn., I, стр. 205 и сл.— В. Поржезинский, „JA“, XXIX, стр. 417 и сл.— W. Vondrák, „JA“, XXX, стр. 285 и сл.— A. Meillet, „GGA“, 1910, стр. 372.— Б. Ляпунов, „JA“, XXXIII, стр. 532.— О различных толкованиях гласных упоминает E. Berneker, Et. Wtb., I, стр. 140 и сл.

§ 13. Праславянские слоговые плавные г, ǵ (г', ǵ')

Написания рѣ, лѣ, рь, ль употреблялись для передачи двух категорий звуков или фонетических сочетаний, которые в древнейших старославянских памятниках различались как по своему происхождению, так и по произношению: 1) праслав. гѣ, ǵѣ, гь, ѣ; 2) поздние праслав. г, ǵ, г', ǵ', восходящие через ѣг, ѣл, ѣг, ѣл к балтийско-славянским иг, ул, иг, ил. Менее вероятно, что они произошли непосредственно из индоевропейских г, ǵ, г', ǵ'. Здесь нас интересует только вторая категория фактов.

Когда в позднем праславянском периоде стала проявляться тенденция к увеличению звучности слогов, то развитию этой тенденции должны были мешать существующие в языке группы ѣг, ѣл, ѣг, ѣл; они изменились в слоговые плавные. Действительно, западные и южнославянские соответствия ѣг и т. д. проще всего объясняются из позднего праславянского г слогового (ǵ) и т. д., а древнеболгарские написания скръѣ, прѣѣ, хѣѣ, вѣѣ исключают всякую мысль о произношении ѣг и т. д. Поразительно только одно: в древнерусском языке пишется скръѣ, прѣѣ, хѣѣ, вѣѣ, а те случаи, где редуцированный стоит после р и л, являются графическими церковнославянизмами; двойные же написания (ѣрѣ и т. д.), вероятно, следует понимать как компромисс между церковнославянской орфографией и русским произношением¹. Так как перед сонантами г и ǵ очень легко развивается гласный, то вполне возможно происхождение древнерусского ѣр и т. д. из более древнего г слогового и т. д., который был промежуточной ступенью между ранним праславянским ѣг и т. д. и древнерусским ѣр и т. д. Но во всяком случае др.-русс. ѣр и т. д. (>

¹ Интересно противопоставление между первой частью Остромирова евангелия (л. 1—24), имеющей много русизмов, в которой встречается написание испѣлѣ и т. д., и второй, большей частью, где находим ѣѣ, ѣѣ, ѣѣ.

совр. русск. *ор, ер, ол*) примечательно; мы близки к мысли о возникновении *ѣг* и т. д. из праслав. *ѣг* (ср. § 12 относительно *ог*) и т. д.

Как произносились древнеболгарские *скръѣь*, *прѣстѣь*, *хлѣмѣь*, *вѣлкѣь*? Совершенно исключено произношение *ѣр*, *ѣр*, *ѣл*, *ѣл*; если бы эти сочетания произносились так, то им следовала бы и орфография. Нельзя предполагать, что *гѣь*, *гѣь*, *ѣѣь*, *ѣѣь* произносились со слоговым редуцированным; тогда бы этот редуцированный в позднем старославянском языке в некоторых говорах изменился бы в *о* или *е*, подобно тому, как это наблюдается в *крѣвь*, *слѣзѣь*. Однако такие формы не встречаются. Мы можем думать о двух возможных произношениях: 1) *г*, *л* с последующим очень слабым звуком, похожим на *ѣ*, что-то вроде *г^ѣ*, *г^ѣ*, *л^ѣ*, *л^ѣ*; 2) *г̣*, *г̣'*, *л̣*, *л̣'*. Каждое из этих двух предположений имеет своих защитников и каждое из них вполне возможно. Для позднего праславянского и для дописменного болгарского языка теоретически следует принять слоговое произношение *г̣*, *л̣*. Однако очень трудно провести границу между звуками *г̣* или *г^ѣ*. Чтобы решить, имеет ли звук, воспринимаемый как слоговое *г̣*, перед собой или после себя очень краткий гласный элемент, необходимо применение экспериментальных методов. Иногда даже соседние диалекты в своем произношении отклоняются друг от друга. Так, например, на север от Салоник, по наблюдениям Облака, произносят слоговые *г̣* и *л̣*, напротив, в Сухо — *г^ѣ*, *л^ѣ* наряду с более редкими *г̣*, *а̣л̣*, *л̣а̣*. В Пирдопе Цонев отмечает произношение *гѣь*, *ѣѣь*, а в Етрополе (Панагюриште) — *ѣг*, *ѣл*. Вообще в современном болгарском языке действует правило, в соответствии с которым перед двумя согласными произносится *гѣь*, *ѣѣь*, а перед одним — *ѣг*, *ѣл*.

Учитывая известные нам факты, следует допустить для древнейшего периода старославянского языка существование двух произношений: *г̣* и *г^ѣ* и т. д. Старославянская орфография, по мнению многих исследователей, отражает произношение *г^ѣ*, *г^ѣ*, *л^ѣ*, *л^ѣ*, так как для слогового *г̣* и др.

¹ Мы избегаем обозначений *ѣг̣*, *ѣл̣*, *а̣л̣*, *л̣а̣*, *г̣ѣь*, *л̣ѣь*, *г̣ѣь*, *л̣ѣь*, так как они указывают на связь слогового *г̣*, *л̣* с предшествующим или последующим неслоговым редуцированным. Ведь мы не настолько хорошо знаем древнеславянское произношение, чтобы без оговорок назвать *ѣ* в сочетании *г^ѣ* или *г̣* неслоговым.

скорее было бы выбрано написание *ѣ*р и т. д. Это мнение может быть правильным, но если славянские первоучители и их первые помощники произносили главным образом *г^б* и т. д., то в других болгарских диалектах одновременно могло произноситься и слоговое *г* (*г* и т. д.). Даже в одном и том же говоре в зависимости от положения в слове или от темпа речи могли существовать оба произношения. Следует обратить внимание на замену греческих групп *ар*, *ир*, *ер*, *ор*, *ур* посредством старославянских *ръ*, например *трѣторъ* < *τάρταρος* (несколько раз в Син. требн., 51). Ср. также иностранные слова: *пар(ъ)да* 'υάρδα' (Иоанн, 12, 3), *скорѣпи* 'σχορπίος' (Лука, 11, 12), *сурѣть* 'σούρις' (Деяния, 27, 17; *Шиншт. ап.*), *орѣганъ* (Син. тр., 94 а, 18) и т. д.

Совершенно напрасно различие *г^б*: *г* и т. д. в Охр. рук. Ап., ХСVI Кульбакин считает хронологическим, относя *г^б* и т. д. к IX или X в. (Кульбакин пишет *гъ* и т. д.), а *г*, *ѣ* к XI в., вместе с тем кое-где могло быть и *г^б*, *ѣ^б*. Так как произношение *г*, *ѣ*, *г'*, *ѣ'*, вероятно, предшествовало древнеболгарскому *г^б* и т. д., лучше было бы не относить промежуточную ступень *г^б* ко всему болгарскому языку. Такие формы, как *врѣху* *Матф.*, 5, 14 в Зогр.¹, *крѣъ* *Матф.*, 16, 17, *милосрдѣхъ* *Матф.*, 15, 32 и пять других форм этого рода в Мариином ев., несмотря на их редкость, заставляют предполагать произношение, близкое к слоговому *г*.

В Македонском кириллическом листке встречаются интересные написания, напоминающие древнерусские: *врѣхъ*, *дързестнѣ*, *дързъ*, *гърдъ*, *дълъжзѣ*, даже *пѣлти* (с праслав. *лъ*). Здесь следует читать или *г*, *ѣ*, или развившиеся из них *г^б*, *ѣ^б*. Подобные написания встречаются и в среднеболгарских памятниках.

О дальнейшем развитии *г* или *г^б* и т. д. (совпадение *г* и *ѣ* переднего и заднего ряда, совпадение с *гъ*, *гь*, *лъ*, *ль* в слабой позиции) см. § 28.

ЛИТЕРАТУРА:

J. Schmidt, *Vocalismus*, II, стр. 8—66.— В. Ягич, „JA“, I, стр. 341 (более старая литература), стр. 344—385.— А. Потёбня, К истории

¹ Написания типа *црѣхъ*, *крѣъ*, *-итѣлъ* могут также объясняться тем, что в этих словах произошло выпадение титлов.

звуков русского языка, Воронеж, 1876, стр. 54—108.— F. Miklosich, *Über den Ursprung der Worte von der Form altslovenisch trst*, „Denkschr.“, XXVII, Wien, 1877; об этом же: А. Лескин, „JA“, III, стр. 696—702.— Ф. Фортунатов, „JA“, IV, стр. 583—589; XI, стр. 569—571; Лекции, стр. 41 и сл.; Краткий очерк сравнительной фонетики индоевропейских языков, Петроград, 1922, стр. 130—146.— Р. Брандт, О слогах *р* и *л* у славян, „РФВ“, VIII, стр. 181—198.— В. Облак, „МСб.“, XI, стр. 567—579, *Mac. Stud.*, 38—41, „JA“, XVII, стр. 432—445.— П. Лавров, Обзор, стр. 43.— Б. Цонев, За восточнобългарския вокализъм, София, 1891 (новоболгарский закон, 58—60); Диалект. студии, I, стр. 67.— Л. Милетич, „JA“, XX, стр. 594—598; *Ostbg.*, стр. 72 и сл., 161 и сл.— А. Шахматов, „Изв.“, VII, 1, стр. 287—292.— Н. Pedersen, „KZ“, XXXVIII, стр. 313 и сл.— С. Кульбакин, Охр. рук. Ап., XCVI и сл.— М. Фасмер, „Изв.“, XII, 2, стр. 203.— Б. Ляпунов, „JA“, XXXIII, стр. 533 и сл.— Г. Ильинский, Прасл. гр., стр. 102—112.— M. Weingart, *Prasl. vok.*, стр. 63—68.— А. Селищев, Очерки, I, стр. 66—73; „Slavia“, IV, стр. 353.— A. Meillet, *Slave s.*, стр. 66—71.— W. Vondrák, *Vgl. Gr.*, I, изд. 2, стр. 36, 180—187.— В. Порезинский, „Pr. fil.“, X, стр. 113 и сл.— E. Sievers, *Verstexte*, 13.

Древнерусские отношения: В. Ягич, „JA“, I, стр. 361—377.— Б. Ляпунов, Синод. спис., стр. 245—276.— А. Шахматов, „Изв.“, VII, 1, стр. 292—318; 2, стр. 303—382 и др.; Очерк, стр. 47—49.— Ф. Фортунатов, Состав О. Е., стр. 3—6.— Л. Васильев, „ЖМНП“, 1909, сентябрь, стр. 294—313 (об этом же W. Vondrák, *Aksl. Gr.*, изд. 2, стр. 181, сноска 2).— K. H. Meyer, *Hist. Gr.*, I, стр. 37 и сл.— Н. Дурново, Очерк, стр. 154 и сл.

§ 14. Вставные редуцированные в иностранных и заимствованных словах

Особенно часто вставка *ъ* и *ь* между согласными встречается в заимствованных греческих словах, например: скорьпи, органъ, вельзьволь (Βελζεβούλ), псалъмъ, анѣлсѣ, мѣнасъ (μυῆς), свѣга (Εῴα), титьлѣ, ѣтьсимани, еѣупуть (Αἰϋπτος), ефѣтимъ, витѣфаѣни (Βηθφαῆν), пѣсалъмъ, закѣхси, матѣви, дидрагѣмѣ. Если бы такие формы встречались лишь в поздних памятниках, где во многих случаях еры в слабой позиции по традиции обозначали звуки, уже исчезнувшие из разговорного языка, то можно было бы полагать, что буквы *ъ*, *ь*, вставляемые в иностранные слова, также имеют только графическое значение. Однако эти буквы очень часто встречаются в древнейших текстах, причем появляются они исключительно в группах согласных, не свойственных славянскому языку и неудобных для славянского произношения; большинство таких иностранных слов представлено

в евангелии; следовательно, они были приняты во времена Константина и Мефодия, когда еще проявлялась тенденция к увеличению звучности слога. Отсюда следует, что вставные редуцированные действительно произносились; это подтверждается тем, что данные редуцированные изменялись в с и ѡ в тех говорах, где подобный переход вообще имел место. Так объясняются следующие примеры: *Ѣгупстъ Асс., Матф., 2, 13, 14, п(ъ)саломъ Син. пс., passim, Павелъ Клоц., II, 82, Син. тр., 69 а, 13, скоумень (σχομνος) Син. пс., 17, 4/5; 70, 21, и даже по аналогии им. п. мн. ч. скоумени 134, 8 (Пс., 103, 21; в Болонск. пс. также съкумени, но Пог. скумни, Софийск. скум'ні, бухарестск. сп. скумны).* Также и *кинсе-, -сь Асс. (Матф., 17, 25; 22, 17, Зогр. б. кт-, кинсь; Мар. кинсь или кинсье), кинсеънъи (Асс., Матф., 22, 19), кинсеовы Сав. кн. (Матф., 22, 19)* происходит, повидимому, из такого говора, в котором ѣ в сильной позиции перешел в о. Посредством вставки ѣ и ѡ в иностранные слова устранялись закрытые слоги; другие средства (отпадение согласных, метатеза и т. д.) в этом случае не применялись, поскольку приведенные слова воспринимались всегда как иностранные; греческая форма сохранялась с возможно меньшей адаптацией к славянскому произношению: в некоторых случаях это объясняется, вероятно, тем, что законы об отпадении звуков и их метатезе перестали действовать; ср. стр. 86, прим. к *ѡлтарь, ѡрганъ*.

Если в иностранном слове отсутствует редуцированный, то его отсутствие в более поздних текстах может указывать на исчезновение этого звука из разговорного языка, а в древнейших текстах оно указывает скорее на влияние графики оригинала. Так, например, в Киевских листках пишется *Клѡмента (I б, 1), Клѡмента (I б, 17), -ситѡу (I б, 12), анѡель (VII, 6, VII б, 18);* но, с другой стороны, *цѣркѣве (VI, 4; цѣркѣвъ IV б, 17—*это только искаженная форма). О форме *ѡлтарь* (а с другой стороны, *псалмѣвъ, псалмѣскыхъ* и т. д.) в Мариинском евангелии см. § 12.

ЛИТЕРАТУРА:

В. Ягич, „JA“, II, стр. 268 и сл.— В Шепкин, Рассуждение, стр. 98—100.— Н. Г р у н с к и й, К Зогр. ев., стр. 12—14.— М. Ф а с м е р, „Изв.“, XII, 2, стр. 201 и сл.; Die reduzierten Vokale (ѣ, ѡ) in den Fremdwörtern des Altbulgar., „Zschr.“, I, стр. 156—163; V, стр. 523 и

сл.—А. Margulies, Suprasl., стр. 66 и сл.; „JA“, XLII, стр. 62—64.—С. Кульбакин, „Jф.“, V, стр. 308 и сл.—В. Погорелов, „Slavia“, VII, стр. 882 и сл.

§ 15. Протетические *i* и *v*

В некоторых случаях в праславянском языке перед начальным гласным появлялись *i* или *v*. Хотя в результате этого нисходящая звучность и не переходила в восходящую, мы можем все же допустить связь этой протезы (вставки) с тенденцией к восходящей звучности, так как восходящая линия появляется здесь на месте ровной линии. Эта протеза перед начальными *ъ*, *у*, *ь* является общеславянской. Например: *въ*(*n*), ст.-слав. *въ*(*n*) < **ъn*; ср. русск. *он-уча*, др.-болг. **о-тъкъ*, русск.-ц.-сл. *оутокъ*; *вукрѣти*, ст.-слав. *выкнѣти*, в чередовании с *оучити*; *ѣъз*, ст.-слав. *из* < **ъz* = лит. *iš*.

Об относительной хронологии этого явления следует заметить, что оно происходило позже, чем сращение предлога и глагола в глагольное сложное слово; ср. *въз-ъпити*: *въпити*, *въз-ьмѣ*, *въи-ьмѣ*, *из-ьмѣ*, *об-ьмѣ*, *от-ьмѣ*: *имѣ* (праслав. **i-ьmъ*).

Трудно объяснить, на чем основывается употребление начальной группы *ѣъ-* в некоторых языках; это относится, однако, не к праславянскому произношению данного сочетания, а к позднеjšíему его развитию. Для старославянского языка этот вопрос не имеет значения, ибо *ѣъ-* выступает здесь как в слабой, так и в сильной позиции только в качестве *i* (*и*, *і*, *ѣ*, глагол. *ѣ*, *ѣ*, *ѣ*), например: *имѣ*, *имамъ*, *изѣти*; *иѣла*, *изѣмѣ*; также *иѣо*; *ѣъ-* в последнем восходит к *ѣъ-*, и.-е. *iu-*. Итак, начальное *ѣъ* в старославянском языке не отличается от праславянского *i* (например, в *и*, *ити*) и праславянского *ji* (в *имѣ*, *имѣ*, *ими*, *ихъ*)¹.

Для старославянского периода во всех указанных случаях следует предполагать одно и то же произношение, а именно *i*, хотя иногда и появляется начальное неслоговое *i-* (ср. русск. *иго*, *имя*, но *жим* наряду с *им*); *i* и *ji* (*ji*) не воспринимаются как различные фонемы, и начальное *i-*, на письме нигде не отмеченное и положительно не дока-

¹ О следах первоначального различия не в начале слова см. § 24 (группы *ѣѣъ*, *ѣѣи* и *ѣѣи*, *ѣѣи*).

занное, вначале, вероятно, не зависело от *i*. Употребление трех знаков для *i*, которое в древнейших памятниках следовало ясно выраженному принципу, показывает, что в старославянском языке праслав. *ijь* произносилось совершенно так же, как и праслав. *ji* и *i*, однако по своему происхождению оно не было связано с *i*.

Так, в Киевских листках в начальном слоге обычно применяется значок **Ж** (*i*) как в слове *жѣ* (*i-ъ*), так и в союзе *ѣ* и местоимении *ѣхъ* (*ji-*); **З** (*u*) встречается 10 раз в начале слова как в приставке *изъ*, *исъ* (**i-ъz*), так и в сокращенном имени Иисуса; формы с начальным **Ѳ** (*i*) более редки; к ним относятся *имѣже III б, 17*, *имѣ IV б, 14*. Зографское евангелие в начале слова предпочитает также **Ж** (*i*) как в союзе *ѣ*, *ѣти*, так и в *ѣзъ(-)*, *ѣма*.

О внутрислоговом *-i-* из *-ijь-* см. § 23.

При начальных *ъ*, *ь*, *у* выбор протетического согласного зависит только от природы самого гласного, причем обычно предпочитается однородный по артикуляции согласный. То же можно сказать и об *е*-, которое изменяется в *је*- в начале слова: ст.-слав. *ѣстъ*, *ѣзро* и т. д.; но наряду с *ѣти*, *ѣзыкъ*, *ѣша* и т. д. имеем общеславянское *ѣзати* (чередуются с *ѣжа*; первоначальное чередование: *ez-:oz-*), которое воспринимается, повидимому, как нефонетическая форма (очевидно, от корня *vezz-*, *verz-*). Однако если иметь в виду, что рядом с *rkoveť* встречается и *rkoięť* из **rko-ęť* (в старославянском есть обе формы: *rkovati Син. пс., 170 б, 18/9, 172, 9, rkovati Супр., 249, 29, rkovat там же, 368,6*; ср. русск. *руковать*, диал. *руковядь*, польск. *rkoięść*, чешск. *rkovět'* и т. д.), то можно предположить фонетическую вставку *v*. В **rko-ęť* вставка *i* или *v* является более поздней, чем в слове *vezati*; но между ними нет существенной разницы, так как известно, что протеза *i* или *v* является процессом, постоянно возобновляющимся на славянской почве (например, русск. *во-семь*: ст.-слав. *осмь*, польск. *osiem* и т. д.; болг. *вътъкъ* < **otъкъ*). Подобное же развитие согласного, хотя и неоднородного, как в *rkoveť*, имеем в чешск. *vejce*; русск. *яйцо*, др.-болг. *яиче*, также в очень распространенном на славянской почве названии дерева *jelъха*, *-ša* наряду с *oъха*, *-ša* (лат. *alpinus* и т. д.; см. Э. Бернекер, Этимологический словарь, I, 453 и сл.) и в ст.-слав. *пльзѣны Супр.,*

274, 14/5, польск. *raja*k, *rajeszyna* наряду со ст.-слав. *пажунѣ* *Син. пс.*, 51 б, 15 (*Пс.* 38, 12), *паоуина* 120, 14 (*Пс.* 89, 10; Погодинская псалтырь имеет в обоих случаях *паа-*, Болонская — *паж-*), русск. *паук*, чешск. *ra-vouk*.

В то время как при начальных *ь-*, *ъ-*, *у-* природа протетического согласного зависит только от этих гласных, при *а-*, *е-*, *о-*, *и-*, *о-* действуют также и другие факторы; перед *ѣ-* появляется только *i*, вероятно, также и перед *е-*, хотя в слове *вергъ* видят праславянскую протезу *v* (см. об этом слове A. Walde, *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*², Heidelberg, 1910, под *aper*). Однако нет точных данных для показа того, насколько систематически проходила протеза согласных в праславянском при остальных гласных, кроме *ь-*, *ъ-*, *у-*. Можно предположить по крайней мере эту протезу для *е-* и *е-*, но тогда следует допустить, что в таких случаях, как *ѣзро* *Супр. рук.* и *Остр. ев.*, *i* снова утратилось. Это вполне возможно, если учесть слова *ѣго* в Супрасльской рукописи и др.-русск. *ѣжс* < *сѣжс*, где исконное *i* отпало. Некоторые слова с начальным *е-*, вероятно, также и с *е-* могли перейти в древнеболгарский язык из праславянского без изменения. Решить этот вопрос трудно, так как глаголица не отмечает различия между *е* и *је*. К сожалению, условия, от которых зависела протеза *i-* или *v-*, нам неизвестны. Педерсен считает, что „протеза согласного происходит на месте зияния между конечным и начальным гласным“; Мейе выражал сходную точку зрения; особое внимание он обращал на тот факт, что в позднем праславянском внутри предложения перед каждым гласным, начинающим слово, было зияние. Травничек также исходит из зияния. Ильинский и Вейнгарт исходным моментом протезы считали соединение *ъ* и *ь* со следующим гласным в начале слова. *ц*, *i*, развившиеся таким же образом, как например др.-инд. *ityuvāsa* < *itī uvāsa*, переносились в положение и после других гласных, причем употребление вторичного *ц* или *i* зависело от природы следующего гласного (с одной стороны, *је-* и т. д., с другой — *ву-* и т. д.); эта гипотеза слишком сложна, но все же мы полагаем, что для применения принципа сандхи в том смысле, как его понимают названные ученые, может быть использован по крайней мере тот факт, что это сандхи

и в других языках является причиной кажущегося нерегулярного изменения гласных.

Однако, если учесть, что внутрислоговое *i* в славянских языках склонно к утрате, что в Ассеманиевом евангелии встречается только не *ou*, в Мариинском значительно чаще не *ou*, чем не *ю*, а в Супрасльской рукописи как раз после зияния постоянно появляется *e*- вместо *ю*- (см. § 21), если учесть далее, что в современных славянских языках находятся рядом формы с неслоговым *i* и без него, без очевидной связи с правилом сандхи (см. О. Broch, *Die Dialekte des südlichsten Serbiens*, Wien, 1903, 34 и сл., 129 и сл., 155, 242, 268, 282.— V. Oblak, *Mac. Stud.*, 80—82.— А. Селищев, *Очерки*, I, 89—91), то явления праславянской и древнеболгарской протезы согласных следует рассматривать как сложные процессы, обусловленные до сих пор не совсем еще ясными причинами. Во всяком случае, нельзя исключать совершенно принцип сандхи, хотя существующие до сих пор определения его являются неудовлетворительными. В отдельных славянских языках наряду с протезой встречается и обратное явление: утрата начального неслогового *i*, реже—отпадение *v*. Праслав. *osa* могло восходить к **цо(p)sā*. Этому не совсем ясному процессу в древнеболгарском мы посвящаем § 21.

ЛИТЕРАТУРА:

Протеза в славянских языках: А. Meillet, „IF“, V, стр. 331—334; *Sur l'initiale des mots vieux slaves oco et a*, Статьи по славяноведению, II, СПб, 1906, стр. 387—391; *Slave c.*, стр. 71—77.— Н. Pedersen, „KZ“, XXXVIII, стр. 311 и сл.— А. Brückner, „KZ“, XLV, стр. 289—310; „Zschr.“, II, стр. 299 и сл.; „JA“, XL, стр. 131—133.— А. Шахматов, *Очерк*, стр. 54—58.— Г. Ильинский, *Прасл. гр.*, стр. 160—168.— Е. Hermann, *Nachr.* (см. ниже об *jb-*), стр. 112 и сл.— М. Weingart, *Prasl. vok.*, стр. 118—130.— Ф. Фортунатов, *Лекции*, стр. 236—261.— W. Vondrák, *Vgl. Gr.*, I, изд. 2, стр. 211—217.— F. Trávníček, *Prothese či hiát?* *Symbolae Rozwadowski*, II, стр. 139—151.

jb-: А. Meillet, *Etudes*, стр. 117.— P. Lang, „ČMF“, I, стр. 385—387; V, 211, сноска.— J. Rozwadowski, *Prasłow. jb-*, „RS“, VII, стр. 9—13, 22.— Т. Lehr-Spławiński, *Prasłow. jb- w językach zachodnio-słowiańskich*, „RS“, VIII, стр. 152—156.— А. Brückner, *Geschichte der indogermanischen Sprachwissenschaft seit ihrer Begründung durch Franz Bopp*, II, 3, Straßburg, 1917, 4.— Е. Hermann, *Nachrichten v. d. K. Ges. d. Wiss. zu Göttingen*, *Phil.-hist. Kl.*, 1918, стр. 108 и сл.— V. Machek, „*Slavia*“, III, стр. 595 и сл.

Др-болг. знак i-: A. Leskien, Handb., изд. 5 и 6, стр. 108 — R. Nahtigal, „Razpr.“, I, стр. 159—164. — A. Margulies, „JA“, XLi, стр. 105—108.

vezati: A. Meillet, „MSL“, VIII, стр. 236; „IF“, V, 332. — O. Huger, „Lr“, XLII, стр. 222—227. — W. Vondrák, Vgl. Gr., I, изд. 2, стр. 209. Остальную литературу см. у А. Преображенского, Этимологический словарь русского языка, Москва, 1910 и сл., стр. 111.

§ 16. Тенденция к палатализации (§ 16—19)

Сюда относятся следующие праславянские или общеславянские явления:

1. Палатализация согласных под влиянием соседнего гласного переднего ряда.

2. Слияние *ǰ* с предшествующим согласным или группой согласных в один мягкий звук или группу звуков. Это явление, вероятно, также стоит в связи с тенденцией к восходящей звучности. Там, где звук или группа звуков, предшествующих *ǰ*, создавали переход к следующему слогу, эта тенденция вызывала перемещение слогораздела и обусловила более тесную связь *ǰ* с новым началом слога.

3. Переход гласных заднего ряда в передний ряд под влиянием предшествующего *ǰ* или мягкого согласного.

§ 17. Палатализация согласных

Многие ученые признают смягченное произношение всех согласных, стоящих перед гласными переднего ряда; см. § 8. Это смягчение может быть доказано только для задненёбных согласных; здесь представлены такие изменения звуков, которые свидетельствуют о сильном влиянии гласных переднего ряда на предшествующие согласные, продолжавшемся в течение целого столетия. Представлена также палатализация, обусловленная прогрессивной ассимиляцией. В целом можно говорить о четырех явлениях палатализации задненёбных в период, предшествующий старославянскому.

1. Перед каждым исконным гласным переднего ряда (*i* < и.-е. *i* или *ěi*; *e*; *ь*; *e*; *ě*, возникшим из *ē*; *ǰ*, *ǰ'*; *ěu* > слав. *'u*) *k* переходило в *č*, *g* > *dž* > *ž*, *χ* > *š*. Этот общеславянский (может быть еще праславянский) процесс должен быть рассмотрен в старославянской грамматике именно потому, что он делает понятным некоторые случаи изменения

согласных в парадигме или в составе этимологически связанных между собою слов, например:

око, оуко: род. п. ед. ч. оуесе, им.-вин. п. мн. ч. оуеса, твор. п. мн. ч. оуесы;

отрокъ, богъ, страхъ: зват. п. ед. ч. отроуе, боже, страше.

Производные существительные и прилагательные: отроуа, отроуиштъ; уловѣуство, уловѣускъ от уловѣкъ; божиц, божьскъ от богъ; страшнѣ от страхъ.

Такие глаголы, как страшити; множити от многъ; моуити от мокръ, мокиѣти; вѣшати от вѣтъхъ.

Сравнительная степень: множан; макъуи (макъкъ); текъ, жогъ: тѣуши, жежши и т. д., аор. тѣуе, жеже, имперф. тѣуаахъ, жежааше; страд. прич. прош. вр. рѣуенъ, жеженъ.

1 л. ед. ч. аор. рѣхъ, пихъ; 3 л. мн. ч. рѣша, пиша.

Примеры с 'и: уюти; шюи; жюѣ: жьвати (случайно не встречается в древнеболгарских рукописях); со слоговыми плавными г', л': урьнѣ, жрьти; жлѣтъ, улѣнѣ (из -лъ-).

Перед этими же гласными sk, zg изменяются в sč, zdž, а затем в šč, ždž. В древнеболгарском из этих сочетаний возникли št, žd, например искати, искъ: иштѣши; штълазъ (шлалъ — *Закон судный*; др.-русс. шлагъ); точно так же в заимствованном из германского skillings ст.-слав. скълазъ (Сав.), скълазъ (Зогр. б), склазъ (Мар.) и церк.-слав. стълазъ; иждѣнж < *iz-džep; раждѣ: разга; мождѣнъ: мозгъ; ср. § 18, п. 4.

В праславянском и в древнейшем старославянском (d)ž, š, č, št (š), žd (ž) были смягченными.

2. Переход k в с, g > dz, χ > s (в западнославянских языках также в š) перед ě и i (только в конце слова), которые возникли на славянской почве из дифтонгов ôi, âi, совершился позже. Первоначально и с, dz, s были смягченными. Эта палатализация также вызывала чередование согласных в парадигме и в других случаях. Примеры:

отрокъ, богъ, доухъ: им. п. мн. ч. отроци, божи (-зи), доуеи, местн. п. ед. ч. отроуѣ, возъ (-зѣ), доуеъ, местн. п. мн. ч. отроуѣхъ, возѣхъ (-з-), доуеѣхъ;

ржкѣ, нога: дат.-местн. п. ед. ч., им.-вин. п. дв. ч. ржѣ, носъ (-зѣ); иго: им.-вин. п. дв. ч. изъ (-з-);

такъ: таѣмъ, -ци и т. д.; вѣсьмъ и т. д.;

рѣкѣ, лѣгѣ: повел. накл. рѣчи, лѣши (-з-), -ѣте, -ѣмъ.

Производные глаголы (итеративы): -рицати, -дѣшати (-з-).

Из -sk-, -zg- возникли прежде всего -sc-, -zdz-; см. § 31.

3. Подобный указанному в п. 2 процесс находим в сочетаниях kv, gv, χv перед старыми или более новыми гласными переднего ряда. Но это явление не имеет широкого распространения; оно представлено только в языке восточных и южных славян. Примеры:

цвѣтъ, цвѣсти, цвѣтъ; звѣзда (zv-). Мену звуков внутри парадигмы мы находим в слове вльхъ, им. п. мн. ч. вльски (Супр., 257, 9/10), зват. п. ед. ч. вльшве (там же, 111, 21), прилагательное вльшскими (там же, 257, 9). Различное применение χv перед старыми или более новыми палатальными гласными (в противоположность cv-) может быть вполне закономерным. Возможно, что палатализующее влияние старого е на s'v (< chv) проявлялось сильнее, чем в других сочетаниях, ибо в западнославянских языках vьs'е изменяется в v(ь)še в противоположность отьс-(ь) и т. д. (см. п. 4). Перед слоговым ɣ' этой палатализации не было; ср. скръна.

4. Переход $k > c$, $g > dz$, $\chi > s$ (зап.-слав. š, например, чешск. vřeho) происходил также под ассимилирующим влиянием предшествующего гласного переднего ряда (i, ь, е, возможно, также ɣ'). Очевидно, что указанному правилу χ подчинялось и sk, так как только этим можно удовлетворительно объяснить ст.-слав. формы влсцѣти, -сцати, -стати. Примеры:

юньць, отьць, срьдьце, мышьца, овьца, но кльтька, рѣчька; дѣвнѣца, урьннѣца, пѣтица, но жжика, влжжика, где i, конечно, из iй. Основы на -о- м. р. имеют, без сомнения, суффикс -ikъ, сохранившийся без изменения: грѣшннѣкъ и т. д.

мѣсаць, замяць, пѣнась, кѣнась (-z-); но кѣнагыи.

ниць, сиць, сицевъ (:такъ, таковъ), вьсь (< *vьχъ < *vīso = лит. vīsas); стѣса (-za; русск. диал. *стега*), ѡза (-za; = русск. *яга*), польза (-za; русск. диал. *польга*, польск. *ulga*); — лице; -рицати (:рекъ), -лацати (:лакъ), -двизати (-z-; аор. *двигъ*), -сазати (-z-; сакнѣти); мръцати (:мрънѣти); влсцати (:вльскъ; влс-кати, не в старославянском).

Из приведенного материала видно, что эта палатализация после названных гласных осуществлялась не всегда; повидимому, действовали и другие факторы. По вопросу о том, каковы должны были быть эти условия, мнения расходятся; возможно, что палатализация не во всех обла-

стях проявлялась одинаково. Бодуэн де Куртене (имя которого носит этот закон) полагал, что указанная палатализация происходила перед основным ударением, однако это не соответствует действительности. Большинство ученых считает, что палатализация зависела от следующего гласного: Шахматов предполагал, что лабиализирующее влияние некоторых гласных (ъ, ы, о, ʀ, может быть, и у) препятствовало палатализации. Зубатый считал, что не следует относить о к гласным, препятствовавшим палатализации, а Лер исключил из этой группы, кроме о, также ʀ, которое было, вероятно, менее лабиализованным, чем ы, ъ, у. Белич принимает тормозящее действие только исконного звука ы (слав. ъ, у) и отрицает палатализирующее влияние мягкого слогового ɣ' (кѣназа: кѣнагыѣи, польза: льгыкъ, макъкъ). Трубецкой считает, что этот закон имел действие только после безударных ĭ, ĭ(in), если дальше не следовали Ѣ, ѣ, ʀ, oi; он подчеркивает наличие с в форме нищѣ; в подобном же духе высказывается и Вондрак. Однако совсем иначе трактуют этот закон Агрель и Кнутсон. Каждое объяснение должно, однако, считаться с выравниваниями по аналогии внутри парадигмы, что еще больше осложняет решение этой проблемы.

Что касается хронологии, то палатализация по закону Бодуэна во всяком случае—явление более позднее, чем первая палатализация, благодаря которой звательные формы *отъѣс*, *кѣнаже* образовались непосредственно из **отъке*, **кѣпеге*. Труднее определить хронологические рамки второй палатализации. Решение этого вопроса зависит от указанного нами противопоставления: *отъѣи* (местн. п. ед. ч.), *отъѣихъ* (местн. п. мн. ч.): *вѣсьмь*, *-ѣмъ*, *-ѣми*, *-ѣхъ*. Если *отъѣи*, *-ихъ* фонетически закономерно, то закон Бодуэна следует считать более древним, чем вторую палатализацию. В таком случае формы *вѣсьмь* и т. д. фонетически незаконны. Но если *вѣсьмь* и т. д. являются правильно образованными формами, то вторая палатализация древнее, а формы *отъѣи*, *-ихъ* получили *ĭ* по аналогии с другими формами мягких основ. Эта последняя альтернатива заслуживает внимания (несмотря на мнение Щепкина, Лера, Трубецкого, Вондрака). Нельзя думать, что парадигма *вѣсь*, *-его*, *-ѣи*, *-ѣхъ* и т. д. утратила свои падежи на *-ĭ* под влиянием твердых основ (*тѣмь* и т. д.), если учитывать склонение *съ*, *сего*,

сеѡу, симь, семь и т. д. Напротив, формы ѡтъци, -ихъ как образования по аналогии с мягкими основами вполне понятны, так как в именном склонении падежи с гласным ё встречаются реже, чем в местоименном, и с, dz, s, возникшие по закону Бодуэна в других падежах, действовали смягчающе на следующие гласные: ѡтъс'а (ст.-слав. -ѡъ, позже -ѡа), -епь и т. д. По вопросу об абсолютной хронологии можно заметить, что согласный перед суффиксом -іа вряд ли уже был аффрикатой в Паннонии в VII—VIII вв. Это видно из таких написаний, как Lieznicha (*Lěsnyk'a), Sabinicha (*Žabnyk'a) и т. д. Изменение задненёбных согласных — явление общеславянское, а в своем начале, может быть, и праславянское; но конечный момент развития в с', dz', s' (западн.-слав. š) был достигнут только в отдельных языках. Позднее распространение закона Бодуэна делает возможным предположение о локальных различиях фонетического развития наряду с различиями между отдельными языками (примеры см. выше).

Чешско-церковнославянские Пражские листки имеют западн.-славянскую замену š': *вшн*, *вшѣтъскъ*, даже *вшхъ*.

Вследствие первой и второй палатализации в древнеболгарском языке не представлено ни одного слова, где бы перед гласным переднего ряда находился задненёбный согласный. Однако в словах, заимствованных из греческого, задненёбный согласный сохраняет палатализованное, а отчасти даже палатальное произношение; см. § 8.

ЛИТЕРАТУРА:

По вопросу о законе Бодуэна де Куртене. В. Ягич, „JA“, X, стр. 192 и сл.—Бодуэн де Куртене, *Slavische c (ts), ž (dz), s aus den unter dem Einflusse vorangehender Vokale palatalisierten k, g, h (ch)*, „IF“, IV, стр. 46—53.—А. Шахматов, „Изв.“, I, стр. 703 и сл.—J. Rozadowski, *De -ica suffixo linguarum slavicarum*, *Quaestiones gramm. et etymol.*, „Rozpr. fil.“, XXV, стр. 415—419.—Б. Ляпунов, Синод. спис., стр. 73 и сл.—O. Hujer, „LF“, XXX, стр. 441—443.—A. Meillet, „MSL“, XI, стр. 8; *Études*, стр. 165 и сл., 335—350; *Slave s.*, стр. 82 и сл.—Р. Брандт, *Несколько мелочей*, 1900, № 2: *вьсь*.—F. Lorentz, *Abg. vřsř*, „KZ“, XXXVII, стр. 264—267.—J. Zubatý, *Sb. fil.*, I, стр. 148—156.—В. Щепкин, „RS“, III, стр. 214—216.—T. Lehr, *Nowsze poglądy na niektóre zjawiska t. zw. drugiej palatalizacji*, „RS“, IV, стр. 141—148.—Г. Ильинский, *Прасл. гр.*, стр. 240—244.—S. Agrell, *Zwei Beiträge zur*

slawischen Lautgeschichte, Lund, 1918, стр. 35 и сл.—А. Белич, Најмлађа (трећа) промена задњенепчаних сугласника *к, г и х* у прасловенском језику, „Ј. фил.“, II, стр. 18—39; La troisième palatalisation des gutturales, „Revue“, VIII, стр. 50—67.—Н. Трубецкој, „Revue“, II, стр. 225—230; об этом же А. Белич, „Ј. фил.“, III, стр. 131—137.—V. Vondrák, O pozdějších palatalizacích v praslověnině, „Slavia“, II, стр. 17—25; Vgl. sl. Gr., I, изд. 2, стр. 353—356.—К. Knutsson, Über die sogenannte zweite Palatalisierung in den slavischen Sprachen, Lund — Leipzig, 1926¹.—К. Nitsch, Nature et chronologie de la seconde palatalisation en slave commun, „Revue“, VI, стр. 42—53.

кв: Н. Трубецкој, Старославянское *скарьна*, Сборник-Златарски, стр. 481—483.

Хронология: А. Соболевский, Древнейшие славянские названия монеты и хронология общеславянского смягчения гортанных, „РФВ“, LXIV, стр. 92—95.—Р. Lessiak, Germanisch-Romanische Monatsschrift, 1910, стр. 287 и сл.—Е. Berneker, „JA“, XXXVIII, стр. 267.—М. Vasmer, „KZ“, LI, стр. 29.—J. Schnetz, „JA“, XXXIX, стр. 178 и сл.—S. Pirchegger, Die slav. Ortsnamen im Mürzgebiet, Leipzig, 1927, стр. 235 и сл.—F. Ramovš, „Slavia“, VI, стр. 785 и сл.; „Ј. фил.“, VI, стр. 153—165 (с библиографией о палатализации в заимствованных словах).

Праслав. *šč, ždž*, ст.-слав. шт, жд. А. Leskien, Ein altbulgarisches Lautgesetz, „JA“, I, стр. 58 и сл.

§ 18. Развитие группы согласных с последующим *і*

1. Общеславянским является переход *si > š, zi > ž*; *ni > n', li > l', ri > r'; ki > č; gi > dž*, откуда во всех языках *ž; ģi > š*; повидимому, также *pi > pl', bi > bl', vi > vl', mi > ml'*. Вследствие представленных в старославянском языке отношений приведенные группы требуют особого рассмотрения; кроме того, нужно рассмотреть *tj, dj*, которые развивались в славянских языках по-разному, а также *stj, zdj, ski, zgi*. Замена последних в древнеболгарском языке основана на позднейших, происходивших уже после праславянского периода фонетических процессах.

Мы приводим несколько примеров на указанные выше сочетания, в которых ясно проявляются вызванные влиянием *і* чередования звуков внутри парадигмы, а также в некоторых других группах слов, этимологически связанных между собой; группы согласных с *і* неслоговым выступают в настоящем времени основ на *-іе-* в 1 л. ед. ч. наст.

¹ *c', dz'* возникали в том случае, когда заднеязычные находились „после *і, ѣ, ѣ, і, і* и перед *і +* велярный гласный“ (для нас неприемлемо).

вр., в действит. причастии прош. вр. I¹ и в страдательных причастиях глаголов с основой на -i-, а также в производных от них итеративах на -'ati.

sĭ: пишѣ, -еши, наст. вр. к пѣсати; съмѣшѣ, съмѣшь, -шенѣ, -шати: съмѣсити; паша — существительное к пѣсти, пѣшѣ.

zĭ: вѣжѣ, -еши к вѣзати; также и существительное жѣ; поражаѣ, поражаѣ, -енѣ, -ати к поразиати.

pĭ: жьнѣ: жати; помѣнѣ: помѣнѣти; въ ѣсмѣ: юмѣ.

lĭ: валѣ, -енѣ, -ати: валѣти; дивѣоѣ, прилагательное к дивѣоѣ.

gĭ: орѣ, -еши к орѣти; пѣрѣ, существительное пѣри к пѣрѣти; раззариати к раззорити.

kĭ: плажѣ, -еши к плакати; ловѣуѣ, прилагат. к ловѣкѣ; ловѣуѣ (-kĭo-), прилагат. к ловѣуѣ (-ko-; см. § 17, п. 4); оуѣжѣ, оуѣжѣ, оуѣнѣ, -оуѣати (все формы с kĭ) к оуѣити (-čĭ- < -kĭ-).

gĭ: лѣжѣ, -жѣши, существительное лѣжѣ (-а), прилагательное лѣжѣ к лѣгати.

χĭ: доуѣ: доуѣ, дѣхнѣти; задоуѣ, -шенѣ, -шати (χĭ): задоуѣити (χ), оуѣо.

Звуки, возникшие из сочетания с i неслоговым, первоначально были все мягкими; поэтому древнейшими написаниями были: шѣ, шю (шѣ) и т. д.; см. об этом § 22.

2. Группы pĭ, bĭ, vĭ, mĭ выступают в русском языке и в южнославянских языках в виде: pl', bl', vl', ml' с так называемым 1 epentheticum (которое менее точно именуют иногда 1 euphonicum). В западнославянских языках, кроме отдельных слов, где 1 эпентетикум встречается во внутреннем слоге, он развивается только в начальном слоге слова (например, в словах, соответствующих древнеболгарским пѣвати, пѣнѣти). Вследствие этого некоторые ученые считают, что на праславянской почве 1 эпентетикум развился только в этой позиции. Для доказательства обращаются к болгарскому языку, в котором 1 эпентетикум представлен только в начальном слоге; в древнеболгарском языке во внутренних слогах он иногда опускался, а в современном болгарском, как правило, отсутствует. Однако древнеболгарские тексты указывают на наличие 1 эпентетикума без всяких изъятий в древнейшем старославянском языке. Это делает более вероятным предположение, что 1 эпентетикум

¹ В данной книге мы придерживаемся терминологии автора; в частности, действительные причастия прошедшего времени мы делим (как это принято у автора) на причастия I и II. — *Прим. ред.*

был когда-то у всех славян. Впрочем, этот вопрос не относится к истории старославянского языка.

1 эпентетикум в древнейшем старославянском языке, даже перед *i* и *ь* (в этом положении в текстах оно опускается чаще всего), употребляется в Киевских листках и в последней части Зографского евангелия. В Киевских листках *l'* никогда не опускается, даже перед *ь* и *i*: *земьская* IV, 22/3, *земьскыихъ* V, 22, *прислѣ* V, 6; в Зографском ев. (исключая Зогр. б.) *l'*, кроме *ь*, *i*, выпадает перед другими гласными только в причастии *благословенъ*, весьма распространенной старославянской форме (что, вероятно, обусловлено диссимиляцией: *bla-slo-vl'e*), и один раз в слове *приставѣнье* Лука, 5, 36; в остальных случаях 1 эпентетикум отсутствует только перед *ь*, *i*, но и эти формы к концу кодекса встречаются реже (с *l*: Матф.—16 раз, Марк—15 раз, Лука—20 раз, Иоанн—14 раз; без *l*: Матф.—46 раз, Марк—16 раз, Лука—15 раз, Иоанн—1 раз). Так как именно последняя часть Зографского евангелия в отношении языка является наиболее древней, то можно предположить, что в более старом оригинале этого памятника 1 эпентетикум употреблялся перед всеми гласными.

Ближе всего к Зографскому евангелию по употреблению 1 эпентетикума Клоцов сборник и Синайский требник. В них, кроме слова *благословенъ* и одиночного *древьѣ Син. тр.*, 85 а, 13, 1 эпентетикум отсутствует только перед *ь* и *i*; единственная форма с *i*, которая встречается в сборнике Клоца десять раз—это *земѣ*; в Синайском требнике эта форма пишется также без *л*, однако там встречаем три раза *Авраамѣ*, *Иѣковѣ*. Отсутствие *л* в *оумръщѣно Син. тр.*, 73 б, 9, *оумръщѣвъ(и)*, *-вътъ* 25 а, 14, 57 б, 16/17, 50 а, 23/24 можно приписать скоплению согласных; этим же можно объяснить и форму *оумръщѣвъшаго* 39 б, 5, где, однако, известную роль мог играть и *ь*; ср. также *Син. пс.*: *оумръштѣвъшихъ(ш)*—2 раза, *-штѣвшюмоу*, *-щѣвши* (последнее слово с полустертым *л*). В Марииинском евангелии *л* отсутствует только перед *ь*, *и*, причем очень часто; впрочем, там мы встречаем и *земѣ*, *земьская* и т. д. В Синайской псалтыри перед *ь*, *и* преобладают написание с *л*, перед другими гласными лишь в отдельных случаях встречаются написание без *л*; вместо 1 эпентетикум часто пишется *ь* или *ѣ*: *земѣ*, *земьѣ* и т. д. В слове *оумръщѣв-* и т. д. (см. выше) *ер* отсут-

ствуется, но это указывает либо на его раннее отпадение, либо на какие-то исключительные условия.

Ассеманиево евангелие сходно в этом отношении с Синайской псалтырью, только в нем перед *i* чаще встречаются написания без *l*. В противоположность написанию Синайской псалтыри буквы *ь* и *ѣ* не пишутся там на месте *l* эпентетикум. В Зограф. б.: *авраамъ Матф.*, 22, 32, в остальных случаях *л* не встречается перед *ь* (6 раз) и перед *и* (4 раза *зѣми*, *ѣ-*); не встречается оно и перед *ѡ*; перед *ѣ*, *ѡ* — один раз с *л* и 6 раз (3 формы) без *л*. В Саввиной книге перед *ь*, *и*, *ѡ* преобладают написания без *л*, перед *ѡ*, (*ѣ*), *ѡ*, *ѡ* — написания с *л*; часто вместо *л* перед *ѡ*, *ѡ*, *ѡ* находим *ь*.

Писец Супрасльской рукописи, несомненно, не выговаривал *л*; оно во всех положениях встречается здесь довольно редко; относительно часты случаи с *л* в слове *дѡвѣ* и в производных от него образованиях; объяснение видят в том, что этого слова не было в говоре писца; слово *бѣзѡумѣ*, в котором представлен *l* эпентетикум, содержит *ь* между *м* и *ѡ*. Частое написание *l* эпентетикум с *ѣ* вместо *ѡ* в некоторых словах (*зѣмѣ*, *каплѣми* и т. д.), не свойственное говору писца Супрасльской рукописи, указывает на перенос этого сочетания из оригинала. Формы с *l* эпентетикум встречаются реже к концу кодекса; Вондрак (до стр. 203) (по изд. Северьянова) насчитывал 52 примера, от стр. 203 до 402—27 примеров и от стр. 402 до 570 — только 18. Перед другими гласными, кроме *ь*, *и*, на месте *л* пишется, как правило, *ь*. В небольших памятниках: Охр. ев.: 1 раз *прѣломѣ*, 6 раз *лѣ*, *лѡ*; листы Ундольского: *пристаплѣше*, *землѣ*; Хиландарские листки: *корабѣ* I Аб, 21, но три раза группа *-влѣ-*; в Македонском кириллич. листке — *оставѣше*; в Македонском глаголич. листке нет ни одной формы.

Развитие происходило, вероятно, следующим образом: в древнейшем старославянском языке и в болгарском, лежащем в его основе, *l* эпентетикум был представлен во всех положениях; даже в формах *земѣ* и *корабѣ*, *-ѣми*, *-ѣлицѣ* можно предположить *bl' < bĭ*. Так как именно в этих словах *l* часто отсутствует, можно полагать, что *зѣми* является формой основы на *-ĭ-* (*zeml'a*, повидимому, переделано из индоевропейского корня на *-mi-*) и что существовала основа **korabĭ-*, которую мы находим в слове *кораблицѣ*. Решающим кажется нам свидетельство Зографского кодекса: там,

в очень древнем в языковом отношении евангелии от Иоанна встречается 1 раз *зѣми*, но 4 раза *зѣмли*, 4 раза *кѣрѣбѣ*, 1 раз *кѣрѣбли*, *кѣрѣблицѣмь*. Утрата 1 раньше всего произошла перед *і* и *ѣ*, а позже всего перед гласными заднего ряда; редуцированный, который довольно часто (в Супр. рук., Син. пс. и Сав. кн.) ставится вместо *ѣ* перед всеми гласными, кроме *ѣ*, *и*, показывает, что 1 эпентетикум после своего отпадения оставил следы в произношении, хотя, может быть, и не во всех говорах (эти *ѣ*, *ѣ* отсутствуют в Ассеманиевом евангелии); читать этот звук следует, вероятно, как *і* или *і̣* (ср. русские *сѣзд*, *чѣя*). Написания *ѣ* наряду с *ѣ*, встречающиеся в Синайской псалтыри, говорят о том, что в этом говоре на месте 1 эпентетикума произносилось *і̣*, а не *і̣̄*. В Сав. книге перед *ѣ*, *и*, а также перед *ѣ* не встречается *ѣ*, *ѣ*; это может быть связано как с более ранним отпадением 1 эпентетикума перед этими звуками, так и с одинаковым образованием звуков *і̣*, *ѣ*, *і̣̄*. Последнее могло вызвать диссимиляционное отпадение *і̣̄*¹.

Кульбакин прав, считая главным доказательством фонетической, а не по аналогии утраты 1 эпентетикума передачу *і̣̄* посредством *ѣ*. На основании только древнеболгарских памятников нельзя решить, является ли утрата 1 эпентетикума в одной болгарской области более старым, а в другой — более новым процессом; позднейшая фаза развития, которую мы наблюдаем в Супрасльской рукописи, может быть обусловлена относительно поздним происхождением этого памятника. Правда, 1 эпентетикум довольно часто встречается в некоторых среднеболгарских памятниках, но трудно определить, насколько написания соответствуют произношению среднеболгарских диалектов.

3. Сочетания *і̣̄*, *д̣̄* выступают в древнеболгарском языке в виде *шт*, *жд*, произносившихся в древнейший период мягко; мягкое произношение этих звуков в некоторых диалектах сохранилось. Несколько примеров: 1 л. ед. ч. наст.

¹ Конечно, это объяснение нельзя применить к таким формам, как *възлюбѣнѣ* и т. д. в Саввиной книге. Поскольку здесь *ѣ* перед *ѣ* опускается только в причастиях этого типа и в производных от него существительных на *-иѣ* (кроме того, еще *ѣрѣвѣиѣ*, но, с другой стороны, постоянно *ѣмѣѣ* и т. д.), то можно думать не о фонетическом отпадении, а об отпадении по аналогии с другими формами спряжения, не имеющими *і̣̄*.

вр. вращѣ, действит. прич. прош. вр. I вращѣ, страдат. прич. прош. вр. вращенѣ; вращати — глагол несоверш. вида к врати; также троужѣ, троуждѣ, троуженѣ, троуждати к троудити; наст. вр. мешѣ, -ши к метати; жажѣ, -ши к жада; прилагательное говажѣ (*Супр.*) к говадо; существительное свѣшта к свѣтъ и т. д., жаждѣ к жада.

Общая первоначальная ступень сочетания tj, давшая различные замены по отдельным языкам (зап.-слав. с, (d)z, первоначально мягкие, вост.-слав. ч, ж, словенск. č, j, сербо-хорв. ć, đ, чакав. j, j в переходном сербо-болгарском тимочском говоре — ч, дж), была, вероятно, палатальным t или d (j, č), которое произносилось, повидимому, как довольно долгий звук. При этих звуках легко могли возникнуть переходные фрикативные звуки, в результате чего появились аффрикаты. Дальнейший переход к западнославянским, восточнославянским, словенским и сербо-хорватским рефлексам был нетруден. Болгарские št, žd, развившиеся из štš, ždž, предполагают появление краткого фрикативного звука j перед j и č: jj, jč; когда же палатальные взрывные согласные превратились в палатальные аффрикаты, звук j ассимилировался со второй частью аффрикаты, в результате чего возникли мягкие дописываемые болгарские группы согласных: štš (šč), ždž. Указанный процесс протекал в большинстве случаев по закону Лескина („JA“, I, 58 и сл.). Что касается начала процесса, т. е. появления j, то его сравнивают с подобным же явлением в современных сербо-болгарских переходных диалектах, в которых Брок отметил такие формы, как kújt'a „дом“ (из *kuja = др.-болг. кѣшта), tréjt'i (др.-болг. трѣтн) (*Die Dialekte des südl. Serbiens*, Wien, 1903, стр. 39). С tj в праславянском совпало kt перед гласными переднего ряда; здесь следует предположить как общеславянскую — промежуточную ступень jj, которая мало отличалась от j; см. § 11, п. 7.

Киевские листки на месте праслав. tj, kt, dj имеют постоянно ч или z, т. е., другими словами, чешскую замену tj, dj (поляки и словаки имеют dz, чехи — z). В XI в. эти звуки были еще мягкими, чем объясняется употребление после них гласных ъ, ѣ: дажѣ, обѣ, ѣль; в других старославянских текстах: даждѣ, обѣштати (-ѣти). О данном типе старославянского письменного языка см. стр. 50. Пражские

отрывки на месте праслав. *tj*, *dj* также имеют не *шт*, *жд*, а *ч*, *з*: *въпѣюще*, *рождество* (*ИБ*, *16/17*; *ИБ*, *10* ошибочно *рождсо*) и т. д. Кроме указанных памятников чешской редакции, *ч*, *з* вместо *шт*, *жд* несколько раз встречаются в Синайской псалтыри, где также находим чехизмы или моравизмы (например, часто встречающееся *вы-*; *црѣковь*; и кое-что из лексики) и где (*Пс.* *24,7*) написано *невѣзства* и (*Пс.* *29,1*) *сѣаце(ньи)*. Итак, чехизмы Синайской псалтыри указывают на чехо-моравский тип церковнославянского языка, в котором были богато представлены *с*, *з* на месте *tj*, *kt*, *dj*; конечно, это был не древнейший старославянский язык, так как в наречии, которым пользовался Кирилл для перевода недельного евангелия до своего отъезда и которое затем было перевезено в Моравию, были представлены *шт* и *жд*. В Маринском евангелии и в Клоцовом сборнике также встречаются некоторые чехизмы: *рождства* *Матф.*, *14,6* и неправильная форма *виъжь Иоанн*, *20,27* (вместо *виждь*); в этой форме могло сохраниться *виъ* более древнего оригинала; *Клоц. сб.*, *877*, *879*: *рождство*, *-оу*, *878* *порождствоу*. Оба памятника, однако, имеют более частое написание *рождство* (*-ство*), а в Клоцовом сборнике один раз встречается *рождство* *881*.

Кроме этих чехизмов, *шт*, *жд* являются единственной древнеболгарской заменой праслав. *tj*, *kt*, *dj* как в македонских, так и в восточноболгарских памятниках. Распространенное в современном македонском языке произношение *џ*, *џ* или *џ*, *џ* еще неизвестно древне- и среднеболгарским источникам; оно проникло сюда из сербского языка. Кроме того, во многих македонских диалектах находим сочетания *šč* (*šč*), *ždž*. Так как в древнеболгарских и среднеболгарских текстах, в которых вообще встречается очень много различных диалектных явлений, представлены только *шт(щ)*, *жд* и никогда не пишется *шџ*, *ждж*, нельзя считать новомакедонские *šč*, *ždž* непосредственным продолжением дописменных сочетаний *šč*, *ždž*; они, повидимому, восходят к смягченным *št*, *žd*.

В особых условиях развивалось праславянское слово **tjudь*. Основа **tjudie-* „чужой“ образована из германского заимствования **reudō-* (гот. *riuda*) „народ“. Древнейшая форма **tjudie-*, так же как и позднейшие ступени развития **jude-*, **štšuzdže-*, **št'uzd'e-*, представляли удобную

почву для диссимиляторных изменений. Мариинское, Ассеманиево ев., Саввина книга, Синайская псалтырь и Клоцов сборник имеют только форму *тоуждъ* (-ъ), также и Зограф. б; в более древней части Зографского евангелия два раза встречается та же основа, но один раз также *штюждѣго Иоанн, 10, 5*. Если бы не было этой формы, то на основании свидетельств древнейших текстов форму *тоуждъ* можно было бы считать кирилло-мефодиевским образованием; но форма *штюждѣго* в древнейшей части Зографского кодекса говорит против исключительного употребления *тоуждъ* в древнейшем старославянском языке. В Синайском требнике семь раз встречается *тоуждъ*-, один раз *стоуждѣ* 68 б, 3/4, в Супрасльской рукописи — 7 раз *стоуждъ*-, 14 раз *штоуждъ*-. Ср.-болг. *уюждъ, уоуждъ* (-ъ) (наряду с *тоуждъ*), представленное и в современном болгарском языке, возникло, повидимому, в древнеболгарский период; оно могло образоваться или из доисторического *šciždžь благодаря диссимилятивному отпадению š или же из более позднего štužďь (št', žď') вследствие диссимилятивной метатезы. *тоуждъ* Киевских листков IVб, 10/11 предполагает для моравской редакции старославянского языка форму *тоуждъ* (вероятно, наряду с *штюждъ*), в которой сочетание *жд* заменилось чешск. *ž* вследствие приспособления к типу письменного языка Киевских листков. Противоречие между Супрасльской рукописью, где встречаются только формы с *шт-* и *ст-*, и другими памятниками, где преобладает *т-*, следует рассматривать как диалектное различие.

4. Сочетания *stj, skj; zdj, zgj* изменились через посредство *sč, zdž* в *šč, ždž* (оба сочетания произносятся мягко). В древнеболгарском языке из них возникли *št, žd* по вышеупомянутому закону Лескина (также мягкие). Во всех славянских языках с ними совпадают *sk, zg* в положении перед гласными переднего ряда; см. § 17, п. 1. Примеры на *stj, zdj*: 1 л. ед. ч. наст. вр. *възвъштѣ*, действит. прич. I прош. вр. *възвъштѣ*, страд. прич. прош. вр. *възвъштѣнъ*, глагол несоверш. в. *възвъштати: възвъстити*; также *прѣгвождѣ, -ждѣ, -ждѣнъ, -ждати: прѣгвоздити*. Праслав. *skj*, по общепринятому мнению, содержится в суффиксе *-иште* (*жилиште* и т. д.) (иначе думает Ташицкий, „Slavia“, IV, 226 и сл.); *иштѣ*, *иштеши* является скорее переделкой формы *искѣ*, *иштеши* (с *št* из *sk*); *zgj* встречаем только в форме *измѣждати*, из-

вестной из русской редакции, в то время как измѣждити содержит праславянскую звуковую группу *zgi*. На чехо-словацкой почве до исторического периода чешского литературного языка сохранялось сочетание *šč*, возникшее из *sk* перед гласными переднего ряда и из *ski*, *stj*. Такие формы, как *zашѣiti*, *оуишѣние* в Киевских листках, *соудишѣи* в Пражских отрывках, — несомненные чехизмы; в других старославянских источниках эти формы не представлены, а в новомакедонском языке они более позднего происхождения; см. п. 3.

5. *s* и *z* перед *n'*, *l'* через посредство мягких *s'*, *z'* изменяются в *š*, *ž*, например, *мышѣаше Лука*, 12, 17, *Мар.*, *Зогр.* (*Асс.* *мышааше*, *Сав.* *помышааше*), *помышаашѣтъ Син. пс.*, 9, 19, *въжлюкаши Киевск. л.*, Vб, 5, *бж нгоже Киевск. л.*, VI, 14/15, *нж нгоже Клоц.*, 51, *нж љгоже Супр.*, 461, 6; эти и подобные им формы старославянских текстов следует считать фонетически закономерными; постепенно, однако, они вытесняются новообразованиями по аналогии. Так, следует обратить внимание на то, что форма *въжлюв* встречается только в Киевских листках и в евангелии от Иоанна Зографского кодекса (*Иоанн*, 14, 21), в то время как в остальных памятниках (*Зогр.*, *Мар.*, *Сав.*, *Син. пс.*) находим только *възлюб*-, *възлюб*-. Были ли группы *šl'*, *žl'* праболгарскими, решить невозможно¹. Несомненно, однако, что переход *t*, *d* в *št*, *žd* перед мягким *г'* является только древнеболгарским: *съмоштрѣ Супр.*, 332, 30 и т. д., *оумѣждѣтъ Болонск. пс.*, 145, 8, *прѣмѣждрати са Супр.*, 21, 24. Также изменяются эти звуки и перед мягким *v(l)'*: *оумѣрѣвно Син. тр.*, 73 б, 9 и т. д. (см. выше, п. 2); *възгословствении Супр.*, 493, 18, *благодарѣстваше Супр.*, 300, 21 и т. д. являются более поздними образованиями по аналогии с другими формами от того же глагольного корня, так же как и *съматраше Супр.*, 88, 29, *съматраше 92, 17*, *съмотрении 313, 13*, *ымѣждѣтъ Пог. пс.*, 145, 8 и т. д.

ЛИТЕРАТУРА:

Общее: А. Потехня, „РФВ“, II, стр. 32—44, 207—232; „JA“, III, стр. 372—381; 594—614.— А. Шахматов, Очерк, стр. 53.—

¹ В более поздний период то же явление повторялось во многих языках; так, форма *szl'etъ* через посредство *s'l'etъ* дала русск. *шлет*, польск. *szele*, сербо-хорв. *šlje*.

Г. Ильинский, Прасл. гр., стр. 237—240, 248—256.— Ф. Фортунатов, Краткий очерк сравн. фон. и-е. языков, стр. 230—234.— А. Meillet, *Slave commun*, стр. 78—91 и др.

l erentheth.: W. Vondrák, *Zur Kritik*, стр. 744—766.— В. Щепкин, Рассуждение, стр. 257—269.— В. Облак, „JA“, XVII, стр. 457—461.— П. Орешков, Отношения на старобългарските паметници към епентетично *л*, „Известия на семинара по славянска филология при университета в София“, II, 1907, стр. 1—64; Древнеболгарское эпентетичное *л*, „РФВ“, LXI, стр. 97—110.— Н. Грунский, „ЖМНП“, июль 1908, стр. 182—185.— В. Погорелов, Толкования, стр. 71—76, сноска.— N. van Wijk, „RS“, IX, 3 и сл., 14—18.— С. Кульбакин, „Revue“, II, стр. 194 и сл.— А. Margulies, *Supr.*, стр. 60—64. Наиболее полный материал у Орешкова, „Отношения...“, но лучше у Вондрака, *Aksl. Gr.*, изд. 2, стр. 323—335.

tj, dj: праславянское произношение: Ф. Фортунатов, „JA“, XI, стр. 568.— А. Leskien, *Gramm.*, стр. 37—39.— R. Ekblom, „MO“, X, стр. 11 и сл.— F. Ramovš, „Revue“, III, стр. 50 и сл.— O. Nijer, *Uvod*, изд. 2, стр. 44.— W. Vondrák, *Vgl. Gr.*, I, изд. 2, стр. 359 и сл., 365 и сл.— Возможное *t-č* > др.-болг. *št* и т. д.: А. Meillet, „MSL“, XX, стр. 109 и сл.; *Slave s.*, стр. 86 (см. об этом у Кульбакина, *Le vieux slave*, стр. 197 и сл.).— Др.-болг. *št*, *žd*: А. Leskien, *Ein altbulgarisches Lautgesetz*, „JA“, I, стр. 58 и сл.— Ф. Фортунатов, „JA“, XII, 95.— Болгаро-македонские процессы: V. Oblak, „JA“, XVII, стр. 448—457; *Maced. Stud.*, стр. 55—68.— Б. Цонев, *Увод*, стр. 398—425; *История*, I, стр. 404—423.— С. Младенов, „RS“, V, стр. 200—206.— А. Белич, Срби и Бугари у балканском савезу и у међусобном рату, Белград, 1913, стр. 39; *La Macédoine*, Paris, 1919, стр. 263—273.— А. Селищев, *Очерки*, стр. 128—144.— N. van Wijk, *Taalkundige en historische gegevens betreffende de oudste betrekkingen tussen Serven en Bulgaren*, Amsterdam, 1923, стр. 19—21; „*Pr. fil.*“, XI, стр. 100 и сл., 104—106.— С. Кульбакин, „*Јф.*“, II, стр. 157.— А. Margulies, „JA“, XL, стр. 209—212.— С. Романский, *Мак. прег.*, II, 4, стр. 130—133.— Н. Дурново, *Введение в историю русского языка*, I, Брно, 1927, стр. 14, сноска, 211 и сл.— *тужь* и т. д.: W. Vondrák, *Zur Kritik*, стр. 775; *О рѣчѣ*, 3 и сл.; *Aksl. Gr.*, I, изд. 2, стр. 314 и сл.— А. Meillet, *Etudes*, стр. 175.— С. Обнорский, „РФВ“, LXXIII, стр. 84 и сл.— F. Ramovš, *Historična gramatika slovenskega jezika*, II, Любляна, 1924, стр. 260 и сл.— А. Стендер-Петерсен, *Slavisch-germanische Lehnwortkunde*, Göteborg, 1927, стр. 187—189.

-*шѣ*-, -*штр*- и т. д. А. Шахматов, *Очерк*, стр. 52 и сл.— W. Vondrák, *Vgl. Gr.*, I, изд. 2, стр. 340 и сл.

§ 19. Изменение гласного после *і* и т. д.

В праславянском языке после *і* (начального, интервокального и постконсонантного, перед которым из согласных возникали описанные в § 18 звуки или сочетания) большинство

гласных заднего ряда переходили в гласные переднего ряда, а именно:

o > e; особые случаи:

oi (и.-е. *ōi*, *āi*) > i, вероятно, через посредство ei,

-ons (откуда после твердых согласных -y) > -e, в восточно- и западнославянских языках -ě (см. стр. 81),

-onts > -e,

вероятно, и -ois (и.-е. *-ōīs*) > -i, так как окончание -y или -i в твор. п. мн. ч. **вогы: краи** воспринимается как правильное образование из и.-е. *-ōīs*

ъ > ъ,

y > i.

Такие же изменения происходят и после возникших по закону Бодуэна де Куртене согласных c', dz', s'; см. об этом § 17, п. 4, где идет речь о противопоставлении **вьскъ: отьчъ**.

В противоположность этим случаям ассимиляции и.-е. *ē* после i, а также после возникших по первой палатализации звуков *č*, (d)ž, *š* изменяется в а (см. § 17, п. 1). Все эти процессы важны для старославянской грамматики постольку, поскольку они во многих типах словоизменения вызывают различие между твердой и мягкой разновидностями форм; в некоторых типах словоизменения количество двойных образований настолько велико, что можно говорить о твердой и мягкой парадигмах; в первую очередь это относится к склонению именных и местоименных основ на -o-, -je-, -a-, -ja-. Мы указываем здесь только важнейшие категории и отсылаем для ознакомления с деталями к разделу морфологии.

Чередование o-e- имеют именные основы на -o- и -je- в им.-вин. п. ед. ч. ср. р., в твор. п. ед. ч., в дат. п. мн. ч., в дат.-твор. п. дв. ч. м. и ср. р.; в род. п. мн. ч. и дат. п. ед. ч. основ на -u- и -ju-; в зват. и твор. п. ед. ч. основ на -a- и -ja-; в им.-вин. п. ед. ч. ср. р., в род., дат. и местн. п. ед. ч. м. и ср. р., в род., дат., местн. и твор. п. ед. ч. ж. р., в род.-местн. п. дв. ч. местоименных основ на -o- или -je-; в страдательных причастиях наст. вр. на -omъ или emъ.

В области словообразования ср. суффиксы -ota-: -eta-, -ostъ-: -estъ-; -ovъ-: -evъ-; чередование o-e- в первом члене сло-

жения: зъло-дѣи: вос-вода; образования от местоименных основ типа голнѣ: елнѣ; тогда, когда: сгда, въсгда; глаголы на -ovati: -evati.

Чередование ъ-ь- находим в им.-вин. п. ед. ч. м. р. именных и местоименных основ на -о- и -је-, в род. п. мн. ч. именных основ на -о- или -је- и основ на -а- или -ја- в причастии I прош. вр. класса Б IV а; твор. п. ед. ч., дат., твор., местн. п. мн. ч., дат., твор. п. дв. ч. основ на -и- или -ју- могут быть приняты во внимание только теоретически из-за отсутствия примеров на эти формы, поскольку (это относится главным образом к русской редакции) твор. п. ед. ч. основ на -о- заимствовал окончание -ъть от основ на -и-. Ср. также макъкъ, сладъкъ и т. д.: горъкъ, тажъкъ.

Чередование ё-і- имеют формы местн. п. ед. и мн. ч. именных основ на -о- или -је-, им.-вин. п. дв. ч. ср. р. основ на -о-, -је-, а также основ на -а- или -ја-; дат., местн. п. ед. ч. основ на -а- или -ја-; твор. п. ед. ч., род.-местн. п. дв. ч., твор. п. мн. ч., дат., твор. п. дв. ч. местоименных основ на -о- или -је-; повел. накл. (за исключением 2 лица ед. ч.) основ на -о- или -је- настоящего времени.

Чередование у-ѳ- находим в твор. п. мн. ч. именных основ на -о- и -је- (вероятно, из и.-е. -ōis); у произошло из ѱ, ср. шити (<*siū-tēi): крыти.

Чередование у-ѳ- представлено в вин. п. мн. ч. м. р. и в им.-вин. п. мн. ч. и в род. п. ед. ч. основ на -а-, -ја-. Здесь следует исходить из -ōns, -āns; западные и восточнославянские языки имеют в этом случае -ѳ. Чередование у-ѳ- имеет также действительное причастие настоящего времени глагольных основ на -о- или -је-; ѳ ограничивается здесь им. п. ед. ч. м. и ср. р., остальные падежи имеют -јѳ-, например знаѳ, знаѳшта. Это чередование легко объяснимо, если принять старый переход -jonts в (-junts) -jъnts с последующим је через ступень -jъ'ts (подробности процесса едва ли можно установить), в то время как в -jон-tja и т. д. о сохранялось до тех пор, пока не возникли носовые звуки; другие лингвисты (например, Лескин) принимают ранний переход -јѳ- > -је- для сочетания -jonts так же, как и для -jон-tja; некоторые, напротив, фонетически закономерной считают форму *znajęsta (а также форму З л. мн. ч. наст. вр. *znajęтъ), которая, вероятно, под

влиянием твердой основы должна была исчезнуть; если учитывать *χυαλε, -εῖστα*, 3 л. мн. ч. *-εῖтъ*, то это предположение маловероятно.

Чередование *ě-ja(a)-* находим в имперфекте (*исѣахъ: пѣаахъ, крыаахъ*); затем в основах инфинитива класса Б IV б (*вѣаѣти: стоѣти, дрѣжати*). В области словообразования: *-ѣнъ: -анъ (-инъ); -ѣль: -аль (-иль)*; такое же чередование представлено в сравнительной степени (*новѣи: макъуан* и т. д.).

Перегласовка не наблюдается при *ja* и *ju*. Не исключено, конечно, что переходу *jě > ja* предшествовала палатализация *a* в исконной группе *ja*; произношение *jeц* также не только возможно, но даже вполне вероятно в качестве промежуточной ступени между *joц* и *ju, 'u*; но для старославянского языка эти вопросы не имеют никакого значения. С другой стороны, для старославянского языка вполне возможно более позднее, не связанное непосредственно с праславянской перегласовкой изменение гласных *a, u, ъ* под влиянием предшествующего *j* и смягченных согласных, т. е. появление чего-нибудь похожего на *ă, ŭ, ѳ* или даже *â, û, ѳ̣*; на это указывает употребление одного и того же глаголического знака для *ě, ja, 'a*; что касается *'u, 'р*, то об этом свидетельствуют написания *шю* и т. д. в таких памятниках, где *š* и другие согласные отвердели, а также *шѣ* и т. п. в Синайском требнике, где *ш* и *ж* произносились твердо; см. об этом в параграфах об отдельных гласных и в § 22.

В таких случаях, как *идѣ < *j-ědъ (ě < oi)*, *шмь* наряду с *ѣмь*, мы констатируем позднее праславянское или древнеболгарское повторение процесса, который имел место до совпадения долгого *ě* с *oi* в таких формах, как *stojati < *stojēti, časъ < *k'ēsom, -os*; см. § 21. В старославянский период о в некоторых заимствованных словах также переходило в е: *верданъ* *Асс., Матф., 3, 13*, *верданъ* там же, *стр. 179*, *верданъ, верданъскыи* *Син. тр., 1б, 20, 20/1* и т. д., *верданъти, -ѣцѣи, -ѣцѣи* *Мар., 1, 5, Асс., Сав., Остр. (:Мар. ѳорданъѣи, Зогр. ѳорданъѣи)*, *въ срданъ* *Марк, 1, 9, Остр., Ник. (Мар. ѳорданъ, Зогр. ѳорданъ), Миросл. срданъ, -а* и т. д., *вердана* и т. д.; *и҃ета* *Матф., 5, 18, Деч. (iōta), коншлаторъ Григор. Двоесл. (из consolator; см. Соболевский и Материалы и исследования, 187)*. Напротив, в таких употребительных словах, как *ѣвона* (и т. п. *Зогр. Мар.; <*

γέφυα), вѣловѣмъ, вѣловѣмъ *Матф.*, 2, 8, *Асс.*, *Деч.* (с *сѡ*, *сѡ* в этих памятниках и в других местах), вѣловѣмъскаго *Иоанн.*, 7, 42, *Зогр.*, вѣловѣмъ *Клоц.*, 884, следует предполагать е без предшествующего *i*. Это о можно сравнить с начальным русским о из е (*озеро*, *один* и т. д.) и с болг. *одѡи* < *едѡва*. Но нельзя считать, что *орѡлѣ* имел уже в древнеболгарском о из е (как думает Экблом), несмотря на новолужицкое *herjei*; следует предположить праслав. **огьлѣ* с и.е. о.

Само собой разумеется, что под влиянием греческих слов наряду с формами на *сѡ* или *сѡ* употребляются старославянские формы *ѣсна*, *вѣловѣмъ*, *гѡрѣ*данѣ. В этой связи следует обратить внимание на предпочтение так наз. твердых окончаний, начинающихся с о, а, после е, ѣ в греческих заимствованиях: *мосе-*, *мосѣ-а*, *-ови*, *-омъ*, *-овѣ* (прилагательное); наряду с этим в Мариинском евангелии только один раз встречается *мосевѣмъ*, *архисреови*, *-омъ*, *-овѣ*, но, с другой стороны, *-ѡ*, *-ихѣ*. Напротив, после *i* предпочитается следующее за ним е, ѣ: *исаиѣ*, *-емъ* и т. д., также *дѣлѡвѣлѣ* и т. д.

Бросающееся в глаза е в *ѣлѣлѣ* *Мар.*, 15, 22, *ѣлѣлѣ* *Матф.*, 27, 33, *Зогр.* (*голѣлѣ* *Мар.*, *голѣлѣ* *Асс.*, *голѣлѣ*, *-ѣ* *Сав.*) вряд ли обязано предшествующему *ѣ*. Может быть, здесь мы имеем дело с диссимиляцией?

ЛИТЕРАТУРА:

Общее: Г. Ильинский, *Прасл. гр.*, стр. 135—146.— Ф. Фортунатов, *Лекции*, стр. 145—156.— М. Weingart, *Prasl. vok.*, стр. 90—98.— А. Meillet, *Slave s.*, стр. 101—107.— W. Vondrák, *Vgl. Gr.*, I, изд. 2, стр. 44 и сл.— D. Bubrich, *Der Umlaut im Urslavischen*, „Zschr.“, II, стр. 123 и сл.

знаѡ, *-ѡшта*: A. Brückner, „JA“, XXIX, стр. 112 и сл.; *Drei urslavische Nasalvokale*, „KZ“, XLIII, стр. 369—373.— A. Leskien, *Cramm.*, стр. 51.— В. Щепкин, „RS“, III, стр. 212 и сл.— S. von Smal-Stocky und Th. Gartner, *Grammatik der ruthenischen Sprache*, Wien, 1913, стр. 67.— Ф. Фортунатов, *Лекции*, стр. 180, 186.— А. Meillet, *Slave s.*, стр. 104.— W. Vondrák, *Vgl. Gr.*, I, изд. 2, стр. 112.— М. Noha, „LF“, LI, стр. 249, 259—263.

ѣѡи и т. д.: F. Miklosich, *Vgl. Gr.*, I, изд. 2, стр. 17 и сл.— А. Meillet, „MSL“, XI, стр. 177.— W. Vondrák, *Vgl. Gr.*, I, изд. 2, стр. 64 и сл., 112 (предположение о регрессивной перегласовке).— Н. Дурново, „Slavia“, III, стр. 234 и сл.— R. Ekblom, *Der Wechsel (j)e~o- im Slavischen*, Uppsala, 1925, стр. 24, 27.— А. Margulies, „JA“, XLI, стр. 97 и сл. (гр. *Γελῳθά, *Γερῳθης), 102.— В. Погорелов, „Slavia“, VII, стр. 873.

§ 20. Фонетические изменения в процессе развития древнеболгарского языка (§ 20—35)

Невозможно исчерпывающим образом отграничить фонетические процессы, происходившие в древнеболгарский (старославянский) период, от процессов, определивших состояние звуковой системы в наиболее раннюю пору древнеболгарского периода и описанных в § 9—19. Там было сообщено многое, что фактически относится к более позднему историческому периоду, но что, однако, неразрывно связано с предысторией звуков; отсылая читателя к соответствующим параграфам, мы постараемся в последующем изложении проследить, насколько это будет возможно, историю древнеболгарских звуков. Мы опишем следующие явления: *i* и протезу *i-*, *v-* (§ 21), судьбу согласных, бывших прежде мягкими (§ 22); некоторые гласные, расположенные нами попарно, так как в каждой паре отмечается наступающая раньше или позже тенденция к взаимному сближению¹: *ъ — ь*, а также связанные с ними *ѣ — ѣ*; *y — i*; *и — 'и* (*iü*; вероятно, более правильно *'ü*, *iü*); *a — ѐ*; *г — г'*; *л — л'*; *р — ę* (§ 23—29); некоторые явления в области консонантизма: *dz — z*; *sc — st* (§ 30, 31); отдельные случаи изменения гласных, чередования гласных, чередования согласных, утраты согласных, диссимиляции, метатезы (§ 32—34), а также гнатуся (зияние), ассимиляции и стяжения (§ 35). Об общих тенденциях фонетического развития см. § 7; о появлении новых закрытых слогов будет сказано в главе о редуцированных.

Глава о чередованиях не относится к этой части фонетики. В ней рассматриваются некоторые важные для морфологии и словообразования взаимоотношения звуков, а также связи между родственными формами и словами. Мы помещаем эту главу после раздела о фонетике (§ 36).

¹ Не при всех парах гласных на болгарской территории произошло взаимное сближение. Однако в некоторых парах (*ъ — ь*, если они не изменились в *о*, *е*, *г — г'*, *л — л'*) имело место полное совпадение уже в поздний древнеболгарский или в ранний среднеболгарский период.

§ 21. Начальное и интервокальное *і*; протеза *і* и *у* в древнеболгарском

В § 15 речь шла об общеславянской протезе *і* и *у*. Там уже было отмечено, что в старославянском наряду с протезой происходило отпадение начального *і*. В связи с начальным слогом должны быть рассмотрены и внутренние слоги. Полному отпадению *і* в некоторых словах, а также протезе, вероятно, должен был предшествовать такой период, когда формы обоих типов употреблялись рядом друг с другом, а гласные с *і* или без него не ощущались как различные фонемы, т. е. сохранялось состояние, свойственное во многих случаях живым славянским языкам и диалектам. Некоторое затруднение представляет графическое неразличение *іе* и *ё* (т. е. *ä*) и *іä* (*ja*) в глаголице; в Киевских листках, Синайской псалтыри, Охридском евангелии к этому добавляется также и неразличение *е* и *іе*; для *і* и возможного *іі* в обеих азбуках нет разных знаков. Правда, некоторые видят в значках, стоящих над буквами, указания относительно йотированного или нейотированного произношения.

Нельзя составить определенных выводов об употреблении *і*; можно только сказать, что внутри слога *і* в конце концов проявляет тенденцию к выпадению. Мы не будем повторять здесь того, что было сообщено в § 15. К сказанному там относительно начального *у-ъ*, *у-у*-, *і*- нечего добавить. Здесь мы рассмотрим другие древнеболгарские случаи исконного гласного в начале слова.

с-, *ю*-. Для этого случая принимаются во внимание только кириллические источники. Саввина книга имеет обычно *с̑*-, реже — *ю*-, причем между этими написаниями вряд ли имеется фонетическое различие; написание *с̑*- на месте *іе*-вызвано, вероятно, подражанием глаголице. В Хиландарских листках *ю* появляется только два раза (исключительно внутри слога) в противовес более частому *с*-, которое вряд ли везде произносится как нейотированное *е*-, в листках Ундольского полностью отсутствует написание *ю*. Для Македонского кириллического листка нельзя решить, есть ли различие в произношении между такими противоположными написаниями, как *юс(ть)*, *ю*, *юго*: *сже*, *слико*; неко-

торые греческие слова имеют в этом памятнике *с-*, что согласуется с их написанием в Супрасльской рукописи и в древнерусских памятниках.

Из других древнеболгарских памятников самой важной для рассмотрения вопроса об *е-, је-* является Супрасльская рукопись. В ней в греческих словах почти всегда употребляется *с-*; ту же букву находим в частице *си* и в местоимении *ствръ* (9 раз, стр. 452—497), обычно в слове *сѣ* (5 раз *с-*, 2 раза *ю-*), довольно часто в *сѣдъ*, *сѣзрѣ*, *сѣснь* и даже в словах с праслав. *је-*: *сѣго*, *сѣже* и т. д. Формы с *с-* к концу кодекса встречаются чаще, так же как и формы с внутрислоговым *-с-* после гласных. Подобные отношения, хотя и с некоторыми отклонениями в деталях, наблюдаются в Остромировом евангелии и в других древнерусских кодексах; нужно обратить внимание на встречающееся девять раз *сѣс* наряду с более частым *юсѣ* в Остромировом евангелии, в то время как в Супрасльской рукописи это слово представлено только с *ю-* (57 раз). Вообще невозможно решить, имел ли праславянский язык когда-нибудь только *је-*; принимая во внимание такие формы, как *ѡу(же)* вместо *ю(же)* (ср. также русск. *уже*), ст.-слав. *авити*, повидимому, наряду с более старым *ѡвити*, это предположение нельзя сразу отвергнуть. В этом случае форма *нѣсмь* < **не-есъ* восходит к праславянскому периоду, а именно к той эпохе, которая предшествовала протезе *ј*; ср. *възмѣ*: *нмѣ* < **ѣмр* и т. д.; см. § 15. Фортунатов без достаточных на то оснований принимал для некоторых случаев индоевропейское праслав. *he-*. Маргулиес предполагает для языка Кирилла только начальное *е-*.

ѡ-. Нет никаких оснований сомневаться в исключительном употреблении этого звука в начале слова. С другой стороны, нельзя точно доказать, что такие новоболгарские слова, как *езикъ*, *етѣрва* (наряду с *је-*), уже в древнеболгарский период кое-где произносились и без йотации.

а-, ѡ- (и)-. В славянских языках начальное *ја-* появляется не только на месте исконного *ја-* и *ј-ѣ-*, но также и на месте начального *а-*; так же обстоит дело и в старославянском языке. Нужно, однако, заметить, что старославянское *а-* очень часто начинает слово, но это относится только к словам с праславянским начальным *а-* и не касается слов с начальными праславянскими *ѣ-*, *ј-ѣ-*, *ја-*, вслед-

ствие чего находим ѡти, ити и т. д., има (глаголич. ѡма) и т. д., но а, агне, абаѣко (засвидетельствовано только после древнеболгарского периода), аворовъ, агода, аще, аште, ашють (*Клоц.*) и ашоуть (*Син. пс.*), агньць, авити и его производные; для акы (наряду с ѡко, ико) и азъ следует также принять праславянское начальное а-, так как в древнеболгарском представлено начальное а-. Такие формы, как аже в Македонском кириллическом листке, ако (15 раз) в Супрасльской рукописи (акы — 182 раза, ико — 979 раз), основаны, вероятно, на сандхи и на влиянии формы акы. Для некоторых из этих слов представлены варианты с ѡ-, и-: ѡгньць *Клоц.*, 324, 325 наряду с агньць (*еванг. кодексы, Пс., Требн., Супр.*; также *Клоц. сб.*, 850 агнець), ѡште (часто в *Син. пс.*, иште *Супр.*, 475, 22), частое ѡвити и т. д.; *Супр. ѡнкуръ* 509, 17 наряду с акуръ 500, 13 (гр. *ἄκυρα*). Некоторые формы с ѡ в Мариинском евангелии: ѡбне Лука, 5, 13, и ѡзъ Марк, 11, 29, и, и ѡште Лука, 6, 32; Иоанн, 14, 3 объясняются положением после і; такие формы, как да ѡше Иоанн, 9, 22 (ср. частое ѡше, ѡше в *Син. пс.*), ѡты и т. д., встречающиеся несколько раз в Зографском евангелии, приписываются влиянию на них формы ѡко. Только с ѡ, и: ѡръмъ *Супр.*, 435, 26/7 с производным образованием ѡрьмынуа (*Ев. Матф.*, 21, 5).

Однако вовсе не нужно сомневаться в исконном начале слова на а-, так как и при образованиях от *aviti* в древнейшем старославянском языке ѣ было первоначально господствующим началом слова; на это почти без исключения указывает употребление ѣв- в евангелии от Иоанна Зографского кодекса. Его, таким образом, можно предположить и для древнейшего оригинала. Клоцов сборник имеет только ѣв-, Саввина книга — ив-, Охридское евангелие и листки Ундольского — по одному разу ѣв- и ни разу ав-, Супрасльская рукопись — приблизительно 120 раз ѣв- и 30 раз ав-; напротив, в Ассеманиевом кодексе господствует ав-, а Синайский требник имеет только ав-; Маринское евангелие — 30 раз ѣв-, 28 раз ав-; в Синайской псалтыри 9 раз встречается ав- (4 раза во 2-й части, 1 раз в 6-й, 2 раза в 8-й, 2 раза в 10-й, в то время как 1-е и 2-е изд. 10-й части имеют только ѣв- [по одному разу]); ѣв- встречается, кроме того, в 6-й части (6 раз), в 8-й части (2 раза).

Эти отношения дают возможность предположить для оригинала скорее преобладание *ъ*-, чем наоборот. Может быть, *ъв*- в древнейшем старославянском языке было еще более частым, чем в известных нам памятниках; даже *ав*-Синайского требника, встречающееся без всяких исключений, можно объяснить из *ъв*- (ср. почти исключительное *-аа* из *-аъ* в именах прилагательных); однако эта гипотеза излишня. Кажется маловероятным, что некогда болгарский язык знал только форму *jav-* (*jäv-*), поскольку в таких словах, как *азъ*, *а* и т. д., представлено сохранившееся из праславянского языка начальное *а*-. Ср. также старое сложение: *въ-не-за-лпъ* (: ст.-чешск. *ne-do-jiepie*), такие греческие формы, как *Ἀζαρίης* < *Avorъпъ*, и собранные Лессиаком паннонские названия местностей: *Assing, Assling, Auerling, Auer*; начальное *а*- этих названий восходит к праславянскому *а*, которое, несомненно, ко времени германской колонизации произносилось еще без *і*. Йотация начального *а* — процесс, протекавший, вероятно, уже после праславянского периода. Он проявился всего слабее в Болгарии. Даже в таких случаях, как *въити, авити*, признается возможность отпадения вторичного *і* (ср. *ю* > *оу*), откуда следует, что это начальное *і-а*- не совпало полностью со старыми *ја-* и йотированным *ъ*.

ъ:- *ю*-. Что касается исконного *ѣ*-, то, при наличии форм *ѣмъ, ѣдѣхъ ѣша(-а), ѣдѣшихъ, ѣдѣ* — 8 раз в Саввиной книге наряду с 29 формами на *и* того же корня — надо считаться с возможностью древнеболгарского чередования *ѣ*-(*а*)-: *ја-, ја-* (ср. также русск. *ем, еду*, которые предполагают более позднюю йотацию, чем *яд, язва*, в древнерусском еще *ѣдъ, ѣзва*; ср. также сербо-хорв. *jād*, чак. *jād: ijed, j'ed*); менее вероятным является выделение *ѣмъ* и т. д. из таких сложений, как *сън-ѣмъ* и т. п., маловероятно и влияние глаголического оригинала с *ъ*, которое произносилось как *ја*.

о-. С протезой *v-* только общеслав. *von'a*, ст.-слав. *вонъ, воиѣи* и глаголич. *войѣти, -ити*, но *осмь* и т. д. и даже общеслав. *osa*; протеза *і* перед *о*- встречается, очевидно, в слав. *іельуа, -ša*, может быть, и в других словах; см. § 15.

оу-, ю-. Отпадение первоначального *і* находим в *оуже, не оу*. Доказательством этого служит этимология (= лит. *јаі*); с этим согласуется и распределение форм с *оу-*, *ю-*

в Зографском евангелии (*ю*, *юже* — характерно для евангелия от Иоанна; у двух евангелистов — *оу*, *оуже*). В Клоцовом сборнике встречаем 4 раза *юже*, по одному разу *не оу* и *оуже*. В Саввиной книге — *ю* (*же*), реже *оу* (*же*); Ассеманиево евангелие имеет постоянно *не оу*, обычно *юже*; В Мариинском кодексе преобладает *юже*, но почти всегда *не оу*; Македонские глаголические листки и Охридское евангелие имеют (по одному разу) *юже*; Хиландарские листки — *не оу*, *оуже*; Супрасльская рук. — 2 раза *юже*, обычно *оуже*, 2 раза *не оу*, 3 раза *не ю*. В Зографском евангелии обращает на себя внимание параллелизм с *ѡвити* и т. д.: *ѡвити* и т. д. Вообще старославянское чередование *оу-*: *ю-* встречается только в производных словах от *оутро*; но и в этом случае в Зографском евангелии находим совершенно иное распределение форм: *ю-* — 1 раз в евангелии от Иоанна, 2 раза в евангелии от Матфея и, напротив, во всех разделах кодекса часто встречается *оу-*. Это согласуется с этимологией, так как слово *оутро*, несомненно, стоит в связи с лит. *auszrà*, лат. *aurõra* и т. д., наряду с которыми встречаем корень **ustro-* в *заоустра Син. пс.*, 62 б, 10 (ср. др.-польск. *justrozenka*), хотя фонетические отношения здесь не совсем ясны. Что касается других памятников, то следует особо упомянуть Синайскую псалтырь, где в самой архаической XII части 3 раза встречается *оутр-* (1 раз *ютр-*), а вообще форма *оутр-* встречается чаще, чем *ютр-*.

Объяснение этого явления влиянием сандхи (такого мнения придерживаются Педерсен и Мейе) для данных слов не подходит (*NB.* *не оу* в Мариинском евангелии встречается фактически гораздо чаще, чем *оуже*), гипотеза развития по аналогии (*ютро* вместо *оутро* по аналогии с *юже* наряду с *оуже* или наоборот) не соответствует фактам. В среднеболгарском случаи, где *оу-* и *ю-* чередуются между собой, более многочисленны, так же как и случаи чередования других начальных гласных.

ж-, *вж-*, *ѡж-*. Наряду с *жж* (*Евангелие, Псалтырь* и т. д.) в Супрасльской рукописи уже встречается *вжж* (дат. п. *вжжъ Супр.*, 442, 27). Маловероятно влияние на это слово глагола *vežati*. Ср. также *сѡвжзомъ* (твор. п. ед. ч.) *Клоц.*, 533, 4, *сѡвжзоу Супр.*, 424, 2 наряду с *сѡжжъ Супр.*, 400, 14. Такие формы, как *ѡждоль* наряду с *ждоль*, не были еще известны старославянскому; это, повидимому, в основном

формы русской редакции. Существительное *гѣшница* (*Син. пс.*), наряду с которым в более поздних текстах находим формы с *ѡуc- < жс-*, встречается в славянских языках как с начальным *g-*, так и с начальным *v-*. Определение их взаимоотношений, так же как и при обычной мене *g-v-*, — трудная проблема сравнительной и праславянской грамматики.

Вопрос о начальном *ĭ* нельзя отрывать от вопроса о внутрислоговом *ĭ*. Внутри слога иногда также вставляется *ĭ*; ср. *грѣкоѣть*, *раѣокъ* в § 15; однако более часты случаи выпадения *ĭ* и возникновения зияния. Это зияние в известных случаях устраняется стяжением гласных, которые предварительно ассимилируются. Существует несомненная связь между выпадением внутрислогового *ĭ* и предпочтением нейотированного начала слова в некоторых памятниках (см. выше обсуждение форм *ѡвити*, *ѡвити*). В деталях, однако, отношения часто не совсем понятны. Важнейшие случаи следующие.

Род., дат., местн. п. ед. ч. склонения определенных прилагательных: флексии *-аго*, *-ѡуѡуѡу* находим уже в Зографском, Мариинском евангелиях, Синайской псалтыри, а также один раз в Клоцовом сборнике — *-аго* и в Супрасльской рук. (один раз в № 21) — *-ѡуѡуѡу*¹. Нельзя установить, что произносится в глаголических памятниках — *е* или *ѣ*. Вместе с тем находим *-аго*, *-аго*; *-ѡуѡуѡу*, *-ѡуѡу*; вообще *-ѡуѡуѡу* значительно реже, чем *-аго* (в Мариинском евангелии, Синайском требнике почти везде *-аго*, но *-ѡуѡуѡу*). В Супрасльской рукописи почти всегда встречается *-аго*, *-ѡуѡуѡу* и наряду с *-ѡмь*, *-ѡмь* в местном падеже обычно также *-ѡмь*. Зографские листки имеют *-аго*, *-ѡуѡуѡу*. В Киевских листках и Саввиной книге — только *-аго* (*-ѡго*, *-ѡго*), *-ѡуѡуѡу* (*-ѡуѡуѡу*). Флексии Киевских листов *-аго*, *-ѡуѡуѡу*, столь архаических по языку, по мнению Фортунатова, можно объяснить тем, что *-аго*, *-ѡуѡуѡу* являются позднейшей реконструкцией *-аго*, *-ѡуѡуѡу*. Однако более вероятно, что *-аго*, *-ѡуѡуѡу* — старые формы, так как они характерны для евангелия Иоанна Зографского кодекса, которое в языковом отношении считается древнейшим.

¹ Подобные формы в позднейших памятниках, принадлежащих, например, Иоанну Экзарху и т. д., восходят к старославянским оригиналам

Совсем иначе распределяются формы местного падежа ед. ч., за исключением Супрасльской рукописи (см. выше); Зографское евангелие имеет обычно *-ѣмь*; *-ѣсмь* встречается только в евангелиях Матфея и Луки. В Мариинском, Клоцковом сборнике, Псалтыри, Саввиной книге *-ѣмь* также чаще, чем *-ѣсмь*; Требник и Киевские листки имеют только *-ѣмь*. Ассеманиево евангелие часто содержит *-ѣамь*, вероятно, прежде всего из *-ѣѣмь*; *-ѣамь*, *-ѣѣамь*, употребленные по одному разу в № 40 Супрасльской рукописи, восходят, вероятно, к македонскому оригиналу. Поразительна флексия *-ѣамь*, представленная в Ассеманиевом евангелии (также и в среднеболгарских памятниках). Такое же явление, касающееся сравнительной степени прилагательных и 3 лица ед. ч. глаголов, наблюдается также в другом памятнике, а именно в Мариинском евангелии: *добѣра*; *оумѣать* и т. д.

В местном падеже мягких основ определенных прилагательных единственного числа ассимиляция *i* (*i*) *e* > *ii* носит, вероятно, общеболгарский характер; памятники имеют *ни* или *и*, как и в формах с исконным *i* (*i*) *i*.

Им. п. ед. ч. ж. р. на *-ѣ*, *-ѣмь*. Такое окончание встречается в Киевских листках. Это — древнейшее окончание; несомненно, оно сохранилось довольно хорошо и в Саввиной книге (*ѣмь* — 4 раза, *ѣамь* — 3 раза: *ѣамъ* — 1 раз), хотя вообще окончание *-ѣ* наряду с *-ѣ*, *-ѣмь* распространено в старославянских текстах. Такие формы, как *зѣлѣѣ* наряду с *зѣлѣѣѣ* (по одному разу в Мариинском евангелии), следует сопоставлять с указанными формами; однако в греческих словах типа *иудѣа*, вин. п. *иудѣѣ*, род. п. *зѣвсѣѣа*, твор. п. *зѣвсѣѣмь* окончания твердые. В глаголах типа *дѣѣти*, *дѣѣти* находим сходные фонетические отношения, и процесс идет в том же направлении, как и в случае *ѣмь* и т. д. Однако встречаются и странные отступления: так, в Мариинском евангелии, как и в Зографском, почти всегда находим *дѣѣти*, *дѣѣ(а)ше* и т. д. в противоположность употребляемым почти всюду *покаѣти*, *-ѣѣше*, *раскаѣти*. Зографское и Мариинское ев. имеют *дѣѣѣѣ*, *-ѣѣ* в тех двух местах, где встречается это слово; Саввина книга несколько неожиданно наряду с *дѣѣѣѣ*, *-ѣѣ*, *-ѣѣѣѣ* имеет только *покаѣѣѣ*, *-ѣѣ* (5 раз)¹. Зографское, Мариинское ев.

¹ Подобные же отношения находим и в других кодексах: о Чудовской псалтыри см. Погорелов, Толкования, 38.

имеют *дѣа-*, *грѣа-*: Саввина книга — *дѣи-*, *грѣи-*, Супрасльская рукопись во всех этих случаях содержит *-а-*. В слове *дѣати* в противоположность *-ѣати*, *дѣати* предпочитается *-и-*. Для правильного решения проблемы йотации нужно считаться с возможностью того, что в некоторых глаголических текстах *ѣ* после гласных означает не только *ја*, но и развившееся из него *ѣ*.

Сравнительная степень на *-ѣе*. Об *-ѣа* из Мариинского евангелия см. выше. В глаголических текстах слово *добрѣе* может произноситься как с *-ѣје* (с *ј*), так и с *-ѣе* (без *ј*).

О *дѣати* и т. д. см. выше.

2 и 3 л. ед. ч., 2 л. мн. ч. Отдельные формы типа *подѣааѣтъ ѡѣааѣтъ* или со стяжением — в Зографском, Ассеманиевом евангелиях и в Синайской псалтыри; в Саввиной книге — один раз *отѣѡѡѣааѣши*. Эти формы часто встречаются в Мариинском евангелии, но там же представлены и слова типа *разѡѡѡѣаѣтъ*¹ и *вѣѡѡѡѣаѣтъ*; *подѣааѣтъ* *Супр.* также является правильным типом этого класса. Глаголы V б класса типа *подѣааѣтъ* в старославянских памятниках чаще, чем другие, пишутся с *аа*; Ягич (С. М., 444) и Вондрак считают, что *-аа* здесь произносилось без *-тъ*; ср. *Зогр., Лука, 18,1 подѣааа*.

Такие случаи, как *мѡа*, *тѡа* в Слуцкой псалтыри, *испытѡѡ*, *оѡѣтѡѡѡѡ* (там же), *прѣстѡѡ* и т. д. в Супрасльской рук., некоторые формы на *-ѡѡ*, *-аѡ*, *-сѡ*, *-ѡѡ* в VI части Синайской псалтыри, довольно редки в древнеболгарском. В листках Ундольского также употребляются формы с *ѡ* и *а* вместо старых форм с *ѡѡ* и *аа*; в среднеболгарском такое употребление становится очень частым явлением. Произносился ли здесь *ј* — трудный вопрос среднеболгарской грамматики.

С тенденцией интервокального *ј* к утрате согласуется выпадение протетического *ј* в имперфекте, где между *-ѣа-*, *-аа-* искони было зияние. Формы *идѣѡѡѡѡ*, *растѣѡѡѡѡ* и т. д. указывают на ассимиляцию, а не на йотацию.

Падежные формы с *-ѣі-*, *-ѣі-*, которые вряд ли содержат древнеболг. звук *ј*, будут рассмотрены в § 24.

¹ Ср. также Вондрак, О *mluvě*, „JE“, 35.

ЛИТЕРАТУРА:

См. список литературы к § 15; кроме того:

Слав. *j*. О. Брох, Об исчезновении междугласного *j*, *j*, Сборник Фортунат., стр. 134—139; Die Dialekte des südlichsten Serbiens, Wien, 1903, стр. 29—36.—Ф. Фортунатов, Лекции, стр. 89—105 118—138, 235—281.—E. Sievers, *e* und *ja* и др.

Обозначение йогированного начала слова: В. Щепкин, „RS“, III, стр. 209 и сл.—R. Nahtigal, „Razprave“, I, стр. 156—159.

j в Зопр. ев. Н. Грунский, К Зопр. ев., стр. 33—36, 40—42 — N. van Wijk, „RS“, IX, стр. 5 и сл.—В Син. требнике: P. Lang, Jaz. gozbor, I, стр. 24 и сл., 35 и сл.—В Савв. кн.: В. Щепкин, Рассуждение, 32 и сл., 68, 271, 296—298.—В Супр. рук.: С. Обиорский, Судьба йота (*j*) в Супрасльской рукописи, „Изв.“, XVII, 3, стр. 242—255.—А. Marguliés, Supr., стр. 20—36 и др.—В среднеболгарском: П. Лавров, Обзор, стр. 114—118 (119 и сл. о новоболгарском)

е-, ie-, о-: А. Потенция, К истории звуков русского языка, Воронеж, 1876, стр. 17—24.—F. Miklosich, Vgl. Gr., I, изд. 2, стр. 74—76.—В. Ягич, „JA“, V, стр. 575—580; Критические заметки по истории русского языка (Сборник, XLVI, 4), стр. 23—25.—А. Соболевский, „РФВ“, VIII, стр. 177—180, XIII, стр. 140 и сл.—В. Облак, „JA“, XVII, стр. 175—182.—А. Погodin, Следы корней-основ в славянских языках, Варшава, 1903, стр. 152—154.—А. Meillet, „GGA“, 1910, стр. 369.—Ф. Фортунатов, Состав. О. Е., стр. 30.—P. Lang, „ČMF“, I, стр. 97—99; VIII, стр. 97—101.—J. Rozwadowski, Oboczność *je-jo- w* językach słowiańskich, „RS“, VII, стр. 18—21.—Г. Ильинский, К вопросу о чередовании гласных ряда *о, е* в начале слов в славянских языках, „Slavia“, II, стр. 232—276.—Н. Дурново, Очерк, стр. 111—113; Начальное *е* в о.-сл. яз., „Slavia“, III, стр. 225—271; по этому поводу: Г. Ильинский, Еще раз о праслав. дублетах типа *jelenъ* *olenъ*, „Slavia“, IV, стр. 387—394.—С. Младенов, Училищен преглед, XXII, 1923, стр. 675—678; „Списание“, XXXV, стр. 46—59.—R. Ekblom, Der Wechsel (*j*)*e*~*o* im Slavischen, Uppsala—Leipzig, 1925 (с библиографией).—А. Marguliés, „JA“, XLI, стр. 93—102.—M. Vasmer, „Zschr.“, IV, стр. 91—93.—Р. Якобсон у Н. Дурново, Введение в историю русского языка, I, Брно, 1927, стр. 225, споска 2.—Н. Дурново, „J. фил.“, VI, стр. 23—37.

а-, ѧ-, ю-. В. Ягич, „JA“, VI, стр. 75—78.—Ф. Фортунатов, „JA“, XII, стр. 95—103; Состав. О. Е., стр. 63 и сл.—В. Щепкин, Рассуждение, стр. 287—289.—А. Соболевский, Один из законов церк.-славянского языка, Сборник в честь Ягича, стр. 204 и сл.; „РФВ“, LXIV, стр. 102 и сл.—P. Lessiak, „Germanisch-romanische Monatsschrift“, II, 1910, стр. 287.—Б. Ляпунов, „JA“, XXXIII, стр. 520—525.—А. Marguliés, „JA“, XLI, стр. 178—184.—N. van Wijk, O starobulharském střídání а-, ѧ-, ю-, „Slavia“, VI, стр. 233—238. *ю-: ю-*: P. Lang, Náslovné *u* a jeho prothese v slovanštině, „Sb. fil.“, I, стр. 175—189.—А. Meillet, Sur *ju-* initial en slave, „Slavia“, I, стр. 197—199.—К. Угрюм А. Meillet, Études, стр. 406.—E. Berneker, Et. Wtb., I, стр. 462 и сл. (с библиографией).—W.v.d. Osten-

Sacken, Slavisch (*j*)utro, (*j*)ustro, „JA“, XXXV, стр. 55—59.— A. Brückner, „Rozpr. fil.“, LVI, стр. 104 и сл.— См. также о а-, ѡ-, ю-, ѡ-, ѡ-, ѡ-: P. Laug, „Sb. fil.“, II, стр. 130, 167—169.

Отпадение неслогового й (j) в формах склонения W. Vondrák, Zur Kritik, стр. 776—782.— Л. Милетич, „ПСП.“, XIX/XX, стр. 246, 248 и сл.— А. Соболевский, „ЖМНП“, 1915, № 7, стр. 177.— A. Margulies, „JA“, XLI, стр. 184—194.— Иная точка зрения относительно -агъ: А. Белич, Акценатске студије, I, Белград, 1914 стр. 79.

Специально о русской протезе -в-: М. Долобко, „Zschr.“, III, стр. 87—144 (с обсуждением существующей литературы по этому вопросу).

§ 22. Смягченные согласные

Согласные или группы согласных š (ш), ž (ж), č (ч), št (шт), žd (жд), с (ц), dz (>z; z, s), s' (с в вьсь и т. д.), l' (л'), n' (н'), r' (р'), образовавшиеся из сочетания согласных с j или вследствие смягчения, наступающего перед гласными переднего ряда (см. § 17, 18), в праславянском и в древнейшем древнеболгарском языке были смягченными; впоследствии во многих диалектах наблюдается тенденция к отвердению указанных звуков. Согласные с, (d)z, s перед ě и i, возникшие из дифтонгов ōi, āi, в конце концов становятся также твердыми; однако орфография не дает нам никакого материала для показа того, как развивался этот процесс в хронологическом и территориальном аспекте; вполне возможно, что и другие согласные изменялись так же, как с', (d)z', s', возникшие по закону Бодуэна де Куртене.

В древнейшем старославянском языке после всех указанных мягких согласных произносились только гласные е, і, ѣ, а не о, у, ѡ, в то время как буквы ѡ, ю (ѡ?) в общем считаются древнее, чем а, ѡу, (ѡ). в, н, і сохраняются и тогда, когда предшествующие звуки отвердевают; поэтому такие написания, как доушѡ, мѡжи и т. д., ничего не говорят нам о мягком или твердом произношении š и ž. Напротив, очень часто а, ѡ ѡу выступают вместо ѡ ('а), ѡ, ю.

Однако между этими тремя парами нет полного параллелизма в указанном отношении. Что же касается очень частого употребления ѡ вместо ѡ, то в памятниках они отражены совершенно иначе. Встает вопрос о том, какое явление может служить критерием депалатализации š

и т. д.: переход ь > ъ или замена ь посредством а, а ю посредством оу (ѡ через ѡ)? Известно, что ю сохраняется во многих памятниках, заменяющих почти регулярно ь через а. Обратное явление мы находим в Добромировом евангелии (ѡъсъ, слышъ; ѡуѡши, ѡумъ). В Синайском требнике лучше всего сохраняется ѡ. Если в употреблении а, оу, ѡ мы видим признак твердого произношения согласных, то придется принять предположение, что степень смягчения перед отдельными гласными была различна; если же мы, кроме того, примем во внимание ѣ и ѡ, то картина будет еще сложнее.

Давно уже стали предполагать, что ю, упорно сохранявшееся во многих памятниках, может стоять и после отвердевших согласных и что употребление другой буквы на месте оу указывает на оттенок в произношении самого гласного, то есть на что-то, подобное ѣ или ѡ. Как известно, для ѣ = праслав. ja, 'а также предполагается произношение типа ja или ja, а отсюда лишь шаг к гипотезе Фортунатова, что ѡ обозначает звук более передний, чем ѡ.

Таким образом, повидимому, после мягких согласных в древнейшем старославянском (древнеболгарском) языке произносились гласные типа а, и, о, только несколько продвинутые вперед. После отвердения предшествующих согласных в некоторых диалектах они сохранили свое произношение как гласные переднего ряда. Но, с другой стороны, после относительно мягких ѣ и др. согласных они могли перейти в гласные заднего ряда: а или и, о (ср. ниже о подобных отношениях в Саввиной книге). Эту гипотезу подтверждает Добромирово евангелие, в котором после ѣ, ж, ѣ пишется ѡ, а в падежных окончаниях а (например, мѡмѡ) по аналогии с твердыми основами. Итак, повидимому, ѣ и а чередуются между собой в соответствии с очень простым правилом, а после ѣ и т. д. оказываются возможными два произношения (ja или ja и а). Однако нельзя определить, было ли различие в произношении гласных при а: 'а ('ja) и при и: 'i ('i), о: 'o ('o) общестарославянским или нет; об этом см. ниже.

Хотя мена а:ѡ, оу:ю, ѡ:ѡ в известных случаях могла быть связана с относительной мягкостью или твердостью ѣ и т. д., но все же большей частью критерием произношения ѣ и т. д. была мена ѣ:ѡ. Известно, что редуцирован-

ные главным образом в слабой позиции были очень чувствительными звуками; см. § 23. Само собой разумеется, что изменившееся произношение *š* и др. могло оказывать сильное влияние именно на них. Однако на основе употребления редуцированных нельзя определить детально произношение *š* и т. д. в отдельных памятниках. Общая пестрая картина объясняется отчасти различием между произношением последнего писца и писца оригинала; кроме того, иногда нужно считаться с возможностью существования различных промежуточных ступеней между мягким и твердым произношением согласных и произношением *ъ* и *ь*.

Возможность таких промежуточных ступеней позволяет нам в общем понять разнообразие в написании *ъ* и *ь*, но не объясняет сколько-нибудь удовлетворительно отдельные оттенки этого произношения.

Произношение мягких *l'* и *p'* не претерпевает никаких заметных изменений; поэтому в тех памятниках, которые вообще различают *ъ* и *ь*, как правило, пишется *лъ*, *нь*, так же как и *лѣ*, *нѣ* (*лѣ*, *нѣ*); *лю*, *ню*; *лѣ*, *нѣ*. Может быть, буквы *ѣ*, *ю*, *ѣ* частично обозначают здесь смягчение предшествующих согласных (для этого служит также и значок *ѣ*), но, несомненно, мы должны предположить здесь переднее произношение гласных; нужно обратить внимание на написания *лѣ*, *нѣ* (*рѣ*) в таких кириллических текстах, как Охридский апостол (частично также и Саввина книга), которые знают букву *и* и могли бы передать *l'a* и др. посредством *лѣ* и т. д. Без сомнения, звуки *l'*, *p'* (*r'*) именно потому и вызывали переднее произношение *а*, *и*, *о*, что были и оставались более смягченными, чем *š* и т. д. После *ѣ* в глаголических источниках, как и в листках Ундольского и Хиландарских листках, пишется *ѣ*: *ѣсарѣ*, *разарѣтъ* и т. п., но окончание *-ѣ* в некоторых памятниках заменяется иногда посредством *-ѣ*: *Мар. ѣсарѣ* 12 раз; *ѣсарѣ* 19 раз, *пастырь* 7 раз; *пастырь* 2 раза и т. д. В Саввиной книге находим не только *ѣсарѣ*, но и фонетически закономерные формы *ѣсара*, *-оу*, *варлетѣ*. То же можно предположить и для Супрасльской рукописи, несмотря на *ѣсарѣ* 56,18; 59,22 и т. д., *манастырь* 44,1, *звѣрь* 44, 28/9; 49,22 и т. д., *покаѣтъ* 59, 4/5 наряду с *покаряемѣ* 59,25/6 и т. д. (см. § 27); во всяком случае,

Лескин насчитывал 86 форм на -рь (53 раза *цѣсарь*) и только 19 на -ръ (14 раз *цѣсарь*).

По отношению к мягким *л'*, *п'*, *г'* и остальным мягким согласным памятники ведут себя следующим образом:

Киевские листки имеют постоянно ю, но, с другой стороны, ж: *нашѣ* — 3 раза; несколько раз *въсѣждѣ* 'communiō'; *въсѣждѣ III б, 19* является ошибкой; ср. фототипическую репродукцию. Обычно ѣ (*нашѣ, срьдѣѣ* и т. д.), но *папѣжа Iб, 4* (род. п. ед. ч.), *срьдѣѣ V, 21* (вин. п. мн. ч.) и итератив *сѣгрѣшатъ IV, 21*. Так как Зографское евангелие и другие древние памятники часто имеют а после шипящих, то, несмотря на преобладание ѣ в Киевских листках, гипотеза о том, что Кирилл и Мефодий постоянно писали шѣ, уѣ и т. д., остается недоказанной. Еще более сомнительно такое предположение для шѣ, уѣ и т. д.

Синайская псалтырь имеет *въсь* (*всь, въсь*), только один раз *въса I51 б, 13*; *въсьѣѣ* — постоянно с ѣ. Наряду с *въсьѣ* (2 раза) находим трехкратное *въсьѣ*. Кроме обычного ѣ, ѣ, после ц, с, ш, ж, шт, жд, ч часто встречается написание а, ж. ю сохраняется. -ѣ и -ѣ употребляются различно, как и после других согласных, в зависимости от манеры писца. Почти исключительное употребление ѣ после исконно мягких согласных в более древней XII части указывает на подобное же употребление этих звуков в оригинале. В этом отношении Синайская псалтырь совпадает с Зографским евангелием.

В остальных глаголических памятниках также пишется *в(ъ)сь, в(ъ)сьѣѣ*; только в виде исключения — *в(ъ)сѣ*. (В Зографском только *Матф., 13, 33; Лука, 11, 41.*) Отступает от этого обычая Клоцов сборник, в котором находим два раза *въсь* и два раза *въсѣ*, но всегда *въсьѣ-, въсьѣѣ-* (24 раза); ср. ниже о Супрасльской рукописи. После других согласных во всех памятниках пишется а; более редкое ѣ заимствовано из более древних оригиналов.

Синайский требник отличается от других памятников своим хотя и не исключительным, но все же господствующим ѣ (*тронѣѣ, ѣзѣѣ, въсьѣ, нашѣ, побѣѣѣ, хощѣѣ* и т. д.), но после ш и т. д. ѣ встречается в виде исключения (например, *всѣѣ Зогр., Матф., 4, 23, свѣташѣѣ Клоц., 676*). Синайский требник иногда имеет также ца и т. д., причем

это *а* находим изредка и в *с*а и т. п. Такое написание, может быть, следует приписать оригиналу, не знающему буквы *а*, как не знают ее и оригиналы Киевских листов и Синайской псалтыри.

ю после шипящих часто встречается во всех глаголических памятниках, в некоторых (*Син. тр.*, *Клоц. сб.*) даже без исключений. Зографское, Мариинское, Ассеманиево евангелия (ср. ниже, в Саввиной книге) употребляют *оу* весьма часто после *з* (*з*); в Мариинском евангелии *оу* к концу кодекса встречается реже, что указывает на значительное преобладание *ю* в оригинале. Противопоставление *а:ю* находим также в Македонском глаголическом листке и в Охридском евангелии.

ь после шипящих хорошо сохраняется в Зографском евангелии, а также, вероятно, и в оригинале Синайской псалтыри; Мариинское евангелие, напротив, после *ш*, *ж*, *шт*, *жд*, *ч*, *ц* *з* (*з*) имеет обычно *ъ*, но наряду с частыми примерами на *вьсь*, *вьсь* лишь три раза встречается *вьсь*. Подобные же отношения наблюдаются и в Клоцовом сборнике, только в нем после *ц* находим *ь*: *младънъсь*, *-ъць*, *б*, *зз*, *творць* 267, 599 и т. д.; *вьсь* случайно не засвидетельствовано, но представлено *вьсьде* II, 43, 256. В Синайском требнике находим четкое различие между *шъ*, *жъ*, с одной стороны, и *чъ*, *штъ*, *ждъ*, *ць* — с другой; наряду с *в'сь*, *вьсь* несколько раз *в'сь*, один раз *вьсь*. В Ассеманиевом евангелии употребление *ъ* и *ь* вообще довольно нерегулярно. Архаичны в этом отношении Македонский глаголический листок и Охридское евангелие; однако и там один раз встречается *вьждъ*.

К Синайскому требнику приближается Саввина книга: после *ш*, *ж* в ней наблюдается четкое преобладание *ъ*, после *ч* случаи с *ь* более многочисленны, чем после *ш* и *ж*; после *жд* встречаем *ъ*, напротив, после *шт* чаще встречается *ь*; постоянно употребляется *ць*, но 5 раз — *зъ* и *зъ* (из *зь*) и только *вьсь* (*вьсь*, *вьсь*); своими формами *в'сь*, *в'сьль* Саввина книга отклоняется от глаголических текстов. После *ц*, *з<с*, *ш* и т. д. постоянно находим *а* (только один раз *множьша*; о повел. накл. *ицѣтѣ* и т. д. см. § 56), также часто встречается *ж*, с другой стороны, *ю* (один раз *пъназюу* 150 б).

Некоторый параллелизм между *ъ:а*, *ю:оу* проявляется

мы примем во внимание тот факт, что писцы древнеболгарских памятников не произносили все редуцированные, которые они писали. В основе замены ером (ѣ) еря (ѥ) лежит явление живого языка. Его нужно понимать как отверждение (передвижку назад), а не как лабиализацию, что предполагали Щепкин и Ляпунов; см. § 23, п. 1.

В среднеболгарский период редуцированные гласные, если они не изменились в е и о или не исчезли, совпали в одном звуке. Это произошло, повидимому, уже к концу древнеболгарского периода, поэтому среднеболгарский язык (а также и такие древнеболгарские источники, как Ассеманиево евангелие, листки Ундольского, Македонский кириллический листок) не представляет никаких новых данных относительно произношения древнеболгарских шь:шѣ и т. д. Однако среднеболгарский язык дает нам представление о произношении некоторых шипящих звуков из других источников. Противопоставление шл, жл: ѣѣ (см. § 27), встречающееся во многих памятниках, не может быть объяснено иначе, чем большею мягкостью ѣ; так как в тех же самых среднеболгарских говорах, как правило, и ж после ѣ переходит в л, то возможно, что ѣѣ предшествовало ѣа (с а, а не с ѣ, ѣ); прямой связи каждого праславянского 'а с древнеболгарским произношением типа ѣ (ѣ) могло и не быть. Диалектное противопоставление ѣа (ѣа): ѣа, ѣа является бесспорным только в одном древнеболгарском тексте, а именно в менее древних листках Ундольского (см. выше). Маловероятно, чтобы особенности такой важной среднеболгарской группы диалектов не были отражены ни в одном из древнеболгарских памятников. Хотя говоры Добромирова евангелия (ѣѣ, шѣ, жѣ; штл, ждл наряду с штѣ, ждѣ) и Добрейшева ев. (ѣ после ѣ, ш, ж, шт, жл) выступают только в среднеболгарский период, но вполне вероятно, что в основе языка первых переводчиков лежал именно такой диалект с ѣ (ѣ) после всех исконно мягких согласных.

ЛИТЕРАТУРА:

Ф. Фортунатов, Лекции, стр. 17 и сл.— См. далее список литературы к разделу об ѣ (§ 27), 'и (§ 26) и о носовых гласных (§ 29), а также литературу к § 23,1 (шь).

§ 23. Еры или редуцированные (ъ, ь)

В старославянских текстах мы встречаем различные фазы развития редуцированных от постоянного их употребления в праславянскую эпоху до совпадения в одном звуке в среднеболгарский период (если только в сильном положении они не изменились в е и о или не утратились в слабом). В древнеболгарский период употребление редуцированных изменилось вследствие следующих звуковых процессов: диалектного перехода в о или е в сильном положении, утраты в слабом положении, диалектного изменения ь в ъ после *š, ž, št, žd, č, c, (d)z* и после *г* из *г'*, вследствие перегласовки и других изменений. В тех памятниках, где часто встречаются указанные процессы (Ассеманиево евангелие, некоторые части Синайской псалтыри), представлены отношения, очень напоминающие среднеболгарские; дальше всего идет Македонский кириллический листок, в котором не встречается ъ, а только ь, и листки Ундольского, где ь встречается только в двух случаях (есть — 3, гъ — 21), в остальных же пишется только ъ. Напротив, в Киевских листках хорошо сохраняются исконные, унаследованные из праславянского языка традиции; там после *ш* и *т. д.* постоянно находим ь (*нашь, дазь* и т. д.), в слабой позиции не выпадает ни одного редуцированного, нет перехода ъ в о или ь в е и нет ни одного случая перегласовки; единственное отклонение от праславянского — это двукратное *въськъ* и также часто встречающееся *въсьдъ* 'communio'. Если только Ягич правильно связал это слово, употребляющееся также в Венских листках хорватской редакции и в Житии Мефодия, с *вьсь* и *вьсьдоу* („JA“, XXVII, 141), то перегласовка могла иметь место во *въсьдъ*, но не во *въськъ*. Архаическая традиция Киевских листков еще не доказывает, что Кирилл и Мефодий не знали изменения редуцированных; если отсутствие изменения редуцированных в древнерусских памятниках (см. стр. 55) можно считать русизмом, то в Киевских листках можно предположить чехословацкое влияние (см. стр. 50). При дальнейшем рассмотрении редуцированных мы оставляем Киевские листки вне нашего анализа.

В положении редуцированных следует различать сильную и слабую позицию; слабая позиция редуцированных —

это конец слова и положение перед гласным полного образования или перед ером в сильной позиции, например, *вѣгъ, вѣсе, ѿ* и *з* редуцированный в словах *сѣньмъ, лѣгъкъ*; сильная позиция — перед конечным редуцированным, например во втором слоге от конца: *вѣпъ, вѣсь, сѣньмъ, лѣгъкъ*. Сильное положение часто бывает и перед слабым редуцированным не в конце слова, например, в первом слоге таких слов, как *сѣньма, сѣньмиште, вѣзьми, въ нѣжѣ*; однако некоторые явления изменения гласных (см. п. 4г) показывают, что эту позицию нельзя сравнить без оговорок с позицией перед конечными *ъ* и *ь*; мы называем это положение „средне-сильным“. В древнеболгарском языке слабые редуцированные проявляли тенденцию к отпадению, в то время как в сильном положении в некоторых говорах они перешли в *о* и *е*. Подобное же явление наблюдается и в других славянских языках.

Праславянское и наиболее раннее древнеболгарское произношение редуцированных нельзя установить точно. Сиверс на основе звукового анализа для Киевских листков принимает произношение *й, ї*, другие исследователи отрицают лабиализованное произношение *ъ*; расходятся мнения и в отношении горизонтального и вертикального положения редуцированных. Однако твердо установлено, что *ь* является более передним звуком, чем *ъ*. Далее, переход *ь > ъ* (см. п. 4б) вследствие лабиализации *ь* является доказательством лабиализованного произношения редуцированного *ъ* для тех говоров, в которых этот переход имел место. Такое произношение, повидимому, было унаследовано непосредственно из праславянского (где *ъ* возник из краткого *й*). Среднеболгарское, новоболгарское, а по диалектам уже и древнеболгарское совпадение *ъ* и *ь* (причем смягчение согласных перед *ь* в новоболгарских диалектах позволяет отличать *ь* и *ъ*) заставляет предположить для древнеболгарского периода взаимное сближение еров; возможно, что этим и вызывается их перегласовка (см. ниже, п. 4); эта перегласовка в известных случаях могла вызвать возникновение промежуточных звуков между исконными *ъ* и *ь*. Некоторые различия в текстах в отношении употребления редуцированных указывают на диалектные явления; так, несомненно, наряду с лабиализованным *ъ* в диалектах существовал

его нелабиализованный вариант (см. п. 4б); однако невозможно точно установить местные и хронологические различия в его произношении; те писцы, которые уже не различали ь и ъ, вероятно, произносили поздний древнеболгарский нелабиализованный ъ. Без достаточных оснований Цонев считает характерными для древнейшего периода староболгарского языка те отношения, которые он находит в современных родопских говорах (ъ<ъ, 'ъ<ъ). Древнеболгарский переход ъ и ь в о и е он объясняет как вторичное диалектное произношение ъ и ь. Однако а priori ближе к истине и лучше объясняет произношение редуцированных в древнеболгарских текстах наша гипотеза о том, что редуцированные заднего и переднего ряда, которые лежат в основе звуков е и о, являлись непосредственным продолжением праславянских и ранних древнеболгарских сверхкратких звуков типа о (u) или е (i), возникших из индоевропейских ū и ī. Мнение, сходное с точкой зрения Цонева, не только для древнейшего старославянского языка, но и для праславянского высказывали Мейе и Розвадовский; последний, однако, в своей „Gramatyka Języka Polskiego“ (1923) отказался от своего предположения. Насколько незначительным было смягчение согласных в древнеболгарском языке (кроме п', л', г', ш и т. д.) перед ь (если допустить, что оно вообще имело место), видно из перехода ь в ъ в слове върати и т. д.; перед ъ мог произноситься только твердый согласный, в таком случае в более старом върати смягчение перед ь было очень слабым; может быть в и вообще не смягчался.

Заднее произношение праславянского и древнеболгарского ъ и переднее произношение ь явствует также из наступающего при определенных интонационных условиях ослабления о до ъ и е до ь. Эта редукция является праславянской, повидимому, в слове въуєра и повелит. наклонении: пьѹи, тьѹи, рьѹи, жьѹи; здесь влияла также исконно мягкая аффриката, иначе следовало бы ожидать формы *пъсі, *търі из pesi, teri. Гипотеза об индоевропейском чередовании при этом и подобных случаях изменения гласных маловероятна; скорее это объяснение можно было бы применить к шьдъ, шьлъ (индоевропейский корень sed-; s>слав. χ>š) и к въньзи (повел. накл.) и т. д. (:нозити). В древнеболгарский глагол жьжеши, -єтъ, -є ь проникает

постепенно (в настоящем времени только в Саввиной книге и в Супрасльской рукописи, в страдательном причастии прошедшего времени только в Супрасльской рукописи, в аористе — в Маринском, Ассеманиевом ев., Супрасльской рукописи наряду с *жѣ-*) и вряд ли восходит к праславянскому языку; здесь действовала и тенденция к диссимиляции (наст. вр. *žežè-ši*, -*lъ* и т. д., аор. *рѣ-žeže*, *zǎ-žeže*); *жѣгомынь* *Супр.*, 476, 17 возникло, вероятно, по аналогии с формами на *жѣ-*. Редукцию, встречающуюся в отдельных языках, находим в *ѣсо* наряду с *ѣсоо*. Ассеманиево евангелие, Синайская псалтырь, Синайский требник, Клоцов сборник и Саввина книга имеют только *ѣсоо*; в Охридском евангелии один раз встречается *ѣс(о)* — единственная сохранившаяся в мелких фрагментах форма; в Маринском евангелии находим *ѣсоо*, но рядом с *ниѣсоже* — более редкое *ниѣсоже*, *ниѣсоже*; Киевские листки имеют *ниѣсоже* VI, 16; Зографский кодекс в евангелии от Иоанна — только *ѣсо*, *ниѣсоже* — всего 19 раз; в других частях 16 раз *ѣсо*, 5 раз *ниѣсоже*, 4 раза *ѣсо*, 15 раз *ниѣсоже*; в Супрасльской рукописи *ѣсо*, *ниѣсоже* — уже довольно редкие формы, обычно — *ѣсо*, *ѣс* и *ниѣсоже*, *ниѣсоже*; ясно, что в древнеболгарском языке *ь* был вызван сокращением ударения и долготы в более длинном слове *ниѣсоже*. Только древнеболгарским является *ѣ* в *хѣтъти*, которое встречается в Супрасльской рукописи несколько раз наряду с *хѣтъти*, и в *тѣгда*, *кѣгда*; доказательством того, что эти слова являются более поздними вторичными формами наряду с *тогда*, *когда*, видно из последовательного употребления *тогда*, *когда* в Саввиной книге, которая не имеет ни одной формы с *о* из *ѣ* (в Клоцовом сборнике также только формы с *о*), из тождественного образования с *югда*, *вьсѣгда*, из распределения форм в Маринском, Зографском ев., Синайской псалтыри, где *ѣ* встречается чаще при *тѣгда*, чем при произносимом с большим ударением вопросительном наречии¹ (к тому же в Зографском евангелии гласный *о* к концу кодекса часто преобладает); гипотеза о влиянии **kъda*, **nikъda* совершенно излишня. Ср. еще *иногда* *Зогр.*, *Мар. ев.*, *Иоанн.*, 9, 13. *Клоцов сб.*, *Синайский требник*: *ниѣгда* *Супр.*, 40, 10.

¹ В Маринском евангелии два раза употребляется *ниѣгдаже* (*Зогр. ев.*, *ниѣгдаже*).

Сокращение $i > ь$, вызванное особыми интонационными отношениями, находим при (i)edьno- наряду с (i)edino-; на это указывает старославянское распределение форм: за исключением одиночного *нидъногоже* *Зогр.*, *Иоанн.* 10, 41, где играла роль многосложность слова (ср. *ничьсоже*), во всех памятниках встречается только *един-*, кроме *Супр. рук.*, где им.-вин. п. ед. ч. м. р. пишется только как *единъ*, в остальных случаях — *ед'н-*, *едн-* наряду с *един-*. Розвадовский предполагает подобное же сокращение и для *хрьвьтъ* наряду с *хрьвьтъ*. Оно могло наступить здесь вследствие постановки ударения на флексии в этом падеже. Ср. также *каменьъ*, *камн* и т. д. в Синайской псалтыри (см. § 46б). Лишь в таких случаях, когда во всей славянской области встречаются формы только с редуцированным гласным (например, *въуѣра*), мы можем предполагать редукцию в праславянском языке. Отсутствует редукция конечного -е в часто встречающейся в Зографском ев. форме *ѣжъ* вм. *ѣже* (по аналогии с *съ* и т. д.).

Наше изложение будет следующим: 1) редуцированные *ъ*, *ь* после шипящих, 2) переход *ъ*, *ь* в *о*, *е*, 3) утрата редуцированных, 4) перегласовка редуцированных, 5) прочие явления. Но прежде всего обратим внимание на случай, для которого установленные правила не имеют значения, — группу *ѣъ*. Это сочетание выступает постоянно как *и* (*и*, *!*) (см. стр. 95); например, *иша* (слабое положение), *игъла* (сильное положение), *видиты-и*, *имъ* (действит. причастие I прош. вр. от *ѣти*; так же *Супр.*, 192, 27), *принимъ* (там же, 174, 25, *-имъ* *Зогр.*, *Матф.*, 14, 19). Более поздние формы: *имъше* *Супр.*, 40, 17, *примъша*, там же, 14, 7/8, *примъ* преобладает в Мариинском евангелии и т. д.; подобные же формы встречаются и в других памятниках (*Клоц.*, *Пс.*, часто *Син. тр.* и *Асс. ев.*). Они возникли из сложений типа *възъмъ* > *въземъ*, в которых *ь* не предшествовал *і*. По аналогии с именами существительными с подвижным *е* типа *сынъ* < *сѣнъ*, род. *сын(ъ)мъ*; *подъевъ*, род. *подъев(ъ)на* возникли такие существительные, как *зѣмъ* (*Асс.*, *Син. пс.*), *насмъннъ* (*Асс.*), *недѣстоенъ* (*Син. тр.*, 69 а, 15/6, также среднеболг.), наряду с фонетически закономерными формами *зѣимъ*, *наим-*, *дѣстоимъ*. Когда появились такие аналогичные образования, формы типа *зѣимъ* стали произносить как *зѣѣма* и т. д.

1. Редуцированные после ш, ж, шт, жд, ч, ц, з (з), ѣ; см. § 22, где говорится также об отношениях в отдельных текстах. Переход ь > ѣ, несомненно, зависит от постепенно отвердевающего произношения шипящих (щ и т. д.); если в таких памятниках, как Синайский требник, Саввина книга, ѣ выступает на месте ь после указанных согласных не всегда, то это происходит потому, что в некоторых говорах не все указанные согласные в одинаковой степени утратили свою мягкость. Хотя переписчики названных памятников не всегда произносили редуцированные, все же написания типа шѣ и т. д. мы должны рассматривать как передачу звуковой модификации исконного ь. Следует обратить внимание на последовательное употребление ѣ в шѣдѣ и других падежных формах этого слова в Саввиной книге; в говоре этого памятника, где не было перехода сильного ь в е, ь в сильной позиции, так же как и в слабой, переходил в ѣ. То же самое происходило в одном из двух говоров, встречающихся в Супрасльской рукописи; к одному из этих говоров восходят формы шѣдѣ, шѣдѣше, к другому — шѣдѣ, шѣдѣш; шѣдѣ, -ѣше уже не произносили ни в одном из этих диалектов. Появление шѣ в Супрасльской рукописи, для которого предполагается нелабиализованное произношение ѣ, противоречит гипотезе Щепкина о том, что ѣ после щ — это лабиализованный ь; в живых славянских языках лабиализация после шипящих (щ и т. д.), если и возможна, то, во всяком случае, крайне незначительна; см. О. Брок, Слав. фон., 57. В тех же говорах, где ь в сильной позиции изменяется в е, этот переход древнее, чем изменение шѣ в шѣ и т. д. Указанное изменение можно найти только в слабой позиции. Так, для Мариинского евангелия фонетически закономерны формы пришеѣ, но пришеѣл, -ѣли. В некоторых памятниках (Клоцов сборник, Синайский требник) в сильной позиции имеем всегда шѣд-, шѣл- (шѣствовать *Син. тр.*, 33б, 17,8, 34а, 2 имеет ь в слабом положении), другие памятники (например, Мариинское евангелие) наряду с шѣдѣ содержат также шѣдѣ, шѣдѣ вместе с шѣдѣшл и т. д., а также шѣдѣшл, шѣдѣшл и т. д. Трудно определить в таких случаях, что это за формы: или стоящие рядом формы различных редакционных слоев, или, что скорее, формы, вы-

равниваемые внутри одного говора (примерно: *шедь*, но *шѣдъша* > *шѣдъшз*; ср. *во ѣъ* : *въ ѣъже* и т. п. в п. 4 г). Также трудно установить, что происходит в тех памятниках, где мы находим формы и с ѣ и с ѣ типа *шѣдъша* и т. д. и *шѣдъшз* и т. д.: появляется ли там промежуточный звук между исконными ѣ или ѥ или имеет место лишь смешение различных редакций.

Влияние шипящих (ѣ и т. д.) сильнее, чем так наз. перегласовка по ассимиляции; например, в говоре Зографского ев. нет перегласовки в таких словах, как *шѣла* и т. д.; напротив, в Мариинском евангелии, Саввиной книге и др. находим *шѣли*, несмотря на следующее *і*.

2. Переход ѥ > е, ѣ > о в сильной позиции. Это изменение стоит в связи с редукцией слабого редуцированного следующего слога; часто полагают, что произношение е, о установилось только после полного исчезновения слабых редуцированных, однако доказать этого нельзя, и вообще это кажется маловероятным; нужно обратить внимание на е в форме *сѣ* < *сѣ* в Саввиной книге (оно не может быть обусловлено следующим слогом) и на такие случаи, как *воиша Син. пс.*, *воише Зогр.*, *восишевъшу Мар.*, где находим следующий ѣ, обозначенный буквами *ѣ*, *и* и имеющий, вероятно, слоговой характер; если исключить указанные формы, то гипотеза о том, что постепенное усиление так наз. сильных редуцированных привело к переходу их в о, е как раз в тот момент, когда исчезал постепенно редуцировавшийся ѣ или ѥ в ближайшем слого, окажется произвольной.

Различные отклонения в древнеболгарских памятниках в отношении передачи сильных редуцированных зависят от диалектных различий. Даже теперь переход ѥ > е, ѣ > о является в общем западноболгарским (македонским), в то время как в одной из частей восточной Болгарии ѥ изменился в е, а ѣ, если исключить некоторые специальные формальные категории, где имеется о, остается без изменения (в целом это район северо-восточной Болгарии). В другой части (рупские диалекты) оба редуцированных совпали в одном звуке ѣ, причем здесь действует и старое смягчение согласных перед ѣ; следовательно, ѣ : ѣ (в говорах о : ѣ и т. п.). Указанное явление имеет значение и для древнеболгарского; поведение сильных редуцированных

является критерием локализации памятников, однако при этом следует, конечно, помнить о наличии в прошлом таких говоров, которые теперь исчезли (например, на севере от Дуная) и о которых мы почти ничего не знаем, а также о возможности передвижения изоглоссы; см. стр. 51. Теперь перейдем к рассмотрению отдельных кодексов; для использования более богатого материала отсылаем к Вондраку, *Aksl. Gr.*, изд. 2, 190—214. Падежные формы *-ѣмь*, *-ѣмъ*, *-ѣтъ* основ на *-i-* и на согласный и окончания *-ѣмь*, *-ѣмъ*, *-ѣтъ* основ на *-и-* мы оставляем в стороне, потому что в них *е*, *о* не восходят к *ь* и *ъ*; см. § 41 и 42. Сначала рассмотрим два больших восточноболгарских памятника (Саввину книгу и Супрасльскую рукопись), в которых *ъ*, а отчасти и *ь* сохраняются без изменений.

В Саввиной книге никогда не встречается *ѣ < ь* перед слабым редуцированным; *сѣждальници* наряду с *сѣждальь*, *-ьльниче* — только старые варианты; см. § 33. Правда, в Саввиной книге 5 раз встречается *сѣ* 'ὁὗτος' наряду с более частым *сѣ*, *съ* и один раз *то* 'αὐτός' (также и в среднеболгарском). Но эти формы нельзя считать формами среднего рода; в них, как и в среднеболгарском *всѣ < v(ь)сь*, проявляется своеобразный подъем интенсивности ударных редуцированных в односложных формах. Также можно объяснить и *къждо*, одиночное в Саввиной книге (повторяется в Ассеманиевом, Мариинском и даже в Зографском евангелиях; в последнем 6 раз встречаем *къж(ь)до*, один раз *къжьдо*), но, с другой стороны, оно напоминает формы типа *ръко-тъ*, *ръдо-сь* и т. п. (не в Саввиной кн.), где также наличествуют специальные условия.

В Зографском евангелии указанный тип встречается очень часто, в противоположность другим случаям, где *о < ь*. Розадовский и Агрель предполагают здесь наличие индоевропейского *o*, сохранившегося при известных интонационных условиях, но против такого предположения говорят употребительные во многих памятниках, даже во второй части Супрасльской рукописи, формы типа *дньсь*, а также *дньтъ* Ассеманиева и Охридского ев., исключаящие гипотезу об исконном *е*¹. Скорее в *-ѣ-сь*, *-ѣ-тъ*, так

¹ О др.-чеш. *večeros* см. Hujer, „LF“, XLVI, 367.

же как и в -ѡ-сь, -ѡ-тъ, можно видеть усиление напряженности конечных -ъ и -ь, наступающее в связи с энклитиками и вызываемое специальными условиями ударения. Далее, Саввина книга имеет восходящие к другому говору *киносѡкѣ* (см. § 14) и *смоковѣнѣ* *bis*, *смоковѣнна*, которые вместе с *любовѣнѣ*, *смоковѣннаго* (по одному разу в Супрасльской рукописи) и с подобными же формами в восточных среднеболгарских источниках и в новоболгарских диалектах указывают на восточноболгарское о в падежных формах и других образованиях основ на -ѡв-. Имея в виду довольно частое выпадение слабого редуцированного в Саввиной книге, мы не должны рассматривать сохранение сильного редуцированного в качестве архаизма; это скорее местная особенность, которая напоминает нам современные родопские говоры. Однако наши сведения о древнеболгарских диалектах недостаточны для более точной локализации.

Супрасльская рукопись. ѡ не переходит в о, кроме случаев с указанными выше формами и один раз в слове *крѣпѡкъ*; в среднеболгарском и в новоболгарском на востоке встречается -ок(ѡ) вместо -ѡк(ѡ), в то время как в общем ѡ в сильной позиции остается без изменения. Что касается перехода ѡ в о, то в первой части кодекса этот переход встречается довольно часто, тогда как во второй части (по Лескину, начиная со стр. 209 издания Миклошича = 285 изданию Северьянова) ограничивается почти лишь формой *дѡнесь*. Таким образом, здесь мы находим два восточноболгарских диалекта; первый из них напоминает современный северо-восточный болгарский диалект, второй — диалект Саввиной книги и современные рупские диалекты.

Из более мелких памятников Македонский кириллический листок напоминает Саввину книгу (*елинськъ*, *краснь*, *главнь*), так же как и Македонский глаголический листок (*дѣнь*, *тъм'наа*, *польсьнѣ*; *сѣзъдати*, *плѣтъскѣми*); в листках Ундольского и Хиландарских и в Охридском евангелии имеет место переход ѡ в о; формы с ѡ в сильной позиции отсутствуют. В Слуцкой псалтыри и в Новгородских листках отсутствие перехода ѡ, ѡ в о, о можно трактовать и как русское и как восточноболгарское явление.

Зографское евангелие. Случаи как с о, так и с о не многочисленны; формы с о, если исключить *црѣковь* (1 раз),

смоковъициѣ (2 раза), кож(ъ)до и формы на -о-сь, -о-ть (см. выше) следующие: оусохъшѣ *Марк, 11, 20*, токмо *Матф., 5, 47; 10, 42*, волнѣ *Иоанн, 13, 5* и (с ѣ; см. § 24) стои *Лука, 1, 72*, скъдоль, -ъициѣ (наряду с скъдольници, -никово), а также, вероятно, и тръхотѣ *Лука, 12, 59* (*Мар. тръхътъ*), не имеющее старого ѣ (см. выше). Так как с < ѣ встречается не часто, мы должны допустить, что в Зографском евангелии процесс перехода ѣ в о, ѣ в е проявляется в самом своем начале; может быть, формы с е, о идут от последнего писца; ср. такие опечатки, как двѣѣѣно *Лука, 22, 38*, вѣѣѣты *Марк, 2, 22*.

В остальных глаголических памятниках (*Мар., Асс., Клоц., Син. тр., Пс.*) переход ѣ в е весьма част, в то время как переход ѣ в о в некоторых памятниках встречается реже. В отношении отдельных памятников имеем следующую картину:

Клоцов сборник. Кроме люковъ, любовъициѣ и двух имен на -о-ть (см. выше), находим только кровъѣ (2 раза; напротив, 7 раз кровъ и один раз крѣвъ) и совѣкоупляѣше (534), но, с другой стороны, тѣмю; съиѣми; вѣ нь, вѣ ньже, вѣ ньже; вѣзѣти, -пѣѣтъ, -пѣѣше; вѣпѣти; плѣтъ, -ѣ, -ѣтъ, -ѣсѣти, -ѣсѣти. Слово вѣтъ в Клоцовом сборнике отсутствует.

Ассеманиево евангелие. Кроме уже описанных случаев (-о-сь, -о-ть; кожѣдо; -овѣ и т. д.; -о-и), очень часто представлено вонѣ, 3 раза со- (совѣкоупляѣ, созѣди, соиѣишѣ), 1 раз ко мнѣ, 5 раз во (перед вѣскръшение, мнѣ, нь); кнѣос, -осѣ, -осѣни, по одному разу лѣѣ, сосѣца, лѣѣтъ, нѣѣдошѣ, лѣѣѣѣ-сѣ; оубѣѣи и.

Синайский требник¹. Переход ѣ в о проведен в широком масштабе, но есть и загадочные исключения; так, во нь встречается только один раз; вѣ нь — 4 раза (вѣ ньже 5 раз); наряду с бесплѣтъниѣ, -ъици, -ѣѣѣѣѣ им.-вин. п. плѣтъ и 2 раза плѣтъ, ни разу нет о; в слове плѣтъ отсутствует слоговое ѣ из косвенных падежей, так как именно в слове плѣѣѣ постоянно встречается лѣ², а слоговые пла-

¹ К сожалению, нам приходится извлекать материал из плохого издания Гейтлера.

² Хотя имеются написания и с ѣ плѣѣѣѣѣ *За, 13*, плѣѣѣѣѣ *19б, 15*, вѣѣѣѣѣѣѣѣ *52б, 18*, вѣѣѣѣѣѣѣѣ *53а, 6/7*, вѣѣѣѣѣѣѣѣ *61б, 19*, вѣѣѣѣѣѣѣѣ *30а, 17*; везде, кроме последнего примера, средне-сильная позиция.

ные в Синайском требнике только 2 раза передаются посредством *лъ*, в остальных случаях пишется *ль*. Простейшее объяснение этого явления заключается в том, что в упомянутом говоре *ъ* в слове *плѣть*, а также, вероятно, и в *въ ѿъ* и в других словах, произносится иначе, чем в *вънѣ*, *сѣнѣ*; повидимому, под влиянием следующего гласного переднего ряда *ъ* не переходит в *о*, а при усиливающемся влиянии следующего *ь* может перейти в *ь*. В таких формах, как *крѣвьѣ* (также *крѣвнѣ*, им.-вин. п. ед. ч. *крѣвь*), *во в'сѣхъ*, *плѣтннн* и т. д., можно предположить, что внутрислоговой *ь*, *ѣ* действовал слабее; но кое-что остается все же неясным; формы *вънѣмѣтъ*, *вънѣми*, *възѣми*, *-ѣмѣ*, *-ѣтс*, *-стѣ* никогда не имеют *ѣ*. Во всяком случае, ясно, что иногда сильный *ъ* переходит в *о*, а иногда сохраняется. Это в общих чертах можно объяснить лабиализованным или относительно передним произношением редуцированного *ъ*, вызванным влиянием следующего *ь*. То же относится и к средне-сильному *ъ* перед внутрислововым *ь*: *въ нѣже*: *въ нѣже*. Что касается развития редуцированных в сильной позиции, то между Ассеманиевым кодексом, сборником Клоца и Синайским требником нет принципиального различия; то же можно сказать и о Мариинском евангелии.

Мариинское евангелие. Противопоставление *дождѣ* (2 раза): *дождѣ Син. тр., 2а, 22* (ср. также ниже о Синайской псалтыри) зависит, вероятно, от различного произношения *ѣд* в обоих диалектах¹. Более замечательно противопоставление, известное не из Клоцова сборника и Синайского требника, а из Ассеманиева евангелия, — *во нѣ* (9 раз; *въ нѣ* 2 раза): *въ нѣже* (11 раз, 4 раза *въ нѣже*); ср. также *въ нѣ*: *въ нѣже* *Клоц. и Сав. кн.* [*Сав. въ нѣже* (7 раз), *въ нѣже* (1 раз); *въ нѣ* (4 раза), *въ нѣ* (1 раз)]. Напротив, поразительна согласованность со сб. Клоца, Ассеманиевым ев., Синайским требником в таких словах, как *плѣтъ*, 1 раз *плѣть*, ни разу с *ѣ*. Зографское ев. также имеет 1 раз *плѣть*, Саввина книга — 1 раз *плѣтъ*; все эти памятники в кос-

¹ *дождѣвнхъ* *Супр., 301, 19* и подобные формы в Шестодневе Иоанна Экзарха имеют в слабой позиции *и*, возникшее из сильно редуцированного *ъ*; никакой промежуточной ступени в виде *о* нельзя предположить; см. S. Ivšić, *Prace lingw.*, 68—78. Иначе A. Vaillant, „BSL“, XXIX, 41 и сл.

венных падежах имеют только *лъ*; несомненно, что в им.-вин. п. произносился вариант *ъ*, близкий к *ь*. Ср. также *Мар.* *крѣвь*, *-ъ*; *въплъ*, *-ъ* (: *Сав.* *въплъ*). В частностях Мариинское евангелие представляет много трудностей: *възъпи* — 1 раз, иначе формы с *възъ-*, *възь-*, *възъ-*; *възъми* — 1 раз, иначе *възъ-*, *възь-*, *възъ-*, *възь-* и т. д. Несомненно, что эти формы восходят к различным говорам и различным периодам.

Синайская псалтырь. Здесь *о* проводится наиболее последовательно, например: *плъть* (*-ъ*) — 8 раз: *плъть* — 2 раза; *въплъ*, *въплъ* — по одному разу; *дъждъ* — 2 раза: *дъждъ* — 1 раз; *крѣвь* (*-ъ*) — 4 раза: *крѣвъ* — 2 раза; *во нь* (*нь*), даже *во ньже* (*ньже*) наряду с *въ*, *въ*; *въпи*; повторяющееся *въпъми* (наряду с *въи-*, *въи-*). *о* и *в* из *ъ* и *ь* во всем кодексе очень часты; вероятно, они были и в оригинале. Так как более архаическая XII часть имеет *во ньже*, *възъръи*, *възъръи*, мы можем предположить и для оригинала постоянное употребление *о* в этой категории форм. С другой стороны, именно XII часть имеет *плъть* (1 раз).

Из обзора памятников видно, что в некоторых случаях, где за *ъ* в сильной (например, *плъть*) или в средне-сильной позиции (например, *въ ѿньже*; см. п. 4 г) следовал находящийся в слабой позиции *ь*, боролись между собой две тенденции: первая — к развитию полного гласного *о*, вторая — к палатальному изменению звука. Относительная хронология этих двух процессов далеко не безынтересна для группировки текстов; см. п. 4.

Для классификации среднеболгарских памятников развитие редуцированных в сильной позиции также является главным критерием.

3. Утрата редуцированных. В слабой позиции как во внутреннем, так и в конечном слоге в древнеболгарский и среднеболгарский периоды происходила утрата редуцированных; хронология процесса определяется соседними звуками в зависимости от того, как было удобнее произносить в отдельных говорах эти звуки: без редуцированных или с ними. Во многих случаях некоторое время существовали формы с редуцированными наряду с формами без них; слабые редуцированные в этом отношении можно сравнить с французским *e muet* (ср. Havlík, в списке литературы, а также Розвадовский, „RS“, II 89).

Падение редуцированных между s-п и z-п является общеславянским и доисторическим: десѣнѣ, жєслѣзнѣ. Маловероятно, чтобы десѣнѣ было образованием без ĭ(ь) (Мейе), если принять во внимание лит. dešinė, др.-инд. dākṣiṇa; жєслѣзнѣ также, вероятно, является прилагательным на -ĭпо-; далее ср. древнерусские формы XI в. празнѣ, горазнѣ (наряду с гораздѣ), хотя именно русский язык долго сохранял редуцированные в слабой позиции; также ст.-слав. празни и т. д. *Сав.*, оупразнить *Супр.*, 550, 16/7, опразнѣть, -ать *Зогр.*, *Мар.* (: праздни и т. д.), испразни *Клоц.*, празнѣствѣ *Зогр. л.* Прилагательные, первоначально оканчивавшиеся на -zĭпо-, указывают на раннее отпадение редуцированных также и в группе z + зубной + редуцированный + п; ср. также присно (*Слуц. пс.* присно 44, др.-серб. прѣстѣнь), такие формы, как тѣснѣ, рѣснота, опрѣснѣтъ, где после s следовало k, за которым мог следовать еще редуцированный, ложєсна — позднее образование от корня *lojes-, вероятно, никогда не имело редуцированного; тем более не могло иметь его ст.-болг. вѣство (ср. гот. wairstw). Об утрате редуцированного в знати свидетельствует лит. žinoti, но доказать это невозможно. В тѣлєснѣ, сѣна (род. п. ед. ч. от сѣнѣ) и т. п. редуцированный мог быть восстановлен по аналогии с другими формами.

В других случаях ранняя утрата редуцированных по языкам зависит от ударения в связанном предложении; это касается таких слов, как тог(ь)да, ког(ь)да, (вѣн)вг(ь)да; вьегда, ннгда. В древнеболгарском языке ѣ встречается только один раз в Синайской псалтыри; в Синайском требнике между г и д обычно имеется значок, указывающий на отпадение буквы; формы ннкогда же, югда же в первой части Остромирова евангелия идут, очевидно, от русского писца; подобные формы есть также и в других древнерусских памятниках. В среднеболгарском формы вгда и т. п. встречаются значительно чаще, чем в древнеболгарском. В Добромировом евангелии вгда встречается более 70 раз, около 20 раз вгда, 17 раз вьгда; психояная перестановка имеет место и в других случаях; в древнеболгарском тогда *листки Унд.* (наряду с тогда). Группы -дг- и -дѣг-, -дѣг- возникли именно потому, что произношение gd стало неудобным, а -дѣг- было более удобным, чем dg; -гѣд- могло возникнуть в результате вставки нового редуцированного ѣ

В прочих словах со слабыми редуцированными древнеболгарские памятники свидетельствуют о постепенно распространяющейся их утрате. Обзор материала мы начинаем с трех более мелких отрывков, которые в этом отношении очень консервативны, особенно Охридское евангелие. О слабых редуцированных после *г, л* мы будем говорить в приложении к разделу о плавных сонантах в § 28.

Охридское евангелие. Редуцированный отсутствует только в псалм *II^V, 10*. В остальных случаях: *въсьми, -ми, -хъ; мнѣ; многа; никѣто; уѣто; сътвори, -те; върѣи; двѣмъ* и т. д. (55 случаев); см. Ильинский, стр. 20.

Хиландарские листки. *п'шеница, -ж, -н; прѣв'дож; заимствование скор'пию*. С другой стороны: *кѣто; кѣде; мѣнози; двѣоги; въси, -сего; овъцѣ; см. Кульбакин, стр. 17*.

Македонский кириллический листок: *кто* (2 раза), в остальных случаях: *въсь, -ѣ, -ѣхъ; многа; зѣловѣрѣни; кѣде; сътворио* и т. д. см. Ильинский, стр. 18.

Зографское евангелие. Утрата редуцированных происходит между следующими согласными: *ps-* (псалти, п'сати, даже *сплти, с'плти* всегда без редуцированного; предпочтительно *пси, п'си, мн. ч. от пьсь*), *pt-* (птица наряду с *пѣт-*), *ps-* (пѣтъ, п'цѣтъ наряду с *пѣц-*), *mn-* (много и т. д., *множ* чаще, чем *мѣн-*; в словах *мнѣ: мнѣ* — обратные отношения), *vs-* (много форм с *въсь 'omnis'* и производными; 5 раз *вси* от *въсь* „село“ и 2 раза *въсь*; также *въсь — 'omnis'* 2 раза); менее часто: *dv-* (два, двѣ, двѣма), *dn-* (дни и т. д., даже *днѣ*), *kt-* (кто; относительно чаще *никѣто*), по одному разу *zl-* (злы), *kd-* (кде), *k'n-* (к'назы), *čt-* (чѣто); *створити* и т. д. *Матф., 9, 28*.

Внутрислоговые группы: *-km-* (тѣмѣ, -'мо, токѣ, -'мо, вместе 14 раз: *тѣмѣ, -оу* 15 раз), *-š's-* (отрѣш'ши, лиш'ши, лиш'ше по одному разу: *нош'ше*), *-np-*, *-n'p-* (8 раз в основах на *-пѣпо-, -пѣпѣко-*, по аналогии также 4 формы им. п. на *-пѣт;* чаще *-пѣн-, -пѣн-*), *-žd-* (жѣдо, чаще *-жѣдо*), *-nd-* (дондеже, -'нд-; значительно чаще *-нд-*), несколько раз *-rc-*, *-rc-*, (*-r'c-*), еще реже *-dc-* (*-d'c-*), *-vc-*, *-nc-* (*-n'c-*), в именах на *-ъсь* (по аналогии также в некоторых именительных падежах), по одному разу *-rsc-*, *-nsk-*, *-nsc-*, два раза *-mnp-* (оусѣмѣ, зимѣ), два раза *-vd-*, один раз *-šp'-* (въш'въсо; три раза *-шѣи-* и несколько раз *-шѣн-*), один раз *-rl-*. К концу кодекса многочисленными становятся полные

формы некоторых слов, например *вьсь, мнѣ*; см. Ягич, „JA“, I, II. Зогр. *б* идет значительно дальше, например *сѣврѣни, сѣзда*.

Мариинское евангелие. Формы *пси, псомъ* напоминают формы Зографского евангелия (*б* раз; всегда без редуцированного), формы типа *птица* и *птенць* (*14*; *пыт-* 1 раз, *пѣт-* 2 раза), *пѣте* (3 раза, *пѣч-* 4 раза), *псано, псно* (по одному разу; в остальных случаях *псати*); ср. также *пшеницѣ, -ца, -хъно* (7 раз; *пш-* 2 раза; Зогр. постоянно *пш-*), *дондеже* (6 раз; значительно чаще *донь-*), часто *тъмю*. В отличие от Зогр.: *кто, что* встречаются чаще, чем *къто, что*. В остальных случаях имеет место лишь спорадическая утрата редуцированных, например, в таких формах, как *дѣва, вѣсь* (-ѣкъ), *днѣнь, мѣногъ* и *мнѣ*, *мѣнож*. Один раз встречается *изѣраша* (обычно *вѣра-*), один раз — *отрѣшша* и другие одиночные формы; см. Ягич, С. М., 443, то же в словаре.

Синайская псалтырь в основном консервативна. Обычны: *многъ, множъ, мнѣ*; довольно часто *ствѣрити* вместе с падежными формами. По одному разу *сконьуаша* 102, 11, *сповѣмъ* 30, 12, *стрѣ* (один раз *сѣтрѣ*); несколько форм от *сѣмотрити*, -ѣти и *сѣпсати*¹ без редуцированного; несколько раз *дн-* (к *днѣнь < дѣнь*), очень редко *вс-* (к *вѣсь < вѣсь*) и *кто*; не встречается форма *что*; по одному разу *зла, злаа*; 2 раза *напсаниъ* (1 раз *напѣсаниъ*), напротив, *пѣси, пѣшеницѣ, -тъна, пѣшеница* — по одному разу; *птица, птица* — по одному разу, 8 раз *пыт-*; *дондеже, къждо* — по одному разу. Утрата редуцированного встречается во внутренней группе -*пп-*; часто *степенна, -ниаа*, в отдельных случаях также -*пс-, -рс-, -vd-, -bp-, -zr-* (*прѣзръ* 40 а, 7). Числительное *дѣва, -ѣ* не засвидетельствовано, один раз *дѣвос*; см. словарь к изданию Северьянова.

Клоцов сборник: *псати* вместе со сложными и производными словами; формы *пѣсь, пѣшеница, пѣтица*, а также *мнѣ, мѣнож* не встречаются; обычно *многъ*, а также *мнѣтъ* (1 раз; 1 раз *мнѣтитъ*); постоянно *къде* и *что*, обычно *къто* (2 раза *кто*); формы от *вѣсь, -ѣкъ* только с *ь*; также и *днѣне, -вь* и т. д.; обычно *ствѣри* и т. д.; *дѣа, дѣма* всего 3 раза

¹ От этого глагола встречаются обычно сокращенные формы, которые не играют роли при обсуждении вопроса о редуцированных.

(дѣва, -ѣ, -ои, -оихъ — всего 6 раз); зла (1 раз; часто зѣла). Внутри слога повторяется -ни-, затем -ми-, -дѣ-, -рѣ- и т. д. Без сомнения, положение внутри слога вызывало отпадение редуцированных; ср. помн- 5 раз, помыи- только в № 222, где глагол употреблен неправильно; см. изд. Вондрака, *Glag. Cloz.*, 20, Мейе, *Etudes*, 126.

В Синайском требнике въсь, мѣногъ вместе с производными словами встречаются обычно без редуцированного; постоянно без редуцированного: мѣъ, м'нѣ, мѣножъ, мѣе, м'не (диалектная форма вместо мене); к'то чаще, чем кѣто, но никѣтоже — 3 раза: ник'тоже — 1 раз, кѣто представлено чаще, чем к'то; п'си (1 раз, по 1 разу пѣсоу, пѣсомъ); п'тицѣжъ (1 раз, по 1 разу пѣт-, пѣт-); часто дн-, д'н- наряду с дѣн-; незлобѣжъ; дондеже; м'нѣти — 1 раз: мѣн- — 7 раз; ток'мо — 3 раза; -ждо — 3 раза, обычно -ждо, 1 раз -ждо-; -н'н- и -н'ц- (-нц-) часты; многочисленные прочие внутрислоговые группы изредка встречаются также без редуцированного, обычно со знаком ' ; так, в' перед начальным с (4 раза) и н (1 раз), к' томоу — 1 раз; также в'если, в'сѣлѣсть, в'селенѣа — 4 раза, в'негда — 1 раз; сподоби, створиъ по одному разу наряду с более частыми съп-, сътъ-; часто значок сокращения вместо -ъ (реже -ь) встречается в личных окончаниях, большей частью перед сѣ. В Синайском требнике, а также в других памятниках значок ' (апостроф) вряд ли мог обозначать произносимый редуцированный; он указывает скорее только на то, что наличие редуцированных в письменном языке еще осознается и, может быть, нужно факультативное его произношение; см. Lang, *Jaz. rozbor*, I, 12—16.

Ассеманиево евангелие в утрате редуцированных идет дальше, чем остальные глаголические памятники; ер очень часто отсутствует в конце слова не только в личных окончаниях, но и в таких словах, как сѣтъ, вам, сѣи и т. д.; далее следует обратить внимание на такие слова, как, например, полза, тмѣ, кѣера, сѣкѣро, вѣсѣ, сѣвѣдѣтельство, посѣлѣшаго, више, прѣтѣж. Формы без редуцированных, встречающиеся в упомянутых выше памятниках, известны в общем и Ассеманиеву ев.; правда, довольно редка форма створиъ; князь *Иоанн*, 12, 42 также изредка встречается. Многие случаи незакономерного смещения редуцированных здесь не рассматриваются; см. Vondrák, *Aksl. Gr.*, изд. 2, 208—210.

Саввина книга. Почти всегда отсутствует редуцированный в весь 'хоуѣ' и весь 'пѣс' и во всех их падежных формах и производных словах; его нет также в предложении „в“ и в сложных словах перед с+гласный; числительное „два“ только с дв-; почти всюду встречаем кто, постоянно — никто(же) и к тому(у) (7 раз); как правило, что (но утѣши и т. д.) и много, мнѣ, если включить и написание мнѣ; мною значительно чаще, чем мною, мною, напротив, мною и т. д. и глагольный корень мн-; почти всегда находим створи; 3 раза встречается птица: по одному разу — птица, птенца (птенца — 1 раз); пса, пса — всегда; наряду с пси находим, однако, псом, псом — по 1 разу; в слове днь и производных образованиях преобладает дн-, дн-; зл- встречаем наряду с зл-, зл; далее постоянно — сребро (12 раз) и изгна- (9 раз; 1 раз гнаша); раздася — в отдельных цитатах; преобладает из-, съ-бра-; съзати, -а, съ-зати — по одному разу. Внутрислоговые группы: преобладает -ждо; только тъмо (22 раза); 9 раз празн-, 2 раза празн-; везде оу-мр- вместо оу-мр-¹; ося, -а, -и — всего 5 раз: ося, -а по 1 разу; врьно наряду с врьна; мн- — 2 раза: тъмница — 6 раз; постоянно встречается зьати (зър-), послати, овь-, книга, кназь и т. д.; см. Щепкин, Рассуждение, 113—150.

Македонский глаголический листок. кто, многа, мнѣ, всѣ, д'ни, -ждо, -м'н-, -н'н- и т. д.; также избрани, довольно, -ш'н-, -в'ш-, тъмже и глагольные формы на тса, мса; см. Ильинский, стр. 19.

Листки Ундольского. Кроме кто, много, и т. д., также оиньунне, оупение, дщи, вторнѣ, вам; см. Карский, стр. 20.

Зографские листки. двою, створи, 6 раз мног- или мноз-.

Супрасльская рукопись. Исследована недостаточно; кое-где описана у Лескина, „Berichte“, XXVII, Leipzig, 1875, 103; „JA“, XXVII, 483; у Обнорского, „Изв.“, XVII, 4, 352 и см. у Вондрака, Über einige и т. д., 12 и сл., Aksl. Gr.², 212 и сл. В некоторых случаях Супрасльская рукопись заходит дальше, чем большинство памятников: к ѡимѣ, книга, кназь и т. д., ѡдн-, възпн; но, с другой стороны, въсѣ, сътвори и т. д. Эти особенности Супрасль-

¹ В этом случае, а также в слове прѣстри 74 мог действовать и морфологический фактор (выравнивание парадигмы)

ской рукописи должны быть обстоятельно исследованы.

Весь этот материал свидетельствует о постепенной утрате редуцированных. Каждый памятник имеет свои диалектные особенности; хотя есть некоторые сочетания, вызвавшие утрату редуцированных во многих диалектах (это, вероятно, *p-s*, *p-š*, *p-t*, *m-n*, *v-s*), но и эти сочетания имеют диалектные различия. Кроме положения редуцированных между согласными, следует принимать во внимание другие содействующие или препятствующие факторы: размер слова, место редуцированного в слове (начальный, внутренний, предударный, послеударный слоги), интонацию предложения. Особенно консервативны в этом отношении Мариинское евангелие и Синайская псалтырь. Но и здесь, так же как и в других памятниках, утрата редуцированных в языке писцов была уже весьма ощутимой, хотя оригиналы Мариинского, Зографского евангелий и Синайской псалтыри были очень старинными. Так же консервативно и Охридское евангелие; напротив, в Саввиной книге и в Ассеманиевом евангелии проявляются черты дальнейшего развития, то же в Македонском глаголич. листке и в листках Ундольского; дальнейшее развитие этого процесса можно проследить затем в среднеболгарском.

Щепкин в своем „Рассуждении о языке Саввиной книги“ правильно отметил значительное влияние соседних согласных на редуцированные, что вызвало одобрительную оценку Фортунатова („Состав О. Е.“); нападки Лескина, (см. „JA“, XXVII, 3—14) в некоторых пунктах были необоснованными. Мейе констатировал в „RS“, VI, 128 и сл. такие случаи утраты редуцированных: 1) в положении между двумя глухими согласными, 2) в положении между звонким согласным и *l*, *r*, *m*, *n*, *v*, 3) при особых условиях ударения так наз. „*mots accessoires*“. Что касается п. 3, то мнение Мейе, безусловно, справедливо; напротив, в отношении пп. 1 и 2 этого сказать нельзя, так как факты здесь значительно сложнее; надо обратить внимание на довольно распространенное падение редуцированных в группе *v-s* (не только в слове *всѣ* и т. д., но также и в *сѣкъ*, и в падежных формах от *всь* „село“ и т. д.) и на параллелизм *s-n*, *z-n* еще в дописьменный период.

Постепенное распространение процесса (который немало позднее и по несколько иным правилам проявляется в древнерусском языке) подтверждает предположение, что такие слова, как, например, новоболг. *мѣгла* с ъ в слабом положении, никогда не произносились без редуцированных (кроме так наз. скороговорочных форм). Поэтому нельзя безоговорочно принять, будто бы во всех группах без исключения происходило падение редуцированных; ср. также сноску на стр. 145; произношение слабого редуцированного в виде и в слове *доуждѣ* указывает на значительную чувствительность этого звука к окружающему влиянию.

Написания без редуцированных — самое недвусмысленное доказательство того, что ъ и ь больше уже не произносятся; с другой стороны, во многих формах, где еще писались редуцированные, они уже не произносились писцами; это в большей степени относится к окончаниям слов, но также и к внутренним слогам. Лескин предполагал („JA“, XXVII, 345—349), что перегласовка редуцированных (см. п. 4) — это графическое, а не звуковое явление, так как они уже не произносились, а буквы ъ или ь, отражая влияние следующего твердого или мягкого согласного, обозначали твердое или мягкое произношение предшествующего согласного; так, например, *зѣлъ* произносилось как *z'ľ'ě*. С этим мнением теперь почти никто не соглашается. Против него свидетельствуют: перегласовка сильного редуцированного, например, *въ ѿъ* (*Син. тр., Супр.*), *пльть*; перегласовка редуцированного в среднем положении, например: *въ ѿъжѣ*, *възъмѣши*, новоболг. диал. *везмеш*; гласные полного образования из перегласованного редуцированного: в др.-болг. *сѣдовѣ*, *всѣдѣньѣ*; лабиализация (*тъмѣ* < *ѣтѣ* вряд ли содержит лабиализованное, воспринимаемое на слух *t!*); написание *бърати* (< *бѣрати*) и т. д., где для обозначения твердого произношения *б* не нужна была буква ъ; параллелизм в написаниях *вѣсе* и т. д. и *въ слѣдѣ*, *въ цѣсарѣствѣ* и т. п.; эти формы господствуют во второй, консервативной, части Зографского евангелия, в противоположность формам *все*, *въ слѣдѣ*, *въ цѣс* первой части; отсюда можно предположить, что в этом случае формы без перегласовки произносились без редуцированного.

Указанные случаи, когда пишется перегласованный редуцированный при отсутствии условий для перегласовки, в противовес правильно выраженной перегласовке на письме, свидетельствуют об исчезновении редуцированного в произношении, например, *сѣтворити, зѣло* (неоднократно в Супрасльской рук.). Случаи с ассимиляцией согласных типа *кѣнникѣуни Мар., Матф., 23, 14* (к вместо г) также предполагают произношение без редуцированного (ср. *кѣнникѣуни Супр., 135, 25*); ср. *ѡташѣуени, юшьскаѣ Добр. ев. Формы ѡдѣнелиже Мар., Матф., 9, 21, ѡдѣлкѣ Син. пс., 17, 16*, Кульбакин объясняет аналогией с *грѣдѣ, родѣ, падѣ* (Mlunvice, 86; Le vieux slave, 210).

В русском языке падение редуцированных в слабом положении произошло значительно позже, чем в древнеболгарском. Многие случаи падения редуцированных в церковнославянских памятниках русской редакции восходят к древнеболгарским оригиналам.

Интересны отношения в Остромировом евангелии. Там, начиная с 17 листа, кроме *в'сѣмоу, ѣ* и *ѣ* опускаются по 1 разу на 19 листе только в словах *п'тица, -ждѣ, сребро, сребръникѣ* и один раз в *с'творѣж (112)*, тогда как на первых 16 листах встречаются: 5 раз *в'с-* и 2 раза *вс-*, 7 раз *ствѣр-*, 2 раза *кинг-*, 1 раз *тъкмѣ*. Несомненно, что большая вторая часть в этом отношении восходит к особенно консервативному древнеболгарскому оригиналу; однако некоторые опущенные редуцированные в русских памятниках могли быть восстановлены.

4. Перегласовка редуцированных. Это название употребляется для таких случаев, когда под ассимилирующим влиянием соседних звуков *ѣ* переходит в *ѣ* или *ѣ > ѣ*. Явления перегласовки свойственны только древнеболгарскому, однако имеются некоторые случаи, когда перегласовка происходит и на восточнославянской почве, что позволяет предположить праславянскую перегласовку; например: ст.-слав. и др.-русск. *вѣдова* < **vъdova*; несколько случаев такого рода будет рассмотрено ниже¹.

¹ Общеслав. *dъska* < герм. **diskaz* < лат. *discus* имеет скорее не праславянскую перегласовку, а фонетическую субституцию; то же относится и к *сѣлазѣ* (см. § 17, п. 1); причиной этого было произношение германских *d, k* перед *i*, отклоняющееся от обычного славянского произношения.

О теории Лескина относительно древнеболгарской перегласовки (бърѣти = *brat'i, въ сѣбѣ = *v's'eb'è и т. д.) см. стр. 153. Для древнеболгарского эта теория предполагает более сильное смягчение согласных перед гласными переднего ряда, чем оно было в действительности; см. стр. 71.

При рассмотрении перегласовки мы различаем следующие случаи:

а) редуцированный находится в слабой позиции; перегласовку вызывает последующий гласный (вънѣти, възьмѣ, бърѣти);

б) редуцированный в слабой позиции; перегласовка вызывается губным согласным (тъмѣ);

в) редуцированный в сильной позиции (въ ѿѣ);

г) редуцированный в средне-сильной позиции (въ ѿѣже);

д) перегласовку вызывает предшествующий гласный (въздѣна, сѣдѣбѣ).

О влиянии предшествующих шипящих (š и т. д.) на редуцированные см. выше, п. 1. Это тоже своего рода явление перегласовки, однако оно обычно рассматривается отдельно, ибо шипящие (š и др.) оказывают более сильное воздействие, чем другие факторы перегласовки, указанные выше.

а) Перегласовка слабых редуцированных под влиянием последующего гласного. Эта перегласовка встречается во всех древнеболгарских памятниках (кроме Киевских листов; см. выше, стр. 135), поскольку они с известным постоянством различают ь и ѣ. Для изучения явлений перегласовки не имеют никакого значения Ассеманиево евангелие¹, листки Ундольского, Македонский кириллический листок и те части Синайской псалтыри, которые употребляют исключительно или почти исключительно ѣ.

Кульбакин не считает доказанным наличие перегласовки и для оригинала Синайской псалтыри. Но, несомненно, что

¹ Ассеманиево евангелие, правда, различает оба редуцированных; и в таких случаях, как въ мѣнѣ ..., въ тебѣ ..., въ писѣ *Иоанн, 17, 21*, можно предположить перенесение без изменения фонетически закономерных форм из более старого оригинала; но писец этого кодекса вряд ли воспринимал различие между редуцированными, вследствие чего для исследования вопроса о редуцированных этот кодекс не дает подходящего материала.

оригинал Зографского евангелия знал перегласовку в широком размере. Об этом свидетельствует преобладание в последней части кодекса таких форм, как *въ слѣдѣ, въ цѣсарствѣ* (см. выше). Если иметь в виду указанные факты, то можно признать, что древнейший старославянский язык знал до некоторой степени перегласовку; поэтому отсутствие ее в Киевских листках можно рассматривать как позднейшее явление мораво-паннонского церковнославянского языка, вызванное влиянием местных диалектов; однако ни доказать, ни опровергнуть наличие перегласовки в языке Кирилла и Мефодия нельзя, ничего нельзя сказать также и об объеме предполагаемой перегласовки. Для Остромирова евангелия можно предположить консервативный древнеболгарский оригинал без перегласовки, но отсутствие перегласовки может быть и русизмом; см. стр. 55.

Явления перегласовки в разбираемой категории зависят не только от следующего гласного, но также и от согласных, оказывающих тормозящее или, наоборот, усиливающее влияние. Уже было отмечено, что после *ш, ж, шт, жд, ч, ц, з* характер редуцированных зависит только от этих согласных; далее заднеязычные согласные не допускают следующего *ь*: *къ съвъ* и т. д.; если в Ассеманиевом евангелии часто находим *ьъ*, то это свидетельствует только о полном разрушении старой системы редуцированных. *ѣ, ѱ, ѱ̆*, оставаясь мягкими, сохраняют после себя только *ь*. В большинстве же памятников *ъ* после *с* не переходит в *ь* (*съскро, съ ѱньмь*; напротив, со старым *ь* : *сьде*), однако Супрасльская рукопись имеет *съ* из *съ* перед гласными переднего ряда. Наиболее подходящими для следующего *ь* были губные согласные, вследствие чего мы везде находим формы *ьннѣ, ьнѣ, ь ѱньмь* и т. д. Что касается согласных, стоящих после редуцированных, то в Зографском евангелии представлены следующие отношения: заднеязычные согласные препятствуют переходу *ъ* в *ь*, губные также задерживают его (*р* меньше, чем *в, м, б*). Зубные наряду с *с, щ* допускают или даже вызывают этот процесс (в противоположность *ѣ, ж, шт*), также *л, н, г*; чаще всего вызывает его *п'*. Эти отношения не одинаковы для всех памятников, и общая картина становится еще более пестрой оттого, что в большинстве форм на редуцированные воздействует

не один изолированный фактор. Все факторы действуют совместно или противодействуют друг другу; во многих случаях в результате этих воздействий появляется средний звук, который можно обозначить как ѡ и ѣ; так, слово *мъда* и его падежные формы в Зографском евангелии встречаются одинаково часто как с ѣ, так и с ѡ. Но наряду с предположением о среднем звуке надо учитывать в таких случаях также и возможность смешения нескольких редакционных слоев.

Группу слов с довольно правильной перегласовкой образуют глаголы *върати*, *дѣрати*, *зѣдати* и т. д., с одной стороны, *въдѣти* — с другой; слова *вънѣ*, *дѣвѣ*, *мѣнь* образуют такую же группу; может быть, при этом играли какую-то роль ритмические и количественные факторы. Вопрос не становится яснее, если мы попытаемся решить, как действуют перегласованные гласные — непосредственно или через посредство предшествующих согласных. Зографское евангелие имеет постоянно *въ ѡю-* (6 раз), относительно часто *възѡю-* и *въ ѡм(жѣ)*, в то время как ѡ, ѡ перед гласными переднего ряда более регулярно имеют впереди себя ѣ из ѡ; это объясняется прямым воздействием гласных; но в других говорах более значительным было влияние согласных; так, Саввина книга имеет постоянно *въ ѡю-* и почти всегда *възѡю-*. При сравнении памятников можно констатировать предпочтение в некоторых текстах ѡ, а в других ѣ; больше других употребляют ѣ Саввина книга и Супрасльская рукопись; в Супрасльской рукописи даже *съ* переходит в *съ*. Несомненно, что ѣ предпочитали больше всего в восточноболгарском наречии. О дальнейших подробностях см. у Лескина в „Лейпцигских известиях“ („Leipziger Berichte“) за 1875 г. и „JA“, XXVII, а также нашу работу в „JA“, XXXVII, XXXIX, XL. Точка зрения Кульбакина (Jф., V, 71—82) значительно отклоняется от нашей. О слабо развитой перегласовке в Зографских листах см. „Revue“, VI, 28.

Вопрос заключается в том, как объяснить отсутствие перегласовки ѡ > ѣ после веларных и, в большинстве текстов, после s. Можно думать, что перегласовки нет после тех согласных, которые не могли подвергаться легкой палатализации, предполагаемой многими исследователями для согласных перед всеми гласными переднего ряда. Мы

считаем эту полумягкость (слабую палатализацию) недоказанной (см. стр. 71) и полагаем, что и перегласовка редуцированных ее не доказывает.

При таком объяснении обращают внимание на сочетания *къ, гъ, хъ*, а затем упоминают о форме *рън*, господствующей в Клоцовом сборнике (6 раз, *рън* 1 раз). *ъ* в этой форме можно объяснить отверждением *г* (конечно, можно допустить и произношение *г*), но при *съ* отношения уже иные, поскольку в форме *съдс* и подобных сохраняется исконное звуковое сочетание *съ* в таких памятниках, как Зографское евангелие, которые не знают перегласовки *съ > съ*. Но во всяком случае в древнеболгарских говорах существовала тенденция заменять сочетание *съ* сочетанием *съ*: в Зографском ев. пишется *съсъци Лука, 23, 29, осъли Иоанн, 12, 15, дънесъѣаго Матфей, 11, 23*, а в Мариинском ев. и в Саввиной книге *съдс* пишется даже чаще, чем *съдс*. Положение здесь неясно.

б) Перегласовка при лабиализации. *ь* в слабом положении перед губным согласным (может быть, только *м*) + + гласный переднего ряда переходит в *ъ*. Наличие *ъ* перед гласными заднего ряда (*тъма, тъмъ, възмъ, възмъ* и т. д.) можно приписать влиянию этих гласных. Для таких слов, как *тъмъ, възъмъ, -ѣте, -еши, -етъ, -емъ, -ете* и подобных форм от *вънати, изати, отати*, а также для слов *сънъмиште, сънъмъ, сънъми* (падежные формы от *сънъмъ*), это объяснение не подходит; нельзя также объяснять наличие *ъ* в приведенных формах аналогией с другими формами в данной парадигме, так как в других словах такая аналогия не действовала (ср. *дъва : дъвъ, мъножъ : мънъ*). Эта перегласовка перед губными согласными очень часто встречается в Зографском, Мариинском ев., Клоцовом сборнике, Синайском требнике, Синайской псалтыри, Саввиной книге (Ассеманиево евангелие должно остаться вне рассмотрения). В Синайском требнике и в Клоцовом сборнике перегласовка встречается во всех рассматриваемых формах; напротив, она совершенно отсутствует в Супрасльской рукописи, что, вероятно, стоит в связи с нелабиализованным произношением *ъ* в этом говоре. В большинстве памятников употребляется то *ъ*, то *ь*; в какой степени это связано с различными редакционными наслоениями, а в какой с произношением, средним между *ъ* и *ь*, решить трудно.

Перегласовка, рассмотренная в пункте а, является, по видимому, более древней, чем перегласовка перед губными. Отношения по времени к другим явлениям перегласовки не во всех говорах были тождественными. Наличие во многих памятниках таких форм, как **възъмѣть** или **възъмѣтъ**, указывает, очевидно, на приоритет перегласовки, рассматриваемой в п. г, сравнительно с перегласовкой перед губными (см. также „JA“, XXXVII, 348 и сл.); во всяком случае, такие формы не встречаются в Клоцовом сборнике и Синайском требнике, их нельзя также принять и для оригинала Зографского евангелия (см. п. г); в говоре этого кодекса относительная хронология была иной. Ср. также тип **вонѣмъ** (см. п. г).

в) Перегласовка в сильной позиции. Самый известный пример — это **въ ѿъ** в Супрасльской рукописи, в противоположность **въ ѿъ**, **во ѿъ** других кодексов. В Синайском требнике также несколько раз встречается **въ нь**, причем в одном ряду стоят **дѣждѣ**, **плѣтъ** (наряду с **плѣтъ**), **цѣльвъ**, **любѣвъ**; выше мы указывали, что им., вин. п. **плѣтъ** не является формой, возникшей по аналогии с косвенными падежами (см. стр. 144). Приведенные формы показывают, что в некоторых говорах (но не в говорах Синайской псалтыри, где пишется **плѣтъ**, **воплѣтъ**) **тъ** перед **ь** иногда так сильно отклонялся от обычного типа произношения, что мог перейти не в о, а посредством перегласовки в ѡ. Так же должны быть объяснены и формы Супрасльской рукописи: **крѣвъ** (22 раза; **крѣвъ** — 6 раз, напротив, в твор. п. **крѣвинѣ**, **-ѣтъ** — 9 раз: **крѣвинѣ** — 2 раза), **плѣтъ** (только так; в косвенных падежах наряду с **лъ** — редкое **лѣтъ**), **воплѣтъ**. Известно, что Супрасльская рукопись в общем указывает на предпочтение ѡ, поэтому там находим **лѣвъ**, **-а** и т. д. без перегласовки. Саввина книга также имеет **плѣтъ** (1 раз)¹; **плѣтъ** — 4 раза, **плѣти** (1 раз), **воплѣтъ** (2 раза; только так; также *Асс., Матф.*, 25, 6), **крѣвъ** (5 раз; только так). В словах **крѣвъ**, **плѣтъ**, **плѣтъ** можно, конечно, предполагать **г**, **ѣ**, перенесенные из косвенных падежей (этот процесс изменения по аналогии происходит главным образом перед концом древнеболгарского периода); для **воплѣтъ** (ср.-болг. также **всплѣтъ**; см. Лавров, Обзор, 39) также предполагают перенесение ѡ из

¹ Так же как и Зографское и Марининское евангелия; см. стр. 145.

других падежных форм, но более вероятно, что во всех этих случаях была фонетически закономерной перегласовка сильного редуцированного (см., однако, § 28, п. 6.). Во всяком случае, есть примеры, где следует предполагать перенесение перегласованного редуцированного на другие формы той же основы или корня: *вѣдръ* — по 2 раза в Мариинском и Зографском ев. (в Мариинском 1 раз с конечным *-ѣ*) и 1 раз в Ассеманиевом ев., *вѣдрѣно* — в Синайском требнике 58а, 3; ср.-болг. *вѣдръ* вместо *вѣдрѣ*, вероятно, образовано по аналогии с наречием *вѣдрѣ*, а может быть, с глаголом *вѣдѣти*. В слове *дѣбрь* *Зогр., Мар., Сав., Син. пс., дѣбрь* *Асс.: дѣбрь* *Остр., Супр.,* мена *ѣ-ѣ* не ограничивается только болгарским. Также и в *трѣсть* (*Зогр., Сав., Супр., Син. тр., Остр.;* *Мар. ев.* имеет 3 раза *трѣсть*, *трѣсти*, в противоположность им *трѣстьѣ*, *трѣстьѣмъ*, встречающиеся по 1 разу в Мариинском ев., и *трѣстьѣ* в VI части Синайской псалтыри, являются, вероятно, вторичными формами), *трѣстиѣмъ*, *-нѣ* *Син. тр.* вне древнеболгарского также имеет как *ѣ*, так и *ѣ*; в этих словах мы находим очень старую не только болгарскую, но, может быть, и праславянскую перегласовку, условия которой вряд ли можно точно установить¹; в обоих словах всего вероятнее исконный *ѣ*. Такая же еще не объясненная двойственность встречается в общедревнеболгарском, а также и в среднеболгарском *врътъѣ*, *-ѣнѣ*: русск. *вертеп*, в *Остр. ев.* *врътъѣ*. Предположение, что *ѣ* проник сюда из косвенных падежей, где он появился вследствие правильной перегласовки, недостаточно для объяснения *-тъѣ* (*-ѣнѣ*) старославянского языка.

г) Перегласовка средне-сильных еров. Особенно ясно видна эта перегласовка в Мариинском евангелии и в Саввиной книге, где возникает резкое противопоставление между *во ѣнѣ*, *въ ѣнѣ* и *въ ѣнѣже* и где встречаются многочисленные формы типа *въ вѣси*, *въ дѣнѣхъ*, *възыметь*, *възыпити* (здесь и второй *ѣ* восходит к *ѣ*), *възырѣти*, *въпыеть*, *възынѣ*. Эти формы также очень употребительны в Супрасльской рукописи, реже в Клоцовом сборнике (*въпыеть* — 2 раза; *възынѣ*, *-пынѣтъ*, *-пынѣше*; *възыметь*; *въсьѣвъ*, однако *възырѣ* и *въ пынѣже* наряду с *въ нынѣже* — по 1 разу) и в Синайском требнике (*възыпынѣ*, *-възылго*; *възырѣвъ* и некоторые другие). Синайский требник имеет,

¹ Можно предположить и чередование гласных.

несомненно, только *вънѣмн*, *възѣмѣтъ* и т. д., что указывает на хронологический приоритет перегласовки с губным ш; то же относится и к Клоцову сборнику (*възѣмѣтъ*, *въ тѣмѣ*); нужно обратить внимание на последовательное проведение перегласовки с губным именно в этих двух памятниках. Напротив, формы *възѣмѣтъ*, *възѣмѣтъ* и т. д. других кодексов заставляют предполагать приоритет перегласовки средне-сильного редуцированного. В Мариинском евангелии мы видим такое смешение форм с *възѣ-*, *възѣ-*, *възѣ-*, что невозможно разобратся во всех подробностях этого явления. Форма *възѣръвъ* Охридского евангелия недостаточна для суждения об относительной хронологии перегласовки в данном кодексе. Синайская псалтырь имеет форму *възѣръ* наряду с *възѣръ*, *възѣръ*, *възѣръ*; о дальнейшем см. выше, п. 2. Примечательно Зографское евангелие с его шестью формами *възѣръ Марк, 14, 3*, *възѣтъ Марк, 2, 22*, *възѣмѣтъ Матф., 13, 12*, *възѣмѣтъ Матф., 11, 29*, *възѣмѣтъ Марк, 15, 24*, *възѣмѣтъ Матф., 15, 33* и неясное чтение *възѣмн* или *възѣмн Марк, 15, 34*; оригинал имел, несомненно, только *възѣмѣтъ*, *сънѣмѣмѣ* и т. д.; то, что говор оригинала фактически здесь не знал перегласовки, подтверждается написанием *въ слѣдѣ* и т. д. (см. выше стр. 156), указывающим на широкое и последовательное обозначение перегласовок в оригинале; ср. отношение в Клоцовом сборнике и в Синайском требнике.

На основе сравнения памятников создается следующая картина: говор оригинала Синайской псалтыри имел, повидимому, очень ранний переход *ъ > о* в слове *вънѣмн* и т. д., так что в третьем от конца слоге уже не могла произойти перегласовка по палатальности; *вънѣмн 74, 14*, *възѣръ 676, 8* и подобные проникли, вероятно, из более позднего редакционного слоя; в Клоцовом сборнике, Синайском требнике находим говоры, в которых перегласовка по мягкости средне-сильного редуцированного хотя и представлена, но является более поздней, чем перегласовка перед губными; более ранняя ступень этого диалекта, может быть, проявляется в оригинале Зографского евангелия. Напротив, в говорах Мариинского евангелия и Саввиной книги перегласовка перед губными, очевидно, была более поздней; в Супрасльской рукописи перегласовка совершенно отсутствует. Формы типа Мариинского ев. и Саввиной книги

встречаются и у писцов Зографского ев., а также в некоторых частях Синайской псалтыри; и, наоборот, в Марининском ев. существуют некоторые формы типа *возъми*. В новоболгарских диалектах, именно в говорах юго-восточной Македонии и Софийской области, встречаются еще и теперь формы с *vez-* (например, макед. *vezmeš*, i; соф. *veze*).

В словах *врѣньъ* *Клоц. сб.*, 926, *Син. пс.*, 52, 10, *врѣньсьмъ* *Мар.* редуцированный ведет себя как редуцированный в слабом положении; ср. *Клоц. сб.*, *Мар. рѣци*, -и. Наряду с этим находим *врѣнье* *Клоц. сб.* и 3 раза *Мар.*; *врѣние* *Мар.* — 1 раз; предположение, что *рѣ* *Клоц. сб.* и *Мар. ев.* вызывается своего рода редукцией перед тяжелым окончанием, имеет право на существование, но не может быть доказано. *врѣн-* встречается также в Синайском требнике и в Синайской псалтыри; в Зографском ев. и Супрасльской рукописи — только *врѣн-*.

Здесь должны быть рассмотрены еще три слова: *рѣпѣтъ*, -ати; *тъпѣкъ*; *врѣвъно*. Марининское евангелие имеет 1 раз *роптаахъ*, в остальных случаях — *рѣпѣ*, *рѣпѣ* (только перед шт, џ), *рѣп-*, Зогр. — 7 раз *рѣпѣ*, 1 раз *рѣпѣ*, Зогр. б — 1 раз *рѣп-*, *Клоц. сб.* — 1 раз *рѣпѣ*; *Син. пс.* — 2 раза *по-ропѣ*, напротив, *Син. тр.* — *рѣпѣтаніе*; в Ассеманиевом евангелии как *рѣ-*, так и *рѣ-*. Древнепольская форма *rzeptaufcszy* (библия королевы Софии; наряду с этим встречается *reptal*; ср. новопольск. *reptaś*, чешск. *reptati*, русск. *роптать*) дает возможность предположить, что *рѣпѣтаніе* Синайского требника и *рѣпѣтаахъ* Зографского ев. сохранили праславянское *ь* и что *гъръ* в праславянском или в отдельных языках при известных условиях (повидимому, в формах от основы инфинитива **гърѣа-*) возникло из *гъръ-*; см. также § 28, последний абзац. В слове *тъпѣкъ* (*тъпѣуаъ* *Супр.*, 546, 4; та же основа и в новоболгарском наряду с *тенки*; см. Лавров, Обзор, 37, 39), др.-русск. *тъпѣкъ*, совр. русск. *тонкий* находим встречающийся вне болгарского языка переход *ь > ѣ*; вероятно, толчком к этому переходу послужил звук *t*; в древнеболгарском следовало бы ожидать прежде всего *ѣ* в неопределенной форме им.-вин. п. ед. ч. Однако при употреблении основы *тъпѣк-* как в русском, так и в болгарском языках играли роль формы с полным ударным гласным в конце слова. При слове *врѣв(ъ)но*, -на *Мар.*,

бръвъно, -на и бръв(ъ)но, -на *Зогр.*, бръв(ъ)но, -на *Сав. кн.* исходят также непосредственно из *bъgvъno; см. также Бернекер, *Этим. словарь*, I, 92.

д) Прогрессивная перегласовка. В Синайской псалтыри во многих местах засвидетельствовано слово *сждьба*; во всех падежах оно пишется только с ъ: *сждьба*, -ѣѣ, -ѣѣ, -ѣѣ и т. д.; род. п. мн. ч. представлен формой *сждьбѣ* (5 раз); то же наблюдается и в среднеболгарских памятниках. Более вероятным, чем предположение об образовании по аналогии (-ѣѣ по аналогии с -ѣба и т. д. вместо -ѣѣ; затем -ѣѣ > -обѣ; см. Мейе, *Etudes*, 114), является предположение о прогрессивной ассимиляции во всех падежах, при которой и губной ь действовал побуждающим образом, но последнее предположение вовсе не необходимо.

Аналогичное положение имеем в слове *вездьна*; в нем ъ переходит в ь через посредство е: Синайская псалтырь имеет 1 раз *вездьнѣ* в родительном падеже мн. ч. и 2 раза *вездьнѣ*, в остальных падежах — по 2 раза ъ (в VI и X₂ частях) и 3 раза ь. В Маринском ев., Зографском, Клоцовом сб., Ассеманиевом ев. употреблено по 1 разу *вездьнѣ*, в Саввиной книге — *вездьнѣ*, также и в Супрасльской рук. 153,30 — *вездьнѣ* (*вездьнѣ* в Шестодневе Иоанна Экзарха), *вездьнѣ* *Супр.* 77,5/6, *вездьнѣ* *Син. пс.*, 45,13, *вездьнѣ* *Син. тр.*, 4а, 8 — во всех этих случаях фонетически закономерен ь и развивавшееся из него е.

Итак, перегласовка имела место перед слабым редуцированным или ъ напряженным, а затем по диалектам новый ъ или ь переходил в о или е. Подобную перегласовку показывает среднеболгарское *пѣтъсь* (< рѣтъсь), а также, вероятно, *изъвоу* *Зогр.*, *Марк.* 7,18. Количество примеров недостаточно для определения условий, в которых имело место это прогрессивное воздействие; не хватает материала и для уточнения географического распространения рассматриваемого явления.

5. Позднейшие изменения редуцированных. Неправильное употребление редуцированных, не опирающееся на известные нам правила, могло быть вызвано (поскольку это не ошибка писца) тем, что писец или уже не произносил редуцированных, или его говор основывался на звуковом совпадении этих редуцированных. Нельзя решить, что явилось причиной для каждого от-

дельного случая, так как часто трудно определить отношение отдельных писцов к их оригиналам.

В таких случаях, как глась *Клоц. сб.*, 425, крестьянь там же, 142, написание -ь можно объяснить, вероятно, утратой его в произношении, однако у нас нет оснований предполагать исчезновение различия между ѣ и ь для этого памятника; напротив, в некоторых частях Синайской псалтыри (II, IV, VI), в Ассеманиевом ев., в листках Ундольского и в Македонском кириллическом листке представлены уже среднеболгарские отношения редуцированных (см. стр. 135); в языке писцов других кодексов, например, Мариинского ев., мы можем также предположить более позднюю ступень развития, чем та, которую они стремились отразить в своем письме.

Особенно следует обратить внимание на мену редуцированных в конце слова после m, хотя и здесь не всегда ясно, произносились они или нет. К праславянскому -тъ восходят окончания именных и местоименных основ творительного падежа ед. ч. м. и ср. р., местоименных основ местного падежа ед. ч. м. и ср. р., 1 лица ед. ч. нетематического настоящего времени и условного наклонения бимь; в старославянском языке вместо этого окончания довольно часто встречается -мъ; если же, наоборот, мы встречаем в дательном падеже мн. ч. и в 1 лице мн. ч. окончания -мь вместо -мъ, то здесь нельзя предполагать изменения произношения, так как написание -мь вместо -мъ можно отнести за счет неуверенности писца в графике. Но, с другой стороны, в качестве примера действительной перегласовки -тъ > -тѣ в некоторых говорах можно привести такие формы, как *въмѣ-и Асс.*, *Иоанн.* 8,55, *прѣдѣмѣ-и Супр. рук.*, 407, 28 (: *прѣдѣмѣ-и Клоц.*, 171/2). Однако эти формы не являются вполне убедительным доказательством перегласовки. Между грамматическими категориями с праславянским -тъ в отдельных памятниках нет полного параллелизма. В Саввиной книге в именной флексии преобладает -мъ после -о- и -мь после -в-, -ь-, напротив, в местном падеже местоименных основ после гласных заднего ряда (*томь* и т. д.) находим 17 раз -ь и только 3 раза -ъ¹.

¹ После гласных переднего ряда цифры будут иные, а именно: 77 и 2.

В Супрасльской рукописи 1 лицо ед. ч. почти везде пишется с -ѣ (жсѣ, дамѣ, имамѣ, вѣмѣ — всего 144 раза, юсѣ, вѣмѣ — всего 11 раз), в то время как именные падежи на -мѣ встречаются относительно часто. Зависимость от предшествующего гласного ясно видна только в Саввиной книге (а также в Остромировом ев.); во всяком случае, приведенные из Супрасльской рукописи формы 1 лица ед. ч. нетематического спряжения указывают на тормозящее действие гласного переднего ряда. В Маринском евангелии (для которого Бузук предполагает такие же отношения, как и для Саввиной книги), Ассеманиевом ев., Супрасльской рукописи преобладает довольно нерегулярная мена редуцированных; в некоторых частях Синайской псалтыри старые отношения уже нарушены; Клоцов сб. еще не совсем отошел от первоначального состояния; это относится и к формам склонения в Синайском требнике, но здесь мы постоянно находим ссмѣ, нѣсмѣ (1 л. ед. ч.), всего 7 раз; напротив, только по 1 разу встречается испокѣмѣ и вимѣ. Лучше других, наряду с Киевскими листками, сохраняет старые различия Зографское ев. (за исключением Зогр. б). Отношения в отдельных памятниках (особенно в Саввиной книге) помогают представить, из каких отдельных сложных процессов складывалось происходившее в древнеболгарский период взаимное сближение редуцированных и их последующее совпадение.

После других согласных, кроме *m* (и шипящих звуков, рассмотренных в п. 1, к которым мы теперь не возвращаемся), в некоторых памятниках можно констатировать неправильное употребление редуцированных, которое указывает, как уже было отмечено, на постепенное совпадение редуцированных или на их утрату, причем, несомненно, не остается никаких следов исчезнувшего *ѣ* в виде смягчения предшествующего согласного. В Маринском евангелии несколько раз встречается плѣтъ, пѣтъ, вѣсъ, также съ; вероятно, здесь все же произносился редуцированный, если слова эти не были энклитиками (ср. также съде; см. выше). Часто находим как *крѣвъ*, так и *крѣвь* (по 6 раз), кроме того, один раз *крѣъ* и отдельные формы на -нѣ, -стѣ, -лѣ, только в слове *гѣ* (т. е. *господѣ*) пишется чаще -ѣ, чем -ѣ, что Лескин объясняет влиянием косвенных падежей *господа* и т. д. („JA“, XXVII, 337). Это кажется правдо-

подобным; весьма удивляет, что в Клоцовом сборнике, где из 10 примеров 8 имеют форму *гъ*, в родительном падеже лишь дважды употреблено *гѧ*, напротив, 4 раза *гѧ* и 1 раз *гѧ*, а в дательном — только *гѧ*, *гѧ* (2 раза). О таких случаях в Саввиной книге и в Синайском требнике, кроме „Рассуждения“ Щепкина и „Jaz. rozbor“ Ланга, см. также Лескина, цит. соч., 24 и 37; о Клоцовом сб., Супрасльской рук., Хиландарских листках, Новгородском листке, Слуцкой псалтыри см. Лескин, „Berichte“, XXVII, Leipzig, 1875 и далее введения к этим изданиям. В целом в отдельных памятниках находим одинаковые сочетания, кроме случаев, где последние различаются между собой. Наиболее консервативным из памятников наряду с Киевскими листками является Зографское евангелие. О среднеболгарском сочетании см. Лавров, Обзор, 101 и сл.

Случаи со вставкой вторичного редуцированного (кроме рассмотренных в § 14 заимствованных и иностранных слов) являются более поздними, и вряд ли можно решить для каждого отдельного примера, в какой мере эта вставка обусловлена графикой. Поэтому можно предположить, что писец Македонского кириллического листка форму *съвъзда* произносил фактически с кратким гласным, повидимому, как *dz'vĕzda*. Здесь можно провести сравнение также с французским *e muet*.

ЛИТЕРАТУРА:

Общее, праславянское и древнейшее старославянское произношение еров. A. Havlík, K otázce jerové v staré češtině, „LF“, XVI, 1889, стр. 45—48, начало статьи.— J. J. Mikkola, Berührungen, стр. 40 и сл.; Ursl. Gr., I, стр. 37—41.— Б. Ляпунов, Синод. спис. и др., „Изв.“, XXIX, стр. 60.— В. Ягич, „Die irrationalen Vocale“, „JA“, XXII, стр. 553—560.— A. Meillet, Etudes, стр. 118—120; „Revue“, II, стр. 208; Slave c., стр. 94—97.— А. Томсон, „РФВ“, LIII, стр. 247; „Zschr.“, II, стр. 382—388 и др.— Б. Цонев, Добрейш. ев., стр. 27 и сл.— J. Rozwadowski, EP, II, стр. 343, 367; Rozwój pierwotnego wygłosowego -os w słowiańskim i t. z. pierwsza wokalizacja jerów, „RS“, VII, стр. 14—18, 22 и сл.; Gr. J. P., стр. 113, 117 и сл.— А. Шахматов, Очерк, стр. 14 и сл.— N. van Wijk, Welchen Lautwert hatten *ъ*, *ь* in der Periode der abg. Texte? „JA“, XXXVII, стр. 330—350.— Г. Ильинский, Прасл. гр., стр. 62—65.— Ф. Фортунатов, Лекции, стр. 43—45; Краткий очерк сравнительной фонетики и.-евр. языков, Петроград, 1922, стр. 97—130.—

M. Weingart, Praslov. vok., стр. 25—27.—I. Bărbulescu, Nașterea individualității limbii române și elementul slav, „Arhiva“, XXX, Iași, 1923, 1—24, 122—147, 241—256; XXXI, 1924, стр. 81—101, 161—176; XXXII, 1925, 81—89, 162—178; XXXIII, 1926, стр. 1 и сл., 81 и сл., 161—177; об этом А. Rosetti, „Revue de linguistique romane“, III, Paris, 1927, стр. 224 и сл.—E. Sievers, Verstexte, II.—J. Melich, Beiträge zur Geschichte der bulgarischen Halbvokale, Сборник-Златарски, стр. 123—129.—Весьма любопытное для древнеболгарского находим и в статье о подписи Ана Ръина: E. Gamillscheg, „Zschr.“, IV, стр. 141 и сл.; V, стр. 136—138.—M. Vasmer, „Zschr.“, IV, 142 и сл.—R. Ekblom, Ана Ръина. Eine Namensunterschrift der Enkelin des schwedischen Königs Olov Skötkonung, Uppsala, 1928.—А. Томсон, „Zschr.“, V, стр. 392 и сл.

Редукция о > ъ, е > ь: Ф. Фортунатов, „KZ“, XXXVI, стр. 35 и сл.—В. Поржезинский, „JA“, XXIX, стр. 416 и сл.; „Pr. fil.“, X, стр. 133 и сл.—Г. Ильинский, Die Reduktionsstufe in den Wurzeln ohne Sonanten in den slav. Sprachen, „JA“, XXXIV, стр. 1—16 (эти исследователи предполагают индоевропейскую редукцию в широком объеме; литературу по этому вопросу см. у Ильинского, а. а. О. и у В. Вондрака, Vgl. Gr., I, изд. 2, стр. 61; кроме того: H. Guntert, Idg. Ablautprobleme, Straßburg, 1916, стр. 87—89).—E. Sievers, Verhandlungen der Leipziger Philologenversammlung, 1872, стр. 192; об этом „JA“, XXVII, стр. 142.—В. Ягич, „JA“, I, стр. 22 и сл., 29 и сл., 49 и сл.—R. Scholvin, „JA“, II, стр. 558—560.—Б. Ляпунов, „Изв.“, III, стр. 1173—1179; Синод. спис., стр. 50—54, 107—117.—Е. Бернекер, „РФВ“, XLVIII, стр. 232 и сл.—H. Pedersen, „KZ“, XXXVIII, стр. 418—421.—M. Rešetar, Zum Umlaut e: ъ, „JA“, XXVI, стр. 571—574.—M. Weingart, „CMF“, II, стр. 396.—A. Meillet, „MSL“, XIX, стр. 282—289.—E. Fraenkel, „IF“, XLI, стр. 409—413.—J. Rozwadowski, Gr. J. P., стр. 119 и сл.—N. van Wijk, „JA“, XLI, стр. 117—121.

Работы общего характера о старославянских редуцированных: A. Leskien, Die Vocale ъ (ü) und ь (i) in den sogenannten altslovenischen Denkmälern des Kirchenslavischen, „Berichte“, XXVII, Leipzig, 1875, стр. 35—137; Noch einmal ѝ und ь in den aksl. Denkmälern, I. Das Sava-Evangelium, II. Das Euchologium Sinaiticum, „JA“, XXVII, стр. 1—40; Гласные ъ, ь в Зографском и Маринском кодексах, там же, стр. 321—349; Гласные ъ и ь в Супрасльском кодексе, там же, стр. 481—512.—A. Meillet, Remarques sur l'origine de l'altération de *i* et *u* brefs en slave, Etudes, стр. 107—126 (и др. о старослав.).—N. van Wijk, Zu den altbulgarischen Halbvokalen, „JA“, XXXVII, стр. 330—377; XXXIX, стр. 15—43; XL, 22—43.

Об употреблении редуцированных в отдельных памятниках: В. Ягич, Studien über das altslov.-glagol. Zographos-Ev., „JA“, I, стр. 1—55; II, стр. 201—269.—Ю. Петровская, К вопросу о мене глухих в старославянских памятниках. Мена глухих в Синайской псалтыри, „Изв.“, XXI, 1, стр. 279—319.—С. Кульбакин, Полугласници у Синајском Псалтиру, „J. фил.“, V, стр. 69—82.—О Маринском ев., Синайском требнике и Саввиной книге см. соответствующие разделы в работах Бузука, Ланга и Щепкина, указанные в списке литературы к § 6.—О Клоцовом сборнике и не-

больших памятниках см. „Введение“ к этим изданиям, о Клоцовом сборнике см. также А. Meillet, *Etudes*, стр. 123—126.—О Супрасльской рук.. W. Vondrák, *Über einige usw.* и др.; С. Обнорский, Глухие в сочетании с плавными в Супрасльской рукописи, „Изв.“, XVII, 4, стр. 333—384—А. Marguliès, *Suprasl.*, стр. 38—47.

ѣ и т. д.: В. Ягич, „JA“, I, стр. 45—48.—В. Щепкин, Рассуждение, стр. 150—169.—С. Кульбакин, „Revue“, II, стр. 191 и сл.—Б. Лянунов, „JA“, XXXIII, стр. 531—533—ѣ и т. д. в древнерусских памятниках: Н. Дурново, „J. фил.“, VI, 22 и сл.

Изменение в сильной позиции (в связи с новоболгарскими отношениями): В. Облак, „МСб“, XI, стр. 550—567; „JA“, XVI, стр. 184—197; XVII, стр. 430—432.—В. Ягич, Ев. Добр., I, 46—50; II, стр. 112.—В. Щепкин, Сборник, LXIV, № 10, 42—57 и др.; „Изв.“, II, 224 и сл.; Рассуждение, IX—XI, XV—XVII, стр. 94—113; Бол. пс., стр. 86—110; Учебник р. пал., стр. 111 и сл.—Л. Милетич, *Ostbulg.* и др.; *Rhodopetaa* и др.—Б. Цонев, Диал. студии, стр. 13 и сл., 36, 46 и сл.; Добрейш. ев., стр. 27—32, 46—55.—J. Rozwadowski, „RS“, VII, стр. 14—18, 22 и сл.—S. Agrell, *Zur Frage über die Reflexe von idg. -os, -om im Slavischen*, *Slavische Lautstudien*, Lund, 1917, стр. 89—116.—А. Селищев, Очерки, I, стр. 20—38.—С. Кульбакин, Охр. рук. Ап., LXXXV—XCII; „Revue“, II, стр. 183—205; III, стр. 232—241 и IV, стр. 24—52 и др.—ъ, ь: о, е в русских памятниках XI и XII вв. Н. Дурново, „J. фил.“, VI, 11—21.

Отпадение редуцированных. см. перечисленную выше общую литературу и литературу к отдельным памятникам; кроме того П. Лавров, Обзор, 34, стр. 80—83.—В. Щепкин, Сборник, LXIV, № 10, стр. 40—42.—В. Ягич, Ев. Добр., I, 9, стр. 36—46.—С. Кульбакин, „Изв.“, IV, стр. 827—838; V, стр. 897—901; Охр. рук. Ап., XCII—XCVI; Миросл., стр. 35—47.—Ф. Фортунатов, Состав О. Е., стр. 6—27.—J. Zubatý, „CMF“, I, 5, сноска 4.—Г. Ильинский, Слепч. ап., XXXIV—LIX.—А. Meillet, „RS“, VI, стр. 128 и сл., „MSL“, XIX, стр. 284 и сл.—H. Schmid, *Nomokanonübers.*, стр. 46 и сл.—M. Rešetar, *Sekundarni poluglas u srpskohrvatskom književnom jeziku*. Прилози, I, стр. 238—251 (эта работа важна и для старославянского вследствие существующего параллелизма между славянскими языками).—W. Vondrák, *Vgl. Gr.*, I, изд. 2, стр. 171—175.—Н. Дурново, „J. фил.“, V, стр. 111—117.—Об отпадении еров в русском языке. А. Шахматов, Очерк, стр. 200—286.—В. Ягич, „JA“, XXXVII, стр. 191—193.—Н. Дурново, „Zschr.“, I, стр. 496 до 498, 505; Очерк, стр. 155—158; „J. фил.“, V, стр. 96—117.—Н. Трубецкой, „Zschr.“, I, стр. 294—300.—K. Būga, „Zschr.“, I, стр. 45 и сл., см. также С. Обнорский, Ефр. К., стр. 23, 25, сноска 2.—Н. Гришкова, „Изв.“, XXIX, стр. 297—300.

Перегласовка: Более старую литературу см. у В. Ягича, „JA“, I, стр. 17; затем, кроме вышеуказанных работ общего характера и монографий, посвященных отдельным памятникам, назовем еще А. Соболевский, „ЖМНП“, 1893, № 11, стр. 48—51; „РФВ“, LXIV, стр. 114—117.—П. Лавров, Обзор, стр. 39 и сл.—В. Щепкин, Сборник, LXIV, № 10, стр. 43—49.—Ф. Фортунатов, „Изв.“, XIII, 2, 4—9.—А. Шахматов, Очерк, стр. 66.—Г. Ильинский,

Мнимая ассимиляция редуцированных гласных в праславянском языке, „Изв.“, XXII, 1, стр. 188—204.— J. Kurz, „LF“, LI, стр. 311.— J. Rozwadowski, Gr. J. P., стр. 118 и сл.— A. Meillet, *Slave s.*, стр. 99 и сл.— E. Sievers, *Verstexte*, стр. 13.— N. van Wijk, *Zum progressiven Umlaut der slavischen Halbvokale*, „IF“, XLIV, стр. 76—78.

-ть > -мъ: A. Leskien, „Berichte“, XXVII, Leipzig, стр. 35—137 и др.— В Ягич, „JA“, II, стр. 233—241.— В. Щепкин, *Рассуждения*, стр. 225—234.— Б. Ляпунов, *Синод. спис.*, стр. 219—233.— Ф. Фортунатов, *Лекции*, стр. 229—235 (с обзором старославянского материала); „Изв.“, XIII, 2, стр. 12—16.— П. Бузук, „Изв.“, XXIII, 2, стр. 122—129.— С. Кульбакин, „J. фил.“, IV, стр. 221.— О прочих случаях перегласовки см. литературу в тексте.

§ 24. Напряженные ѣ, ѣ или редуцированные у, і

Очень часто перед і и і вместо ѡ, ѡ выступают і или у; такую же замену (і, у, или ѡ, ѡ) имеют в этом положении исконные і, у. Несомненно, что перед і и і звуки ѡ и і совпали в одном звуке, который мы обозначаем ѣ, а ѡ и у совпали в звуке ѣ. Большинство славянских диалектов на месте ѣ и ѣ имеют полные гласные і, у; старославянские і, у также следует рассматривать во многих морфологических разрядах как древнейшую замену ѣ и ѣ. Нельзя с уверенностью решить, как произносились в позднем старославянском языке напряженные ѣ и ѣ: так же, как і, у, или нет. В зависимости от их положения можно различать три категории напряженных ѣ и ѣ:

а) ѣ и ѣ в слабом положении. Сюда относятся почти все падежные формы основ на -ѣје и -ѣја: знаменѣје, -ѣја и т. д., боѣѣја, -ѣје и т. д., братѣѣја, -ѣје и т. д.; несколько падежных форм от основ на -і-: kostѣјѣ, gostѣје; dobrѣје (dobry-је); формы наст. вр. от рѣјѣ, бѣјѣ, мѣјѣ (см. § 66, п. Б Іа3); отдельные случаи типа сѣјѣ и другие падежные формы от сѣ, abѣје, sѣјати;

б) ѣ, ѣ в сильном положении. Сюда относятся: формы им.-вин. п. ед. ч. м. р. основ на -ѣје- и определенных прилагательных: boѣѣѣ, tretѣѣѣ, mѣѣѣѣ; dobrѣѣѣ, avl'ѣѣѣ, nesѣѣѣ (причастие наст. вр. nesу + ѣѣ или причастие прош. вр. nesѣ + ѣѣ); род. п. мн. ч. основ на -і-, -ѣје- и -ѣја-: rotѣѣѣ, знаменѣѣѣ, sѣѣѣѣ; глагольные формы перед энклитикой іѣ: vѣmѣѣѣ, vidѣѣѣѣ;

в) ѣ, ѣ перед праславянским (і) і (не из іѣ): формы твор. п. ед. ч. м. и ср. р., дат. и твор. п. дв. ч., род.,

местн., дат. и твор. п. мн. ч. определенных прилагательных; формы повелительного наклонения типа $m\hat{b}(i)i$, $b\hat{b}(i)i$, $r\hat{b}(i)i$; такие падежные формы, как формы дат.-местн. п. ед. ч. $v\hat{b}(i)i$ (им. п. $v\hat{y}\hat{b}$), местн. п. ед. ч. $pr\hat{e}dan\hat{b}(i)i$, им.-дат.-местн. п. ед. ч. $s\hat{o}d\hat{b}(i)i$; такие группы слов, как $v\hat{b}-in\hat{o}$, $v\hat{b}-istin\hat{o}$, $pa\hat{m}e\hat{t}\hat{b}-im\hat{b}$.

Описанию отдельных памятников мы предпосылаем замечание, что кириллица в целом имеет $\bar{y}$ на месте y и $\bar{y}$ на месте $\bar{y}$; большинство глаголических текстов обозначают y посредством ѣ ѣ ($\bar{y}$), а группу $\bar{y}$ — очень часто посредством ѣ ѣ ($\bar{y}$) или ѣ ѣ ($\bar{y}$). Киевские листки регулярно, а Ассеманиево ев., Зографское б, Македонский глаголический листок очень часто на месте y употребляют ѣ ѣ ($\bar{y}$); также регулярно употребляется ѣ ѣ на месте $\bar{y}$ в Киевских листках.

Сначала мы рассмотрим Киевские листки, а в связи с этим памятником коснемся и общих проблем.

Киевские листки в группе *а* имеют, как правило, i : $s\hat{y}d\hat{r}ak\hat{y}$ и т. д., только в творительном падеже ед. ч. основ ж. р. на $-i$ встречается также $\bar{y}$ ($-y\hat{b}$ 7 раз: $-n\hat{y}\hat{b}$, $-n\hat{y}\hat{b}$ 5 раз); $\bar{y}$ только в $n\hat{e}v\hat{e}s\hat{e}s\hat{y}k\hat{y}n\hat{y}$ и т. д.; в группе *б* встречаем, с одной стороны, $z\hat{y}l\hat{n}$ (род. п. мн. ч.), $s\hat{v}e\hat{r}\hat{y}n\hat{o}st\hat{n}$, $l\hat{y}d\hat{n}$ — по 1 разу, с другой — $z\hat{a}p\hat{o}v\hat{y}d\hat{y}$ — 1 раз, $s\hat{y}$ — 2 раза, а в определенных прилагательных только $s\hat{v}y\hat{t}\hat{y}$ (т. е. $-y\hat{i}$) и т. д.; с исконным $-y-i$: $v\hat{y}s\hat{e}m\hat{o}g\hat{y}$ — 5 раз: $v\hat{y}s\hat{e}m\hat{o}g\hat{y}n\hat{i}$ — 1 раз (вероятно, по краткой форме $v\hat{y}s\hat{e}m\hat{o}g\hat{y}$); в группе *в* встречаем исключительно $s\hat{v}y\hat{t}\hat{y}n\hat{y}$ ($-y-$), $v\hat{z}\hat{n}\hat{y}n\hat{y}m\hat{i}$, $t\hat{o}u\hat{z}\hat{i}m\hat{b}$ и т. д., наряду с $v\hat{y}$, $n\hat{o}v\hat{o}st\hat{n}$; $v\hat{y}$, $n\hat{o}v\hat{o}v\hat{y}d\hat{i}$, без сандхи. Это положение находим чаще всего и в других текстах. В группе *в*, несомненно, имеется окончательно проведенное стяжение; y из $\bar{y}i$, вероятно, сначала произносилось как дифтонг, которого в языке писца могло уже и не быть; слова $m\hat{a}r\hat{n}$, $v\hat{z}\hat{h}l\hat{o}v\hat{b}l\hat{e}n\hat{n}$, $m\hat{z}\hat{h}v\hat{e}n\hat{n}$ получили $-i\hat{i}$, повидимому, из других падежных форм, во всяком случае фонетическое развитие в конце слова может быть и не таким, как внутри его. В группе *а* i (n , i , i) является, очевидно, более древним; другие древнеболгарские памятники также указывают на то, что древнейший болгарский язык имел i , а написание $\bar{y}$ основано на редукции этого звука; $\bar{y}$ перед $\bar{m}$, $\bar{y}$, $\bar{y}$, $\bar{y}$, $\bar{y}$ может иногда произноситься как i ($z\hat{e}m\hat{y}n\hat{i}$ и т. д., в Супрасльской

рук. и др., из -ml'a; см. стр. 108 и сл.), наряду с этим возможно было произношение $i_{\dot{a}}$, ${}^b i_{\dot{a}}$; переход между $i_{\dot{a}}$, $i_{\dot{a}}$, ${}^b i_{\dot{a}}$, $i_{\dot{a}}$ был таким постепенным, что эти звуки или сочетания не воспринимались как различные фонемы.

К тому времени, когда писались древнеболгарские памятники, вряд ли произносили еще i полного образования; в таком случае формы типа *волиѣ Зо҃гр.*, *дѣньѣ Мар.*, *вопиѣ Син. пс.*, *уѣстыѣ Клоц. сб.*, *вѣздѣниѣ, -ѣ Син. тр.*, *Супр.* были бы непонятны; но, с другой стороны, слоговая функция напряженного ѣ могла быть не совсем утрачена до перехода ѣ в о, ѥ в е. На месте ѣ в слабой позиции памятники имеют только у: *оумѣѣѣ, оумѣѣѣѣ (Иоанн, 13, 8 или 13, 6 и 8)* и т. д., *зѣлѣѣѣ* и т. д. (здесь, конечно, неопределенная форма могла оказать влияние на определенную); несомненно однородное по артикуляции произношение $i_{\dot{a}}$ ($\dot{e}_{\dot{a}}$) вызвало редукцию (переход i в $i_{\dot{a}}$), в то время как гетерогенная (разнородная по произношению) группа $u_{\dot{a}}$ ($\dot{e}_{\dot{a}}$) осталась без изменения. Старославянские памятники делают допустимой гипотезу, что праславянские ѣ, ѥ в слабом положении изменились в i , u и что ѥ старославянских форм *пыѣѣ, вѣѣѣѣ, сѣдѣѣѣѣѣ* и т. д. основан на редукции в отдельных языках¹.

В группе б Киевские листки представляют другую картину, чем остальные старославянские памятники, в общем указывающие на стяженное -у как на древнейшее окончание; в противоположность этому -ѣ-і является новообразованием; в то же время в группе -ѣѣѣ наряду с -і очень часто встречается нестяженное -іі. Итак, и для Киевских листков можно было бы предположить исконное -у и считать -ѣѣ (т. е. -ѣі) таким же новообразованием, как и -ѣі (-ѣі) в Зографском евангелии и т. д.; исключительная замена -ѣѣѣ посредством -ѣѣ (кроме одиночного *вѣсемѣѣѣѣѣ*; см. выше) именно в таком древнем по языку памятнике, как Киевские листки, говорит скорее о том, что это -ѣѣ (-ѣі) является более древним, чем -у других текстов. С ѣѣ (ѣі) можно сопоставить ѣ (ѣі); следует обратить внимание на то, что в Киевских листках -іі и -ѣі стоят рядом, в то время как, с другой стороны, в этом

¹ Ср. русск. *пью, бреду, мою*. Подобное же различие между ударным и неударным ѣ для старославянского языка не засвидетельствовано.

тексте встречается только -ѣі; поэтому сравнение с другими текстами, имеющими, с одной стороны, -іі, а с другой — -у, свидетельствует о том, что -ы, -ѣ в Киевских листках являются закономерным продолжением праслав. -ѣіъ или -ѣіѣ и что в старославянском -ѣіѣ имеет тенденцию к переходу в -іі(-іі), в то время как -ѣіѣ > -ѣі в конце концов изменяется в монофтонгическое -у. ы, еі следует рассматривать как диалектное изменение ѣі (іі) (*Син. пс., Син. тр.*, а также, вероятно, *Мар., Асс.*), если только эти формы не являются более поздней реконструкцией по аналогии. Зографское евангелие — единственный памятник, который может свидетельствовать о старом стяженном окончании -і (см. ниже, п. б); но так как это -і встречается только в определенных прилагательных, в то время как род. п. мн. ч. (основ на -і- и т. д.) имеет -и (2 раза -ѣ), это -і в прилагательных может восходить к косвенным падежам, где оно в Киевских листках, а также в оригинале Зографского евангелия могло явиться закономерным развитием -ѣіі-.

Материал остальных памятников мы распределим по группам а, б, в.

Группа а. Здесь мы будем рассматривать только ѣ; об ѣ (-мѣѣ и т. д.) уже говорилось. Зографское евангелие от Марка и Луки очень часто имеет ѣ наряду с і; у Матфея только 5 раз встречается ѣ, у Иоанна только 7 раз (6 раз в главах 2, 4, 5; 1 раз в главе 10).—Зогр. б имеет только і.—Маринское ев. содержит чаще і, чем ѣ; ѣ к концу кодекса постепенно употребляется все реже, что указывает на большую древность і.—Клоцов сб. имеет обычно ѣ, несколько раз — также ѣ: *ношѣѣ* — 3 раза, *некъѣѣ* и т. д.; і, и довольно часты после таких групп согласных, как *ств*, где произношение і было, несомненно, неудобным (ср. русск. *лью:гну*). В таких словах, как *ѣііе*, *ѣіію* и т. д., и, і пишется, вероятно, по традиции.—В Синайской псалтыри і употребляется наряду с ѣ; кое-где встречается и ѣѣ и т. д.; преобладание і в более консервативных частях III, V, VIII, XII указывает на подобную же тенденцию оригинала; IV часть в этом отношении также является консервативной; больше всего преобладают ѣ и ѣѣ во II и VI частях.—Синайский требник имеет постоянно *іе*, *іѣ*, чаще *іѣ*, *іѣѣ*, напротив, постоянно *ѣю*

и ѥи; Шахматов предполагал произношение *brati, raspētū* и т. д., и написания ѥи, ѥю приписывал графической традиции; однако скорее всего здесь представлена своего рода диссимиляция $i\ddot{i} > \dot{y}i$, $i\ddot{u} > \dot{y}i$ или $i\ddot{i} > \dot{j}i$, $i\ddot{u} > \dot{j}i$. — Асsem. ев.: 1 раз ѥѣна, во всех остальных случаях і. — Саввина книга: постоянно і, только один раз на ѡутрѣи и несколько описок (см. Вондрак, *Aksl. Gr.*, изд. 2, 229). — В Супрасльской рукописи на стр. 467 2 раза появляется ѥ в противоположность и; от стр. 468 ѥ начинает встречаться очень часто. — Охридское ев. употребляет несколько раз и и ни разу ѥ. — Листки Ундольского: только и. — Хиландарские листки — ѥ наряду с более частым и. — В Македонском глаголическом листке: ѥ, реже встречается и. — Македонский кириллический листок и Зографские листки содержат и. — Остромирово ев. и Новгородские листки — и (несколько исключений из Остромирова ев. см. у Шахматова, *Очерк*, 215). Слуцкая псалтырь имеет ѥ наряду с и. Если в среднеболгарском довольно правильно пишется и, то это вовсе не является доказательством того, что і произносилось; написания буквы ѥ избегали, потому что по среднеболгарским орфографическим правилам она не годилась для обозначения $\dot{i}$ или $\dot{j}$.

Группа б. В Зографском ев. встречаем им.-вин. п. ед. ч. определенных прилагательных один раз на -ѣи (*Иоанн*, 6, 32), в остальных случаях -ѣ (т. е. -у) и -ѣи (т. е. -ѣи), последнее главным образом в первой части, первое к концу кодекса (*Матф.*, 15 или 16: 55, *Марк*, 16: 23, *Лука*, 92:7, *Иоанн*, 64:1). Такое распределение говорит о большей древности -у, в то время как -ѣи(-ѣи), вероятно, следует рассматривать как реконструкцию по форме им.-вин. п. кратких прилагательных на -ѣ; 2 раза -ѣи (*Лука*, *Иоанн*) и 1 раз -ѣи (*Лука*, 1, 72) из -ѣи; также ѣѣи (-у < -у-ѣи) *Иоанн*, 6, 56 (также и *Мар.*); живѣи *Иоанн*, 11, 26 (*Мар.* живѣи) восстановлено, очевидно, по неопределенной форме посредством присоединения -и. (*Асс.* ѣѣи *Иоанн*, 6, 56; ѣѣи 57, 58; живѣи *Иоанн*, 11, 26 двусмысленно). В мягких основах: -и, -и *Матф.* 4 раза, *Лука* 5 раз, *Иоанн* 21 раз, -и, -и, -и *Матф.* 22 раза, *Марк* 13 раз, *Лука* 33 раза, *Иоанн* 9 раз, -ѣи, -ѣи *Матф.* 1 раз, *Марк* 4 раза, *Лука* 5 раз, -ѣи, -ѣи (из -ѣи) *Марк* 3 раза. Таким образом, -ѣи встречается относительно чаще, чем -и, -и; так же и в

других памятниках. Род. п. мн. ч. милосерды Лука, 1, 78, заповѣды Марк, 12, 29 имеют вторичный ь из других падежей; в остальных случаях — -и. Вряд ли можно решить, чем является редкое окончание им.-вин. п. -ѣи Зографского ев. и других глаголических памятников — древней ли первоначальной ступенью перед -ѣи или более новой реконструкцией. — Зогр. б: в им.-вин. п. прилагат. встречаем 2 раза -ѣи, 1 раз кон (эта форма могла быть образована по типу кос, коего и т. д.), напротив, — 1 раз -и, 4 раза -и или -и, -и, 1 раз -ви; род. п. мн. ч. костей. — Мариинское ев.: -ѣи и более частое -ѣи в противовес -и, довольно часто -ви, 3 раза -ви; род. п. мн. ч. основ на -і оканчивается на -и наряду с более редким -и. — Клоц. сб.: 1 раз -ѣи, обычно -ѣи; -и наряду с -и; по 1 разу лугѣи, оукрашен; прѣдѣи 171/2. — Син. пс.: преобладает -ви (ви, -ви), в частях I, III, X₂, XII — всегда, во II, VI, VIII, X₁ — наряду с -ѣи, в VIII, X₁ — по 1 разу пѣи, мѣи, в VI, VIII, X₁ — по 1 разу пѣи, бѣи, мѣи. 2 раза -ѣи (-ѣи) — в VI, в остальных случаях — -ѣи (I, III, VI, VIII, X₂)¹, -ѣи (по 1 разу в I и X₂), -ѣи (-ѣи, -ѣи; I, II, VIII, X₁, XII — по 1 разу). Несомненно, что оригинал имел -ви. Это может указывать на процесс, сходный в русск. пей и т. д., в то время как, с другой стороны, -ѣи можно понимать как фонетически закономерное явление, -ѣи < -ѣи — как форму, образованную по аналогии. — Син. тр.: 9 раз -ѣи, 30 раз -ѣи (т. е. -ѣи), обычно -ѣи; никогда -и, но несколько раз -и и -ѣи и часто -ви²; напротив, -ви встречается редко (2 раза); сси повторяется и в род. п. мн. ч. основ на -і-, а основы на -ѣи имеют обычно -ви и 2 раза -ѣи. Несомненно, здесь имел место такой же процесс, как и в оригинале Синайской псалтыри; -ѣи, -ви в этих памятниках тождественны -и Зографского. — Ассеманиево ев.: ѡубиѣи Матф., 21, 38, но никогда не встречается добѣи и т. д.; вероятно, -ви наряду с -и, также в род. п. мн. ч.; в твердых основах прилагательных, несомненно, регулярно употребляется -у (также ѡ ѡ, т. е. ѣи, Српсіс пишет ѣи); ѡѣи 'scio eum' Иоанн, 8, 55. — В Саввиной книге встречаем -ѣи, но -и, а наряду с этим лишь 1 раз -и и несколько раз -ѣи. — В Зографских

¹ ливаньскы 34, 4, № II.

² Бѣи, трети (3 раза) никогда не имеют ѣ.

листках — -ѣи (1 раз). — В Супрасльской рукописи не только -и, но совершенно обычно -ѣи; наряду с этим находим несколько раз -ѣи, -ѣи и -ѣи; как добръѣи так же и поговѣи-и 164, 4/5, изговѣи-и 404, 12/3, видѣи-и 192, 1; даже 1 лицо ед. ч. прѣдѣи-и 407, 28; 412, 4 (ср. с Ассеманьевым ев.). Мы не в состоянии решить, возникло ли -ѣи в этом диалекте фонетически закономерно из -ѣи; однако это вполне возможно. Остромирово евангелие также обычно имеет -ѣи наряду с -ѣи и -ѣи, последнее — из -ѣи; наряду с -и только 1 раз встречается -ѣи. — Охридское евангелие имеет: нарицаемѣи, вѣѣи; глѣѣи-и; бѣи; третьѣи. — листки Ундольского: 3 формы им. п. определенных прилагательных на -ѣи. — Хиляндарские листки: род. п. мн. ч. злѣѣи, но оуѣи, дѣи, прилагательные на -ѣи (вероятно, -ѣи), -и. — Македонский глаголический листок: вѣѣи, сѣѣи. Этот текст, употребляющий обычно у на месте ѣи и ѣи, является двусмысленным. — Македонский кириллический листок: нагѣи

Группа в. С Киевскими листками согласуется оригинал Зографского евангелия. Это видно из преобладания форм на -ѣи, -ѣи, -ѣи, -ѣи; в конце текста — -ѣи, -ѣи, -ѣи, -ѣи, в то время как в 1 части -ѣи и т. д., -ѣи и т. д. значительно преобладают; точно так же, как и при конечном -ѣи, -ѣи, с одной стороны, избегается группа -ѣи, с другой — -ѣи (местн. п. ед. ч. прѣѣи *Марк, 14, 25*). Более долгие формы, повидимому, понимаются правильно как более поздняя конструкция, на которую имели влияние им. п. на -ѣи (-ѣи) и одиночно употребляемые местоименные формы ѣи, ѣи, ѣи, ѣи. Стяжение, подобное стяжению в формах -ѣи, -ѣи, показывают формы ѣи (повел. накл.) 3 раза, вѣи (местн. п. от вѣи), по 3 раза сѣи, маѣи (наряду с сѣи, -и 1 раз употреблено в им. п., 3 раза — в дат. и местн. п.).

Так как во всех этих случаях вполне возможна реконструкция по аналогии с полными формами, то тем более ясно, что стяженные формы являются фонетически закономерными. В местном падеже ед. ч. основ на -ѣи- встречается -и и -и, 1 раз -ѣи. Рядом с повелительным наклонением ѣи, ѣи, ѣи нет стяженных форм. Со стяжением: вѣи < vѣi-ŋo, напротив, вѣи истинѣи, вѣи и т. д., а также ѣиѣи, -ѣи (более новые образования к основе

от-ыше- в противовес *отым* Киевск. л., V б, 21; 1 раз *кы йсу* Матф., 26, 17. — Зогр. б: правильный анализ форм вряд ли возможен, так как на месте у наряду с *ы* употребляются также *ъи* и *ъ!*. — Мариинское ев.: с одной стороны, преобладают формы с *-ымь* и т. д., с другой — с *-нимь* и т. д., при этом, повидимому, влиял им.-вин. п. ед. ч.; во всяком случае, см. Син. тр.; часто употребляется *въ-инъ*, *въ-истинъ* и т. д.; *оумъи*; *мъин* — 1 раз; *мъини* — 2 раза, *сѣди* — 1 раз; *сѣди* — 3 раза как форма им. п., 3 раза как форма дат.-местн. п., *вѣли* — род. п. мн. ч. и зв. п. ед. ч. Несомненно, что Мариинское евангелие пошло дальше Зографского евангелия в реконструкции по аналогии более долгих форм. В Ключевом сб. преобладают формы *-ымь* и т. д., *-имь* и т. д.; наряду с *-ин* в дательном и местном падежах находим стяженное *-и*; даже *испытанимь* 240, *вѣсѣданимь* 821; твор. п. мн. ч. *орѣжи* II, 157; *о прѣданы* 248, *псалымь* 55, вероятно (как думает и Шахматов), по аналогии с другими падежами; *памати-нимъ* 318, *кы-исправленью* 577, *въ-исп(ъ)нѣти* II, 62; *сѣди* — 2 раза, *вѣли* — 2 раза. — В Синайской пс.: чаще *-уѣъ* и т. д., чем *-уѣѣъ* и т. д. (89:46); с другой стороны, обычно *-іѣѣъ* и т. д. Эти окончания в VIII части почти не встречаются. Далее: *мѣтърѣи*, *-ъи!* и *омѣи*, но *сѣди* с *-и*; обычно *въинъ*, по 1 разу *въинъ*, *въинъ*, *въинъ*, 2 раза *въинъ*, по 1 разу *воинъ*, *воинъ*. — Синайский требник: с одной стороны, *-ымь* и т. д., с другой — *-нимь* и т. д.; наряду с одиночным *-ъи* 3 раза *-ъин*, 7 раз *-и*; *въинъ* — 4 раза, *въинъ* — 1 раз; *въ нма* и т. д. Замечательно, что преобладает тип *видѣни* (местн. п. ед. ч.), *исвѣдѣниѣъ* и т. д.; см. п. а. Этого процесса нет в окончаниях *-нимь*, *-нимъ*, *-нини*, *-нихъ*; так как им.-вин. п. ед. ч. мужского рода, как правило, имеет *-ви*, то встает вопрос, не возникло ли в этом говоре *-нимь* и т. д. (а также в соответственно представленных слоях Синайской псалтыри, Ассеманиева и Мариинского ев.) фонетически закономерно из *-ѣимь*, а не только по аналогии с им.-вин. п.; ср. также отношения Мариинского ев. и Синайской пс.; надо обратить внимание на то, что многие из этих форм относятся к причастиям и сравнительной степени, где им. п. ед. ч. мужского и среднего рода был образован от более краткой основы, а им. п. мн. ч. мужского рода оканчивался на *-еі*, так что этот падеж в отношении влияния находился

в неблагоприятных условиях; ваи 84а, 4/5; шмѣи 84б, 23, отѣкры 34б, 14, но покрѣи 18б, 15/6, оукрѣи 55а, 24/5. — Асс. ев.: обычно -ѣимъ, -нимъ и т. д. въинѣ, но въ истинѣ, въ има с частым в этом памятнике ѥ вместо ѣ; 1 раз мѣни, 1 раз мѣни, 2 раза сѣди; по 1 разу оумѣи, оумѣ; оумѣи (ѣи, вероятно, = у). — Саввина книга: -ѣмъ и т. д., напротив, наряду с более частым -нимъ, и т. д., довольно часто -нимъ и т. д. (NB. им.-вин. п. -ѣ, но -и); оумѣ; сѣди; въинѣ, но въ има и т. д. — В Супр. рук., как правило, -ѣи, -ни в определенных прилагательных (также Зографские листки), постоянно въ инѣ, въ има (1 раз въ има) и т. д. Наряду с мѣни, сѣди находим крѣмѣи (см. „JA“, II, 500 и сл.); формы типа ишу(і) нами нигде не были найдены. — Охридск. ев.: им. п. мн. ч. мужского рода друзи; гвоздиѣѣ, -ѣиѣ; местн. п. ед. ч. прѣломлени. — Македонский глаголический листок: как следует читать повторяющееся -ѣхъ и т. д. — с у или ѣи, — мы не можем решить. — Хиландарские листки: -ѣимъ (несомненно ѣи), -нимъ и т. д.; обновлени (местн. п. ед. ч.); -нимъ, -ѣимъ < -ѣимъ. — Листки Ундольского: 3 формы на -ѣхъ.

Основные результаты этого обзора следующие: в слабом положении (пункт а) древнейшая замена старославянских напряженных еров — это і, у; в то время как у остается без изменения, во многих говорах наблюдается переход і (і) в направлений к і; при этом окружающие согласные могут действовать двояко — или препятствовать или способствовать данному процессу. При звуке і(в), образовавшемся не из іѣ, во многих говорах находим фонетически закономерное развитие от ѣ(і)і, ѥ(і)і к у или і; встречающиеся наряду с этим в памятниках группы уі, ѣи, іі основаны частично на развитии по аналогии (мѣни к мѣни, по аналогии с -ѣни: -ѣи и т. д.; оумѣи, как оузи и т. д., въ инѣ, вследствие этимологического анализа слова; -нимъ, по -ни им.-вин. п. м. рода ед. ч. и т. д.); нельзя определенно решить, в какой степени некоторые говоры сохранили фонетически закономерные нестяженные формы; в Супрасльской рукописи они, вероятно, хорошо сохранились (см. п. б; о других памятниках см. выше). В группе б (ѣ, ѥ перед іѣ) Киевские листки представляют группы ѣи, — ѣи, іі; в языке других памятников обычно имеем фонетически закономерные формы, с одной стороны, у.

с другой — *ii*; может быть, это не относится ко всем говорам; надо обратить внимание на отношения Супрасльской рукописи, где также встречается много нестяженных форм (*-aago*, *-иши*, *-ёеть*; см. стр. 124). Вследствие сложных образований по аналогии в некоторых говорах, а также вследствие дальнейшего фонетически закономерного развития (*Син. тр.* *трсты* и т. д.) общая картина становится еще пестрее.

Различное воздействие на *ѣ* и *ѣ̆* — это единственный след праславянского различия между (*i*)*i* и *і̆*, которое обнаруживается в старославянском языке.

Не следует принимать безупречную гипотезу Шахматова о том, что и некоторые другие звуки, обозначаемые посредством *i*, кроме описанных в этом параграфе (например, инфинитив *delati*, 2 л. наст. вр. *delajesi*), надо рассматривать как напряженное *ѣ̆*, поскольку в старославянском языке в этом случае нет мены *ѣ̆* *i*, а только *i*.

Явления стяжения при *ѣ̆i*, *ѣ̆i* напоминают до некоторой степени случаи, описанные на стр. 124, но параллелизм здесь только частичный.

ЛИТЕРАТУРА:

А. Шахматов, Исследования в области русской фонетики, Варшава, 1893, стр. 33 и сл.; „Изв.“, VII, 1, стр. 284—286; К вопросу о различении йота и неслогового *i* в истории славянских языков, „РФВ“, L, стр. 161—181 (об этом Кульбакин, „RS“, I, стр. 63—66); Напряженные (узкие) гласные *ѣ̆* и *ѣ̆̆* в праславянском, „JA“, XXXI, стр. 481—506.—В. Щепкин, Рассуждение, стр. 235—257; Бол. пс., стр. 110—113.—W. Vondrák, Die Declination des zusammengesetzten Adjectivums, „JA“, XXII, стр. 6—11; Vgl. Gr., I, изд. 2, стр. 168—170.—Б. Ляпунов, Синод. спис., стр. 121—152, 189—205; „Изв.“, XXVIII, стр. 234 и сл., 239—242.—Н. Грунский, К Зогр. ев., стр. 23 и сл.—С. Кульбакин, Охр. рук. Ап., XCVII—С.—Г. Ильинский, Прасл. гр., стр. 150—154.—Ф. Фортунатов, Лекции, стр. 126—130, 140—145; Краткий очерк сравнит. фонетики и.-евр. языков, Петроград, 1922, стр. 122—125.—А. Meillet, Slave s., стр. 98 и сл.—W. Vondrák, Zur Kritik, стр. 772 и сл. (о Супрасльск. рук.).—Ю. Петровская, „Изв.“, XXI, 1, стр. 296—299 (О Син. пс.).—N. van Wijk, „RS“, IX, стр. 6—14 (О Зограф.).—П. Бузук, „Изв.“, XXIII, 2, стр. 134—143 (О Маринск. ев.).—И. Тимчинова у П. Бузук, „Изв.“, XXIX, стр. 353 (О Зогр.).—Н. Ван-Вейк, О напряженном *ѣ̆* в Сборнике Клоца, „Slavia“, VI, стр. 239—245.—А. Томсон, Nominativendung der bestimmten Adjektiva und lautlich Verwandtes in den slavischen Sprachen, „Zschr.“, V, стр. 110—124.—О русско-церковнославянском см. у Шахматова, Очерк, стр. 214 и сл.

§ 25. Гласные у, і

Старославянские тексты в общем отличают у (ѣ, ѣи; см. стр. 171) от і (и, і, ѣ). В Саввиной книге после р 5 раз встречается и на месте ѣ (рѣвъ, рѣвѣнь, гризѣтъ, открити, откѣри); также в Зографском рѣвъ *Марк, 6, 41*.

Несомненно, что в некоторых говорах гу и ги совпали уже в древнеболгарском; произношение у здесь было близко к і; такой говор можно предположить для древнеболгарского оригинала Мирославова евангелия. Форма рѣкати (*Пс., Тр., Супр.*) имеет, вероятно, исконное і. Также и для отъригаетъ, отъригнете, -иѣ *Син. пс.* вряд ли можно предположить старое у, несмотря на русскую форму *рыгать*. Клоцов сборник часто имеет і, и на месте ѣ и, наоборот, не только после р (см. Вондрак, *Glagolita Slozŭv, 5* и сл.); подобные случаи находим и в Мариинском евангелии, где над строчкой обычно приписывается ѣ. Указанные написания Клоцова сборника и Мариинского ев. относят к сербизмам данных памятников (см. стр. 52); однако непонятно, почему замена у посредством і, проводимая в Венских листках и в отрывке Апостола Михановича, отчасти также в отрывках Гршковича (главным образом после ѣ, х), в восточном Мирославовом евангелии встречается реже; здесь только случаи с и на месте ѣ после ѣ, г, х можно рассматривать как довольно старые сербизмы. В таких словах, как старѣѣ *Матф., 27, 41*, пѣнаѣ *Иоанн, 2, 15*, в Мариинском ев. и в подобных же формах в оригинале Мирославова евангелия можно предположить і, перемещенное к у в положении после отверженных с, dz. Все эти диалектные явления были еще чужды древнейшему старославянскому языку, четко различавшему у и і. В среднеболгарский период совпадение этих двух звуков распространилось шире, хотя многие писцы придерживались еще прежних норм; Кульбакин („Revue“, IV, 50) для всех текстов с западноболгарским ѣ из сильного ѣ предполагает совпадение у и і, в то время как некоторые говоры с сохранившимся сильным ѣ являются более консервативными в отношении у, і. Но так как во многих западноболгарских памятниках XII в. (Добромирово евангелие, Охридский ап., Болонская псалтырь) случаи с и на месте ѣ не так многочисленны, то и для какой-то части

западноболгарских говоров мы предполагаем акустическое сближение обоих гласных или их совпадение только при определенных условиях; надо обратить внимание на преобладающую форму *иинъ* вместо *иынъ* в Добрейш. ев.; и, напротив, иногда здесь после *ж, ш, жд, џ* стоит *ы*; Болонская псалтырь имеет много раз *ри* вместо *ры*, с другой стороны — 5 раз *чы*, по 1 разу *-зы, -шы*; Македонский апостол (вероятно, XIII в.) не знает больше различия между *у* и *і*. В современном болгарском языке на месте обоих гласных произносят *і*; в некоторых говорах, например в говоре павликян и вообще в рупских говорах, оба гласных близки к *у*. Кое-где в районе Сера (Висока, Зарово, но не в Сухо), а также и в некоторых других местностях *у* и *і* различаются.

ЛИТЕРАТУРА:

Др.-болг. у, і Л. Милетич, „ПСП.“, XIX—XX, стр. 237—240.— В. Щепкин, Рассуждение, стр. 295 и сл. — С. Кульбакин, Мнроsl., стр. 51 и сл., 96 и сл.

Среднеболгарский период J. Polivka, „JA“, X, стр. 119.— В. Ягич, Ев. Добр., I, стр. 52 и сл.— Б. Цонев, Добрейш ев., стр. 78.— В. Щепкин, Бол. пс., стр. 192—195. — С. Кульбакин, Охр. рук. Ап., CI и сл.; „Revue“, IV, стр. 50 и сл.

Новоболгарский. A. Kalina, „Rozpr. fil.“, XIV, стр. 340—345 (178—182; также и о среднеболгарском). — V. Oblak, Mac. Stud., стр. 36 и сл.— Л. Милетич, „JA“, XX, стр. 585—588; Ostbulg., стр. 74 и сл., 227; Rhodope-Maa., стр. 72, 80—84, 169—173; „Списание“, III, стр. 3—10. — А. П. Стоилов, Рефлекси от старобългарски изговор на *у* в новобългарските наречия, „ПСП.“, LVIII, стр. 556—576. — Й. Иванов, „Revue“, II, стр. 96 и сл.

§ 26. Гласные *и*, *'и* (*iu*)

Об употреблении буквы *ю* или *ѳу* после исконно мягких согласных и о произношении *ю* как *й* или *й* см. § 22. Если в общих чертах это произношение сохраняется дольше, чем произношение праславянского *'а* (*ja*) как *я* или *а*, то все-таки в древнеболгарских и среднеболгарских говорах оно отличается от произношения *и*; из древнеболгарских памятников в отношении *ю-ѳу* ср. особенно Мариинское ев. и Супрасльскую рук., о чем уже говорилось в § 22. Для характеристики постепенного отмирания звука *й* (*й*) в среднеболгарском интересен Охридский апостол, в кото-

ром мы находим такие статистические данные: ую 12 раз: уоу 2 раза, цю 22 раза: цоу 12 раз, юю 3 раза: жоу 4 раза, цю 3 раза: цоу 19 раз, шю 1 раз; шоу 10 раз. Подобные же отношения находим в листках Ундольского, в отрывках евангелия Григоровича и в отрывке Паты. Болонская псалтырь, за очень редкими исключениями, после ш, ж, шт, жд, ч, з имеет только оу и а; напротив, после ч, с одной стороны — ю (только 4 раза оу), с другой — а (2 раза ъ). В современном охридском говоре встречается слово *чужджина*.

Современные болгарские формы типа *клич*, *либ* и встречающиеся в сборнике XVIII в. *уикат* (наряду с *уватъ*), *илита* (вместо *излита*) сохраняют в этом *i* следы старого произношения *й*¹. Написания *Мар.*, *Зогр.* ли бо: *Асс.*, *Лука*, *16*, *13*, *Матф.*, *6*, *24* *любѣ* вряд ли сами по себе могут быть доказательством произношения древнеболгарского ю; *плинѣти* образовалось из **p(l)junoti* и не является идентичным *плинѣти*.

Произношение старого 'а (ja), как ä (ä), и прасл.'и(iu), как ѱ (й), было, вероятно, общеболгарским. Кирилл и Мефодий, очевидно, так и говорили. В глаголическом значке ꙗ, который Щепкин трактует как стилизованное греческое ѱ, он видит свидетельство такого произношения Кирилла. С другой стороны, оу, оуже рядом с ю, юже свидетельствует об очень близком родстве древнеболгарских звуков, обозначаемых посредством оу или ю; ясно, что эти звуки могут легко переходить друг в друга; ср. также *штюждь* : *тоуждь*, где во всяком случае двойные формы могли быть праславянского происхождения (см. стр. 110 и сл.). *неклѡуимъ* (*Супр.*; *неклѡуимъ* *Матф.*, *25*, *30*, *Зогр.*, *Мар.*, *Асс.*, *Сав. кн.*) — более новая форма; может быть, она появилась только тогда, когда 'и ('й) в некоторых говорах изменились в 'и, как это было, вероятно, в говоре Супрасльской рукописи. В Супрасльской рукописи начальное ю и ю после л, н произносилось, повидимому, как iу или 'и.

Косвенное доказательство того, что древнеболгарское ю произносилось не просто как 'и, представляют формы *ѣгоуптъ*, *-п(ъ)га* и т. д. и *ѣгуптъ*, *-пте* и т. д. в Синайской псалтыри (1 раз *ѣпта*); *ѣупеть*; *-пта*, *-пть* *Асс.*, *Матф.*,

¹ В болгарских говорах имеется и обратное явление: *i* > *й* или 'и.

шествующего согласного; этот значок стоит только после таких согласных, при которых отчетливо воспринимается различная степень мягкости или твердости¹. Несомненно, что буква Ѧ (ѧ) обозначала очень открытый звук е (нечто вроде ä), в котором совпадали праславянское ě и а, палатализованное предшествующим ĭ и мягким согласным. О возможности их полного совпадения или значительного сближения см. ниже.

Миклошич предполагал для древнеболгарского ё и 'а произношение а, Цонев в своих последних работах придерживался такого же мнения (также Маргулиес для говора Кирилла); в таком случае ѡѡти, как и ѡѡти, должны были иметь во втором слоге такой же гласный, как и слово гласъ. Если допустить обратное, то следовало бы предположить 3 различных вида ѡ, а также три ѡ и ѡ; это маловероятно, а для большего отрезка времени и вовсе невозможно. Такие написания, как ѡсѡи наряду с ѡсѡи, ѡѡди и ѡѡди и т. д., указывают на произношение ё как гласного переднего ряда. Положительное свидетельство произношения 'а как ä представляют и сочетания шѡ, ѡѡ и т. д., если рассматривать их в связи с сочетаниями ѡѡ, ѡѡ и т. д. (см. § 22), а также орфография таких кириллических памятников, которые знают букву ѡ, однако систематически пишут ѡсѡѡти, ѡѡѡти и т. д. Они, несомненно, отражают говор тех же западноболгарских (македонских) областей, что и глаголические кодексы. Замечательно, что наречие сѡѡ, которое относится к одной и той же формальной категории с тѡѡ, ѡѡѡ, ѡѡ (ѡѡѡ), только тогда может быть удовлетворительно объяснено, если мы предположим, что оно (sĕmo, т. е. sāmo) образовалось по аналогии с ĭāto (глагол. ѡѡ)², так как местоименная основа -sъ-, -se-, склонение которой представляет полный параллелизм со склонением основы -ĭъ-, -ĭe-, очень тесно связана по ассоциации с этой основой. Когда же позже в древнеболгарских и среднеболгарских диалектах ĭā изменилось в ja (кириллич. ѡѡѡ), а — как

¹ E. Sievers, Verstexte, 19 и сл., ě и ja 12, 22 рассматривает значок ѧ как обозначение мелодии, а не как обозначение мягкости.

² Чешск. sem может быть специально чешским новообразованием к se (им.-вин. п. ср. р.), sep (им.-вин. п. м. р.) и т. д.

возникшее по аналогии, так и старое (в сѣтѣ и т. д.)— после несмягченного *s* сохранилось¹.

Вполне возможно, что наряду с произношением *ä* возникло дифтонгическое произношение *ĕa* (*ĕa*съ = *l̥a*съ, а также и со старым *'a*: *nyĕa* = *ny*нѣ); но обычным произношением все же было, вероятно, *ä*. Облак отметил, что предполагаемые им отношения для языка древнейших переводчиков — это праслав. *ĕ* = *ä*; после мягких согласных *a* звучит тоже как *ä*; этот звук еще сохраняется в некоторых болгарских диалектах вблизи пограничной линии между восточной и западной Болгарией (Сухо и т. д.).

В глаголических древнеболгарских памятниках *ъ* пишется регулярно только после *l̃*, *ñ*, *ŕ* (в большинстве памятников также в слове *въсъ*), в то время как после *ш*, *ж*, *шт*, *жд*, *ч* и возникших по закону Бодуэна де Куртене *ч*, *з* (*z*) чаще встречается *а*; вероятно, более многочисленными были в древнейшем старославянском языке редкие написания типа *шъ* и т. д.; на это указывает также преобладание указанного сочетания в Киевских листках. Замена *ъ* посредством *а* после шипящих (*ш* и т. д.) может стоять в связи с изменением в произношении этих согласных; однако нельзя утверждать, что в сочетании *ша* произносилось твердое *š*, а в *шъ* — мягкое; отношения были сложнее; см. § 22.

Надо также иметь в виду, с одной стороны, частое употребление *ъ* после *l̃*, *ñ*, *ŕ* в кириллических памятниках (Хиландарские листки, многие среднеболг. рук.), а с другой, такие написания, как *шю* и т. п., где именно после палатального (по своей природе) *i* (*j*) *ä* изменилось в *a*, как и после шипящих (*смышати*, *овъуахъ*). Поразительно, что отношения, предполагаемые для древнейшего старославянского языка, как бы повторяются в некоторых среднеболгарских памятниках (Добромирово ев., Добрейш. ев.; см. § 22, отчасти Боянск. ев.²), но не встречаются ни в одном из древнеболгарских памятников (кроме Киевских листков). Во всяком случае, в среднеболгарских

¹ Ср.-болг. *съмо* возникло, вероятно, по аналогии с *тамо* и т. д. Саввина книга и Супр. рук., подобно глаголическим текстам, имеет *съмо*.

² В Боянском евангелии пишется. *чъ*, *жъ*, *чъ*, но *ча*, *ча*, также. *шю*, *шю*, *шю*, но *чюу*, *чюу*, напротив: *шъ*, *жъ*, но *чъ*, *чъ* и *чъ*, *шъ*.

ведь для обозначения *ja* нет особой буквы. Ближе всего к глаголическим памятникам те кириллические памятники, которые употребляют только *ѣ* и *а*, но не знают *я*; из древнеболгарских памятников сюда относятся листки Ундольского (*ѣко*, *твоѣ* и т. д.; *сѣпѣабрь*, *дѣкабрь*, *снѣжѣуиис*; *ѣја*, *сѣжизаѣтъсѣ*, *слѣжизаѣши*, *ѣвѣжизаѣтъ*; *ѣ* в слове *сѣжаѣтъсѣ* объясняется морфологически; см. ниже о Саввиной книге), может быть, также Македонский кириллический листок и надпись 993 г., которая является слишком краткой, чтобы можно было высказать о ней окончательное суждение.

Прежде чем заняться обсуждением Саввиной книги и Супрасльской рукописи зададимся вопросом: допускают ли рассмотренные нами тексты предположение, что в говорах, лежащих в их основе, праслав. *ě* и *'a* (*ja*) были [кроме случаев с более сильным смягчением согласных перед *'a* (*ja*)] некогда совершенно одинаковыми (*ǣ*)? Полагаем, что это так. Если во многих среднеболгарских говорах каждое *ě* после шипящих (*š* и т. д.) и *j* превратилось в звук, обозначаемый юсом большим (*ǣ*), а после мягких *l'*, *n'*, *r'* и исконно несмягченных (или слабо смягченных¹) звуков оставался звук переднего ряда, обозначаемый буквой *а* (*уѣдо*, *идошѣ*, *ѣжыкъ* — *вола*, *маса*; см. § 29), то и для *ǣ* возможно такое же развитие; рано наступившая депалатализация после шипящих не противоречит этому предположению. Нельзя отрицать возможности наличия в более древний период для говоров, выступающих в рассмотренных нами памятниках (которые, за немногим исключением, все западноболгарские), одного и того же звука *ǣ* как в словах *уѣсъ*, *жѣвъ*, *ѣко*, *воѣтъ*, так и в *мѣсто* и т. д.; но, с другой стороны, вряд ли можно здесь привести какие-либо доказательства.

Теперь мы переходим к Супрасльской рукописи и Саввиной книге.

В Супрасльской рукописи *я* является регулярной передачей старого *'a*, *ja* во всех тех случаях, когда пишется не просто *а*, стоящее после *ш*, *ж*, *ч*, *шт*, *жд*, *ц*, *з* (<*s*) и в форме *вѣсъ* (*нѣшѣ*, *оужѣсъ*, *отѣцѣ* и т. д.), например: *мѣсти*, *стоѣти*, *авѣити*, *вола*, *блѣни*. *р*, несомненно, отвердело, по-

¹ См. стр. 70—71.

этому *цѣсѣра*, *раззѣрати* и т. д. Нередки формы с ѣ (например, *прѣтворѣше* 7,23, *мрѣше* сѧ 13,23, *творѣхъ* 15,1; *днѣвѣхъ* сѧ 18,16; *плѣхъ* 39,7, *хоуѣхъ* 41,20; *пѣиѣ* 29,19; 33,21; 35,13/4; *днѣсѣхъ* 35,4; *вѣхъ* 131,29), восходящие к одному из оригиналов; на это указывает частое соединение написания ѣ с чуждым говору Супрасльской рукописи 1 эпентетиком: *поставѣа* 49,25, в противовес *поставѣиши* 49, 28/9 и т. д., так же как и очень редкое¹ появление *ръ* наряду с *ръ* и более обычным *ра*. ѣ из 'а встречается, как правило, только в форме *вѣхъ* (-ѣвѣхъ) (в противоположность *вѣхъ*); формы *вѣхъ* 409,24, *вѣхъ* 444,10, *вѣхъ* 454,2 и т. п. — редкие исключения, взятые, вероятно, из одного оригинала. Если бы не существовали формы *вѣхъ* и упомянутое выше наречие *сѣмо*, для Супрасльской рукописи можно было бы предполагать наличие говора, верно сохранившего старое исконное различие между ё и ја, 'а. Но так как *вѣхъ* вряд ли можно понять иначе, как праславянское *vъz'akъ*², а *сѣмо* предполагает старое *ĭapo*, то лучше и для этого говора принять более раннее состояние, когда праславянское 'а (ја) звучало как ё. Отличие от западных диалектов состоит, вероятно, только в распространении процесса депалатализации и на п'а, л'а, г'а (> r'a > ga). Это тем более вероятно, что в Саввиной книге мы находим промежуточную ступень развития.

Для Саввиной книги предполагается говор, в котором праславянское l'a произносится не с тем гласным, который был в п'а: с одной стороны, *воѣ* и т. д. пишется только с ѣ, с другой — 17 раз *ни* и только 1 раз *испѣнѣа* 144б; г' отвердело, поэтому находим *распѣрѣ*, *црѣ*, *взрѣ* и т. д.; такие формы, как *морѣ* (род. п. ед. ч.), *оударѣхъ*, встречаются реже и принадлежат, повидимому, оригиналу; в начале слова 8 раз стоит ѣ в формах с корнем *ѣд-* „есть“, где ё произносится, повидимому, без йотации; иначе *мѣи* и т. д.; также *мѣи* и т. д. После ш, ж, ч, шт, жд, ч, з (из з; польза) и в формах *вѣхъ*, *вѣхъ* встречается

¹ Например, *цѣсѣра* 197,1, *творѣше* 280, 25/6.

² Форма *в сѧ* возникла, вероятно, по аналогии, так как фонетически закономерная форма **vъzā* была единственной формой им. п. ед. ч. женского рода и им.-вин. п. мн. ч. среднего рода, которая произносилась с а.

только а, кроме формы *множьша* 46 б, которая восходит, вероятно, к первоначальному оригиналу, и формы повелит. накл. *ишѣте* 31 б, 67, 123, покажите 46 наряду с *покажѣте* 61 б, *пашѣте* 53. В эту категорию, вероятно по аналогии с *несѣте* и т. п., было введено ѣ (см. § 56), которое под влиянием *несѣте*, (*вѣн*)*смыѣте* (-мѣте; вместо -ml'ête; также с ѣ по аналогии) иногда еще произносилось, в то время как говор Супрасльской рукописи его уже больше здесь не имел. Очень трудно объяснить противопоставление l'а (лѣ): п'а (пѣ), но такое противопоставление существует; оно указывает на промежуточную фазу в развитии от 'ă к 'а между западной группой и говором Супрасльской рукописи.

Как дальнейший шаг в том направлении, в каком стал развиваться язык Супрасльской рукописи и частично Саввиной книги, следует рассматривать среднеболгарское и новоболгарское 'а из праславянского ѣ восточных диалектов. Это 'а (которое позже в ряде мест при известных условиях снова перешло в е) выступает уже в группе среднеболгарских памятников (Паремийник Григоровича, Тырновское евангелие, Евангелие Верковича, л. 124 а/б одной из загребск. рук. Михановича; см. „Revue“, IV, 51); депалатализация гласного ѣ проходила, вероятно, вместе с усилением смягчения согласного, и этот переход (l'êsъ >) l'êsъ > l'asъ (ср.-болг. *мѣсъ*) является до некоторой степени повторением восточноболгарского перехода vol'ă (vol'ъ) > vol'a (*Супр.* *вѣм*). Такие формы, как *мѣсъ*, еще не встречаются в древнеболгарских текстах; в то время еще во всей восточной Болгарии ѣ произносилось, вероятно, как ѣ. Такое произношение и доныне встречается в некоторых диалектах (в Сухо и его окрестностях, в Разлоге, в говорах павликян, а также в западноболгарском говоре Костура); мы имеем все основания рассматривать это ѣ в качестве прямого продолжения древнеболгарского произношения ѣ (ѣ) как ѣ.

Когда-то произношение ѣ как ѣ было, повидимому, общеполгарским. На востоке это ѣ в среднеболгарский период изменялось в 'а; на то, что и в западной Болгарии, где теперь ѣ звучит, как е, раньше существовало открытое произношение ѣ типа ѣ, указывают следующие факты:

1. Уже описанная здесь западноболгарская группа ѡъ, ѡъ, ѡъ и ѡъ наряду с ѡа из праслав. ѡ'а и т. д.;

2. Транслитерация греческих написаний типа *Πρίλαπος* (прильпъ), *Πρίζδριαυα*, *Πρόζατος*, *Λεαζχοуитѣс* и славянские заимствования из македоно-румынского языка типа *сiар*, (*сѣрѣ*), *pl'antse* (*плѣньпica*);

3. Спорадически встречающиеся в некоторых текстах *ра* вместо *ръ*, главным образом в некоторых частях Синайской псалтыри: *травл 132,20; 133 б, 15; 137,5* (X₂; в других частях памятника 5 раз *трѣва*), *паврати 103,10*, *павратиша 104, 18* (VIII), *погравла 106,5* (VIII), *врама 110,6* (VIII); далее *подрѣлажъ Зогр., Асс., Миросл., Лука, 16, 14, Зогр., Лука, 23, 35; подрѣлажъ Мар., Лука, 16, 14; Мар., Асс., Миросл. Лука, 23, 35.* а следующего слога стимулировало этот процесс; в слове *подрѣлажъ* ё изменялось в а только после перехода *ѣа > ѣа*. Единичная форма *сѣнос Зогр., Матф., 13,22* вместо *сѣнос* (последняя встречается там же, *13, 19* дважды, *20,23*) является скорее ошибкой писца, чем формой, развивающейся из *сѣнос*, и не может приводиться для доказательства произношения ѣ как а; Мариинское евангелие содержит 2 раза *сѣнос Матф., 13, 19 (20, 22, 23 сѣнос)* — это правильное причастие к инфинитиву *сѣти*¹.

4. Переход *сѣ, (d)zѣ > са, (d)за*, представленный в современном болгарском языке западноболгарскими говорами, засвидетельствован в некоторых западных среднеболгарских текстах (Триоди Копитара, Хлуд. паремийнике, вероятно, Мак. деяниях апостолов, где также *ра < гѣ* и в Пловдив. ев.). Как и в современном болгарском языке, этот процесс, очевидно, был тогда ограничен восточной частью западной Болгарии. *Са, (d)за*, вместо *сѣ, (d)zѣ*, встречаются и в таких восточных среднеболгарских текстах, где еще не произошло перехода ё в 'а: Кюстендильском ев., Пир-

¹ Вондрак в этой связи (Aksl. Gr. ², 95) неправильно упоминает *прѣзъдъ Син. тр., 176, 20/1*. Мы можем предположить здесь, вероятно, замещение префикса, обязанное воздействию своего рода гармонии гласных или перегласовке (ср. *трѣпезъ* вместо *трѣлѣзъ*; см. § 32), *прѣ-* встречается и перед другими гласными, а не только перед ѣ (*прѣзъдъ* и т. д.). Примеры из многих памятников см. у Г. Ильинского, Слечп. Ап., LXVII, а также в изданных Стояновичем текстах Климента.

донском апостоле, Сборнике 137 Венской Придворной библиотеки и т. д. Несомненно, в некоторых областях депалатализация ё после с, (d)z древнее, чем в других позициях¹.

5. Формы *оумѣть*, *-атс* и т. д. *Мар.*, сравнит. степень *добрѣ* там же, *Матф.*, 18, 8, 9; 26, 24; *Марк.* 9, 43, 45, 47 и форма местного падежа определенных прилагательных на *-ѣмь*, которые часто встречаются в Ассеманиевом евангелии, а также и в № 40 Супрасльской рукописи (*адѣстѣмь* 461,1; ср. *грѣшнѣмь* там же, 448,1). Первой ступенью к ёа здесь, повидимому, было *ѣѣ*, затем второе *ѣ* после утраты *ј*, а может быть и до этого изменилось в *а*, точно так же, как после *ѣ*, *ѣ* и т. д.

(6. Возможно также *сканѣдѣмь* *Мар.*, *Матф.*, 13,41, *сканѣдѣлѣ* там же, *Матф.*, 18,7, *Син. пс.*, 64, 11, *алѣвестръ* *Зогр.*, *Марк.* 14, 3 дважды; но здесь могла быть и простая диссимиляция [ср. *алѣвестръ* *Марк.*, *Матф.*, 26,7]).

В то время как в древнеболгарский период произношение *ѣ* как *ѣ* было распространено, повидимому, во всей болгарской области, в среднеболгарский период начинается не только переход ё в *а* в восточной Болгарии (см. выше), но есть уже группа среднеболгарских памятников (Октоих—листочки Румянцевского музея, 2 рукописи Апостола Томича), в которых проявляется западноболгарское совпадение ё и е.

ЛИТЕРАТУРА:

Праславянское произношение ё: Р. Брандт, О звуковом значении *-ѣ*, „РФВ“, VI, стр. 1—14.— В. Ягич, „JA“, VI, стр. 73—75.— Ф. Фортунатов, „ВВ“, XXII, стр. 156, сноска, Лекции, стр. 27, 50—52.— А. Шахматов, „Изв.“, VI, 4, стр. 269—294, Очерк, стр. 10 и сл.— Б. Ляпунов, Формы склонения, 28—30, 50—54; „РФВ“, LV, стр. 6—12; „JA“, XXXIII, стр. 515—525.— Е. Вернекер, „KZ“, XXXVII, стр. 372.— Н. Pedersen, „KZ“, XXXVIII, стр. 329—331.— A. Meillet, „MSL“, IX, 138; XII, 27; Slave s., стр. 42.— J. Mikkola, UrsI. Gr., I, стр. 45 и сл.— Г. Ильинский, Прасл. гр., стр. 54—58.— M. Weingart, Praslov. Vok., стр. 30 и сл.— N. van Wijk, Zur Aussprache des urslavischen e, „Slavia“, II, стр. 593—595.— W. Von

¹ Ср.-болг. *самѣ* вместо *самѣ* не имеет отношения к этому процессу. Оно появилось, повидимому, по аналогии с *тамѣ*, *кѣмѣ*, *шѣмѣ* (же), поскольку последнее произносилось с *ја*, а не с *ѣа*.

drák, Vgl. Gr., I, изд. 2, стр. 79—82.— F. Ramovš, „Čas. za slov. jez.“, VI, стр. 8—11.

Старославянское произношение ѣ и 'а (ja): F. Miklosich, Vgl. Gr., I, изд. 2, стр. 51.— А. Голачевский, Über den Lautwerth des glagol. ѣ, „JA“, IV, стр. 134—141 (Замечание Ягича, см. стр. 141).— В. Ягич, „JA“, VI, стр. 75—78; Entst., изд. 2, стр. 272 и сл.— V. Oblak, Mac. Stud., стр. 140; „JA“, XVII, стр. 156—162.— В. Щепкин, Рассуждение, стр. 275; Учебник р. пал., стр. 19.— Л. Милетич, „JA“, XX, стр. 580—582; Ostbulg., стр. 75 (соответственные места из более ранних работ Милетича).— А. Шахматов, „Изв.“, VI, 4, стр. 274 и сл.— A. Meillet, „MSL“, XII, 27; Slave s., стр. 42.— A. Leskien, „JA“, XXVII, стр. 164 и сл.— С. Младенов, „RS“, V, стр. 198.— Б. Цонев, Диал. студии, стр. 47 и сл.; История, 399 и сл. (также и в более ранних работах)— Ф. Фортунатов, Лекции, стр. 11 — W. Vondrák, Vgl. Gr., I, изд. 2, стр. 89 и сл.— E. Sievers, Verstexte, 11; ě и ja и др.— С. Кульбакин, Миросл., стр. 28.— A. Margulies, „JA“, XLI, стр. 110—115, 168—209.— K. H. Meyer, Der Wechsel von e und ja im Codex Suprasliensis, Symbolae-Rozwadowski, II, стр. 193—203.— N. van Wijk, Le développement des voyelles ě, a (ja) en bulgare, „Revue“, VII, стр. 9—21.

Начальные а-, ě-, ja-, см. список литературы к § 21.

Среднеболгарские отношения: V. Oblak, „JA“, XIII, стр. 252 (по поводу А. Шахматова, Грамматика старосл. языка А. Лескина, стр. 169)— В. Ягич, Ев. Добр., I, стр. 16—21.— С. Кульбакин, „Изв.“, IV, стр. 816—822; „ЖМФП“, CCCLIV, стр. 27 и сл.; CCCLIX, стр. 5 и сл.; Охр. р. Ап., LXXXI—LXXXIV, С и сл.; „Revue“, III, стр. 221—241 и IV, стр. 24—52 и др.

Об отдельных памятниках: Маринское ев.: В. Ягич, С. М., стр. 443—446.— Супрасльск. рук.: A. Margulies, Suprasl., стр. 23—32, 57, 152 и сл.— Саввина книга. В. Щепкин, Рассуждение, стр. 269—289.— Добром. ев.: В. Ягич (см. предшествующий абзац).— Болонская псалтырь. В. Щепкин, Бол. пс., стр. 187—192.— Ев. Сречковича: J. Polivka, „Starine“, XXIX, стр. 101 и сл.— Мак. Деяния ап.: J. Polivka, „JA“, X, стр. 120 и сл.— Пловдивское ев.: Й. Пата, Списание, XXII, стр. 217.— Затем см. вводные главы к изданиям памятников.

О древнерусских памятниках XI и XII вв.: Н. Дурново, „J. фил.“, VI, стр. 38—64.

ré-ra: A. Meillet, Etudes, стр. 116.— A. Vaillant, Сборник Белизу, 28; также С. Кульбакин, Миросл., 86.

се-са, (d)žē-(d)за в среднеболгарском и новоболгарском: А. Селищев, Очерки, I, стр. 88 и сл. (со списком литературы).— Б. Цонев, История, I, стр. 398 и сл.— С. Кульбакин, „Revue“, IV, стр. 39 и сл. (с библиографией).

Новоболгарские: V. Oblak, Mac. Stud., стр. 25 и сл.— Б. Цонев, Увод, стр. 366—398; История, I, стр. 366—404.— L. Miletič, Ostbulg., 5—9, 75—80; Rhodopemaa., стр. 33 и сл., 85 и сл., 110 и сл., 179—181, 198; „Списание“, XXXIII, стр. 25 и сл.— С. Младенов, „RS“, V, стр. 197 и сл.— А. П. Стоилов, Изговор на -а в заровско-висошкия говор (Лъгадинско), „Списание“, VIII, стр. 159—164.— А. Селищев, Очерки, I, стр. 88 и сл. (со списком литературы).

§ 28. Слоговые плавные $\underset{\cdot}{г}$, $\underset{\cdot}{л}$, $\underset{\cdot}{г'}$, $\underset{\cdot}{л'}(а)$.Праславянские $\underset{\cdot}{гъ}$, $\underset{\cdot}{лъ}$, $\underset{\cdot}{гь}$, $\underset{\cdot}{ль}(б)$

а) См. § 13. В указанном параграфе еще не говорилось о постепенном стирании различия между твердыми и мягкими вариантами слоговых плавных $\underset{\cdot}{г}$ и $\underset{\cdot}{л}$. Мы подходим теперь к этому вопросу.

Из сравнения отдельных языков следует, что праславянский язык до самого своего распада хорошо сохранял различие между твердой и мягкой разновидностями $\underset{\cdot}{г'}$ и $\underset{\cdot}{г}$, $\underset{\cdot}{л'}$ и $\underset{\cdot}{л}$; только для мягкого $\underset{\cdot}{л'}$ после зубных согласных (например, ст.-слав. *длъгъ*, русск. *долгий*, польск. *długo*, чешск. *dlouhо* и т. д.) можно было бы предположить праславянский переход в твердое $\underset{\cdot}{л}$, однако здесь возможно и параллельное развитие в отдельных языках. К сожалению, группы $\underset{\cdot}{тл'}$, $\underset{\cdot}{дл'}$ не встречаются в Киевских листках, вообще сохраняющих древние различия лучше других старославянских текстов: *скръьши IV, 3; скръьности I б, 14, оутвьрьди II б, 15, IV б, 6, V б, 17, VI б, 19'20, оутвьрьдиль V б, 8, твьрьдь IV б, 17, срьдьдь II б, 15/6, VII б, 12, срьдьдь V, 21, дрьжьмъ III б, 6; с гласным л только напльнен! II, 6. Что касается $\underset{\cdot}{г}$ и $\underset{\cdot}{г'}$, то Новгородские листки также дают представление о глубокой их архаичности: *скръьи 97; мръньсть 99, съмрьти 26/7, 69; четкое различие между $\underset{\cdot}{г}$ и $\underset{\cdot}{г'}$ может быть и русизмом. При разборе прочих памятников мы рассматриваем $\underset{\cdot}{ръ}$, $\underset{\cdot}{рь}$ и $\underset{\cdot}{лъ}$, $\underset{\cdot}{ль}$ раздельно¹.**

 $\underset{\cdot}{ръ}$, $\underset{\cdot}{рь}$

В Зографском евангелии (без Зогр. б) на месте праславянского твердого $\underset{\cdot}{г}$ постоянно находим $\underset{\cdot}{ръ}$, кроме формы *кагрльништа Лука, 2,24*, по всей вероятности, ошибочной: *гръдь, скръьь, тръжьникъ* и т. д.; на месте праславянского мягкого $\underset{\cdot}{г'}$ находим обычно $\underset{\cdot}{ръ}$, но наряду с ним и $\underset{\cdot}{рь}$; последнее надо рассматривать как архаическое написание,

¹ Заключение Сиверса, что $\underset{\cdot}{лъ}$, $\underset{\cdot}{рь}$ в Киевских листках, а также и в других текстах имеют восходящую интонацию и ясный тон, а $\underset{\cdot}{лъ}$, $\underset{\cdot}{рь}$, напротив, — нисходящую интонацию и глухой тон, может иметь большое значение для определения того, как относится движение тона к фонетическому развитию.

хотя и нет правила его употребления; рь встречается в словах: мръзость (ръ, рь по 1 разу), мрътв- (часто ръ, 2 раза рь), отвръз- (часто ръ, 2 раза рь), тръзл- (1 раз рь, 1 раз ръ), срьдц- (часто ръ, 1 раз рь), урьвь (3 раза ръ, 1 раз рь), прък- (20 раз ръ, 8 раз рь), прьст- (4 раза ръ, 2 раза рь), трън- (7 раз ръ, 3 раза рь)¹. въ прѣкъвъ Лука, 2,27 — ь в предлоге въ может указывать на перегласовку под влиянием рь в оригинале.

Мар.: везде ръ. Редкие формы типа скръвь Матф., 24,21, прѣвъвъздѣ(жс)ниѣ Марк, 12,39 нельзя рассматривать как наследие древности.

Асс.: ръ из г и г'; в какой степени редкие написания типа зръно, отвръз и т. д. восходят к древнему оригиналу, нельзя решить. Форма въстрѣгаште имеет г заднего ряда.

Син. пс.: только 8 раз рь (в остальных случаях ръ). Эти случаи ограничиваются частями II (4 раза, здесь также тврдъ, съмртѣ), III, IV, V и вряд ли восходят к оригиналу. рь на месте г заднего ряда имеют слова: грьдѣм (IV), скръви, -ви (III, V).

Син. тр.: только ръ. Во всяком случае въ прѣкъвъ 72 а,1, въ срѣн 73 б, 21. См. о Зографском евангелии.

Клоц. сборник: на месте старого г заднего ряда встречаем только ръ, на месте г' наряду с ръ — также и рь, который следует рассматривать как старое языковое состояние. рь находим в словах: срьд- (3 раза, срьд- 2 раза; срд- 1 раз), прък- (5 раз; ръ 10 раз); смрьдѣ (1 раз), врьви (1 раз), дрѣж- (1 раз; дрѣж- 3 раза), съмрът- (12 раз; съмрът- 8 раз), мрътв- (1 раз; мрътв- 14 раз), отвръзы (1 раз; отвръз-, -с- 3 раза). Помимо ошибочной формы отвръзы (694) за -рь- везде следует гласный переднего ряда, в то время как в тех же самых словах, кроме дрѣж-, ръ перед гласными переднего ряда представлено реже, чем перед задними гласными; так, Клоцов сборник сохранил рь только перед гласными переднего ряда, но и здесь его употребление сокращается.

Макед. глаг. л.: вѣсмрътъноу (1 раз), вероятно, старая форма, но подобно Ѡврѣгъше, Ѡврѣзм'са не допускает точного определения отношений.

¹ врькъно, -ѣ, врь в(ъ)нѣ имеет старое гъ, а не г' или г. Происхождение слова трѣхътъ (Мар. трѣхътъ) Лука, 12,59 не установлено.

Охр. ев.: *врѣха, дрѣжитс, дрѣжмѣтъ, прѣсть* (2 раза); нигде не встречается *ръ*.

Слуцкая псалтырь: только *ръ* как на месте *г*, так и на месте *г'*.

Хиландарские листки: постоянно *ръ* (11 примеров), также и перед гласными переднего ряда.

Саввина книга и Зографские листки: *г* и *г'* в противоположность всем другим древнеболгарским текстам почти всегда передаются как *ръ*. Переднее произношение этого звука для Саввиной книги доказывается и перегласовкой редуцированных; например: *въ трѣпѣни* (NB. неправильное *ръ*), *въ ѿбѣе, -и, въ срдѣе, -и, -ихъ, даже въстрѣгаѣше*.

Супр. рук.: на месте заднего *г* часто находим *ръ*, иногда *рь*, последнее особенно в слове *скръь* (эта форма им.-вин. п. ед. ч. представлена 5 раз, в то время как *скръь* — 1 раз). На месте старого *г'* находим как *ръ*, так и *рь*; как и в Клоцовом сб. *ръ* особенно часто встречаем перед гласными переднего ряда; правило Обнорского о том, что *ръ* < *г'* представлено перед палатальными гласными, если ни предшествующие, ни следующие согласные не относятся к группе шипящих (*ж, ш, џ*), в общих чертах верно, но лучше было бы говорить не о правиле, а лишь о тенденции (обратите внимание на *трѣпѣ-, -и-, -а-* 82 раза; *трѣпѣ-, -и-, -а-* 37 раз). В слове *скръь* наряду со *скръь* палатальность следующего слога также играла роль.

Македонский кириллический листок и листки Ундольского имеют только *ър* или *ръ*, что вообще согласуется с употреблением редуцированных в этих памятниках.

Среднеболгарский и современный болгарский язык (где по говорам или в связи со структурой слова выступают *г, ѣг, гѣ*) совершенно утратили различие между *г* и *г'*. Так это было и в говорах большинства древнеболгарских писцов; однако памятники содержат многочисленные следы старого различия, которое утрачивалось в древнеболгарский период. Если бы не было древнеболгарских рукописей, то можно было бы думать, что совпадение *г* и *г'* было процессом, проходившим одинаково по всей болгарской языковой области; древнеболгарские тексты, однако, свидетельствуют, что в западных говорах мягкое произношение в общих чертах уступило место твердому, тогда как в восточном говоре Саввиной книги и твердое и мяг-

кое ģ произносились некоторое время палатально (чего уже не могло быть в среднеболгарском).

Третий тип развития находим в диалектах Клоцова сборника и Супрасльской рукописи, где долгое время сохранялись мягкие варианты, но только перед гласными переднего ряда. Написание *скръвь* в Супрасльской рукописи указывает даже на смягчение исконно твердого ģ перед палатальным гласным. Несомненно, что подобное явление имело место в некоторых русских областях, так как здесь встречаются написания типа *скръвь*, *скервь* (в Арх. ев., в Ефремовской кормчей, в апокал. Сибл., но не в Остром. ев.). Написания Мариинского евангелия и Синайской псалтыри *скръвь*, -и, -си нельзя считать безусловной ошибкой, хотя они мало согласуются с общим характером этих памятников.

лъ, ль

Зогр.: исконное ģ заднего ряда выступает как лъ; один раз отмечено *хльмомъ Лука, 23, 30*, что может быть и ошибкой писца; так же следует расценивать и формы типа *дльгы*, *дльжьникомъ Матф., 6, 12*. ģ' передается также посредством лъ (*пльнѣ*, *вльна* и т. д.), только в положении после губных согласных, если далее не следует твердый зубной согласный, сохраняется лъ¹: от слова *влькъ* встречаем пять форм с лъ и ни одной формы с лъ; от глагольного корня *вльк-* — 6 форм с лъ (перед *к* и *х*) и только один раз *овлькъ Лука, 23, 11*, один раз *извълькъше Матф., 13, 48*; 13 раз встречаем *мльу-*, ни разу — *мльу-* (*оумльуъ Матф., 22, 12* в Зогр. б). и перед *и* и *ь* не производит впечатления мягкого звука: *испльнѣ* 3 раза; многочисленные формы от *-пльнѣти*, даже *напльнѣ Матф., 27, 48*, *напльнѣше Иоанн, 19, 29* с *п' < пѣ*; *мльни*, *-мль* (всего 4 раза). — Для этого слова наличие кашубского *pljećńŭ* (см. Gr. J. P., 156, 480) делает вероятным ģ' переднего ряда; правда, форма Саввиной кн. *мльни* остается без объяснения. Преобладание формы *мльва* (2 раза) *-мъ*, *-итс*, *-иши*, *-ашть* (по 1 разу) в противоположность *мльвъльше* (1 раз) делает возможным предположить мягкое ģ'².

¹ Подобное явление находим в польском языке.

² Формы других языков (польского, чешского) указывают скорее на заднее ģ; может быть, там следует предположить лабиализирующее влияние *у*.

часто передается как ѣ: ѣѣны и т. п. чаще, чем ѣѣнамъ и т. д.; преобладает также ѣѣн-, даже перед гласными заднего ряда; ѣѣн- и ѣѣн- даже перед гласными заднего ряда представлены относительно чаще, чем ѣѣкъ, -ѣ и т. д. (7 раз; ѣѣк- 9 раз) или ѣѣѣѣ, -ѣ- и т. д. (6 раз с ѣъ, 6 раз с ѣъ); но 20 раз ѣѣѣѣ: 2 раза ѣѣѣѣ. Впрочем, можно также констатировать некоторое влияние гласного переднего ряда: постоянно ѣѣѣѣ-, ѣѣк- перед ѣ, также ѣѣѣѣѣ (1 раз), перед а, ѣ, о, ѣ имеем ѣ и ѣ; падежные формы от ѣѣѣѣ встречаются только с ѣ (5 раз); ѣѣѣѣ, -ѣ, -ѣ — всего 4 раза: ѣѣѣѣ, -ѣ — по одному разу; ѣѣѣѣѣ — 4 раза; напротив, наряду с -(ѣ)ѣѣѣ-, -ѣ (4 раза), также -(ѣ)ѣѣѣ(-) (3 раза); ѣѣѣѣѣ вместе с производными от него представлено 38 раз с ѣ, 4 раза с ѣ. Но после т, д (ѣѣѣ-, ѣѣѣ-) редко находим ѣ, а в слове ѣѣѣѣ оно вообще отсутствует (7 форм); однако последнее слово может иметь как ѣ, так и ѣ'. При исконно твердом ѣ преобладает и написание ѣ (ѣѣѣѣ 1 раз; ѣѣѣѣ, ѣѣѣѣ- и наряду с этим несколько раз ѣѣѣ-, ѣѣѣѣ-). Перед ш преобладает ѣ: ѣѣѣѣѣ, ѣѣѣѣѣѣѣ и т. д. 14 раз: ѣѣѣѣ- 7 раз, 3 раза ѣѣѣѣ-, 1 раз ѣѣѣѣ-.

Для среднеболгарского и современного болгарского языка имеет значение *mutatis mutandis*, сказанное о рѣ, рѣ. Процесс развития в древнеболгарском языке также был постепенным и неодинаковым в разных местах. В Супрасльской рукописи встречаются несколько иные отношения, чем в других текстах. Вообще предшествующий губной согласный вместе с последующим заднеязычным, губным или мягким зубным согласным оказывал тормозящее влияние на старые отношения. Яснее всего это видно в Зографском евангелии и в Саввиной книге, которые, однако, в некоторых деталях отличаются друг от друга. И в других глаголических памятниках встречаются следы подобных отношений, восходящих к оригиналу; сами же писцы знали только одно ѣ заднего ряда или ѣ'.

б) Так как в течение старославянского периода старые сочетания плавных с редуцированными (рѣ, ѣъ, гъ, ѣъ) в слабом положении постепенно совпали со старыми плавными сонантами, а одинаковая передача на письме обеих категорий часто затрудняет определение действительного

произношения, то обе категории необходимо рассмотреть вместе.

Применительно к развитию *ъ* и *ь* после *л* и *г* действовал тот же принцип, что и в отношении развития их после других согласных: в сильном положении *ъ* и *ь* сохранялись и переходили, в конце концов, по диалектам в *о* или *е*; в слабом положении они редуцировались еще больше и затем утрачивались; вследствие этого слоговость переходила на плавные *г* и *л*. Если в результате этого процесса внутри какой-либо парадигмы имело место чередование слоговых *г*, *л* с *г*, *л* + гласный, то происходило выравнивание, причем плавные слоговые *г*, *л* обобщались; в среднеболгарском этот процесс был окончательно завершен; но в некоторых старославянских текстах фонетически закономерные формы и новообразования по аналогии сосуществуют (Зогр. *крѣсть Марк*, 10, 21, 15, 21, вероятно, следует рассматривать как *kŕstь*: *крѣсть Лука*, 23, 26; *Клоц. сб.* *крѣсть*, *крсть*: *кресть*; *kŕstь* возникло по аналогии с косвенными падежами). Не всегда можно решить, как нужно понимать написания *рѣ*, *лѣ*, *рѣ*, *лѣ* на месте исконных сочетаний плавных с редуцированными — как плавные сонанты или как сочетания из двух звуков; два обстоятельства затрудняют определение характера многих форм: 1) невозможность точно определить время падения редуцированных, обусловленное влиянием окружающих звуков (см. стр. 147); 2) возможная перегласовка редуцированных (см. стр. 154). Так, например, следует обратить внимание на противопоставление таких форм в Зографском евангелии, как *сльзми* (3 раза): *кльнѣштам* (2 раза). В *сльзми* мы должны допустить по существу неизмененное, хотя, может быть, и несколько редуцированное *лъ*, так как иначе, вероятно, писали бы *лѣ*; но в *кльнѣштам* неизвестно, обозначает ли *лѣ* слоговое *л*, возникшее вследствие утраты *ь*, или *лъ*, явившееся в результате перегласовки.

Об отдельных памятниках заметим следующее:

Киевские листки: *крѣве II*, 6, *въплѣтити II* 6, 12/3.

Зографское ев.: падежные формы от *крѣвь* встречаются только с *ь*, так же как и от *-крѣвѣ* и *-крѣвнѣ*; *рѣ* может быть и не понято как *г*, поскольку согласный *г* мог помешать здесь переходу *ъ* в *ь* (по пала-

тальной перегласовке). ǵ < ь имеют все формы от корня *кѣъз-* (даже *въскѣсъ*) и *оустѣъми* *Марк.* 5, 13¹, напротив, ь сохраняется не только в средне-сильном положении, в таких словах, как *бръниче*, *грьѣсъны*, но и в слабом положении в словах: *дрьколь*, *крѣтити* и их формах (1 раз *крѣста*), *скръжьтъ* (средне-сильный ь в *скръжьштѣтъ*), *трѣсти*, *трѣми*, *искръѣни* вместе с их падежными формами, *хръсти*. Эти формы надо произносить, очевидно, с гъ, так как для старого ǵ' написания рь встречаются значительно реже.

Мы не можем решить, следует ли произносить встретившееся три раза слово *крѣтитсѣъ* (-лъ) с г или здесь просто опущен сократительный значок. Слова *«крѣсть»* (4 раза), *«крѣстьѣнихъ»*, -ѣаа имели, повидимому, г вследствие сильного ударения на ѣ; можно было бы предположить также и перегласовку по прогрессивной ассимиляции (см. стр. 163). Сколько-нибудь точное объяснение всех приведенных форм невозможно, тем более, что мы должны учитывать наличие различных текстуальных наслоений. Такие формы, как *крѣтити*, *дрьколь*, хотя и предполагают произношение гъ, однако еще не доказывают того, что последний писец везде произносил их именно так.

Старое ǵь перед гласными переднего ряда пишется как ǵь: *блѣштахъ* *Лука.* 24, 4, *кльни* *Матф.*, 5, 36, *кльнеши* *Матф.*, 5, 33, *прѣслѣзи* *Иоанн.* 11, 35; здесь, вероятно, произносится ǵь. О *сльзѣми* и *кльнѣштаа* см. выше. Об одиночной форме *пльть* наряду с более частыми *пльть*, *пльти* см. стр. 145. *пльвати* имеет ǵ'; в старославянском языке в этом слове ь, как правило, еще произносился.

В таких словах, как (про-)рѣѣи, -ѣте, -ѣта; *льсть*, -и и производных от них, где постоянно писалось ь, вероятно, произносили еще гъ, ǵь. Слова, производные от *льжь*, пишутся только с ь, так как ж препятствовало перегласовке ь. О *рѣпѣт-* см. ниже.

Мар. ев.: вместо ǵь, рь чаще, чем в Зоґр., находим ǵь, рь: *грьѣсъны*; формы *крѣтити*, *крѣштати*, *крѣштение*, *крѣститѣль* употреблены 42 раза с ь, 13 раз с ь²; *«крѣсть»* вместе

¹ *Стръпѣтъиѣ* *Лука.* 3, 5 имеет старое гъ; о *трѣхъ* см. стр. 193 сноску 1, о *бръѣтъи* см. стр. 162 и сл.

² В том числе по разу *крѣштѣше*, *крѣщѣше*, *крѣштѣшу* с гъ в средне-сильном положении.

с производными — 7 раз с ъ, 1 раз с ь; въскръснѣти и т. д. — 15 раз с ъ, 6 раз с ь¹; формы от прилагательного искръѣѣ — 3 раза с ъ, 4 раза с ь; дрѣколыми встречаем 2 раза и 3 раза с рѣ. В слове трѣсть, -и, -ѣшъ преобладает ь (6 раз); ъ встречается только в сильном и средне-сильном положении: по 1 разу трѣсть, трѣстѣшъ². Только с ь: скръжеть (7 раз; 1 раз скръжѣстѣшъ). Глазѣми (3 раза) только с ъ; наряду с клѣнеть также клѣнѣшъ, -сши, -и, -ѣш; блѣштѣшъ; плѣвати (с 1'). крѣво (1 раз; в остальных случаях крѣв- и 1 раз крѣвъ) может быть формой, восходящей к оригиналу, с перегласовкой редуцированного. Один раз находим плѣть, в остальных случаях с ъ. Писец, вероятно, произносил слоговые г и ѡ, которые закономерно передавались на письме посредством рѣ, лѣ; архаические рѣ, лѣ он заимствовал из оригинала; однако в таких случаях, как скръж-, трѣми, плѣвати, клѣшт-, он, возможно, произносил еще гѣ, ѡѣ; это относится и к начальному сочетанию лѣ в слове льсть и его производных; наряду с (про-)рѣци, -ѣте, -ѣта находим более редкое рѣ; лѣжъ и т. д., только 1 раз лѣжъ.

Асс. ев.: наряду с преобладающими сочетаниями рѣ, лѣ встречаются такие архаические формы, как скръжѣть; трѣсть, -и; искръѣѣ; блѣштѣшъ; заплѣвашъ. Насколько эти написания соответствуют говору писца, решить трудно.

Син. пс.: в крѣви 'тѣ аїмѣтѣ' и крѣвы, -ѣи (3 раза) 'аїмѣтѣ' ь появился, повидимому, вследствие перегласовки и восходит к оригиналу. В словах искръѣѣ-, въскръснѣ, клѣнѣшъ, слѣзамѣ³ ь в противовес преобладающим формам с ъ также является архаизмом и восходит к оригиналу; писцы, очевидно, уже произносили г и ѡ, за исключением лишь некоторых начальных слогов: рѣци (III), рѣцѣте (2 раза VI, X₁); напротив, рѣвеніе (VIII); рѣкѣноу!- (2 раза), рѣкѣноуіте имеют е в средне-сильном положении. В производных словах от лѣжъ в слабом положении имеет место только лѣ; в падежных формах и в образованиях от льсть, лѣвѣ иногда находим лѣ.

Синайский требник: произношению писца, повидимому, соответствуют многочисленные формы с ъ: крѣштѣннѣшъ, окрѣсть, въскръсѣ, клѣнѣшъ и т. д.; эти формы, вероятно,

¹ За исключением въскръсѣ, въскресѣ.

² См. стр. 160.

³ Эти слова встречаются и с ъ.

нужно произносить со слоговыми г и ѡ; наряду с запльваша 48 а, 18 имеем запльваша 50 а, 6/7, влькотины 70 а, 10, 91 а, 5/6. Закономерным является противопоставление скръжеть 106 б, 24: скрежьсть 88 а, 10/1; треть 50 а, 3/4 также может иметь вокализм сильной позиции, хотя трестинъ там же 7 лучше соответствует произношению писца. Форма въ бръна 94 а, 2, возможно, восходит к оригиналу; напротив, въ бръна 97 а, 18/9 со слоговыми г лучше соответствует общему характеру памятника. О слове пльть см. стр. 159. рьвснне, -нъ встречается по разу, можно встретить даже рьвнннъ (:ревнителямъ, поревнюющимъ).

Клоц. сб.: написания крьсть (6 раз), крьсть, крьстенъе, крьстенъе, -ъъ, крьстенъ (2 раза), -ны указывают на произношение слогового г и на проникновение корня kŕst- также и в формы именительного-винительного падежей; крьсть (2 раза) имеет вокализм сильной позиции; возможно, также и крьстьное; крьстьнъ и крьстьномъ; крьть (3 раза), крьта (2 раза), крьть (1 раз), въскрьстьннмъ (725, 26), въскрьстьномуу (750), и, напротив, въскрьсьню (741) — со слоговым г в слабом положении.

Нельзя решить, развилось ли слоговое г в въскрьсьнюму (731/32) в средне-сильном положении или появилось по аналогии; ср. крьнь наряду с брьнь (обе формы в 926); см. стр. 162. Неясно также, произносилась ли писцом форма прельзъ II 37 с ѡ. Кръвъъ (2 раза) и, напротив, крьвъ (7 раз), крьвъ (1 раз) (со слоговым г по аналогии с крьвъ, -и?). — 6 раз рьци, 1 раз рьци; по разу льзъ, льсташъ, льсти: 1 раз льсти.

Макед. глагол. листок: пльтьскыи; слъзми.

Охридское ев.: нет материала.

Хиландарские листки: пльтьномуу; крьфенимъ, -ис, -немъ, крь(штамъннмъ); крьсти (3 раза), крьткъ; въскрьсенинъ, въскрьснътъ. Вероятно, слоговые г и ѡ.

Листки Ундольского: скръжеть, повидимому, с г, хотя такое произношение нельзя доказать.

Македонский кириллический листок: пльти, очевидно, со слоговым ѡ; напротив, написание гръвьскы (3 раза) заставляet предполагать произношение гъ.

Саввина книга: постоянно ль, иногда ль: вльннщнсъ, слъзми 79: слъзми 130; пльва-; наряду с пльть (4 раза),

пльти (1 раз), 1 раз пльть. Первые из этих примеров произносились, вероятно, с *k|p-*, *s|z-*; возможна первоначальная форма *lʲ* с перегласовкой *ъ*. После *p* обычно *ь*; это написание *рь* (также и на месте старого *гъ*: *кръвь*, *-е*, *-и*; *стѣкръвьские*) может передавать произношение *гъ* или слогового *г*; *кръвь* произносится, наверное, со слоговым *г* (образование по аналогии с косвенными падежами). Перегласовка *ъ* в *ь* при наличии форм *въ* и *ѣ* и господствующей формы *пльть* здесь маловероятна. Такие редкие написания, как *крѣви*, *крѣвоточени*, *скрѣжѣть*, *стрѣжѣтани*, вряд ли произносились со старым *гъ*, скорее с *г*. — *рьчи*, *рьчѣта*, *рьчѣте* — всего 12 раз; одиночная форма *рьчѣта* не соответствует характеру этого памятника: в нем даже *г* передается как *рь*; *лѣж-*; *лѣсти*, *-ниѣ*.

Супрасльская рукопись: пестрота, бросающаяся в глаза в употреблении *ъ* и *ь*, становится оправданной после установления того, что как при старом *гъ*, так и при старом *lʲ* следующий палатальный гласный поддерживает написания с *ь*. Например: *крѣсть* (14 раз, только так), в противоположность этому — *крѣста* 8 раз, *крѣста* 5 раз, — (*прѣ*) *слѣзи* — только с *ь* (11 раз), в противовес этому чаще *слѣзами*, *-ты*, чем *слѣзами*, *-ты*. Указанные отношения напоминают отношения при старых *г* и *lʲ*; вполне возможно, что и исконные *гъ*, *lʲ* в слабой позиции произносились как *гʲ*, *lʲʲ* (написания *рь*, *лѣ*). В словах *скрѣжѣть* (1 раз): *скрѣж-* (6 раз) согласный *ž* вызывал сочетание *рь*, так же как и при исконном *гʲ*. В таких словах, как *пльть* (20 раз; только так; *пльти* — 38 раз, *пльти* — 1 раз; всего 108 раз *лѣ*, 7 раз *лѣ*) и *крѣвь* (22 раза, *крѣвь* — 6 раз; наряду с *крѣви* формы с *рь* встречаются сравнительно реже; наряду с *крѣвь ж*, *-ниѣ* — еще реже) мы имеем, повидимому, такую же перегласовку, как и в *въ* и *ѣ*; см. стр. 160.

В начальных слогах исконные сочетания в общем остаются без изменения: *рѣждѣ*, *рѣжѣште*, *рьчи* и т. д., *рькѣ*, *нѣмѣ*, *лѣж-*, *лѣва* и т. д.; *лѣзь*, *лѣнѣнѣ*, *лѣст-*. Исключения редки.

Не только Супрасльская рукопись, но и другие памятники указывают на относительно позднее сохранение сочетаний плавных с редуцированными в начале слова, во всяком случае, в говорах, отражаемых некоторыми памятниками, уже произносились *г* и *lʲ*; ср. *рьчи*, *лѣсти* *Клоц*.

сб. О существительном рѣпѣтъ и глаголе рѣпѣтати см. стр. 162. Наряду с высказанным там предположением можно допустить наличие двойной формы гърѣ-, гърѣ- (ср. ст.-слав. лѣпѣтъ-иѣтъ, русск. лепет).

ЛИТЕРАТУРА:

См. литературу к § 13.

Кроме того различие между г : г', ъ : ъ' : Ф. Фортунатов, DLz., 1910, стр. 740 и сл.; Лекции, стр. 156—167.— А. Шахматов, „Изв.“, VII, 1, стр. 287—292.— N. van Wijk, Zum abg. lb, „IF“, XXXV, стр. 342—346.

г, ъ (г', ъ') и гъ, ѣ, гъ ѣ в отдельных древнеболгарских текстах (не считая замечаний по грамматике к отдельным изданиям): А. Leskic, „Berichte“, XXVII, Leipzig, 1875, стр. 35—137 и др.— Киевские листки В. Ягич, „JA“, II, стр. 218 и сл., сноска.— Зографск. ев.: В. Ягич, „JA“, II, стр. 201—220.— Сын. пс.: Ю. Петровская, „Изв.“, XXI, 1, 299 до 301.— Син. требник: Р. Lang, Jaz. rozbor, I, стр. 21 и сл.— Саввина ки.: В. Шепкин, Рассуждение, стр. 214—223.— Супр.: С. Обнорский, Глухие в сочетании с плавными в Супрасльской рукописи, „Изв.“, XVII, 4, стр. 333—384.— Новгород. листки: Ф. Каминский, „Изв.“, XXVIII, стр. 291.— Начальные ѣ, гъ: С. Кульбакин, Охр. р. Ап., XCV.

сѣръѣ, др.-русск. сѣръѣ, сѣръѣ. В. Ягич, Критические заметки по истории русского языка („Сборник“, XLVI, № 4, СПб., 1889), 26 со сноской.— V. Vondrák, O mluvě J. Eх., стр. 25.— С. Обнорский, Ефр. К., стр. 44, 47.— Р. Корко, Apostolus Bybliensis saec., XIV (Denkschr., LV), Wien, 1912, 4 — А. Шахматов, Очерк, стр. 158.

krst(ъ) вместо krbstъ, krestъ: С. Кульбакин, там же, XCI и сл.

§ 29. Носовые гласные о, е

Произношение носовых гласных о и е в старославянский период выявляется из тех случаев, в которых носовой гласный чередуется с неносовым, а также из звуковых соответствий в некоторых заимствованных и иностранных словах. Необходимо рассмотреть следующие случаимены гласных:

1. мѣдити: мѣудити, нѣдити: нѣудити, гнѣшати: гноушати вместе с родственными словами (мѣдѣтъ, нѣдѣма, -ми, нѣжда, гнѣшь). Другие славянские языки и родственные слова в индоевропейских языках указывают на исконность ѹ; таким образом, мы имеем здесь прогрессивную ассимиляцию, вызванную предшествующим согласным. По упот-

реблению *pod-: nud-* памятники распределяются так: Зографское, Мариинское, Ассеманиево евангелия, Синайская псалтырь, Синайский требник, Клоцов сб. содержат исключительно *нд-* (-*нд-*), Хиландарские листки — также *нд-* *днѣ сѧ*; напротив, Саввина книга и Супр. рук. имеют *нуд-* наряду с *нд-* (-*нд-*), Македонский кириллич. листок — *нуждн*. Примерно такое же положение характерно и для *gnos-: gnus-* (-*ш-*), хотя эти слова и не встречаются в евангельских текстах; Синайская псалтырь и Требник содержат *ж*: Супр. рук. — *ж* и *ю*. Иное распределение находим в корне *pod-, tud-* (-*зд-*): *ю* наряду с *ж* в Зографском ев., *ж* — в Мариинском, *ю* — в Ассеманиевом ев., Требнике, Саввиной книге, а также в Болонской и Погродинской псалтыри, в противоположность Синайской псалтыри (*здмѣдн*, -*и*).

2. Диссимилиация встречается в *соумьнѣти* (-*нне*) наряду с *сжмьнѣти* (-*нне*). Глаголические евангелия, Синайский требник и Саввина книга имеют только *сж-*, кроме одиначной формы *оусоумьнѣ Мар.*; Супрасльская рук. имеет *сж-* и *соу-*. Несколько более древней и, вероятно, общедревнеболгарской является диссимилиация в слове *соугубѣ*, восходящем, повидимому, к **srgubъ*. Мейе выдвигает менее правдоподобное предположение („*Etudes*“, 162 и сл.).

3. Диссимилиацию находим также и в форме *помьнѣти* наряду с *поманѣти*. Только *м* встречается в Синайском требнике (18 раз); только *н* — в Клоцовом сб. (5 раз), в Зографских листах (1 раз) и в Саввиной книге (5 раз); *Мар.* 1 раз *м*, 14 раз *н*; *Асс.* 7 раз *м*, 1 раз *н*; *Зогр.* 11 раз *н*, 4 раза *м*, а именно, 2 раза в евангелии от Луки и 2 раза от Иоанна (*н Матф.* 3 раза, *Марк* 1 раз, *Лука* 5 раз, *Иоанн* 2 раза); в псалтыри — оба гласных с преобладанием *м* в частях VI, X₂, XII. Следует при этом обратить внимание на то, что и в передаче приведенных слов вторая часть Зографского евангелия является более древней. Материал из Супрасльской рукописи нами не собран. Чередование *е: ѣ* указывает на открытое произношение старославянского *ѣ*, так как и *ѣ* был звуком открытым, близким к *ѣ*. С *помьнѣти* следует сравнить такие слова, как *камьнѣ*, *прѣмо* (-*мѣ*), и некоторые другие; фактически в них вполне возможен переход *ѣ > ѣ* (ср. др.-русск. *каманѣ*, *прѣмо*); это явление, однако, очень древнее

и охватывает весь древнеболгарский язык (см. Н. Дурново, „Slavia“, VI, 209—232 и приводимую там литературу).

В то время как явления, описанные в пунктах 1—3, широко распространены и относятся к довольно ранней эпохе, случаи 4—6 ограничиваются только определенными памятниками и являются, вероятно, более поздними.

4. В Мариинском евангелии и Клоцовом сборнике оу и ж чередуются так часто, что предполагают, что в говоре писцов данных памятников (или их оригиналов) эти звуки совпадали. Выдвигали предположение и о переписчиках-сербях, но если принять во внимание некоторые другие болгарские (македонские) особенности этих памятников (в первую очередь в <ъ, ѡ < ѣ), то более вероятной окажется гипотеза о болгарском говоре, находящемся под влиянием сербского языка. До сих пор, к сожалению, не установлена связь этого древнеболгарского диалектного типа с о из ѣ, с одной стороны, и и из о, с другой, с каким-либо новоболгарским диалектом или с какой-либо среднеболгарской группой текстов. Кульбакин („Revue“, III, 240) думает, что такая связь существовала с Апостолом Верковича XIV в., Вондрак (Aksl. Gr., изд. 2, 144) предполагает эту связь с изданными Венелиным влахо-болгарскими грамотами; в этом отношении можно было бы исследовать так наз. Берлинский сборник. Новомакедонские диалекты, имеющие и в качестве правильной замены о, обнаруживают и в остальных отношениях настолько четкие сербские черты, что никоим образом нельзя сравнивать язык Мариинского евангелия непосредственно с языком этих говоров.

В других памятниках оу на месте ж встречается лишь sporadически. См. Вондрак, цит. соч., 148—156, „Zschr.“, 1, 455; во многих случаях здесь действовали также и другие факторы: ассимиляция или диссимиляция звукового или графического характера (ср., напр. имер, Супр. нмоуштуоуоуоу и глаголы на -ноути вместо -нати). -цѣ в нѣбѣсьскуѣ Киевских листов V/6, 7/8, вероятно, является опиской вместо -ѡѣ, или это -цѣ возникло из -ѣѣ в результате диссимиляции.

5. ѡ на месте ж часто встречается в Синайской псалтыри, там же находим два раза ж на месте ѡ. Все эти

Много таких случаев встречается и в Зографском евангелии¹; отчасти их можно объяснить описками или смешением различных грамматических категорий (см. Кульбакин, Грамм., 40; Kurz, „LF“, LI, 311); такие формы, как *ѣтъ* на месте *ѣтъ*, *ѣужисше* вместо *-ша*, указывают на сходство ę и е и на слабую назализацию ę. То же можно сказать и о 6 формах с *ѣ* на месте *ѣ* в Синайской псалтыри („J. фил.“, IV, 177, сноска 3). О формах с *ѣ* на месте *ѣ* в Зографском евангелии см. Кульбакин и Kurz, также „LF“, L, 230, Weingart, „SMF.“, II, 392 и сл. (ср. также и такие описки, как *ѣрѣтъ* *Матф.*, 5, 24 вместо *ѣрѣ*, *ѣрѣтъ* *Марк.*, 15, 25).

Из всего сказанного выше можно заключить, что в древнейшем болгарском языке *о* имело закрытое произношение (что-то вроде *o^u*), *ę* — открытое, близкое к *е* (что-то вроде *ě*). В более позднюю эпоху в некоторых говорах *о* совпало с *и*, в других — оно стало произноситься как *о*, что, вместе со слабой назализацией, уже означало шаг на пути к среднеболгарскому произношению *о* как *ъⁿ* (*aⁿ*) и даже *ъ(a)*; с другой стороны, чередование *ę* и *е* может указывать на небольшое (диалектное?) сужение произношения *ę*. Форма *ѣнѣтъсѣуѣу* (*Зогр.* 2 раза), *ѣнѣтъсѣ* Синайского требника и некоторые другие случаи такого рода заставляют предполагать лабиализованное произношение *ѣ*, об этом свидетельствуют и группы *ип*, *ипѣ* в славянских заимствованиях в румынском языке (в то время как *ип*, вероятно, восходит к более позднему *ъс* (*ъп*); вопрос о румынских заимствованиях, во всяком случае, еще окончательно не решен); напротив, открытое произношение *ę* явствует из форм типа *ѣлѣксѣдрѣуѣу* *Мар.*, *Марк.*, 15, 21; *Константинѣ* *Клоц. сб.*, II, 24, 5, а также из подобных случаев в Супрасльской рук., Остромировом ев. и т. д.

Кроме описанных выше шести типов мены гласных, в древнеболгарских источниках представлены еще формы, которые можно рассматривать как древнейшие примеры так наз. среднеболгарской мены носовых. Такого рода формы заставляют нас обратиться к проблеме среднебол-

¹ О возможном чередовании *ѣ-с-* в древнеболгарском оригинале Изборника 1073 г., в проповедях Кирилла Иерусалимского и Пандектах Антиоха см. Дурново, „J. фил.“, IV, 93.

гарской мены юсов, тем более, что это связано также с параллелизмом в развитии других гласных (ѣ-’а, ѣ-ъ и т. д.; см. § 20). Сначала мы рассмотрим древнеболгарский материал.

Так как мены носовых (ѣ > а после ѣ, ѣ, ѣ; а > ѣ после ш, ж, шт, жд; подробности см. ниже) не наблюдается только в очень немногих среднеболгарских текстах, то можно предположить, что этот языковый процесс, закончившийся в XII в., был не совсем чужд XI в. и может быть обнаружен в древнеболгарских памятниках. Вряд ли можно предполагать, что все древнеболгарские памятники относятся к той же самой диалектной группе, к которой принадлежат среднеболгарские Добромирово и Добрейшево евангелия, не знающие мены юсов (кроме некоторых случаев, объясняемых не фонетическим развитием, а морфологической аналогией); это тем более неслучайно, что важнейшие — именно для Добромирова и Добрейшева евангелий — признаки, т. е. шъ, ѣъ и т. д.¹ (см. стр. 134), были чужды языку большинства древнеболгарских писцов. Древнеболгарский материал таков:

Зогр.: ѣъ юдѣа *Иоанн, 7, 3* (в „LF“, L, 231 эта форма рассматривается как вин. п. мн. ч.): юдѣа (вин. п. мн. ч.; повидимому, описка под влиянием предшествующего ѣ ѣа); Галилеа *Лука, 23, 6* (вряд ли можно объяснить как вин. п. мн. ч.); воды въсѣплѣштѣа *Иоанн, 4, 14* (род. п. ед. ч.; этому написанию предшествует ѣ, так что здесь возможна графическая ошибка); лежѣштѣа *Матф., 8, 14* (может быть, первый ѣ под влиянием вторичного?); глѣа *Лука, 18, 2*, въсѣмѣа *Лука, 19, 22* (им. п. ед. ч. причастия, по аналогии с косвенными падежами? или может быть эта форма воспринималась писцом как 1 лицо ед. ч.?); юношѣа *Мар., 14, 51* (писцом воспринималась, очевидно, как вин. п. ед. ч.). Из замечаний, сделанных в скобках, видно, что почти все варианты рукописей могут быть объяснены как образования по аналогии, или как результат неправильного осмысления форм, или как описки; несмотря на это, в некоторых случаях может быть представлена действительная мена юсов. — В словах вѣштѣа, падѣа

¹ В среднеболгарском Дечанском евангелии носовые гласные, сочетание ша и т. д. употребляются, как в древнеболгарских памятниках.

Марк, 1, 38, 40 ж является результатом исправления текста (поправки); первоначально здесь было написано ѡ.

Мар. гла҃м Лука, 18, 2 (также и Зогр., см. выше) и 1 раз ѡ вместо ѡ (αὐτοῦς).

Асс.: приѡмать, въспѡмать, пѡмѡщи, -ни, лѡжаще, помѡжатъ, лѡжа (может быть понято и как форма мн. ч.).

Три последних случая отклоняются от среднеболгарского правила, согласно которому после ж должен стоять ж.

Синайская псалтырь: зѡря вин. п. ед. ч., дѡж род. п. ед. ч., стѡж вин. п. мн. ч.—по 1 разу в частях II, VIII¹, въдовѡца X₁, осознанное писцами как вин. п. мн. ч.?

Синайский требник: 3 причастия на -ѡ, которые следует понимать как образования по аналогии (если это не ошибки Гейтлера); непомѡруѡщѡнимъ (2 р.), неспѡстаѡщѡмъ; всѡсѡря вин. ед. ч.

Клоцов сборник: дѡж 533, может быть понято писцом неправильно как форма вин. п. ед. ч.; гла 'λέγω' 877, возможно, описка, вызванная предшествующими причастиями на -ѡ, -ѡ.

Саввина книга: 1 раз ѡ на месте ѡ, 1 раз стѡща вместо формы с -ѡ.

Супр.: стѡѡшта 332,30 (NB. раньше идет стѡѡшта) и 2 формы твор. п. на -ѡ, с другой стороны, въроуѡ — причастие наст. вр.

Хотя бо́льшая часть этого материала может быть объяснена иначе, все же некоторые формы, прежде всего из Зографского евангелия, Ассеманиева евангелия и псалтыри могут представлять собою древнейшие случаи мена юсов. Несомненно, эта мена началась прежде всего в Македонии, родине глаголических памятников, а не в восточной Болгарии. Создается впечатление, что в XI и XII вв. произошло очень быстрое взаимосближение носовых, сопровождаемое ослаблением носового призвука. В тех областях, где ринезм сохраняется до сих пор (как ѡт, ѡп², ет, еп или как носовые сонанты), совершенно отсутствует мена юсов; это наблюдается главным образом в говорах вокруг Солоник и Костура; есть следы ринезма и в других областях. Совершенно не приемлема гипотеза Цонева

¹ зѡмѡм как в 78,5 (при роsѡtiti), так и в 1336, 2 (при супинне) род. п. ед. ч.

² Гласный может звучать и как се или быть близким к о.

о том, что в основе среднеболгарских текстов с меной носовых лежит говор (родопский), отличный от говора древнеболгарских памятников без этой мены и что как родопские отношения (ъ:’ъ), так и появившееся в древнеболгарском различие р:ѣ восходят к более древнему состоянию, когда произносилось ѣ^п:’ѣ^п. Праславянский язык имел два носовых гласных р, ѣ, и древнеболгарские отношения, соответствующие праславянским, являются их продолжением.

В среднеболгарской мене носовых различают так наз. правильную и неправильную мему. Правильная мена имеет место после *j* и исконно мягких согласных *š, ž, č, št, žd, c, dz, s’, l’, n’, r’* и состоит в том, что после *ш, ж, шт, жд* на месте старых *ѣ* и *р* пишется *ж*, а после *л, ѣ, ѣ* на месте старых *ѣ* и *р* пишется, наоборот, *л*. После остальных из названных согласных отдельные памятники употребляют один из этих двух знаков. На основе употребления юсов после *ч* удалось выделить охридскую группу текстов, к которой относятся Болонская псалтырь, Охридский апостол, Битольская триодь, Дечанская псалтырь и Софийский октоих XIII в. Эти памятники употребляют *ѣж* на месте старых *ѣл* и *ѣж* (ср. современное охридское произношение *сѣдо* вместо древнеболгарского *ѣлдо*). После *j* некоторые тексты (также и охридская группа) имеют всегда *ж*, другие же, напротив, всегда или почти всегда *л*; третья группа, являющаяся, повидимому, восточноболгарской, употребляет попеременно то *л*, то *ж*; при этом в некоторых памятниках употребление юсов внутри слога зависит от предшествующего гласного. Знаки *ѣж* и *ѣл* в среднеболгарском встречаются редко.

Так наз. неправильная мена носовых состоит в отказе от первоначального распределения *ж* и *л* после всех согласных, причем преобладает то *ж*, то *л*; есть даже памятники, совершенно утратившие один из носовых; так, например, в евангелии Драгия употребляется исключительно *ж*, в Пловдивском евангелии — постоянно *л* (если только это не сербизованная замена юсов); в одной рукописи Румянцевского музея, приблизительно 1300 г., употребляется только *л*, а на месте йотованных *л* и *ж* постоянно находится *ѣ*. В Триоди XIV в. после согласных употребляется *л*, после гласных и в начале слога — *ж*.

Как можно объяснить эти факты? При так наз. правильной мене предшествующий согласный влияет на употребление юса; несомненно, что различие шѣ и т. д.: ѣ и т. д. зависит от сохранения мягкости перед п' и т. д. в противоположность ѣ и т. д., в то время как различие ѣ:ѣ, вероятно, указывает на более твердое или более мягкое произношение ѣ в зависимости от говора. Как же произносятся сами юсы? Экблом защищал высказанное раньше Миклошичем мнение, что между среднеболгарскими юсами, большим ѣ и малым ѣ, не было фонетического различия; оба звука представляли собой какую-то разновидность ѣ. Относительно употребления двух знаков Экблом выдвигал гипотезу о твердом или мягком произношении предшествующего согласного. Он полагал, что в середине XIII в. полумягкие и мягкие согласные (le или l'e) совпали, и в таких случаях, как вѣмѣ, дѣмѣ, хѣмѣ, у первого писца Охридского апостола, в Златоусте Ягича и т. д., где мы находим „неправильную“ мену юсов, произносился носовой ѣ с предшествующей слабой палатализацией, что Экблом считает ранним среднеболгарским явлением. Против этой точки зрения очень убедительно, по нашему мнению, возражал Кульбакин, который, указывая на мену ѣ:ѣ в ранних среднеболгарских текстах (Добром. ев., Охридск. ап.) (например, вѣспрѣмѣ у первого писца Охридского ап.), доказывал затем невозможность сильного смягчения согласных перед гласными переднего ряда: это не отражено ни в древнеболгарском, ни в среднеболгарском правописаниях, а в современном болгарском языке ограничивается в общем только восточными областями. Важным является свидетельство Мануилова апостола XIII в., где вместо ѣѣ выступает ѣѣ, в то время как ѣѣ остается без изменения: здесь ѣ никак не может означать мягкого произношения ѣ.

Во многих текстах между ѣ:ѣ и ѣ:ѣ находим некоторый параллелизм. Буквы, обозначающие указанные пары гласных, в ряде памятников распределяются после исконно мягких согласных совершенно одинаково (см. стр. 132 и сл.); это может указывать и на звуковой параллелизм; полагают, что если написание шѣ:ѣѣ означает не просто твердость или мягкость согласного, но и противопоставление а:ѣ, то это имеет значение и для шѣ:ѣѣ. Правда, не во всех

памятниках вместе с меной юсов имеются и параллельные формы с ѡ: а; см. стр. 184, сноску, где приводятся отношения Боянского евангелия.

Параллелизм с развитием ѧ имеет некоторое значение для определения того, как звучали среднеболгарские юсы. Переход шѡ < шѧ и т. д. рассматривают как процесс лабиализации (Шепкин, Кульбакин), но параллелизм с шѡ > шѧ и до некоторой степени с шю > шюу указывает скорее на простую депалатализацию (отверждение); точно так же оценивается встречающаяся в некоторых текстах (Аграмский Октоих, Македонские деяния апостолов, Врачанск. ев. и т. д.) мена ѡ-ѧ¹; в других текстах мена ѡ-ѡ (или ѧ: ѡ в памятниках, где употребляется только ѧ; Охр. ап., Пловдивское евангелие и т. д.) также ни в коем случае не предполагает лабиализованного произношения, поскольку возможное для древнеболгарского языка лабиализованное произношение ѡ уже больше не существовало к концу древнеболгарского периода, когда оба ера совпали в одном звуке. Встречающееся в современных болгарских говорах произношение ѡ как о возникло позднее. ѡ в общих чертах обозначал в среднеболгарском языке звук типа ѡ^а- или а^б, ѧ — звук типа е².

Если правильная мена юсов основана на имевшем место после некоторых согласных совпадении юсов, которые в других позициях отличались друг от друга, то так наз. „неправильную“ мену юсов можно объяснить тем, что писцы при общем разрушении старой системы уже не могли правильно употреблять юсы; если, например, первый переписчик Охридского апостола пишет, с одной стороны, ѡ на месте ѧ и ѡ на месте ѡ, а с другой стороны, смешивает юсы, то можно предположить, что на месте носовых он произносил гласные ѡ или ѡ и не мог правильно понять значение букв ѧ, ѡ. В других случаях можно предположить действительное совпадение ѡ и ѧ, которое встречается в современных родопских говорах, где на месте носовых произносят ѡ или звуки, развившиеся из него: следы ѧ сохраняются там в мягко-

¹ *истина Син. пс., 1646, 13* вряд ли содержит ѧ на месте ѡ, скорее здесь налицо неправильное употребление падежных форм.

² Встречается мена ѧ-ѡ и ѧ ѡ.

сти предшествующего согласного; это смягчение согласных оставалось в среднеболгарском неотмеченным. Мнение Милетича, высказанное в 1906 г., что мена юсов связана с количественными отношениями гласных, неприемлемо.

Менее многочисленны среднеболгарские памятники, не знающие мены носовых (кроме случаев, вызванных аналогией; Добромирово, Добрейшево, Дечанское евангелия). Можно полагать, что в основе их лежат говоры с сохранившимся ринезмом.

сать, имать не содержат мены носовых; эти формы объясняются морфологически (см. § 66 А, п. а).

иѣ вместо *иъ* — вероятно, восточноболгарское явление. Можно думать о таком же усилении произношения, как и при *се* (*Сав. кн.*) вместо *съ*.

О а с крючком (*а*) см. § 47, п. в 1.

ЛИТЕРАТУРА:

Произношение древнеболгарских носовых гласных: В. Ягич, *Wie lautete $\mathfrak{z}$ bei den alten Bulgaren?* „JA“, III, стр. 312—357.— А. Поттебня, К истории звуков русского языка, Воронеж, 1876, стр. 211—220; в немецком переводе *Zur Frage nach dem ursprünglichen Lautwerth der slavischen Nasalvocale*, „JA“, III, стр. 614—620.— Л. Милетич, „ПСл.“, XIX/XX, стр. 224—237; Старобългарска граматика, 1888, стр. 15.— В. Облак, „JA“, XVII, стр. 146—148.— I. Vărbulescu, *Jagić-Festschrift*, стр. 438 до 441.— С. Младенов, „RS“, III, стр. 128—133; „JA“, XLI, стр. 150 и сл.¹— Ф. Фортунатов, Состав О. Е., стр. 49—62.— Б. Цонев, Езикови взаимности между Българи и Ромъни („Год. Соф. Унив.“, XV/XVI), София, 1921, стр. 15.— С. Кульбакин, „Revue“, II, стр. 192—194.— E. Sievers, *Verstexte*, 10 и сл.; *ё* и *ја* и др.— Н. Трубецкой, „Revue“, V, стр. 37; „Slavia“, VI, стр. 674 и сл.— T. Lehr-Spławiński, „Revue“, VI, стр. 64.— A. Rosetti, „Revue de linguistique romane“, III, Paris, 1927, стр. 228 (также Th. Caridan, который возражает Росетти).

Специально древнеболгарские вопросы: *пъмънати*: В. Шепкин, Рассуждение, стр. 72 и сл.— W. Vondrák, *Vgl. Gr.*, I, изд. 2, стр. 80.— *сѣмънати, иидити* и т. д.: A. Meillet, *su-gubŭ*, Etudes, стр. 161—164; *Slave s.*, стр. 54 и сл.— В. Шепкин, Бол. ис., IV—VI—A. Brückner, *N- und U-Doubletten im Slavischen*, „KZ“, XLII, стр. 332—369.— J. Rozwadowski, *O oboczności o||u*, „RS“, V, стр. 55.— F. Ratovš, „ČMF“, VIII, стр. 1 и сл.— С. Кульбакин, „Revue“, II, стр. 205; IV, стр. 51.— M. Noha, „LF“, LI, стр. 250.— Мена *оу-ж* в Мар., Клоц. сб. и в среднеболгарском: Милетич, Фортунатов,

¹ Некоторая литература о замене носовых в румынских заимствованиях,

Бузук, Кульбакин; см. § 6 (Мариниск. ев.).— П. Лавров, Обзор, стр. 22 и сл.— Н. А. Начов, Бележка за българската замена на ж с у, Jagić-Festschrift, стр. 486—494.— С. Кульбакин, „Revue“, III, стр. 240; IV, стр. 43—52.— Зограф.: Н. Грунскый, Сборник, LXXXIII, № 3, стр. 24—30.— М. Weingart, „CMF“, II, стр. 392 и сл. (также и об Асс. ев.).— J. Kurz, „LF“, L, стр. 230—232; LI, стр. 311.— С. Кульбакин, Le vieux slave, стр. 43—47.— Син псалтырь: С. Кульбакин, „J. фил.“, IV, стр. 176—178.— М. Долобоко, „Zschr.“, I, стр. 455.— Требн.: P. Lang, Jaz. rozbor, I, стр. 23 и сл.— Саввина книга: В. Щепкин, Рассуждение, XIII, сноска, стр. 72—94 (также и об Асс. ев.).— ~~гравда~~ В. Щепкин, Бол. пс., стр. 167.— Ф. Фортунатов, Состав О. Е., стр. 57 и сл.— Древнеболг. мена а-в-: Н. Дурново, „J. фил.“, IV, стр. 93.

Мена а и ж; среднеболгарское произношение: F. Miklosich, Starine, III, стр. 149 и сл.— A. Leskien, Bemerkungen über den Vocalismus der mbg. Denkmäler, „JA“, II, стр. 269—288; IV, стр. 565—574.— В. Ягич, „JA“, III (см. выше), Ев. Добр., I, стр. 21—35.— J. Polivka, „JA“, X, стр. 121 и сл.— М. Valjaves, Starine, XX, стр. 164—176.— В. Облак, „JA“, XVII, стр. 152—156.— П. Лавров, Обзор, стр. 15—34.— В. Щепкин, Сборник, LXIV, № 10, стр. 24—40; Рассуждение, XIII, сноска, стр. 77—84; Бол. пс., стр. 135—186.— Л. Милетич, „JA“, XX, стр. 593 и сл.; „Псп.“, LXVI, стр. 103—106; Следы среднеболг. замены носовых в новоболг. наращениях, Статьи по славяноведению, II, СПб, 1906, стр. 186—205.— С. Кульбакин, „Изв.“, IV, стр. 802; „ЖМНП“, CCCLIV, 1904, стр. 27 и сл., CCCLIX, стр. 5 и сл.; Охр. рук. Ап., LIX—LXXXV; „J. фил.“, III, стр. 155—165 (критика работы Экблома „Développement“), „Revue“, III, стр. 221—241 и IV, стр. 24—52 и др.— Б. Цонев, Классификация, стр. 15—19; Диал. студии, I, стр. 80; „Псп.“, LXVI, стр. 542 и сл. (Кюстендилско четвероевангелие); Врач. ев., стр. 18—47, 223—230; История, I, стр. 192—197.— J. Páta, Zlomek, стр. 50—54 (с большим списком литературы); „ČMF“, IV, стр. 109—111, 193 и сл.; Nové příspěvky k dějinám středobulh. jazyka a písemnictví („LF“, XI, II), стр. 8—11.— R. Ekblom, „MO“, X, стр. 27—32; Le développement des voyelles originairement nasalisées dans le moyen bulgare, „MO“, XII, стр. 177—225 (об этом С. Младенов, „JA“, XXXIX, стр. 114—118 и С. Кульбакин; см. выше).— П. Бузук, „Изв.“, XXIX, стр. 315 до 318.— A. Margulies, Suprasl., стр. 55 и сл.— С. Младенов, „JA“, XLI, стр. 150 и сл.

Обзор отношений отдельных среднеболгарских памятников и литература, посвященная этим памятникам, у А. Лескина, „JA“, II, IV (см. выше), R. Ekblom, Le développement, стр. 207—220, кроме того: об Аграмском октоихе: В. Ягич, „JA“, III, стр. 335—350 (ср. тексты в Старине, X, стр. 152—156).— О Драгонинском ев. В. Ягич, Ев. Добр., I, стр. 79.— С. Кульбакин, „Изв.“, IV, стр. 863—866; он же на стр. 866 и сл. о двух листках Румянцевского музея, № 1693 п.— Об апостоле Мануил: Г. Ильинский, „Изв.“, XIII, I, стр. 369 и сл.— О Лобковск. или Хлудове паремийнике: Б. Цонев, Врач. ев., стр. 223—230.— О фрагменте Евангелия Григоровича: С. Кульбакин, „Изв.“, V, стр. 906—910.— Об евангельских листках Миклошича: С. Северьянов, „РФВ“, XLVIII, стр. 382 и сл.—

О Бигольской Триоди: Й. Иванов, Бълг. старини, стр. 90 и сл.— Об евангелии Сречковича: J. Polivka, „Starine“, XXIX, стр. 102—106.— О Пловдивском ев.: Й. Пата, „Списание“, XXII, стр. 216 и сл.— Об отдельных памятниках в Софии: С. Младенов, „Zschr.“, II, стр. 510 и сл.

Среднеболгарское „ж. С. Кульбакин, „Изв.“, V, стр. 906; „Revue“, IV (см. выше) и др.

Новоболгарский язык: Многие о новоболгарских отношениях в указанной выше литературе; затем см. М. Дринов, „ПСп.“, I, XI/XII, стр. 163 и сл.— А. Теодоров, „ПСп.“, III, стр. 142—145; XIV, стр. 266 и сл.; XV, стр. 403—407.— В. Ягич, Zur Frage über den Rhinesmus im Neubulgarischen, „JA“, II, стр. 393 и сл.; Neueste Belege für den Nasalismus des macedonischen Dialectes, „JA“, XI, стр. 264—269 (по поводу работы П. Драганова, Носовые гласные звуки в современных македонско-славянских и болгарских говорах, „РФВ“, XIX, стр. 1—27).— А. Соболевский, Носовые гласные в новоболгарском языке, „РФВ“, XXIII, стр. 77 и сл. (ср. также приводимую там литературу).— А. Kalina, „Rozpr. fil.“, XIV, стр. 371—427.— В. Облак, „МСб.“, XI, 1894, стр. 518—550; Maced. Stud., стр. 18—25; „JA“, XVII, 132—156.— Л. Милетич, Ostbulg. и др.; Rhodopemundarten и др.; „Списание“, XXXIII, стр. 18—21.— Б. Цонев, Диал. студии, I, стр. 12—15, 48 и сл., 78—81; Добрейш., стр. 72 и сл.; История, I, стр. 495—509 (повторение и резюме предшествующих работ).— С. Младенов, „RS“, IV, стр. 107 и сл.; V, стр. 198—200.— J. Páta, „СМФ“, IV, 195 со сноской, 31.— А. П. Стоилов, Остатки от назализма в Солунские села Зарово и Висока, „ПСп.“, LXI, стр. 703—712; „Българска реч“, I, 1921, стр. 36; „Slavia“, VI, стр. 648—650.— А. Селищев, Очерки, I, стр. 38—50, „Slavia“, IV, стр. 351—353.— А. Mazon, Contes slaves de la Macédoine sud-occidentale, Paris, 1923, стр. 15—17.

Носовые гласные в русско-церковнославянских текстах: Н. Дурново, „J. фил.“, IV, стр. 87—94; V, стр. 94 и сл. [F. Sławski, Oboczność a — u w językach słowiańskich, „Sl. Occ.“, 18, 246—290.]

§ 30. Аффриката dz

Аффриката dz, развившаяся из g (см. § 17, п. 2, 3, 4), сохранилась в некоторых древнеболгарских диалектах, в других она изменилась в z. Кирилл и Мефодий знали dz, о чем свидетельствует наличие специального глаголического знака ѣ (кириллич. з, ѣ), служившего как буквой, так и цифрой („8“, в кириллице з „6“).

В тот период, когда dz было еще общеболгарским, в результате диссимиляции возникли такие формы, как *дрѣздѣ* < **drędzdę* (Сунр., 12, 8: дат.-мест. п. от *дрѣздѣ* „роща“). В древнеболгарских памятниках находим следующие отношения:

Киевские листки не имеют форм со славянским dz; Пражские листки имеют только ѣ (з); з отсутствует;

сравнивают моравизм $z < dz < dj$ (Киевск. л. *дазь* и т. д.). Для не дошедших до нас древнеболгарских памятников мораво-паннонского периода, вероятно, следует допустить наличие аффрикаты dz (s).

Аффриката dz (s) представлена в Синайской псалтыри (исключения составляют только формы: *отвъръзъмъ* 2а, 3, *рждъзи* 30а, 18, *кънази* 111б, 15 и 3 формы с *гъкъз-*), в Ассеманиевом евангелии, в Зогр. б, в Македонском глаголическом листке, в Охридском евангелии и (как s) в четырех кириллических отрывках: Хиландарских листках, листках Ундольского, Македонском кириллическом листке, Зографских листках; напротив, Саввина книга и Супрасльская рукопись знают только z , так же как и Синайский требник и Клоцов сборник. (*сълоуѣ* 140 в очень испорченном отрывке гомилии неизвестного происхождения — непонятное, вероятно, неправильное слово; может быть, писец скопировал форму с z , не поняв ее). Мариинское евангелие имеет z и z ; к концу памятника z встречается реже; следы такого употребления s и z находим и в Зографском евангелии; в некоторых случаях значительно преобладает s : *съло* (в Зографском также обычно s), в Мариинском ев. 18 раз употребляется s и ни разу не встречается z ; 2 раза *нозъ*, 21 раз *нозъ*. Зографское евангелие (без Зогр. б), несомненно, различает случаи, отмеченные в § 17 в пп. 2, 3, с одной стороны, и в п. 4, с другой. Наряду с очень частым z , разившемся из dz (согласно § 17, п. 4), s встречается только один раз: *къназь Иоанн*, 14,30 (NB. в более древней последней части кодекса); напротив, на месте dz в начале слога (см. § 17, пп. 2, 3) обычно стоит s , внутри слога чаще всего z , но и s , которое в отдельных формах (особенно в слове *нозъ*) встречается только во второй части кодекса.

В современном болгарском языке dz представлено очень часто, особенно в македонских и прочих западных говорах; оно есть и в говорах, близких к сербским. dz появилось и в таких словах, которые имели вначале z ; процесс этот начался еще в древнеболгарском: *прѣзъвъ Матф.*, 13, 26, *Асс.*, *листки Унд.*; в среднеболгарском формы с dz встречаются чаще; некоторые тексты (Добромирово евангелие) точно сохраняют исконные формы. Самым старым и наиболее распространенным является вторичное dz

в начале слога (ср. консерватизм Мариинского и Зографского евангелий в отношении начального s), но уже в среднеболгарском и новоболгарском встречаются такие формы, как (j)едзеро (область Кичева). Развитие вторичного dz является, вероятно, фонетически закономерным, но может быть отчасти связано с аналогическим чередованием dz-z- при старом dz.

ЛИТЕРАТУРА:

О старославянских отношениях (кроме грамматик и изданий текстов): F. Miklosich, O slovima **ž, z, ž**, „Rad“, IX, стр. 11—16.— В. Ягич, Чтения о церковнославянском языке, стр. 51 и сл. (см. С. М., 420); Entst., изд. 2, стр. 274.— Н. Грунский, Сборник, LXXXIII, № 3, стр. 30—32.— С. Кульбакин, „Revue“, II, стр. 187, 205; „J. фил.“, IV, стр. 180.— N. van Wijk, О судьбах звука dz в древнецерковнославянском языке, „J. фил.“, V, стр. 42—45.

О более поздних процессах: A. Kalina, Studyja, I, стр. 298—301.— П. Лавров, Обзор, стр. 100 и сл.— В. Облак, Mac. Stud., стр. 51—55.— В. Ягич, Ев. Добр., I, 1898, стр. 53 и сл.— В. Щепкин, Бол. пс., стр. 206—212.— С. Кульбакин, Охр. рук. Ап., СIII до CV.— Г. Ильинский, Слпч. Ап., LXXVI.— Б. Цонев, Добрейш. ев., 85.— J. Pata, Zlomek, стр. 65 и сл.— А. Белич, Дијалекти источне и јужне Србије, Белград, 1905, стр. 203—205.— А. Селешев, Очерки, I, стр. 158—160 (со специальной литературой о новоболгарских диалектах); „Slavia“, IV, стр. 358.

[N. Troubetzkoy, Die altkirchenslavische Vertretung des ur-slav. *tj, *dj, „Zschr.“, XIII, 88 и сл.— А. Belić, Jedno lingvističko pitanje, „J. фил.“, XIV, 143 и сл.]

§ 31. Изменение sts > st, zdz > zd

Сочетание sts встречается в формах трех типов:

1) в падежных формах основ на -sko-, -ska-, например, земѣльсѣ (местн. п. ед. ч. м. и ср. р., дат.-местн. п. ед. ч. ж. р., им.-вин. п. дв. ч. ж. и ср. р.), пасѣ; 2) в сложениях типа ксѣлѣти и тесно связанных между собой словосочетаниях, как кссѣлѣти; 3) в глаголе вксѣлѣти, где можно предположить исконное s'c' (ср. вксѣлѣнѣ Син. пс., 18 б, 8).

Старославянский язык, в котором **šć** изменилось в **št**, проявляет тенденцию к превращению **sc** в **st**, но эта тенденция выступает позже, вследствие чего в некоторых говорах находим различие между тремя категориями форм. Конечный результат был достигнут в языке Супрасльской рукописи, где первое сочетание только один раз пред-

ставлено как *сѣ* (*хѣуминьсѣ* 16,15), а в остальных случаях везде находим только *ст*; также и *блѣстѣнѣмъ*, -нѣ (462,14,5; 465,1), *истѣлѣнѣ* (115,6); если находим и *црѣкъѣвъ* 200,28 и *цѣлѣ* (115,4; 421,27 и т. д.), то, вероятно, это более старые формы (см. ниже), тогда как форма *истѣлѣ* восходит к реконструированной по аналогии форме *ис-цѣлѣ* (525,23). Подобные отношения встречаются в листках Ундольского, если формы *пастѣ* и *цѣлѣ*, наличествующие там, допускают такое истолкование. Два глаголических памятника в этом отношении также представляют дальнейшую ступень развития. Правда, в Охридском евангелии материал для доказательства весьма незначителен (*пастѣ*, *галилѣистѣ*!); напротив, Ассеманиево евангелие очень богато материалом: *пастѣ* в заглавии, вероятно, архаизм, в остальных случаях — *пастѣ* и т. д.; часто *цѣлѣ*; глагол *bliscati* (-*stati*) не встречается. Писец Зографского б (*истѣлѣ* и *исцѣлѣн*, *земьстѣн* и т. д. наряду с *людьсѣн* и т. д.), вероятно, также произносил *st*. Если сравнить эти отношения с материалом других древнеболгарских памятников, а также с состоянием в среднеболгарском, то станет ясно, что указанные выше старославянские памятники близки к среднеболгарскому языку и что *st* продолжало распространяться в среднеболгарском; исключительное употребление такого написания во многих памятниках (например, Добромир. ев., Болонск. пс., Охр. ап., Добрейш. ев.) указывает на географическое распространение *st*; в среднеболгарском распространена также форма *цѣлѣ* и т. д. Во всяком случае, *sts* в среднеболгарском еще не совсем исчезло; оно встречается в Триоди Копитара.

Прочие старославянские памятники представляют следующую картину:

Киевские листки: встречается один пример: *исѣбьсѣсѣ* IIIб, 23. В этом памятнике, содержащем даже форму *зѣшѣтѣ*, ничего другого и нельзя ожидать.

Зографское евангелие: 1 раз *галилѣистѣмъ* *Матф.*, 15,29; в остальных случаях в первом типе только *сѣ*; также и *блѣстѣнѣ*, но уже *цѣлѣ*, *цѣлѣ* и *црѣкъѣвъ* (*Иоанн*, 2,15 и т. д.); спорадические исключения: *исцѣлѣмъ* *Матф.*, 8,7, *исцѣлѣмъ* *Иоанн*, 5,13. Аналогичные отношения имеют место и в Требнике: *пастѣ*, *людьсѣмъ*, с другой стороны, частое *цѣлѣ* и *бѣцѣнѣнѣ* 44а, 14. В Саввиной книге: *пастѣ*, *людьсѣн*(1),

с другой стороны, ицѣл- наряду с более редким иеѣл-; глагол клѣсѣти не встречается.

Клоцов. сб. в этих трех типах форм имеет только сѣ: пасѣ, вѣвѣнѣсѣ и т. д., вѣсѣнѣмѣ, иеѣвѣнѣ (2 раза), иеѣлѣ. Сходные отношения наблюдаются и в Марииинском евангелии, однако там встречаются и некоторые формы первой группы с ст, несколько раз ицѣл- и *Иоанн, 2,15* и-ѣркѣс; некоторые формы с стѣ, причем т, надписанное над ч, заставляет предполагать, что писцу было свойственно произношение ст, хотя сѣ он считал более правильным написанием. Некоторые исследователи, видевшие в писце Марииинского евангелия серба, приписывали ему сочетание сѣ, но это допущение излишне, так как сѣ часто встречается и в древнеболгарских памятниках.

Рассмотренные здесь памятники указывают на преобладающее, если не на исключительное употребление сѣ в древнейшем старославянском языке. Несомненно, что в некоторых говорах стремление к дифференциации проявилось сначала во второй группе форм (иѣсѣл-, вѣсѣн- и т. д.). Причем известную роль могло играть здесь и слабое ударение первого слога. Тот факт, что здесь утрачивается первое, а не второе s, приписывают влиянию форм ѣлѣти, ѣлѣ, ѣлѣнѣ, ѣлѣнѣнѣ и т. д.; могла влиять также и форма ишѣдѣ < is-šedѣ.

Особое положение в этом отношении занимает Синайская псалтырь. В первой группе форм ст находим в IV части (ѣвѣтѣи), в VIII (ѣравѣтѣи, ѣгоупѣтѣѣ, -ѣтѣѣ, земѣтѣи, ѣудѣтѣи), в XII (ѣавѣлонѣѣтѣѣ, земѣтѣи) и в X₁ наряду с сѣ (иѣсѣлѣмѣѣтѣѣ; етѣиѣнѣсѣи); только сѣ употреблено в VI (ѣудѣсѣи), в X₂ (ѣудѣсѣѣ) частях; тарѣсѣсѣи 89,12 (ч. VIII) можно оставить вне рассмотрения (*Бол. ис.* тарѣсѣдѣсѣи, *Пог. ис.* тарѣсѣтѣѣѣтѣи). Вторая группа случаев: иѣѣвѣнѣнѣ — 2 раза в V ч.; напротив, иеѣлѣи и т. д. в I, II, VI, X₁, X₂ ч.; вѣсѣ ѣлѣи в VI. Третья группа случаев: вѣсѣнѣнѣ во II ч. Эти отношения заставляют предполагать для оригинала преобладание ст в первой группе форм. С этой точки зрения в оригинале мы встречаем более высокую ступень развития, чем в говорах некоторых писцов.

Остромирово ев. имеет 11 форм типа ѣудѣсѣи и 14 раз ѣудѣсѣи и т. д., всегда пасѣ и иеѣлѣ-, напротив, и-ѣркѣс (9-й л.) и один раз клѣсѣмѣ сѣ. Формы с ст, как иѣркѣс,

взяты, вероятно, из древнеболгарских оригиналов; может быть, *ст* и *сц* чередовались уже в оригиналах. В памятниках русской редакции того времени встречаются образования по аналогии типа *жньськъ* (Изборник 1073 г.), *воськъ* (Григ. Наз.), но эти формы не были общерусскими. В исконных древнерусских текстах также встречаются формы *с ст* и *сц*.

Из-за отсутствия удовлетворительного материала нельзя установить степень параллелизма в развитии *zdz* и *sts*; местн. п. *драздь Супр.*, 12,8 из **drędzdžę* согласуется с употреблением *ст* в этом тексте.

ЛИТЕРАТУРА:

W. Vondrák, *Zur Kritik*, стр. 767—770.—С. Кульбакин, Опр. рук. Ап, СІХ; „Revue“, II, стр. 195 и сл.—А. Соболевский, „ЖМНП“, 1915, № 7, стр. 177 и сл.

Об отдельных памятниках (кроме грамматик и изданий памятников): Син. требник. Р. Lang, *Jaz. rozbor*, I, 48 — Маринское ев.: П. Бузук, „Изв.“, XXIX, стр. 334—337.—Супрасльская рук.. А. Margulies, *Suprasl.*, стр. 64 и сл.—Остром. ев.: М. Козловский, О яз. О. Е., стр. 52—54 (о древнерусском вообще: А. Шахматов, Очерк, стр. 176—Н. Дурново, Очерк, стр. 126).—Добромирово ев.: В. Ягнич, Ев. Добр., I, стр. 56 и сл.—Болонская псалтырь: В. Шепкин, Бол. пс., стр. 212 и сл.—Тырновское ев.. М. Valjaves, „Starine“, XX, стр. 178 и сл.—Иоанн Экзарх: V. Vondrák, O mluvě J. Ex., стр. 22.

§ 32. Перегласовка

Чаще всего встречается перегласовка редуцированных гласных; в большинстве случаев перегласовка обусловлена воздействием последующего гласного, но иногда влияет также и согласный или предшествующий гласный; эти явления были рассмотрены в § 23, п. 4. Частая перегласовка именно редуцированных служит доказательством их повышенной чувствительности к влиянию окружающих звуков, что стоит в связи с их сверхкратким произношением. Нет существенного различия между перегласовкой редуцированных и спорадическими случаями перегласовки, которые встречаются при других гласных. Эти факты не представляют закономерности, скорее всего следует говорить лишь о тенденции к ассимиляции.

Несомненными примерами такой перегласовки являются дѣбрьѣ *Зогр.*, *Марк.* 9, 42, 43, 45 (напротив, в других частях этого кодекса находим дѣбрьѣ, что в остальных памятниках является единственной формой) и оудельти, одельти наряду с оу-, о-дольти: оудельтъ *Зогр.*, *Матф.*, 16, 18; оудольтъ *Мар.* (там же) (*Асс.* оудольтъ); в других памятниках чередуются о и е: *Син. пс.* оудельтъ 10, 2, оудольтъ, -ѣша 9 б, 9 или 140, 21, — *Требн.* одельтъ 60 б, 4, оудольтъ 3 б, 19; — *Супр.* прѣдоль 1, 2, одель 35, 4, съдольти 36, 2, одельти 36, 3/4, одоль 36, 23, одольѣхъ 69, 26/7, одельѣахъ 72, 25, одельѣати 87, 2/3 и т. д.; в среднеболгарском также -дѣл- наряду с -дол-, см. Лавров, Обзор, 58. Заимствованное слово *трепеза* (*Зогр.* *Супр.*; *Син. пс.* 3 раза *трѣ-*, 1 раз *трѣ-*, 1 раз *тра-*) наряду с *трапеза* (*Мар.*, *Асс.*, *Сав.*, *Син. тр.*, *Пс.*, *Клоц. сб.*, *Празж. л.*) на славянской почве также испытало ассимиляцию гласных; ср. также *трѣпѣзь Клоц.*, 396 (: *трапѣзь*, -ѣ, -ахъ — всего пять раз, *трапѣзь*, -ѣ, -ѣ, всего четыре раза).

Для слова *заматерѣвъши* *Зогр.*, *Остр.*, *Лука*, 2, 36: *матор-* *Мар.*, *Асс.*; *Сав.*, *заматерѣвъша* *Лука*, 1, 7, *Зогр.*, *Мар.*, *Асс.*, *матерѣства* *Син. пс.*, 876,7 можно предположить подобную же перегласовку, но здесь чередование е-о не ограничивается только церковнославянским. Следует учитывать возможность чередования и в суффиксе; то же относится и к слову *котѣры*, представленному наряду с формами *Иоанн.* 7, 13 *никотѣры*, -ѣи *Зогр.* и *Мар.*; *Лука*, 11, 11 *котѣраго* *Мар.*, *котѣры* *Хиланд. л.* В форме *уѣтѣвр(ѣ)-*, *уѣтѣврѣ-* также, повидимому, имеем чередование. Примечательна форма *котѣра* „спор“, *котѣрати* в более поздних текстах наряду со старославянским *котѣра*, -аѣтъ (*Супр.*, *Клоц.*). Форма *попѣль* (*Ев.*, *Пс.*, *Супр.*), вероятно, более архаична, чем форма *пепѣль* (также русск. *пепел*, сербо-хорв. *пѣнео*), известная из более поздних текстов. О формах *теплѣ*, *топлѣ* и их производных нельзя утверждать, что они возникли в одно и то же время; обе формы встречаются и в других славянских языках; в старославянском преобладает форма *топлѣ* (*Син. пс.*, *Требн.*, *Супр.*), только в *Супр.*, 516, 15 *теплѣстѣи*. О *прѣ-*: *прѣ-* см. стр. 189, сноска 1.

Перегласовку иного рода находим в слове (и)сѣрдѣи и г. п.; см. об этом § 19; там же сделаны замечания и о ѣвѣи и т. д.; хотя в этом случае и нельзя говорить о пе-

регласовке, но все же здесь проявлялась тенденция к диссимилиции, которую следует рассматривать в связи с явлениями ассимиляции, обсуждаемыми в этом параграфе.

ЛИТЕРАТУРА:

A Meillet, Etudes, стр. 115 и сл.

§ 33. Мена гласных. Мена согласных. Их утрата

Большая часть случаев изменения гласных, происшедших в праславянский или древнеболгарский период, уже обсуждалась в предшествующих главах; теперь мы укажем на отдельные случаи. Речь будет идти только о мена гласных в одном и том же слове; о чередовании см. § 36.

В славянском, как и в других языках, мена гласных встречается иногда в заимствованных словах. Отчасти это вызвано различием в происхождении слова, а отчасти различным изменением слова после заимствования. Первой причиной можно объяснить противопоставление: *сѣбота* *Зогр., Асс., Сав., Супр.* (*сѣботъ* *Син. тр., 16 а, 19*): *совота* *Мар.*; Синайская псалтырь имеет и *сѣ-* и *со-*. Формы с *ѣ* и с *о* могут быть объяснены из греческого, романского или германского; распределение их по памятникам допускает гипотезу о том, что *sobota* — это мораво-паннонская форма; во всяком случае, последовательное употребление ее в Мариинском евангелии указывает на существование ее и на болгарской почве. — Др.-болг. *мѣтъ*: ц.-слав.-серб. *мьтъ* (серб.-хорв. *мач*) объясняется различной передачей восточногерманского *e* или различным произношением его в отдельных германских языках и наречиях. — *цѣр(ъ)кы* (*-ъи*) *Син. пс.* и *Киевск. л.* заимствовано, вероятно, в Моравии или в Паннонии из иного источника, чем *црькы*. — Напротив, *скѣдѣль*, *-ель*, *-ьль*, *-ѣль*, очевидно, изменило свою форму уже после заимствования; однако и здесь надо считаться с возможностью существования двух латино-романских основных форм *scandula*, *scandella*. — *роуминъ*, *-ьскъ* (*Супр.*) в противоположность *Rimъ* является более поздним заимствованием.

В некоторых заимствованных словах встречается также мена согласных: *sk(ъ)lędъ*, *štylędъ*, *stylędъ*; см. § 17, —

зюпсѣтъ Син. пс.; жоу-Пог., Болон., Соф. пс., жо-бух. сл.—
кесѣрь — более позднее иностранное слово в противоположность общеславянскому заимствованному слову цѣсарѣ (последнее, вероятно, из германского).— Шипящие *ž*, *š* в словах *križьта* (: *χrizta*), *košul'a* и т. д. свидетельствуют о романском происхождении.— В словах *штюждь* (штоу-), *тоуждь*, *уюждь* различие в начале слова основано на происшедшей после заимствования диссимиляции. Подобное же явление находим в исконно славянском слове *плоушта* (Супр., 165, 10; твердое *л* и в других славянских языках) наряду с более новым ц.-слав. *плюща*; из **pljuća*.

Диссимилятивный переход *и* > *о* представлен в слове *соугло* *Клоц.*, 794, 796, *соуглови* *Клоц.*, 1, *соугловь* *Требн.*, 67а, 20 (наряду с *соугловь*, -ъ, -ити); *коукель* *Требн.*, 99а, 9, 100а, 8, *кокоуль* 97а, 4/5 (коукоулю 100а, 25). Мейе предполагает диссимиляцию также в словах *алавѣстръ*, *сканѣдълъ*. См. стр. 190, п. 6.

Утрату начального гласного находим в слове *матизмъ* *Зогр.*, *Мар.*, *Иоанн.*, 19, 24 и в словах *подъици* 'ὀδοδείκxουσι' *Номоканон*, *подрѹмъи* 'ὑποδρέμιου' (*Хрон. Малалы*), которые встречаются только в более поздних памятниках.

Во многих современных болгарских говорах, главным образом на востоке, безударное *о* изменилось в *и*, а безударное *е* в *і*; уже в среднеболгарском встречаются случаи такого перехода: так, особенно часто находим *и* из *о* в Боянском евангелии; сюда относятся древнеболгарские формы типа *инѹмъ* (наряду с *инѹмь*) *Макед. кирил. листок*; напротив, *тъкъмѹ* *Зогр. ев.*, *Марк.*, 5, 37; 9, 9 надо понимать скорее как вторичную форму от *тъкъмѹ*, так же как и *тъкъма* *Супр.*, почти все другие формы с предполагаемым *и* вместо *о* относятся к сложным глаголам, в которых можно предположить или мену префикса *о* на *и*, или замену некоторыми писцами *о* посредством *и* (сложный глагол был малоупотребителен), или небрежностью, обусловленной двукратным употреблением глаголического знака ѻ (= *о*), которое писали два раза (ѿ = *и*).

Мена *е-і* известна также из среднеболгарского, например из Тырновского евангелия; в древнеболгарских текстах случаев с написанием *и* вместо *е* или *ѣ* вместо *и* больше, чем случаев написания *ѹ* вместо *ѻ* (см. Вондрак, *Aksl. Gr.*², 85). Иногда встречается мена *ѣ:ѣ*, *ѡ:ѡ*. Так как все эти формы

употребляются в западноболгарских глаголических памятниках (*Зогр., Син. пс., Требн., Клоц. сб.*), то не без оснований сомневаются в значении их для хронологии фонетического перехода е в і; частично эти случаи могут быть объяснены морфологически или синтаксически (иже вместо *ѣже* и наоборот; им. п. мн. ч. на *-ѣи*), частично они возникли в результате неправильного истолкования или являются описками по небрежности; см. стр. 206, п. 6 и приведенную там литературу. Во всяком случае, вполне возможно, что кое-где написания с вместо и или наоборот объясняются звуковым сходством этих гласных в безударном положении.

Формы с редукцией у в ъ, приводимые из Маринского ев. и Синайской псалтыри, немногочисленны; они весьма двусмысленны, чтобы служить доказательством наличия такой редукции в древнеболгарском.

с҃, появившееся из с҃г и известное из сербо-хорватского языка и некоторых македонских говоров, встречается один раз в Супрасльской рукописи: *цръноризъцъ 119, 19.*

О дописменном состоянии см. § 10 и 11. Об изменениях согласных после падения редуцированных см. стр. 146—155.

Наряду с *сѣвъзъ* находим и *сѣвъзъ* с утраченным v. Это обычная форма в Синайском требнике, Ассеманиевом ев., Саввиной книге, а также в других местах (*Мар., Зогр. б.*); часто встречается эта форма и в среднеболгарском; см. Лавров, Обзор, 105, где говорится и о других случаях утраты согласных. *Извъуѣ* (*Сав.*) вместо *извъуѣ* находим также у Григ. Наз. и в Путятиной минее.

ЛИТЕРАТУРА:

Мена звуков в заимствованных словах. A. Meillet, *Etudes*, стр. 184 и сл.—О. Нуге, „LF“, XXXV, стр. 221 и сл.—С. Романски, *Jb. Inst. rum. Sprache*, XV, стр. 94 и сл.—J. J. Mikkola, *Mémoires de la Société néo-philologique de Helsingfors*, VII, 1924, стр. 270—279 и др.—P. Skok, „Revue“, V, стр. 19 и сл.

š, ž в романских заимствованиях: см. литературу к § 8.

Диссимиляция: A. Meillet, *Etudes*, стр. 163.—Izvěče: В. Щепкин, *Рассуждение*, стр. 265 и сл.—Л. Васильев, „РФВ“, LXX, стр. 376—379.

Переход безударных е, о в і, у: П. Лавров, *Обзор*, стр. 49—54.—В. Облак, *Mac. Stud.*, стр. 31—33; „JA“, XVII, стр. 172 и сл., 178 и сл.—С. Кульбакин, „Изв.“, IV, стр. 851 и сл.—Л. Милетич,

Ostbulg. и др.—Б. Цонев, Диал. студии, I, стр. 49, 72, 75.—М. Weingart, „СМГ“, II, стр. 295 и сл.—А. Селищев, Очерки, I, стр. 83—88.—П. Бузук, „Изв.“, XXIX, стр. 323.—Редукция у в ъ: П. Бузук, там же, стр. 324—327.

§ 34. Диссимиляция и метатеза

См. § 33.—О уюждь и т. д. см. § 18, 3; о благословенъ см. § 18, 2; о твор. п. на -ѡ, -ѡ см. § 45.

В некоторых памятниках (*Асс. ев., листки Ундольского*) встречается собственное имя Гангори, -ръ, обусловленное диссимиляцией г-г > л-г; то же встречаем и в более поздних памятниках (например, в Мирославовом ев.).

Кондрать вместо гр. *κοδράτης* (*Матф., 5, 26, Марк, 12, 42*) и афредонъ вместо *ἀφροῶν* (*Матф., 15, 17, Марк, 7, 19*) в Зографском ев. свидетельствуют о том, что подобное произношение для славян было более удобным, чем произношение форм Мариинского ев. Кодрантъ, афедронъ (без перестановки).

ЛИТЕРАТУРА:

Метатеза А. Meillet, „MSL“, XI, стр. 177.—Об общей славянской тенденции при диссимиляции А. Koníř, O slovanské diferenciácii souhlásek, „LF“, XXXIX, стр. 21—29; K otázce dissimilace souhláskové, zvláště v slovanštině, „СМГ“, II, стр. 10—15, 104—109.

§ 35. Зияние, ассимиляция, стяжение

Из § 15 и 21 следует, что древнеболгарский не всегда устранял зияние внутри слова или между двумя словами посредством вставки *ј* или *ѵ* или других переходных согласных и что, напротив, очень часто интервокальное *ј* отпадало (так же, как и в других славянских языках), вследствие чего возникало новое зияние; в таком случае обычно происходила ассимиляция двух гласных, которые могли затем слиться в один звук. Отдельные грамматические категории, представляющие условия для ассимиляции и стяжения, имеют свою собственную историю, а отдельные памятники проявляют в этом отношении свои индивидуальные особенности. Утрата неслогового *ј*, ассимиляция и стяжение вызываются или, наоборот, тормозятся различными факторами, например: количеством слогов в слове, ударением

и ритмом слова, ассоциативными отношениями к другим формальным категориям; о разных подробностях¹ этих процессов см. § 21, где рассмотрены формы определенных прилагательных, формы настоящего времени на -i и инфинитивы на -jati; об имперфекте см. § 59, п. 6; в имперфекте, повидимому, мы имеем исконное зияние, а отнюдь не возникшее вследствие утраты неслогового i. О формах въ ннѣ, въ нма и т. д. см. § 24. Ср. *дожи* < *dože i, *Син. тр.* *дажи* < *daže i.

В таких случаях, как *придѣ*, *прити*, имеем, очевидно, общестарославянское стяжение. Конечно, везде и во всякое время языковое сознание могло восстановить нестяженную форму; ср., например, *прими* (при-; -и) *Киевск. л., III б, 2, IV, 8, 14, V б, 4*: *прѣми*, *прими VI б, 10, 13**.

о в *до* и 'уа *ка!*' — 3 раза в Зографском ев., 2 раза в Мариинском — Мейе объяснял как сокращение зияния („MSL“, XIX, 243 и сл.). Это объяснение, вероятно, правильно. Затем следует отделить соединение *да* и *до* от *до* в форме *дожи* *до Супр.*: др.-русск. *даже* и *до*, *Требн.* *дажи до*, ст.-словен. *dafe do* (*Фрейз. отпр.*); в последнем случае *do* могло появиться вместо *da* под влиянием предлога *do*.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ФОНЕТИКЕ

§ 36. Чередование

Если в группе этимологически родственных форм гласные подвергаются изменению, то это изменение называют чередованием. Чередование имеет известное значение для грамматики, если те или иные гласные характеризуют определенные формальные категории. Так было в индоевропейском языке, так было и в праславянском и старославянском; но в деталях соответствия между индоевропейским языком-основой и славянским незначительны;

¹ В творительном падеже ед. ч. основ на -а- и -ја- вряд ли имело место стяжение гласных; см. § 45.

² Сомнительно, что в таких случаях, как *иже-си Мар.* (вместо *iže esi*), *застѣп-имъ Син. пс.* (-i ime) стяжение представлено только на письме, а не в действительности (см. Ягич, С. М., 425; Кульбакин, *Le vieux slave*, 170).

поскольку в течение столетий многие продуктивные грамматические типы стали непродуктивными, возникали новые явления; различные звуки и звукосочетания были заменены вследствие фонетических изменений и влияния аналогии; при этом некоторые старые типы чередования утрачивались, другие продолжали существовать в измененном виде, возникали новые типы чередования.

Чисто славянским чередованием является чередование твердой и мягкой разновидности в парадигме, вызываемое палатализирующим влиянием *i*; см. § 19 и далее главу о склонении. То, что мы понимаем под этим чередованием, не соответствует только что данному определению термина, ибо мена гласных выступает здесь в словах, этимологически не родственных, но поскольку мена гласных представлена в определенных грамматических категориях, охватывающих всю систему склонения, то и здесь можно пользоваться термином „чередование“. Особые разновидности чередования нового типа мы находим в формах повелительного наклонения *рьчи*, *льчи*, *тьчи* в противоположность *рскъ*, *решти*; *пскъ*, *пешти*; *тскъ*, *тешти*; *жьжеши* и т. д., *жешти*. Перегласовка редуцированных в некоторых парадигмах также вызывала чередование: *мьнѣ*: *мъномъ*, *вѣнѣ*: *вънъ*, *осѣлѣ*, *-и*: *осѣлѣ*, *-оу* и т. д; в других случаях эта перегласовка изменяла старое чередование: так, чередование *ь*: *е* в словах *бърѣти*: *бєрѣ*, *дърѣти*: *дєрѣ* и т. д. в древнеболгарском превращалось в чередование *ь*: *е*; напротив, старое чередование *ь*: *и* изменялось в чередование *ь*: *и* в *вѣдѣти*: *бєудити*.

Представленное твердыми и мягкими основами чередование *ь*:*ь*, *о*:*е*, *е*:*и*, *у*:*ѣ*, *ѣ*:*а* (*sědeti*: *ležati* и т. д.), а в известные периоды или в определенных говорах также иередование *а*:*ă* (*ă*), *и*:*î* (*î*), *ѣ*:*ě* (*ě*) (см. § 19) — это единственный тип, который встречается в окончаниях в славянском языке; мена *ѣ*:*ѣ* в индоевропейских окончаниях почти совсем утрачена или вследствие выравнивания (например, 1-е лицо мн. ч. наст. вр. на *-ешъ* вместо старого *-оп-*) или вследствие фонетических изменений (например, *-ѣтъ* < *-о-nt-*); даже там, где мы ее еще встречаем, она почти не воспринимается как чередование: аорист *идѣ*, *идѣ*, *идѣвъ*, *идѣта*, *идѣте*, *идѣмъ*, *идѣте*; в 1 лице ед. ч. и в 3 лице мн. ч. уже нет гласного *о*: *идъ*, *идъ*, а в других формах *-е*, *-овѣ*, *-ѣта* и т. д. воспринимаются как простые оконча-

ния. Вообще в славянском языке старые тематические гласные ни в именах, ни в глаголах не осознаются как основообразующий элемент. Больше всего ощущается чередование формантов в словах на -срѡ-: -ѡрѡ- (см. § 32) и в глаголах типа вѣл-ѣ-ти: вѣл-и-ши и т. д., лѣж-а-ти: лѣж-и-ши и т. д.

Единственная категория, в которой чередование, унаследованное еще из индоевропейского, выступает продуктивным словообразующим элементом в исторический период развития славянских языков, — это итеративы на ступени удлинения: *pletъ: съ-plĕtati; letĕti: lĕtati; roditi, roždъ: rāždati; lomiti: -lamati; po-mogъ: po-magati, tьrъ: u-mirati, bьrati: съ-birati; съpati: -sypati* и т. д.

Во многих других категориях функциональное значение чередования ощущалось еще недостаточно отчетливо, хотя оно уже не было больше продуктивным.

К категориям с гласным на ступени удлинения относятся: сигматический аорист с удлинненным гласным: *грѣсъ: грѣсѣ, -васъ: вѣдѣ*; в формах *пасъ: патъ, мрѣхъ: мрѣтъ* также существует различие между ступенью удлинения и ступенью нормального гласного, хотя бы только в виде различия в интонации, которое можно было воспринять как своего рода интонационное чередование.

Глагольный класс *из-вѣстити, вѣстити* и т. д. Здесь чередование не имело определенных связей с другими образованиями, тем не менее глаголы на *i* с корневым гласным *a* воспринимались как особый класс;

лѣжъ: лѣжити и т. д.; см. ниже.

Чередование *e-o-* представлено:

в итеративах типа *носити: несѣ, водити: вѣдѣ, гонити: женѣ* и в каузативах типа *ложити: лѣжити*. Однако у большинства глаголов на -*iti* этого типа уже нет соответствующих глаголов с гласным *e* (*просити, ходити, топтити* и т. д.);

в именах типа *съ-ворѣ: съ-верѣ, возъ: вѣжъ* и т. д.; существительные *гни, вѣн, законъ* и т. д. уже не имеют соответствующих глаголов на *e*; ср. также редко встречающиеся типы *вою-вождъ, ѡ-поплъ, ложе*.

Индоевропейское чередование *ē-ō-* имеют глаголы *лѣжъ: лѣжити*. В именах типа *разъ, ѡв-разъ: рѣзати* в древнеболгарском чередования уже не ощущается; может быть, оно еще живо в формах типа *съ-лѣжъ, за-лѣжъ, вѣ-лѣжъ: лѣжѣ*.

Вследствие изменения $oi > \dot{e}$, $ou > u$, $op > \rho$, $or > ra$, $ol > la$ глаголы типа *вѣсити*, *воудити*, *мѣтити*, *вратити*, *вляунити* перестали восприниматься как слова с гласным *о*, хотя частично в некоторых из них ощущались более или менее правильные явления чередования (*мѣтѣ* : *мѣтити*, *вѣтѣ* : *вляунити*). Многочисленные глаголы этого типа — отыменные (например: *трудоути*, *мѣунити*, *гласити*, *кратити*), наряду с другими, которые являются несомненно или с некоторой вероятностью глагольными образованиями, — содержат основы с чередующимися гласными на разных ступенях удлинения; ср., например: *воудити*: *вѣдѣти*, *соушити* (или отыменное образование от *соухъ*?): *сѣхнѣти*, *свѣтити*: *свѣтъти*, но, с другой стороны, *оуунити*: *в-ыкнѣти*, *гоубити*: *гывѣти*. В именах существительных типа *цвѣтъ*, *доухъ*, *трѣсъ*, *вратъ*, *об-(в)лѣкъ* тем сильнее чувствовалась связь чередования форм имени с глагольными основами *свѣт-*, *свит-*; *дѣх-*, *дух-*; *трѣс-*; *врт-*; *об-(в)лѣк-* и т. д., чем яснее выступало в имени глагольное значение; эти имена, как и глагол *вѣсити* и т. д., не могли восприниматься в качестве форм чередования на ступени *о*.

Старое чередование „нормальная ступень: ступень редукции“ еще в славянском спряжении играет весьма важную роль; однако возникла уже новая группировка категорий; в результате некоторых славянских фонетических изменений ($er > \text{др.-болг. } \text{ръ}$; $el > \text{др.-болг. } \text{лъ}$; $or > \text{др.-болг. } \text{ра}$; $ol > \text{др.-болг. } \text{ла}$; $ei > \text{общеслав. } i$; $ou > \text{общеслав. } u$; en , em ьп , $\text{ьп} > \text{общеслав. } \text{ѣ}$; op , om , ьп , $\text{ьп} > \text{общеслав. } \rho$) отношения стали очень запутанными. Сюда принадлежат следующие глагольные категории с чередованием основы настоящего времени и инфинитива:

глаголы класса Б I а с основой на *г*, если они имеют циркумфлексное ударение: *мърѣ* : *мръти* (**mer-ti*) и т. д.; напротив, *тьрѣ* : *трѣти*, *жърѣ* : *жръти* „жертвовать“ (но *жръти* „жрать“) с акутовым ударением (сербо-хорв. *ĩ* в противовес *piĩ-jèti* и т. д.). Для типа *-уьнѣ*, *-уати*, *жьмѣ* : *жати* мы можем предположить чередование ьп : en , ьп : em ; ударение было циркумфлексным (сербо-хорв. *жѣти* и т. д.); напротив, в формах *дѣмѣ* : *дѣти* (сербо-хорв. *дѣти*) ρ могло возникнуть из ьп на ступени редукции; такое происхождение ѣ или ρ нельзя доказать; оно лишь вполне вероятно, если принять во внимание отношения при глаголах на *г*. Для

древнеболгарского языкового сознания в этом классе глаголов на месте старого чередования ь: е выступало чередование ьг: гѣ, ьп, ьп: е, ьп: р. Во всяком случае не установлено, можем ли мы относить к чередованиям односложные гѣ, е, р, с одной стороны, и разносложные ьг, ьп, ьп, ьп — с другой; то же относится и к формам типа slo-vp: slu-ti; ro-vp, r'e-vp: ruti, r'uti. Чередование отчетливее ощущалось в развившихся на славянской почве парных формах типа рѣю: рѣти, бѣю: бити, крѣю: крѣти; см. § 24;

глаголы класса Б I а с и.-е. еі, еи или ои — согласный: ьтъж: ьнѣти, цѣтъж: цѣнѣти, съпж: съути (случайно не встречается в древнеболгарских текстах; из *soupti или *seupti; в последнем случае следовало бы ожидать *sjuti > *šuti; таким образом, suti можно было бы объяснить аналогией с сѣро и т. д.). Подобное же индоевропейское чередование проявляется в врьжж: врьшти, тльжж (исконное t|'k-): тльшти наряду, конечно, с стръжж: стръшти, вльжж: вльшти и т. д. (см. ниже). В какой степени сохраняется старое чередование в глаголах с носовым е (владж, власти и т. д.), решить невозможно, так как ьп, ьп, подобно еп, еп, изменялись в е; с точки зрения славянских языков исторической эпохи здесь нет чередования. Обособленным случаем чередования является стрѣжж: по-стръшти (повторяется в Синайском требнике); но есть и стрѣшти; вєржж: вьрѣти, дєржж: дьрѣти, пєржж: пьрѣти (с перегласовкой: вѣрати и т. д.; класс БIб) — также чешск. žeru: žrati, — зєвжж: зьвѣти, — со старым дифтонгом еі: жидж (по основе инфинитива жьдѣ Супр.): жьдѣти, — группа льжж: лнѣти, зьжж: знѣти, смьжж сѣ: смнѣти сѣ, *ргѣю (чешск. přeji; др.-болг. приѣжж): приѣти также относится к этому классу спряжения, если в leј- и т. д. і является корневым; е в таком случае — ступень удлинения (о рьжж см. § 66, сноска к классу БIб);

многочисленные глаголы класса је-а (класс БIIIб), откуда ведут начало следующие славянские типы чередования:

е: ь: вѣи-смыжж, вѣи-ьмѣти (с перегласовкой -ьмѣти), стѣлжж: стѣлѣти (с перегласовкой -ьлѣти),

је: і (в результате более поздних процессов в простом глаголе): ьмѣжж: ьмѣти (*і-ьмѣти),

і: ь: зиджж: зьдѣти (с перегласовкой зьд-), пишжж: пьсѣти (рѣс-, іс-), лнжж: *іьзѣти (др.-чешск. lzati; др.-болг. лнзѣти с і по основе настоящего времени),

и: ъ: строужѣ: стрѣгати,
 еі; ег: і', г': плъжѣ: плъзати, сльплъжѣ: сльпати, трѣжѣ:
 тръзати, урѣплъжѣ: урѣпати, стрѣжѣ: *strъkati, -cati.

В отношении плъжѣ: плъвати и других глаголов этого типа можно было бы говорить о чередовании и: ъв, но так как группа ъв относится к двум слогам, это чередование воспринимается значительно слабее, если оно вообще воспринимается.

В классе је-а- наблюдается склонность к выравниванию гласных; ср. уже упомянутое др.-болг. лизати; другие глаголы, утратившие в исторический период чередование, могли иметь его прежде, так как выравнивание произошло еще в дописьменный период. В древнеболгарский период появились новообразования в следующих случаях: Синайский требник и Ассеманиево евангелие имеют постоянно писа- вместо пьса- (также подъяписяхъ в Зографской надписи 980 г., написа в надписи 993 г.); писа- преобладает в Маринском ев. и в Супрасльской рук., в Саввиной книге отношения обратные; только л(ѣ)са-, (с')па- в Зографском ев., Клоцовом сб., Синайской псалтыри (в последней 4 формы нап(ѣ)саше и 6 форм тѣлоп(ѣ)саше); — смати Сав. кн., 46 (Матф., 21, 34), присмати Зогр. ев., Иоанн, 7, 39, Зогр. л. II, 13, присмати Асс., Иоанн, 3, 27, подъямати Супр., 85, 8, приѣмате 446,9, напротив, възимате Требн., 45а, 12/3, възимате Сав. — два раза (і по аналогии с простым глаголом; ср. сънимашѣ Зогр., Лука, 5, 15; вън-, възнимати Требн., 79 а, 24; 82 б, 11/12); — Иоанн-Экз., Бог., 311, Б 5 съспяшѣ и т. д.

Новое чередование, возникшее на южнославянской почве из ог, ол, еі, находим в борѣ: брати, колѣ: клати, мелѣ: млати, но слогораздел во-г'р, ко-л'р, те-л'р был неблагоприятен для восприятия чередования.

В парадигме ѣсмь и т. д.: сѣтъ, съ (прич. наст. вр.) уже не чувствуется чередования; его скорее можно заметить в бѣдѣ: быти и еще отчетливее в лѣгѣ: лег-лъ, лег-тъ, лег-охъ, — сѣдѣ: сѣдѣ, об-рашѣ: об-рѣтъ, хотя с точки зрения доисторической здесь скорее можно было бы говорить об инфиксе, чем о чередовании.

В то время как у всех глаголов на -ати, -ити, -ѣти, -оути, -ѣти оба причастия прошедшего времени действительного залога образуются от той же основы, что и ин-

финитив, а в глаголах на -нѣти гласный корня тот же самый, если даже в этих причастиях -пр- опускается (двигнѣти: двигѣ, двигѣхъ и т. п.), глаголы класса Б1а, в которых встречается старое чередование, имеют в причастных формах (нулевую) ступень редукции гласного: -мьръ, -мрьлѣ и т. д., -ульъ, -врьгъ, -врьгѣхъ; сюда же относятся некоторые глаголы с гѣ, лѣ в настоящем времени: нсврѣг'ша *Супр.*, 40, 14, нсврѣгѣше 97, 8 (нсврѣгѣша 212, 16 — более новая форма), обьялѣ, -нлѣ (в *Супр. рук.* также уже съѡлѣхъ и т. д., *Зогр.*, *Матф.*, 26, 51 изьялѣ; также обьялѣ *Миросл.* может восходить к древнеболгарскому оригиналу). В -уалѣ и т. п. также можно предположить ѡп; в -уѣнѣ оно остается без изменения. Также и в причастии страдательного залога прош. вр.: -стрѣхъ, обьяуенѣ и т. д.; в *Супрасльской* рукописи встречаем более позднее обьяуенѣ, съ-, из-ѡлѣуенѣ.

Для некоторых классов глаголов характерна определенная ступень чередования; так, глаголы класса Б1а, за исключением рассмотренных выше с корневым гласным е + r, l, m, n, j, ц и глаголов без чередования того же класса, никогда не имеют в корне гласных ѣ, ѣ (несѣ: нести, могѣ: мошѣ, падѣ: пасти и т. д. в противовес съсѣ: съсѣти, тѣхѣ: тѣхати, съплѣ: съплѣти), но в глаголах на -і-: -ѣти и глаголах на -пріи во всей парадигме очень часто встречается гласный на нулевой ступени (ступени редукции); см. § 66. Следует обратить особое внимание на ѡ-съпл-нѣша *Супр.*, 323, 5: съплѣ, — ѡ-хрѣмѣ *Син. пс.*, 21, 12 (к *ѡ-хрѣм-пріи): хрѣмѣ, — ц.-слав. ѡ-гѣхнѣти: гѣхѣхъ. Такую же устойчивую корреляцию, как в несѣ: нести, падѣ: пасти, находим и в ѡсѣхѣ: ѡсѣти, плаѣхѣ: плакати.

Если мы распределим слова по индоевропейской структуре их корневых слогов, то получатся следующие типы чередования:

1. Нормальная ступень е, но не перед j, ц, r, l, m, n: рѣкѣ, рокѣ, рѣхѣ, -рѣхѣти, рѣцѣ, -рѣцѣти; ступень удлинения при вѣдѣ, водити: -вѣждѣти; грѣхѣ: грѣхѣти; съплѣ: -съплѣхѣти. Следующие случаи чередования основываются на носовом инфиксе: сѣдѣ: сѣдѣхѣ, сѣдѣти; лѣгѣ: лѣхѣти; см. выше.

2. е + носовой другого слога: -ѡмѣхѣ, ѡмѣхѣ, -ѡмѣти, нмѣти, -ѡмѣ: -ѣти, нмѣ: ѣти; жѣхѣ: гѣхѣти, гѣхѣти, -гѣхѣти; пѣхѣ, -пѣхѣти, пѣти, пѣхѣ, ѡ-пѣхѣ.

также существовало чередование. Мариинское ев. имеет только *ѡ*, Саввина книга — только *а*, в Синайской псалтыри 4 раза встречается *ѡ* (в ч. VI — 2 раза, в частях X₂, XIV — по одному), 3 раза встречаем *а* (в ч. X₁), в Требнике, Зографском ев., Супрасльской рук. имеются обе формы.

ЛИТЕРАТУРА:

А. Потебня, К истории звуков русского языка, Воронеж, 1876, гл. VIII; Этимологические различия коренных гласных в глаголах, стр. 178—243.— F. Miklosich, Über die Steigerung und Dehnung der Vocale in den slavischen Sprachen (Denkschr., XXVIII), Wien, 1878.— A. Leskien, „JA“, III, стр. 705—713.— Н. Крушевский, К вопросу о гуне. Исследование в области старославянского вокализма, „РФВ“, V, стр. 1—109.— E. Kovář, O stupňování ve slovanštině, „LF“, XIV, стр. 228—233.— J. Horák, Ke stupňování ve slovanštině, „LF“, XXIX, стр. 130—138, 230—242; XXX, стр. 346—357, 423—438.— A. Meillet, Les alternances vocaliques en vieux slave, „MSL“, XIV, стр. 193—209, 332 до 390; Slave c., стр. 155—162.— J. J. Mikkola, Ursl. Gr., I, стр. 96—115.— Г. Ильинский, Прасл. гр., стр. 185—202.— M. Weingart, Prasl. vok., стр. 144—175.— W. Vondrák, Vgl. Gr., I, изд. 2, стр. 189—205.— R. Trautmann, „Slavia“, II, стр. 1—4.— См. затем об отдельных классах спряжения. — ^{прз-} и т. д.: F. Solmsen, „KZ“, XXXV, стр. 468.— W. Vondrák, „BB“, XXIX, стр. 210 и сл.— Я. Эндзелин, Латышские предлоги, I, Дорпат, 1906, стр. 139 и сл., 197 и сл.— J. Rozwadowski, „RS“, II, стр. 94—96.— P. Lang, „Sb. fil.“, II, стр. 122 и сл.— R. Gauthiot, La fin de mot en indo-européen, Paris, 1913, стр. 72.— K. Brugmann, Grundriß, II, изд. 2, 806, 828, 873, 896.— A. Vailant, „BSL“, XXIX, стр. 43 и сл.

III. МОРФОЛОГИЯ

I. СКЛОНЕНИЕ (§ 37)

Старославянский язык имеет: три рода — мужской, женский и средний; три числа — единственное, двойственное, множественное; семь падежей — именительный, родительный, дательный, винительный, звательный, творительный, местный. В двойственном числе различаются только три формы: именительный-звательный-винительный, дательный-творительный, родительный-местный. Имена среднего рода для именительного-звательного-винительного во всех числах имеют только одну форму. Звательный падеж гласных основ обладает особыми флексиями только в единственном числе мужского и женского рода, в остальных случаях он идентичен с именительным падежом. В некоторых типах склонения мужского и женского рода именительный и винительный совпадают в единственном или во множественном числе или даже в обоих числах. Местоименное склонение имеет только одну форму для родительного-местного множественного числа. Кроме того, в ряде случаев различные падежи одной парадигмы совпадают фонетически, хотя, естественно, частично сохраняются различия в ударении и интонации (местный падеж ед. ч. так называемых основ на -i- и -u- в противовес родительному-дательному или только родительному; родительный падеж мн. ч. основ на -o- в противовес именительному падежу ед. ч. тех же основ). В рассматриваемых нами парадигмах так наз. родительный-винительный обычно не приводится.

При склонении прежде всего различают: А. Именное склонение (существительные, несложные прилагательные, числительные); Б. Склонение личных местоимений; В. Склонение родовых местоимений; Г. Склонение сложных или определенных прилагательных.

ЛИТЕРАТУРА:

R. Scholvin, Beiträge zur Declination in den pannonisch-slovenischen Denkmälern des Altkirchenslavischen, „JA“, II, стр. 482—569.— Разделы о склонении: F. Miklosich, Altslovenische Formenlehre in Paradigmen, Wien, 1874.— F. Pastrnek, Tvaroslovi jazyka staroslověnského s úvodem a ukázkami, Praha, 1909, изд. 2, 1912.

[V. Pогорёлов, Формы греческих слов в кирилло-мефодиевском переводе евангелия, „Byzantinoslavica“, II, 1—28.]

А. ИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ (§ 38)

Склонение имен существительных и прилагательных в общем не имеет различий, однако прилагательные имеют три рода: мужской и средний, относящиеся к основам на -о-, женский — к основам на -а-; о некоторых особых случаях см. § 47в и § 48.

Обычно различают следующие именные классы: основы на -о- и -јо-, основы на -а- и -ја-, основы на -і-, основы на -и-, основы на ѱ-, основы на согласный. Однако это деление не соответствует уже языковому сознанию старославянского периода, для которого все основы оканчиваются на согласный, а конечные гласные воспринимаются как окончания. Например: *вог-ъ, вог-а, вог-омь* и т. д.; *рѣк-а, рѣк-ы, рѣк-омѣ, рѣк-ъ* и т. д.; *кост-ъ, кост-и, кост-ни (-ѣи)* и т. д.; *дом-ъ, дом-оу, дом-ови* и т. д. Совпадение некоторых падежных окончаний в основах, первоначально относящихся к разным классам, вызвало смешение типов склонения, так что в старославянском уже больше нельзя достаточно четко отличить так называемые основы на -и- от основ на -о-; нельзя также провести резкой границы между основами мужского рода на -і- и основами на -јо- и тем более между основами на согласный и основами на -і-, причем основы на согласный связаны и с другими типами склонения. Однако развитие этих процессов в старославянском языке еще настолько незначительно, что лучше пока сохранять указанное выше деление по основам. Можно также употреблять названия типов склонения, принятые индоевропейской грамматикой, но при этом надо помнить, что такие названия уже не отражают состояния славянского склонения. Поскольку основы на -о- и основы на -и- особенно тесно связаны между собой, мы принимаем следующий порядок изложения: 1) основы на -о- и -јо-.

2) основы на -и-, 3) основы на -і-, 4) основы на -а-, -ја-, 5) основы на согласный, к которым следует отнести и так называемую основу на -ї- (со славянской точки зрения это, скорее, класс на -ъв-); особый раздел мы посвящаем разносклоняемым и несклоняемым словам.

ЛИТЕРАТУРА:

Старославянские формы и их предыстория: Б. Ляпунов, Формы склонения в старославянском языке, I. Склонение имен, Одесса, 1905.— О. Нujer, Slovanská deklinace jmenná, Praha, 1910.— Обзор старославянских форм у Шолвина; см. § 37.

§ 39. Основы на -о- и -іо- (-іе-)

К этому классу относятся имена мужского и среднего рода. Чередование гласных в суффиксах между основами на -о- и на -іо- базируется на рассмотренной в § 19 палатальной перегласовке; со славянской точки зрения название „основа на -іе-“ лучше, чем название „основа на -іо-“. О согласных, предшествующих конечным гласным основ на -іе-, и о группах согласных см. § 18; если этим согласным является поствокальное *i*, то оно сливается с *ь* в один звук, обозначаемый буквами и, і, *i* (см. § 15), в то время как в глаголических памятниках перед гласным *i*, в кириллических перед *е* и в некоторых кодексах перед *е* оно остается неотмеченным (см. стр. 69).

О чередовании *k:c*; *g:dz*, *z*; *χ:s* см. § 17,2; о чередовании *k:č*, *g:ž*, *χ:s* см. § 17,1.

Своего рода промежуточное положение между основами на -о- и -іе- занимают слова на -сь, -(d)зь (отъць, князь и т. д.); аффриката в таких словах возникла по закону Бодуэна (см. § 17,4). По своему происхождению они относятся к основам на -о- и, таким образом, в звательном падеже ед. ч. на -ще, -же мы имеем правильную форму этого склонения; в других падежах отчасти фонетическим путем, отчасти (в местном падеже ед. ч. и в местном падеже мн. ч.) под действием аналогии развились такие же окончания, какие встречаются в основах на -іе-.

В склонении существительных на -цъ, -сь, -шь, -жь, -уъ, -штъ, -ждъ, -рь конечные гласные -ь, -ъ (-и), -ю во многих

говорах постепенно уступают место гласным -ъ, -а, -оу; см. об этом § 22; относительно других случаев с -ъ вместо -ь, главным образом после -м-, см. стр. 164. В наших примерах мы даем древнейшие формы¹.

Парадигма склонения имен мужского рода: а) основы на -о-; б) то же на заднеязычный согласный; в) основы на -іе- из -и-; г) то же на согласный + ь; д) основы на -ько-, -ьсе-;

Ед. ч. Им.	градъ, богъ	кран, мевъ	отьць
Род.	града, бога	краъ, мевъ	отьць
Дат.	градоу, богу	краю, мевю	отьцю
Вин.	градъ, богъ	кран, мевъ	отьць
Зв.	граде, бже	краю, мевю	отьцѣ (кънажѣ)
Твор.	градомъ, богомъ	крась, мевсь	отьцемъ
Местн.	градъ, бже	кран, мевн	отьци
Дв. ч. Им.-зв.-вин.	града, бога	краъ, мевъ	отьць
Род.-местн.	градоу, богу	краю, мевю	отьцю
Дат.-твор.	градома, богوما	красма, мевьма	отьцема
Мн. ч. Им.-зв.	гради, бже	кран, мевн	отьци
Род.	градъ, богъ	кран, мевъ	отьць
Дат.	градомъ, богомъ	крась, мевсь	отьцсмъ
Вин.	грады, богы	криа, мевьма	отьциа
Твор.	грады, богы	кран, мевн	отьци
Местн.	градъхъ, бжехъ	кранхъ, мевнхъ	отьцихъ

Парадигма склонения среднего рода: а) основы на -о-; б) то же на заднеязычный согласный; в) тип знаменне, -ьс (-ѣіе; см. § 24); г) тип лице (первоначальная основа liko-; склоняется так же, как и основа на -іе-, например жє):

Ед. ч. Им.-зв.-вин.	село, вько	знаменне, лице
Род.	села, вька	знамениъ, лиць
Дат.	селоу, вькоу	знамению, лицю
Твор.	селомъ, вькомъ	знамениемъ, лицемъ
Местн.	селъ, вьѣ	знаменинн, лици
Дв. ч. Им.-зв.-вин.	села, вьѣ	знаменинн, лици
Род.-местн.	селоу, вькоу	знамению, лицю
Дат.-твор.	селома, вькома	знамениема, лицема

¹ В парадигмах мы используем обычную кириллическую транскрипцию древнейших глаголических форм.

Мн. ч. Им.-зв.-вин.	сєлѧ, вѣкѧ	знаменѣѧ, лицѣѧ
Род.	сєлѣ, вѣкѣ	знаменни, лицѣ
Дат.	сєломѣ, вѣкомѣ	знаменисемѣ, лицемѣ
Твор.	сєлы, вѣкы	знаменни, лицѣ
Местн.	сєлѣхѣ, вѣцѣхѣ	знаменнихѣ, лицихѣ.

Имена на -єи, -ѣи, заимствованные из греческого, в тех падежах, у которых окончание начинается с -о- или -е- (например, в родительном падеже ед. ч.), имеют как твердые, так и мягкие варианты флексии: *мѡѡсєѧ Супр., 277,6: мѡѡсєѧ 10,5* и т. д.; *фѧрисѣомѣ, -емѣ* (обе формы в *Мар.* и *Зогр.*; см. стр. 117). Также и в звательном падеже ед. ч., например, *зѧкъхѣѧ Лука, 19,5; Зогр.; Мар.: зѧкъхєѡу Асс.*; даже *арієѧ, -є Супр., 510,8; 511,30* (им. п. *арієѡс* — 509,18); *варѧхисєѧ* там же, 261,19; 269,14. В противоположность этому всегда представлены -єи, -ѣи; -єѧ, -ѣѧ; -єихѣ, -ѣихѣ.

Две различные основы находим в некоторых словах на гр. -ιος: дат. п. ед. ч. Григорию *Супр., 120,18: Григѡроу 120,10* — им. п. ед. ч. *сѧѣєлѧрни Супр., 121,11: сѧѣєлѧрь 121,17*; род.-вин. п. *сѧѣєлѧрѧ 121,14;5* и т. д. Разносклоняемым является *мєєи, -ни*, род. п. *мєєѧ* и т. д. (гр. *Μωϋς*); см. глоссарий к Марининскому евангелию и Синайской псалтыри и замечания Ягича к изданию Ассеманиева евангелия в издании Раѣкѣ, XLV; в Супрасльской рукописи, во всяком случае, также: *мѡѡсєѧ, -ни* (дат. п.), *-ниѧ. О сѧѣѡтъ: сѧѣѡта* — см. Ягич, там же; Лавров, „Slavia“, IV, 468; см. выше, § 33.

Прилагательное *ѡѡи* в звательном падеже представлено формой *ѡѡє, -ѡѡѧ Матф., 5,22; Зогр., Деч.* Обычное окончание звательного падежа -ѡ основ на -іе- восходит к праславянскому. Оно воспринято от имен с основами на -іу-. О более позднем, только древнеболгарском, влиянии форм с основами на -и- или -і- на формы с основами на -о- или -іе- см. § 41 и 44.

Об именительном падеже на -ѡ-сѧ, -ѡ-тъ с энклитическими местоимениями см. § 23, п. 2. О разносклоняемых существительных на -ниѣ, -ѣниѣ, -ѧниѣ, -телѣ, -ѧръ см. § 47 б.

Об именах среднего рода на -ис, -ѣс см. правила относительно употребления ѣ в § 24; в родительном падеже мн. ч. ѣ был в сильной позиции, поэтому находим также *-єи*. — Произношение -іе (пишется -ѣс) представляет собой

переход к среднеболгарскому 'е, е (пѣиу; позже также молене и т. д.; см. Лавров, Обзор, 77).—Формы творительного падежа ед. ч. и редко встречающегося дательного падежа мн. ч. имеют в некоторых памятниках ассимилированное окончание: -нимъ, -нимъ — особенно часто в Супрасльской рукописи; кроме того, в сборнике Клоца мы находим *псалымъ 55, хотѣнимъ 197, испытанымъ 240, влещимъ 821* (сюда же относится и описка: *повелѣнимъ II, 153?*); отдельные формы этого типа наблюдаются в Синайской псалтыри, в Хиландарских листках и в Слуцкой псалтыри. Здесь нельзя предполагать влияния основ на -i-, скорее мы имеем фонетическое развитие безударного сочетания -ѣ(i)е- в -ѣ(i)i-; могли оказать влияние и местные падежи на -ѣ(i)i, -ѣ(i)iхъ. В словах *оуученимъ Супр., 96,17/8, цѣсарственимъ там же, 232,2, змиснимъ Миросл.* (может быть, из древнеболгарского оригинала) не менее вероятным является влияние формы творительного падежа определенного прилагательного, чем влияние основ на -i-. Подобным же образом может быть понято и *вражбимъ Зогр., Марк, 14,48*, однако эта форма объясняется обычно влиянием непосредственно следующего за ней слова *дрѣвоимъ*.

ЛИТЕРАТУРА:

О звательном падеже на -ju: Г. Ильинский, Прасл. гр., стр. 389 и сл. (там же более старая литература).—A. Meillet, Les vocatifs slaves du type *možu*, „MSL“, XX, стр. 95 до 102.—F. Sommer, „IF“, XLII, стр. 323 и сл.

§ 40. Основы на -и-

Только мужского рода

Ед. ч.		Парадигма:		Мн. ч.	
		Дв. ч.		Им.-зв.	
Им.	сынѣ	Им.-зв.-вин.	сыны	Им.-зв.	сыновѣ
Род.	сыноу	Род.-местн.	сыновоу	Род.	сыновѣ
Дат.	сыновѣ	Дат.-твор.	сыныма	Дат.	*сынѣмъ (сыномѣ)
Вин.	сынѣ			Вин.	сыны
Зв.	сыноу			Твор.	сынѣмъ
Твор.	*сынѣмъ (сыномѣ)				
Местн.	сыноу			Местн.	*сынѣхъ (сынохъ)

Ни в одном из славянских языков, как и в древнеболгарском, основы на -о- и -и- четко не различаются главным образом вследствие совпадения окончаний именительного и винительного падежей ед. ч. В именительном падеже мн. ч. образовалось контаминированное окончание -ови, вероятно, лишь диалектное: *Син. пс.*: сѣ(ѡ)ви — 15 раз, волови — 1 раз; сѣ(ѡ)вѣ — 9 раз (в XII части исключительно -вѣ — 5 раз); это окончание есть и в среднеболгарском (*Охр. ап.* и т. д.). В Синайском требнике также жидови; жидовомъ *Супр.*; жидовѣхъ *Супр.*, *Бол. пс.*; сыновѣхъ, домовѣхъ *Бол. пс.*; вин. п. мн. ч. воловѣ *Добром. ев.* и т. д. — форма преимущественно только среднеболгарская. Гораздо чаще встречается смешение окончаний двух типов склонения; для некоторых имен даже невозможно установить исконное окончание. Этому вопросу мы посвящаем специальный параграф.

§ 41. Взаимодействие основ на -о- с основами на -и-

Нет никакого сомнения, что слова сынъ, волъ, връхъ, домъ, медъ, полъ относятся к первоначальному склонению на -и-, хотя все формы этого типа имеют лишь существительные волъ и полъ: род. ед. волоу *Зогр.*, *Мар.*, *Асс.*, *Сав.*, *Остр.*; им. мн. волови *Пс.*; род. мн. воловъ *Супр.* (вин. мн. воли — там же); род. ед. полуу *Зогр.*, *Мар.*, *Асс.*, *Сав.*, *Син. тр.*, *Супр.*, *листки Унд.*; местн. ед. полуу *Зогр.*, *Мар.*, *Асс.*, *Сав.*, *Пс.*, *Син. тр.*, *Супр.* (вин. мн. полы *Супр.*); твор. дв. полъма *Зогр.*, *Мар.*, *Асс.*, *Сав.*, *Супр.*; родительный дв. ч. встречается в позднем старославянском в виде съ обую полуу и по предположению Зубатого также в форме, воспринимаемой в качестве местного падежа ед. ч. полуу пошти и т. п. (*ролци). Напротив: род. връха *Мар.*, *Зогр.*, *Асс.*, *Охр. ев.*, *Супр.*; връхоу, връхоу *Мар.*, *Зогр.*, *Хил. л.*, *Остр.*; местн. връхоу, връхоу (так же, как наречие) *Мар.*, *Зогр. б.*, *Асс.*, *Сав.*, *Пс.*, *Супр.*; дат. ед. домоу *Мар.*, *Зогр.*, *Асс.*, *Сав.*, *Пс.*, *Син. тр.*: домови *Мар.*, *Зогр.* („домой“ *Марк. 7,30*; *Син. тр.*); род. — только домоу (*Ев.*, *Клоц. сб.*, *Супр.*; NB. дома означает „дома“); местн. — только домоу, род. мн. — только домовъ, твор. ед. домоь *Ев.*; дат. мн. домоь *Син. тр.*; местн. мн. домохъ *Зогр.*, *Мар.*, *Асс.* (вин. мн. дома); род. ед. меда *Син. пс.*, *Слуцк. пс.*: медоу

Супр. (в древнерусском часто меѡу — род. ед.), зв. ед. *сыне* наряду с *сыноу Ев., Супр.* В Синайском требнике — только *сыне*; род. ед. *сыноу* встречается по одному разу в Саввиной книге и псалтыри, в остальных случаях — только *сынѧ*; дат. ед. *сыновеи Зогр., Мар., Асс., Супр.* наряду с более частым *сыноу (Зогр., сыновеи — только в ев. от Иоанна), Киевск. л. — 1 раз; Сав., Син. тр., Пс. — 1 раз;* в сб. Клоца — только *сыноу*; местн. ед. *сыноу* и *сынѧ Мар., Асс., Сав.,* в Зогр. и Син. тр. — только *сынѧ*; твор. ед. *сыномѧ (-омѧ) Зогр., Мар., Асс., Сав., Супр.,* также дат. мн. *сыномѧ Зогр., Пс., Клоц. сб., Супр.;* в им. п. мн. ч. наряду с *сынове (Пс.* также *-ови)* встречается более редкое *сыни* (по одному разу в Зогр. ев. и Псалтыри); род. мн. *сыновѧ, сынѧ (1 раз в Мар. ев. и 4 раза в Син. пс.)* (везде сокращенно: *сиѧ*); твор. мн. *сынѧми (Супр. рук. — 1 раз): сыны (Син. тр. — 1 раз, Пс. — два раза);* местн. мн. *сиѧхъ — два раза, сиѧхъ — два раза Пс.;* им.-вин. дв. *сыны Мар., Асс.* наряду с более частым *сынѧ Зогр., Мар., Асс., Сав.;* род.-местн. дв. *сыновоу Мар., Зогр., Асс.;* *сыноу Зогр. б., Асс.;* твор.-дат. *сынѧма (-ѧма) Зогр. б., Мар.*

В творительном падеже ед. ч. и в дательном падеже мн. ч. встречаются только формы склонения на *-о-*; количество примеров, однако, невелико; возможно, что наряду с ними имелись и формы на *-ѧмѧ, -ѧмѧ* (см. ниже); во всяком случае, в языке существовала тенденция к выравниванию в сторону основ на *-о-*. В окончании *-омѧ, -омѧ -о-* возникло не из *-ѧ-*; это видно из употребления данного окончания в Саввиной книге и в Супрасльской рукописи, а также из употребления его в Зографском евангелии, где переход *ѧ* в *ѡ* встречается редко. По аналогии с формой дательного падежа мн. ч., а также по аналогии с окончаниями *-ове, -овѧ* развилось окончание *-охѧ*, которое представлено в *дарѡхѧ Син. тр., 98 б, 20, жиѡхѧ Супр., 496, 7¹.* Подобные новообразования находим в основах на *-i-*; см. § 42; таким же путем происходит развитие этих форм и в других славянских областях. В творительном падеже

¹ В *ѧѧхѧхѧ Син. пс., 61, 11 (ἐν τῇς βάρειν)* стоит *ѧ* вместо *ѧ*. В Остромировом евангелии и в других церковнославянских памятниках русской редакции окончания *-ѧмѧ, -ѧмѧ, -ѧхѧ* являются, вероятно, русизмами.

ед. ч. у западных и восточных славян процесс идет в обратном порядке (-тъмь вместо -омь); поэтому в Киевских листках, как и в Пражских листках, представлено только -тъмь, часто встречается -тъмь в памятниках русского происхождения (например, в Слуцкой псалтыри, Новгородских листках). Трудно решить, в какой мере можно приписать влиянию основ на -и- спорадическое -тъмь вместо -омь в некоторых древнеболгарских памятниках (4 раза в Зогр. ев., 2 раза в Мар. ев., 2 раза в Син. пс., 1 раз в Син. тр., 5 раз в Супр. рук. от 274 стр., 4 раза в Хиланд. листках; в существительных ср. р.: 6 раз в Супр. рук., начиная со стр. 272; в дат. мн. върънътъмь *Клоц.*, 112, невогътъмь *Супр.*, 386, 14/5, словътъмь там же, 312, 14). -тъ мог появиться и под влиянием формы именительного-винительного падежа. Нахтигаль предполагал наличие новообразований на -тъмь только для говора Супрасльской рукописи (Зборник Белићу, 94 и сл.); на самом деле, в других памятниках -тъмь встречается очень редко; и единственная форма, которую мы встречаем несколько раз в этих памятниках (гласътъмь *Зогр.*, *Пс.*, *Тр.*), может быть понята как форма склонения на -и- (ср. род. п. гласѣу *Син. пс.*); однако, во всяком случае, к Супрасльской рукописи следует присоединить и Хиландарские листки.

Особенно широкое распространение получил суффикс -ови, -сви дательного падежа: весьма часто он встречается в греческих названиях лиц и в собственных именах: петрови, нсръови и т. д., а кроме того, богови (*Зогр.*, *Мар.*, *Асс.*, *Сав.* наряду с более частым богоу; также и *Клоц. сб.*; *Супр.*, 106, 27 и 24 раза от стр. 358; однако форма богоу более частая; *Син. тр.* и *Псалтырь* — только богоу), господсви (см. § 44), мѣжсви *Зогр.*, *Мар.*, *Асс.*, *Сав.*, *Супр.*; доухови *Зогр.*, *Мар.*, *Асс.*, уловъкови *Мар.*, *Супр.*, адови и дивволѣови *Супр.* (вряд ли эти слова можно отнести к греческим заимствованиям), враусви *Тр.*, *Супр.*, сътънникови *Сав.*, рловѣови *Супр.*, львовѣови *Супр.*, мирѣови *Асс.*, *Сав.*, *Супр.*, цѣсарѣови *Асс.*, *Сав.*, *Клоц.*, *Пс.*, *Супр.*, винарѣови *Зогр.*, *Мар.*, вратарсви *Сав.*, благодѣтельсви *Супр.*, даже моревѣови *Супр.* 412, 6/7. Рядом с каждой из этих форм встречаются многочисленные формы на -ѣу, -ѣю; многие из этих случаев представляют собой, несомненно, старые основы на -о-, другие (такие, как мирѣ, мѣжѣ, врауѣ), очевидно, старые

основы на -и-. Это тем более вероятно, чем чаще встречаются другие падежи по типу склонения на -и- и образования от основы на -ов- от одних и тех же слов.

Формы склонения по типу основ на -и-, кроме отдельно описанных падежей, присущи и (наряду с формами основ на -о-) следующим словам:

хитъ: род. ед. *хитюу Супр.*, местн. ед. *хитюу Зогр.*, *Мар.*, *Асс.*, *Супр.*, им. мн. *хитовс*, род. мн. *хитовъ* — обе формы представлены в Супр. рук. Эти формы есть и в древнерусском. У Климента — *хитини* (И. Иванов, Българ. старини, 66, 21).

станъ: местн. ед. *станоу Син. пс.*; др.-русск. род.-местн. ед. *станоу*, им. мн. *становс*. Ср. церк.-слав. *становиште*, *становъти*.

санъ: местн. ед. *сноу Супр.*; ср. там же и, кроме того, — *снговитъ*.

сынъ (башня): местн. ед. *сыноу Супр.*; у Иоанна Экзарха им. мн. *сыновс*.

миръ: род. и местн. ед. *мироу Супр.*

даръ: местн. ед. *дароу*, им. мн. *даровс*, род. мн. *даровъ Супр.*, *даровъ*, твор. мн. *даръми Требн.*

оудъ: им. мн. *оудовс*, род. мн. *оудовъ Супр.*, *ждовъ*, твор. мн. *оудъми Требн.*; ср. церк.-слав. *оудовъти*.

гроздъ: *гроздовъ*, *-ъми Требн.* Ср. *грозновие Супр.*, 385, 22; *Исаия* и т. д.

сѣдъ: *сѣдовс Супр.*, дат. ед. *соудови* (в Номоканоне Меф. 2 раза). — От *сѣдъ* „сосуд“ — *сѣдовъ Супр.*

садъ: *сдовс — Макед. глаг. л.*, *Супр.*; *сдовъ Супр.*; в более поздних памятниках *сдовис*, *сдовъти*.

родъ: род. ед. *родоу Супр.*, род. мн. *родовъ Асс.*, *Супр.*

радъ: род. ед. *радоу Супр.*, местн. ед. *радоу (радоу) Асс.*, *Супр.*

идъ, ледъ: род. ед. *идоу, ледоу* — по одному разу *Супр.*, также *длъгоу*. Ср. др.-болг. *идовитъ*, церк.-слав. *ледовъти*.

гадъ: род. мн. *гадовъ Требн.*

жидовитъ. Несомненно, образовано от мн. ч. *жидовс Зогр.*, *Иоанн*, 19, 12, *Клоц.*, род. *жидовъ*, местн. *жидохъ Супр.*, *жидъми* (три раза в Номоканоне Мефодия: *жиды* — там же, два раза, также и в Супр. рук.). Вторичные формы: им. мн. *жидови Син. тр.*, местн. мн. *жидовъхъ Супр.*, дат. мн. *жидовомъ (Супр. — два раза)*.

попѣ: попове *Син. тр., Супр.*, также *Номоканон Меф.*; там же, семь раз поповѣ.

дѣбѣ: местн. ед. дѣбоу *Супр.*

грѣмѣ; местн. ед. грѣмоу *Требн.*

глѣсѣ: род. ед. глѣсоу *Син. пс.*; ср. твор. глѣсѣмъ *Зогр., Пс., Требн.*

доухѣ: доухове *Супр.*, ср. доуховѣнѣ (также в Ев.)

грѣхѣ: грѣхове *Супр.*, грѣховѣ *Мар., Асс., Сав., Требн., Супр.*, грѣхѣмъ *Клоц.*, ср. грѣховѣнѣ.

врачу: врачевѣ *Зогр., Сав., Супр.*; также врачевъ *Миросл.*

змиин: змиисве *Супр.*, -свѣ *Супр., Требн.*

знои: зноисве, ювѣ *Супр.*

В Супрасльской рукописи встречаются, кроме того, в форме творительного падежа: апостолами, сплостатыми, зѣлодѣями, плѣшма (или эти две формы идут по склонению на -і?), крилами (1 раз -ѣма), род. вѣсовѣ (два раза; ср. *Иоанн Экз.* вѣсове, -ѣхѣ), градовѣ, споловѣ (:сполинѣ) и плодовѣ, потоковѣ, трудоваѣ, цѣвтовѣ (последние четыре формы на стр. 429, 26—30). *Асс.* оукрими (или по основам на -і-?).

Таким образом, ясно, что вторичные формы, образованные по склонению на -и-, чаще всего встречаются в Супрасльской рукописи; нельзя определить точно, какие из существительных данного выше списка относятся к старым основам на -и-. Без сомнения, к основам на -и- относится заимствованное слово жидевѣ, а также, вероятно, существительные уинѣ, станѣ, санѣ, сынѣ „башня“, грозѣ (-зинѣ), оудѣ, садѣ, дарѣ, грѣхѣ; возможно, и некоторые другие слова склонялись по основам на -и-, например существительные на мягкие согласные: врачѣ, гнои, змиин. В слове попѣ некоторые падежи также могли быть взяты из склонения на -и-. Весьма далеко заходят в своем предположении о первоначальных основах на -и- Мейе и Кульбакин; иначе смотрит на это Нахтигаль.

краты в дѣва краты вряд ли является формой двойственного числа от основы на -и-; оно образовано скорее по аналогии с выражением три краты и т. д.; ср. коль краты *Матф., 18, 21, Мар.*, много краты *Марк., 5, 4, Зогр.*, три краты *Зогр., Лука, 22, 34, 61* (по аналогии с *дѣва краты); род. мн. кратѣ. Не является также доказанным наличие основы на -и- в словах: из вѣноу, до низоу, до долоу и

в употребляемом как наречие *долюу*. Здесь возможно влияние *врьхоу* и таких наречий, как *отъ тѣдоу*.

ЛИТЕРАТУРА:

R. Scholvin, „JA“, II, стр. 506—513.—Р. Брандт, Несколько замечаний о еревом и уковом склонении, „РФВ“, IX, стр. 221—230.—W. Vondrák, Zur Kritik, стр. 779 и сл.; O mluvě J. Eх., стр. 30—33.—А. Бел и ч, „Изв.“, IV, стр. 1184—1188.—A. Meillet, Recherches, стр. 32—36 и далее и др.; „RS“, VI, стр. 129—134; „MSL“, XX, стр. 95—102; Slave c., стр. 357—362; Mélanges Boyer, стр. 9 и сл.—Б. Ляпунов, Формы склонения, стр. 37—56.—J. Zubatý, Polů a jiné tvary podobné, „Sb. fil.“, III, стр. 205—215.—Н. Грунский, Лекции, стр. 68—73.—R. Nahtigal, Oblike po osnovah na -u v starocerkvenoslovanskih spomenikih. Сборник Белићу, стр. 87—96; Akzentbewegung in der russ. Formen- und Wortbildung, Heidelberg, 1922, стр. 131—145, 267 и сл.—H. F. Schmid, Nomokanonübers., стр. 53 и сл.—С. Кульбакин, Миросл., стр. 50 и сл.—П. Бузук, „Изв.“, XXIX, стр. 339 и сл.—Древнерусские формы у С. Обнорского: С. Обнорский, Ефр. К., стр. 68—70; „Изв.“, XXIX, стр. 220—222.—Н. Дурново, Очерк, стр. 245—249, 272—275.—В. Комарович, „Изв.“, XXX, стр. 41.

§ 42. Основы на -i-

Мужского и женского рода. Числительное три имеет три рода: м. р. *трие* (-ье), ж. р. *три* (один раз *трии* *Супр.*. 258, 21), ср. р. *три*; далее склоняется правильно.

Парадигмы:

	М. р.	Ж. р.
Ед. ч. Им.	пѣть	кость
Род.	пѣти	кости
Дат.	пѣти	кости
Вин.	пѣть	кость
Зв.	пѣти	кости
Твор.	пѣтьмь (-сьмь)	костинѣмь (-ьимь)
Местн.	пѣти	кости
Дв. ч. Им.-зв.-вин.	пѣти	кости
Род.-местн.	пѣтию (-ью)	костию (-ью)
Дат.-твор.	пѣтьма	костьма
Мн. ч. Им.-зв.	пѣтиє (-ье)	кости
Род.	пѣтин (-ьн, -вн)	костин (-ьн, -вн)
Дат.	пѣтьмь (-емь)	костьмь (-емь)
Вин.	пѣти	кости

Твор.	пѣтъмн	костѣмн
Местн.	пѣтъхъ (-ехъ)	костѣхъ (-ехъ)

О формах с ѣ (твор. п. ед. ч. ж. р.; род.-местн. дв. ч.; им. п. мн. ч. м. р.; род. п. мн. ч.), которые в тексте передаются через и и ѣ(с), см. § 24.

Также гръгган ихъ *Син. пс., 46, 19/20* (ὁ λάρυξ αὐτῶν) имеет ѣ.

Список существительных, относящихся к этому типу склонения, приводят грамматики Лескина, Вондрака, Кульбакина и Tvargosloví Пастрнека. Следующие два параграфа мы посвящаем рассмотрению взаимоотношений между основами на -i- и основами на согласный или основами на -jo-. Сейчас мы рассмотрим только окончания -емь, -емъ, -ехъ, на которые, возможно, оказывали влияние оба указанных выше типа склонения.

Окончания -емь, -емъ, -ехъ творительного падежа ед. ч. или дательного и местного падежей мн. ч. встречаются не только в тех памятниках, где ѣ в сильной позиции переходит в с, но также и в Саввиной книге и во второй части Супрасльской рукописи, где этот переход (ѣ > с) не имел места; то же наблюдается и в древнесербском языке.

Ясно, что речь идет здесь не о фонетическом изменении, а о замене окончания, как это произошло в формах на -емь, -емъ, -ехъ от основ на -и-. Окончания -емь, -емъ можно объяснить влиянием основ на -jo-, и таким образом -ехъ могло возникнуть по аналогии с -ьтъ: -еть, -ьтъ: -ешъ = -ьхъ: -ехъ. Так как в трех названных падежах основы на согласный претерпевают такие же изменения, как и основы на -i-, то можно предположить, что на появление окончаний -емь, -емъ, -ехъ оказали влияние падежные формы основ на согласный, оканчивающиеся на -е (род.-местн. п. ед. ч., им. п. мн. ч. м. и ж. р.). Связь между основами на -i- и -je- выступает особенно ясно в Саввиной книге, где окончания -ьмь, -ьмъ наряду с -емь, -емъ употребительны как в основах на -i-, так и в основах на -je- (включая ѣтъ), причем формы на ѣ встречаются чаще. Также и в Супрасльской рукописи в основах м. р. на -je- представлено девять раз -ьмь, -ьмъ; ср. подобные же отношения в основах на -о- (§ 41); см., кроме того, *Зогр.*,

Матф., 5, 25, сѣпърьмь Мар., корабицьмь Иоанн, 21, 8. Об основах на -іе- ср. р. см. конец § 39.

ЛИТЕРАТУРА:

О -еть и т. д.: Р. Брандт, „РФВ“, IX, стр. 221 и сл., 226 и сл.—В. Щепкин, Рассуждение, стр. 103—107; Бол. пс., 106 (ср. также стр. 104).—Б. Ляпунов, Формы склонения, стр. 42 и сл.—М. Rešetar, *Der štokavische Dialekt*, Wien, 1907, стр. 169 и сл.—Г. Ильинский, *Прасл. гр.*, стр. 308 и сл.—В. Поржезинский, „*Pr. fil.*“, X, стр. 122.

§ 43. Взаимодействие основ на -і- с основами на согласный

См. предыдущий параграф.

На протяжении старославянского периода все категории основ на согласный испытывают в большей или меньшей степени влияние основ на -і-; частично этот процесс начался уже в праславянском. Таким образом, возникли различные переходные типы между склонением на -і- и склонением на согласный; здесь мы рассмотрим только такие истонные основы на согласный, у которых форма именительного падежа ед. ч. образована по типу основ на -і-. Это существительные или мужского или женского рода.

1. Мужской род: *лакѣтъ*, *ногѣтъ* имеют род. мн. *лакѣтъ* *Зогр., Сав., Иоанн, 21, 8; Супр.; 5, 10; 173, 24/5; 230, 13*, *лакѣтъ* *Мар.* или *ногѣтъ* *Син. тр., 366, 9 (Супр., 117, 27 ногѣтин)*; все эти формы вместе с формами творительного падежа, образованными по аналогии с формами от основ на -о- (*лакѣты* *Супр., 502, 17; 567, 25*, *ногѣты*, -гты *Супр. 113, 30, 397, 27*), указывают на прежний тип склонения на согласный. На это же старое склонение на согласный указывают формы им. мн. *исуѣте* *Супр., 452, 20*, дат. мн. *исуѣтѣмъ* *Клоц., 915, 918* (по аналогии с основами на -о-) от существ. с осн. на -і- *исуѣтъ*. Точно так же и существительное *звѣрь* относится к старым основам на согласный; к основам на -і- это слово могло перейти еще в праславянском; то же могло случиться и с другими существительными. Совпадение винительного падежа на -ѣ основ на согласный с винительным на -ѣ основ на -і- было исходным моментом для смешения основ; этому способ-

ствовали и одинаковые окончания дательного падежа ед. ч. и винительного падежа мн. ч. От существительного *днь*, форма именительного падежа которого возникла на месте уже более не восстанавливаемой формы именительного падежа от основ на согласный, встречается еще много падежных форм, образованных по типу склонения на согласный: род. ед. *дньс* (*Зогр.*, *Сав.*, *Клоц.* — без исключений; *Клоц.* — только один раз; *Мар.*, *Асс.*, *Пс.*, *Требн.*, *Супр.* — значительно чаще, чем *дньи*), местн. ед. *дньс* (*Зогр.*, *Мар.*, *Пс.* имеют и *дньи*; в Саввиной книге преобладает -с; *Асс.*, *Супр.* — только -и), род.-местн. дв. *дньоу* (*дъноу*) (*Зогр.*, *Мар.* — по три раза; *дъню Асс.*, *дънюу*, -ью *Сав.*, *Супр.*), им. мн. *дньс* (*дънс*) (*Мар.*, *Зогр.*, *Матф.*, 24, 22 — два раза; *Мар.*, *Марк*, 13, 19 — только перед энклитикой *ти*, в остальных случаях: *дъннс*, -ъс, *Син. пс.* также -и), род. мн. *дньъ* (*дснъ*) (в сборнике Клоца и Охр. ев. — без исключений, два или один раз; в *Син. тр.* — чаще, чем *дъннс*; в Зографском евангелии *дньъ* чаще встречается к концу кодекса, а вообще преобладает долгая форма; в Саввиной книге по 4 раза -ъ (-ь) и -и, -ы; в Мариинском евангелии преобладает долгая форма, еще чаще она представлена в Синайской псалтыри и в Супрасльской рукописи; Дильс отметил, что форма *дньъ* в Зографском и Мариинском евангелиях стоит только после числительных). Наряду с формой *дънъи* (общестарославянская) в Зографском евангелии три раза встречается не менее старая форма *дънъи*. В Супрасльской рукописи два раза представлено *дънъиъ* (твор. п. ед. ч.) по аналогии с *ноштиъ*¹. В древнеболгарских диалектах старые формы именительного падежа от основ на -еп- стали исчезать; см. § 46 б. Вполне возможно, что слово *господь* относилось первоначально к склонению основ на согласный, хотя это и нельзя доказать.

2. Женский род: *кръвь* — общедревнеболгарская форма им. п. ед. ч. вместо сохранившейся в других славянских языках формы *кry*². Это слово, таким образом, относилось

¹ Тоже у Иоанна Экзарха, в Толковой псалтыри Феодорита и т. д.

² *кry* встречается в хорватско-глаголической редакции Жития св. Вацлава, но эта чешская или хорватско-церковнославянская форма **kry*, *кри* не может служить доказательством в пользу древнеболгарской формы **kry*.

сначала к склонению основ на -ъв- (§ 46 а); родительный падеж ед. ч. на -ѣ в старославянском является вполне обычным; в Маринском и Ассеманиевом евангелиях нет даже формы *крѣви*; напротив, в Супрасльской рукописи *крѣве* встречается только один раз — *136, 4*, а в остальных случаях находим *крѣви*, *крѣви*. Часто нельзя решить, является ли древнеболгарская форма *крѣви* приименным родительным или дательным падежом. Местн. п. ед. ч. *крѣве* один раз представлен в Требнике. Остальные формы основы на согласный не встречаются. — *дѣсѣтъ* в родительном и местном падежах ед. ч. имеет окончание -и, а часто встречающиеся числительные 11–19 оканчиваются на -ѣ: *ѣдинѣъ* на *дѣсѣте*, *дѣвѣъ* на *дѣсѣте* и т. д., только *Асс. ев., 106 (Матф., 26, 47)* *ѣбою* на *дѣсѣти*; род. мн. *дѣсѣтъ*, только *Лука, 10, 17* *сѣдѣмъ дѣсѣтинъ*, -и *Мар., 30гр.*; твор. мн. *дѣсѣтъ* (по основам на -о-; см. выше); им. мн. *дѣсѣте*, NB. м. р. *ѣтѣтырѣ дѣсѣте*; также и дв. ч. *дѣвѣ дѣсѣти*; *Мар., Иоанн, 6, 19* -тъ — мужского рода; и вновь образованная форма твор. п. на -тъ предполагает мужской род; женский род представлен формой им. п. *ѣтѣтыри дѣсѣти* *Супр., 175, 9*; род.-местн. *дѣсѣтоу Шестоднев, 27, гл. 12/3*, *дѣвоу дѣсѣтоу Житие Мефодия, гл. XV*.

ЛИТЕРАТУРА:

О дѣнь у А. Лескина, „JA“, III, стр. 108 и сл., а затем литература, упоминаемая у Гуйера в „Slov. dekl. jп.“, стр. 42.— P. Diels, „JA“, XXXII, стр. 311 и сл.

§ 44. Взаимодействие основ на -і- с основами на -іе-

Здесь будут рассмотрены, за исключением окончаний -ѣмь, -ѣмъ, -ѣхъ (см. § 42), только формы мужского рода от основ на -і-. Наличие одинакового окончания в именительном и винительном падежах ед. ч. привело к тому, что границы между двумя типами склонения стали стираться.

Окончание -іѣ им. п. мн. ч. основ на -і- в поздний древнеболгарский и среднеболгарский период переносится на некоторые основы на -іе-: *30гр. б вѣдѣмъ Матф., 23, 16, 24*; ср.-болг. *мѣжѣмъ*, *архѣрѣмъ*, *иудѣмъ*; ср. также ср.-

болг. (*Добром. ев.*) мытарне, рыварне, см. § 47 б; мытарне *Остр.* — 2 раза, мюжне, дьлателне, пастырне — эти формы из *Миросл. ев.* могут восходить к древнеболгарскому оригиналу. стрлжне *Супр.*, 134, 5, 184, 26 — вероятно, основа на -i- (ср. стрлжмн 440, 25/6 и вин. стрлжъ 293, 12 [не род.-вин.]; необходимо обратить внимание и на русское ударение *сто́рож*), и коумирне *Супр.*, 536, 9 может быть древнейшей древнеболгарской формой именительного падежа мн. ч. от именительного падежа ед. ч. коумирь (часто встречается в Супрасльской рукописи наряду с коумирь), если это не собирательное существительное. Род. мн. вращси *Асс.*, *Мар.*, 5, 26, мюжн *Миросл.* — Об буквини, зълъдъни см. § 41.

Влияние форм с основами на -je- на формы с основами на -i- прослеживается в формах ед. ч. огонь, гладь, пѣть, звѣрь, стражъ, господъ.

огнь имеет род. ед. огнѣ, огни и дат. ед. огню, огнюу. Несомненно, что окончания -ѣ, -ѣ, характерные для мягких основ, вызвали смягчение -п', поэтому им.-вин. п. ед. ч. имеет форму огнѣ — обычное написание в Зогра. ев. и *Супр. рук.* род. п. огни *Супр.*, 226, 3; 453, 3, дат. ед. огни там же, 142, 5 имеет еще старое окончание, но содержит мягкое -п' — от вторичной основы на -je-. Твор. ед. огньмъ, -ьмъ из Саввиной книги может относиться и к основам на -i- и к основам на -je- (см. § 42). Род. ед. огни во второй части Синайской псалтыри, вероятно, образовано от формы им.-вин. п. огнь, употребляемой этим писцом и другими писцами.

гладь — им. п. ед. ч. встречаем в Зографском евангелии *Лука*, 15, 14. Что эта форма не ошибочна, видно из ср.-болг. гладьмъ, -ьмъ („Изв.“, IV, 857), гладь род. ед., гладю дат. ед. *Соф. пс.* или *Болон.* и современная болгарская форма: *од глади* (Лавров, Обзор, 127). гладь *Супр.*, 3. 7, 15 — вероятно, ошибка, вместо гладьмъ. Ср. гладъ, -ю с формой господъ, -ю.

пѣть имел наряду с формой пѣти *Клоц. сб.* дат. ед. пѣтоу (62/3). Эта форма, если только она не вызвана следующим словом влгоу, объясняется так же, как огни *Син. пс.*; хотя форма им.-вин. *пѣть и не встречается рядом с употребленной один раз в сборнике Клоца формой пѣть, она все же возможна, как и форма огнь, представ-

ленная в сборнике Клоца наряду с *огнь*. Ср. у Лаврова, в разных местах, *до срет пата*. В Добромировом евангелии род. п. *пѣтъ* наряду с *пѣти*; *Добрейш. ев.* дат. *пѣтю*, *пѣтоу*.

звърь. Род. ед. *звърь* *Супр.*, 44, 28/9; 49,22; 509,28; с другой стороны, им. мн. *звърье* там же, 183, 24, 28; 184, 23, *звърьс* *Син. пс.*, 134, 7, твор. мн. *звърьми* *Ев.*, *Супр.* Форма им. мн. *звъри* *Син. пс.*, 636, 6 так же, как и *дыи* (см. § 43), может быть рассмотрена как форма винительного падежа, перенесенная на форму именительного под влиянием существительных женского рода.

стражь, род.-вин. *стража* *Син. тр.*, 82a,17; см. выше.

господь — формы множественного числа изменяются только по склонению на -i-: *господие*, -ни и т. д.¹ Звательный и местный падежи ед. ч. имеют форму *господи*. Наблюдается много форм родительного и дательного падежей ед. ч. *господь*, *господю*; эти формы преобладают как в Синайской псалтыри, так и в Зографском евангелии (*гъ* в ев. от Иоанна без исключений). Они представляют собой относительно раннее новообразование наряду с *господи* — единственной формой родительного-дательного падежей в Киевских листках (*гѣ*). Форма *господи* употребляется в качестве родительного падежа во многих памятниках (*Зогр.*, *Мар.*, *Клоц. сб.*, *Син. пс.*, *Сав. кн.*, *Супр. рук.*), хотя в каждом отдельном памятнике встречается довольно редко; в значении дательного падежа эту форму находим только в сборнике Клоца и в Мариинском евангелии.

Из меньших памятников мы рассмотрим только Охридские листки и Зографские листки: *господь* — 2 раза или *гѣ*, *господь* встречается несколько раз в Зографском евангелии, 4 раза в Синайской псалтыри, 2 раза в сборнике Клоца (4 раза — *гѣ*); Мариинское евангелие предпочитает эту форму; в Синайском требнике и Ассеманиевом евангелии употребляется только эта форма; в Саввиной книге и Супрасльской рукописи она встречается почти без исключения. Она появилась наряду с формой *господь* ввиду того, что звук -ѣ- после других сильно смягченных звуков был неудобен для произношения. *господоу* возникло,

¹ Сюда относится, кроме *господь*, и форма с суффиксом единичности *господнѣ*,

повидимому, по аналогии с господѣ, а отчасти (в говоре Супрасльской рукописи), вероятно, и потому, что звук й (или й̑) вообще заменялся звуком и (см. § 26). В Синайской псалтыри наряду с гю находим еще гви, так же как и в Зографском ев., Ассеманиевом ев. и Синайском тр. (здесь, впрочем, лишь один раз встречаем гви, в остальных случаях — гю; NB. в род. п. только гѧ так же, как и Ассеманиево ев.); Саввина книга и Супрасльская рукопись содержат только гви и гѡу. В Мариинском ев. 2 раза встречается гю, 3 раза — ги, 8 раз — гви, в сб. Клоца — только ги, гѣ (по одному разу). Форма им. п. ед. ч. гѣ, особенно часто употребляемая в сборнике Клоца и Мариинском евангелии, вызвана, вероятно, влиянием родительного падежа на -а (см. стр. 166).

В форме на *помошты*, -на *Супр.*, 151, 9, 11, очевидно, можно предполагать диалектн. *помоштыс*, которое в ряде выражений заменяло форму от основы на -i — *помошть*. Этот случай относится скорее к разделу словообразования, чем морфологии.

ЛИТЕРАТУРА:

-ѣе у основ на -ѣе: С. Кульбакин, „Изв.“, IV, стр. 857; Охр. рук. Ап., СХ; Миросл., стр. 48, 51.

§ 45. Основы на -а- и -ia-

К этому типу склонения относятся существительные мужского и женского рода.

Замечания по поводу склонения основ на -о- и -је- в такой же мере относятся и к основам на -а- и -ја-.

Имена на *-цѣ(-ца)*, *-съ (-sa, -za)* < *-ka* или *-ga* (пѣтицѣ, польсъ) и т. д. склоняются точно так же, как исконные мягкие основы.

Парадигмы: а) основы на -а-, б) основы на задне-нёбный согласный +а, в) основы на гласный +ja(jä), г) основы на мягкий согласный, развившийся из согласного +j и а (ä), д) основы на -цъ-, -зъ-:¹

¹ Древнейшие глаголические формы мы даем в кириллической транскрипции; формы с ш, ж, шт, жд, в, с, ц, з, р + а, ю в источниках часто имеют уже а, оу; в большинстве памятников — только ж, а; см. § 22.

Ед. ч. Им.	дѣва, рѣка	строуѣ, юношѣ, стьсѣ
Род.	дѣвы, рѣкы	строуѣа, юношѣа, стьсѣа
Дат.	дѣвѣ, рѣцѣ	строуѣи, юношѣи, стьсѣи
Вин.	дѣвѣж, рѣкѣж	строуѣж, юношѣж, стьсѣж
Зв.	дѣво, рѣко	строуѣе, юношѣе, стьсѣе
Твор.	дѣвоуѣж, рѣкоуѣж	строуѣеуѣж, юношѣеуѣж, стьсѣеуѣж
Местн.	дѣвѣхъ, рѣцѣхъ	строуѣи, юношѣи, стьсѣи
Дв. ч. Им.-вин.-зв.	дѣвѣхъ, рѣцѣхъ	строуѣи, юношѣи, стьсѣи
Род.-местн.	дѣвоу, рѣкоу	строуѣю, юношѣю, стьсѣю
Дат.-твор.	дѣвама, рѣкама	строуѣума, юношѣума, стьсѣума
Мн. ч.		
Им.-вин.-зв.	дѣвы, рѣкы	строуѣа, юношѣа, стьсѣа
Род.	дѣвѣхъ, рѣкѣхъ	строуѣи, юношѣи, стьсѣи
Дат.	дѣвамауѣж, рѣкамауѣж	строуѣеуѣж, юношѣеуѣж, стьсѣеуѣж
Твор.	дѣвами, рѣками	строуѣи, юношѣи, стьсѣи
Местн.	дѣвахъ, рѣкахъ	строуѣхъ, юношѣхъ, стьсѣхъ

В творительном падеже ед. ч. наряду с окончанием *-ѣж*, *-сѣж* встречается также *-ж*, *-сѣж*; употребление последних окончаний говорит о том, что они являются более поздними, развившимися из *-ѣж*, *-сѣж*. Чаше всего их можно встретить в Супрасльской рук.: 36 форм (20 — у имен существительных, 16 — у прилагательных). Напротив, можно насчитать 274 формы на *-ѣж*, *-сѣж* (207 — у существительных и 67 — у прилагательных). В Киевских листках и в Синайском требнике нет ни одной формы на *-ж*, *-сѣж*; в Ассеманиевом ев., Саввиной книге и Зографском ев. они встречаются по одному разу: *галилѣж*, *галилѣж* *Асс.* (1 раз), *иудѣж*; *-ѣж* здесь из *-ѣѣж* по диссимиляции; то же и в формах *братѣж* *Мар.*, *братѣж* *Зогр.*, *братѣж* *Асс.*, *братѣж*, *-ѣж* *Супр.* (три раза) возможна диссимиляция из *-ѣѣж*; могло оказать влияние также и окончание *ѣж* основ на *-ѣ*; в слове *земѣж* *Зогр.*, *Матф.*, 5,35, *земѣж* *Супр.* (три раза) также мог повлиять порядок гласных *е-е*; но здесь не следует предполагать переход к склонению на *-ѣ*, как думает Вондрак. Остается еще рассмотреть: *славѣж* *жѣж* *имѣж* *Иоанн.*, 17,5, *Сав. кн.* — два раза; это, повидимому, диссимиляция, по аналогии с другими случаями стяжения гласных в падежных флексиях; — *сѣ* *вѣсѣж* *обѣтаѣж* *сѣ* *жѣж* *Клоц.*, 144/5; в сильно испорченной гомилии неизвестного происхождения, где нужно обратить внимание на следующее

за этим слово *ѡбоже*; — *многѡ силѡ Син. пс., 40, 12*, дѣлѡтъ *121б, 1*, горѡ 2, 12; со вставочным вторым *ѡ* — *правѡдѡѡ (ѡ) 35б, 3, 77б, 12*; следует обратить внимание вообще на мену *ѡ-ѡ* в Псалтыри (см. § 29, п. 5); в словах *пѡдѡѡѡ, рѡѡѡѡ* (по одному разу в Супр.), очевидно, имело значение положение между двумя *ѡ*. Что касается форм с *-ѡ* и *-ѡѡ* в Супрасльской рукописи, то там в существительных им почти всегда предшествует слог с *о* или *ѡ* или же встречается *-ѡѡ* из *-ѡѡѡ*¹; здесь мы также можем ограничиться только предположением о процессе диссимилиации, в то время как в группе существительное + прилагательное можно предположить отчасти действие аналогии, например *благѡдѡѡѡѡ бѡѡѡѡ*, отчасти же двойное *-ѡѡ* или *-ѡѡѡ*, которое могло быть неудобным для произношения: также могли оказать влияние и сокращения, происшедшие в определенных прилагательных (см. § 51). На такое происхождение *-ѡ*, *-ѡѡ* (но не посредством стяжения) указывает отсутствие старославянских флексий *-ѡѡ*, *-ѡѡѡ*. Флексии *-ѡ*, *-ѡѡ* распространились под действием аналогии только в среднеболгарский период. Во всяком случае, форма *силѡѡ твоѡѡѡ Син. пс., 87б, 13* вместо формы винительного падежа заставляет предполагать древнеболгарские диалекты с *-ѡ* из *-ѡ ѡ*. В среднеболгарских флексиях *-ѡѡ*, *-ѡѡѡ* (*-ѡѡ*, *-ѡѡѡ*) может частично скрываться флексия *-ѡѡѡ* (*-ѡѡѡѡ*) с исчезнувшим (вероятно, уже после древнеболгарского периода) неслоговым *ѡ*.

По двум типам основ склоняется *свѣта: свѣтъ; см.*
§ 33.— Также склоняются и некоторые собственные имена, например: *Андрѣа, -ѣа*, но *Андрѣови Мар.*, род.-вин. *Андрѣа Сав.* Существительные на *-ѣи* имеют окончания именительного падежа, отклоняющиеся от нормы: *богѣи*, *-ѣа*; *грьдѣи*, *-ѣа* и т. д., так же как и существительные *лѣи*(и), *кравѣи*(и), *мьѣи*(и) и т. д. (род. п. *-ѣа* и др.). К этому типу относятся многие названия лиц мужского пола: *валѣи*(и), *сѣи*(и), *вѣи*(и) и существительные на *-ѣи*(и), а кроме того, такие собственные имена, как *Лѣѣи*(и). В именительном падеже на *-ѣи* сначала не было смягчения; оно было перенесено из других падежей. Флексия им. п. на *-ѣи* еще, вероятно, в дописьменный период стянулась в *-ѣ*, а затем

¹ ВОЖЕВОДЪ, СОТОНЪ, ЧИСТОТЪ, БОМЪ, РЖКЪ, НИСИЪ, КОУЦИНЪ, САВИНИНЪ, БРАТИНЪ (-ЫН). — ЗЕМЫНЪ (СМ. ВЫШЕ), ПОУЖДЪ, ДОУШЪ.

по аналогии снова была восстановлена. Древнейший тип, встречающийся в текстах, — это *вѣли, сѣди*; см. стр. 175. Такие формы им. п., как *мѣлнии*, представляли собой очень поздние новообразования (по типу *вратни*, *-ни*; *зми*, *-ни*, к ним присоединились и заимствованные собственные имена, например *марни*, *-ни*); они известны только из среднеболгарского (*мѣлнѣ Добро*. *ев.*), и поэтому мы приписываем формы *-мѣлнии Новгор. листки*, *мѣл'ни Остром. ев.* (но *сѣди*, *-ни*, и т. д., также *мѣл'ни*), *милостынь*, *суднь Миросл. ев.* русским или сербским писцам. В русском языке этот тип именительного падежа, вероятно, древнейший. См. конец § 115.

ЛИТЕРАТУРА:

Твор. п. ед. ч.: O. H u j e r, *Slov. dekl. jm.*, 157 и сл. (со списком более старой литературы). — R. N a h t i g a l, *Čas. za slov. jez.*, III, стр. 14—19. — N. v a n W i j k, „*Slavia*“, II, стр. 7—11.

Имена на -и: A. L e s k i e n, *Declination*, стр. 8—12. — М. К о з л о в с к и й, *О яз. Остр. ев.*, стр. 64 и сл. — O. H u j e r, *Slov. dekl. jm.*, стр. 8 и сл. (со списком литературы). — С. К у л ь б а к и н, *Миросл.*, 52.

§ 46. Основы на согласный

Окончания винительного падежа ед. и мн. ч. мужского и женского рода совпадают с окончаниями этих падежей от основ на -і-. В позднем праславянском дательный падеж ед. ч. всех основ на согласный оканчивался на -і, так же как и дательный основ на -і-; окончания творительного падежа ед. ч., дательного-местного мн. ч. для основ мужского и среднего рода уже в дописьменном древнеболгарском языке были точно такими же, как и окончания основ на -і-: -ьтъ, -ьптъ, -ьхъ (-еть, -ептъ, -ехъ). Благодаря этому создались благоприятные условия для дальнейшего перехода в склонение на -і.

Об основах, имеющих уже в древнеболгарском им. п. ед. ч. по типу основ на -і-, см. § 43. Остальные основы мы рассмотрим ниже. Мы делим их на: основы -ъv-, основы на -п-, -г-, -s- и -ѣт-. О разносклоняемых см. далее § 47.

О вариантах флексий -ьмь: -смь; -ьмъ: -емъ, -ьхъ: -вхъ, встречающихся как в основах на согласный, так и в основах на -і-, см. § 42.

а) Основы на -ѣу-

Обычно их называют основами на долгое ѣ. Но хотя именительный падеж ед. ч. на -у (< и.-е. -*ūs*) и восходит к долгому и, однако со славянской точки зрения следует предпочесть название -ѣу-.

Сюда относятся только имена женского рода. В праславянском к этому типу склонения принадлежало еще **kъу* (др.-болг. *крьвъ*; см. § 43,2). В древнеболгарских текстах встречаются: *свекры*, *исплоды*, *брады*, *боукы*, *жрыны*, *локы*, *любы*, *смокы*, *хоржгы*, *црыкы*, *цѣлы*; но были еще и другие слова, например: *жылы* (И. Экзарх, Шестоднев; см. „JA“, XVIII, 588), *ытры*, *тыкы*.

Парадигма:

Ед. ч.		Мн. ч.	Дв. ч.	
Им.	<i>црыкы</i>	Им.-вин. <i>црыкъви</i>	Им.-вин.	<i>црыкъви</i>
Род.	<i>црыкъве</i>	Род.	<i>црыкъвъ</i>	Род.-местн. <i>црыкъвоу</i>
Дат.	<i>црыкъви</i>	Дат.	<i>црыкъвамъ</i>	Дат.-твор. <i>црыкъвамъ</i>
Вин.	<i>црыкъвъ</i>	Твор.	<i>црыкъвами</i>	
Твор.	<i>црыкъвиѣ</i> (-ѣ)	Местн.	<i>црыкъвахъ</i>	
Местн.	<i>црыкъве</i>			

(Формы двойственного числа встречаются только в более поздних церковнославянских памятниках.)

Как известно, в этом типе склонения встречается флексия о из ѣ в сильном положении даже в таких говорах, которые во всех остальных случаях сохраняют ѣ (см. стр. 144).— Об -*иѣ*: -ѣ в творительном падеже ед. ч. см. § 24, п. а. Обращает на себя внимание им. п. ед. ч. *смокви* *Супр.*, 346,5; 348,4, а также ср.-болг. *црыкви* и т. п. (*Бол. пс.*, *Охр. ап.* и т. д.); эта форма появилась, может быть, под влиянием типа *мѣти*, *дѣти* (см. ниже)? или под влиянием типа *лѣди* (см. § 45). Более понятным является происхождение среднеболгарского им. п. типа *црыкъвъ*, -*овъ*. Это — форма винительного падежа, перенесенная в именительный под влиянием основ на -*и*-. В родительном падеже ед. ч. евангельские кодексы, Киевские листки, Клоцов сборник, Македонский глаголический листок, Супрасльская рукопись сохраняют старое окончание -*с*. Синайская псалтырь имеет только -*и*: *любѣви*, *црыкъви*, Синайский требник — обычно -*с*, но также -*и*;

-е находим и в Номоканоне Мефодия. В местном падеже ед. ч. окончание -і встречается чаще: в Ассеманиевом ев., сб. Клоца, Супрасльской рукописи — постоянно -и, -і, в Зографском ев., Мариином ев., Саввиной книге, Синайском требнике — и наряду с -е; также и в Синайской псалтыри — один раз -е рядом с более частым -і; в Номоканоне Мефодия — два раза -с, четыре раза -и. Форма *црѣкѣ* в значении дательного падежа — в Требнике 446,4 — является, вероятно, ошибочной.

Наряду с окончанием -ѣвъ (-ѣкъ; -ѣвъ; см. стр. 159) наблюдается окончание вин. п. -ѣвъ; весьма старым окончанием является окончание в словах *любѣ*, *прѣлюбѣ*, когда они употребляются в качестве дополнения к *дѣяти*, (*сѣ*)творити (*Зогр.*, *Мар.*, *Асс.*, *Сав.*, *Син. пс.*, *Клоц.*; также и *Номоканон*), если предположить, что эта древняя форма и. -е. вин. п. на -ѣп (Бругман, Соболевский, Ляпунов, Мейе, Вондрак, Кульбакин), а не считать, как думают Ягич, Ильинский, Бузук, что эта форма вин. п. мн. ч. от основ на -о-; ср. не *прѣлюбѣ дѣи* или *сѣтвори Мар.*, *Марк.*, 10,19, *Лука.*, 18,20; не *прѣлюбѣ сѣтвориши Асс.*, *Матф.*, 19,18 (ср. также *Охр. ап.*, *Рим.*, 13,9), относительно последней можно предположить, что она является формой родительного падежа мн. ч. к форме винительного падежа мн. ч. *прѣлюбѣ* — это важный аргумент в пользу последнего объяснения; ср. также *любодѣи*, -*дѣини*. — Вин. п. на -ѣвъ (встречается в *Зогр. ев.*, *Сав. кн.*, *Клоц. сб.*, также в *Син. пс.*, в которой нет род. п. на -ѣвъ; очень часто в *Супр. рук.* — всего 45 раз) следует понимать, подобно вин. п. *матере*, *дѣщерѣ*, как форму родительного падежа, употребляемую вместо винительного под влиянием родительного-винительного основ на -о- мужского рода; однако частое употребление формы вин. п. на -е говорит против такого понимания; к сожалению, лучшего объяснения этому нет. О среднеболгарском см. „Изв“, IV, 856. *любѣ Син. тр.*, 96,8 — вероятно, ошибка вместо *любѣвъ* (-ѣкъ, -ѣвъ).

Форма именительного падежа мн. ч. с окончанием -е основ на согласный не сохранилась; имена женского рода ускорили его утрату (ср. им.-вин. мн. *кости*, *дѣвы*, *стѣзи* и т. д.). — Окончания -амѣ, -амн (засвидетельствованы только в более поздних памятниках), -ахъ возникли по аналогии с основами на -а-.

б) Основы на -п-

Старый тип склонения сохраняется в именах мужского рода на -у: -епе, -ѣ: -епе и в именах среднего рода на -ѣ: -епе до древнеболгарского периода. В старославянских памятниках первоначальные отношения уже нарушены. К склонению на -п- относятся существительные мн. ч. на -ѣсѣ, -ѣнѣ, -ѣнѣ (см. § 47 б) и некоторые падежные формы слова *днь* (см. § 43,1).

Парадигмы:

Ед. ч. Им.	<i>кѣмѣ, корѣ</i> ¹	<i>имѣ</i>
Род.	<i>кѣменѣ</i>	<i>именѣ</i>
Дат.	<i>кѣмени</i>	<i>имени</i>
Вин.	<i>кѣмѣнѣ</i>	<i>имѣ</i>
Твор.	<i>кѣмѣнѣмъ (-ѣмъ)</i>	<i>имѣнѣмъ (-ѣмъ)</i>
Местн.	<i>кѣменѣ</i>	<i>именѣ</i>
Дв. ч. Им.-вин.	<i>кѣмени</i>	<i>имѣнѣ</i>
Род.-местн.	<i>*кѣменѣу</i>	<i>*именѣу</i>
Дат.-твор.	<i>кѣмѣнѣмѣ</i>	<i>имѣнѣмѣ</i>
Мн. ч. Им.	<i>*кѣменѣ</i>	<i>имѣна</i>
Род.	<i>кѣменѣ</i>	<i>имѣнѣ</i>
Дат.	<i>кѣмѣнѣмъ (-ѣмъ)</i>	<i>имѣнѣмъ (-ѣмъ)</i>
Вин.	<i>кѣмени</i>	<i>имѣна</i>
Твор.	<i>кѣменѣми</i>	<i>имѣнѣ</i>
Местн.	<i>кѣмѣнѣхъ (-ѣхъ)</i>	<i>имѣнѣхъ (-ѣхъ)</i>

Именительный падеж ед. ч. м. р. на -у встречается в старославянском только в словах *кѣмѣ, пламѣ* и только в Супрасльской рукописи, в остальных памятниках представлены *кѣменѣ, пламенѣ* как в винительном, так и в именительном падежах. Также и в других случаях именительный падеж на -ѣнѣ появился на месте старых форм на -у или -ѣ (см. сноску), например *слѣнѣ, корѣнѣ, ремѣнѣ*. Те говоры,

¹ Случайно нет в старославянских памятниках; вероятно, у Иоанна Экзарха в Шестодневѣ („JA“, XVIII, 598). Остальные падежи, как *кѣмѣ, корѣ, -ѣ* также и в русско-церковнославянской передаче (Толк. псалт. Феодорита; см. Погорелов, Словарь, 89; и т. д.). — *корѣнѣ Шш. ап., Рим., 15,12* — сербизм.

которые сохраняли в именительном падеже -у, употребляли эту форму и в значении винительного падежа: в Супрасльской рукописи *кзмы* стоит в значении именительного падежа: 243, 6/7; 276, 1; 300, 4; 301, 5; 444, 14; в качестве винительного: 104, 27; 154, 2; 316, 15; 338; 28; 444, 23, 27, 30; 445, 19; 522, 8; — напротив, в гомилии Епифания западного происхождения находим им. п. *камень* 451, 6/7, вин. п. *камень* 448, 17, 19, 22, вин. п. *камень*, кроме того, и 154, 16 (четырнадцатью строками выше — вин. *кзмы*); 385, 14, 19; 401, 2; им. п. *пламы* 159, 17; 366, 22, вин. п. 164, 9; 435, 3; — вин. п. *пламень* 142, 26; — им. п. *корень* 411, 23; 412, 2/3. Также и в некоторых среднеболгарских источниках есть им.-вин. на -ы (Ев. Сречковича; см. Поливка, Starine, XXIX, 110, — Добром. ев.; см. Ягич, I, 59, — Парижский стихир.; см. Срезневский, Др. слав. пам. юсов. письма, 68), также и в Мирославовом евангелии.

Из праславянской формы именительного падежа на -у образовались формы *кзмыкъ* (часто встречается в Супрасльской рукописи), *пламыкъ* (в более поздних памятниках) и несколько других имен этого типа, в то время как в основе общеславянских слов *мѣсяць*, *зѣмьць*, вероятно, лежат формы им. п. типа *кора*. Имена среднего рода имеют постоянно -а: *врѣмя*, *врѣмя*, *сѣмя* и т. д.

Родительный падеж ед. ч.: в евангельских кодексах, в сб. Клоца, в Супрасльской рукописи находим *кзмене*, *врѣмене* и т. д.; исключения: *врѣмени Мар.*, *Матф.*, 26, 16; *кзмени Супр.*, 49, 27; *имени 549, 13*; *часъ врѣмени 96, 26* (или это дат. п.?). Напротив, в Синайской псалтыри лишь один раз встречается *кзмене* и часто *кзмени*, *имени*, -и, далее, по одному разу — *слени*, *сѣмени*; в Синайском требнике — несколько раз -и в именах среднего рода и один раз *кзмене* (драгалаго *кзмене 21 б, 3*; употреблено в значении винительного падежа). В Хиландарских листках: *врѣмене* — один раз; в Номоканоне Мефодия — только -ене.

Местный падеж ед. ч.: *Зогр.*, *Мар.*, *Асс.* -с и -и; Сав. *кзмене* — три раза; *врѣмене* — один раз, но только *имени*; это слово и в других евангельских кодексах имеет -и; в сб. Клоца примеров нет; *Хиланд. листки кзмене*, *имене* — по одному разу; *Син. пс.*, *Требн.*, *Супр.* — только -и.

Именительный-винительный дв. ч.: *имень Зогр.*, *Мар.*, *Марк, 3, 17*, напротив, *Супр. 113, 29*: *имени*. Родитель-

ный-местный дв. ч.; как *дѣноу*, *тѣлѣсоу*, так было, вероятно, и **камене*, **імене* и т. д.; однако встречается только более поздняя форма *камени* *Супр.*, 224, 3/4, 22.

Именительный падеж мн. ч. м. р. Случайно нет формы типа **камене* (ср. *дѣн-ѣ*, *граждѣн-ѣ*; см. § 47 б). Вместо **камене* часто встречается собирательная форма *камене* (-ѣ), а также и *камене* (-ѣ).

О дательном-местном мн. ч. и творительном падеже ед. ч. см. § 42.

В творительном падеже мн. ч. наряду с -ыми в форме *стѣпными* *Супр.*, 277, 13 можно найти и окончание -у, заимствованное из склонения основ на -о-; ср. *дѣны*, *граждѣны* и ср. р. *вѣсны* *Требн.*, 4а, 2.

В Синайской псалтыри мы встречаем: местн. ед. *камни*, 52, 11, дат. ед. *имни* 80б, 14, вин. мн. *вѣсны* 134, 3 и род. ед. *камень* 133б, 9; ср. род. мн. *знамен* от *знаменѣ* 136б, 5/6. Эти формы (в частях VI и X₂) не являются старыми формами чередования; это, вероятно, вторичные образования. Формы *имни* 33б, 14, 78б, 6, *имни* (ѣ), 15б, 13/14 обобщили ϵ именительного-винительного падежей ед. ч.

в) Основы на -г-

К ним относятся формы множественного числа на -зѣ (см. § 47 б), существительные женского рода *мати*, *дѣшти* и числительное *четыре*.

Склонение существительных *мати*, *дѣшти*:

Ед. ч.	Мн. ч.
Им.-зв. <i>мати</i>	Им.-зв. <i>матери</i>
Род. <i>матерѣ</i>	Род. <i>матерѣ</i>
Дат. <i>матери</i>	Дат. <i>матерѣмъ</i>
Вин. <i>матерѣ</i>	Вин. <i>матери</i>
Твор. <i>матерѣмъ</i> (-ѣмъ)	Твор. <i>матерѣмъ</i>
Местн. <i>матери</i>	Местн. <i>матерѣхъ</i>

Влияние основ на -і- здесь сказалось сильнее, чем основ на -п-, вероятно, вследствие того, что рассматриваемые слова относились к женскому роду; имена женского рода основ на -і- весьма жизнеспособны: местн. ед. оканчивается только на -і *Матр.*; *Зогр.*, твор. ед. — только на -ѣ *Ев.*, *Супр.*; им.-зв. мн. — только на -і *Матр.*, *Зогр.*,

Пс., Супр.; даже в форме род. п. мн. ч. дъщерѣ *Син. пс., 140, 10*, исправлено из -рь (*Погод. пс. -ни, Бол. -ви*) наряду с матеръ *Мар., дъщеръ Мар., Зогр.*; в Ассеманиевом ев. встречаем (*Лука, 1, 5*) дъщерь. Родительный падеж ед. ч. в Мариинском, Зографском, Ассеманиевом евангелиях и Саввиной книге имеет только окончание -с¹; в Супрасльской рукописи встречаем матери 242, 24; в остальных случаях представлено -с; *Син. пс. и Требн.* (по одному разу) имеют -е, в остальных случаях — -и; в Псалтыри 145, 13 дана неправильная форма мрь (в *Погод. и Бол. пс.* род. п. на -е встречается несколько раз). В Синайской псалтыри, Саввиной книге, Супрасльской рукописи, а также в Остромировом евангелии и в некоторых среднеболгарских памятниках формы матери, дъщерѣ употребляются в роли винительного падежа, но их нет в Зографском евангелии и в сборнике Клоца, в которых представлены, повидимому, формы вин. п. цръкъве, свскръъве или цръкке. Эти формы на -е ссчитают формами родительного-винительного падежа, и отправной пункт для таких образований видят в словосочетаниях типа отъс'а i matere, syna li dъstere; см. выше также п. а.

Устыре склоняется следующим образом:

им. п. м. р. устыре, ж. р. устыри (ср. устырс десате, но устыри десати; см. § 43, 2), ср. р. устыри (засвидетельствован в более поздних памятниках); род. п. устырь *Зогр., Мар., Супр., Новг. л.*, однако в Супрасльской рук. обычно устырь; два раза также и в Зографском евангелии (только один раз -ъ). По одному разу в Ассеманиевом евангелии и Саввиной книге; дат. п. устырсмъ, вин. п. устыри, твор. п. устырымъ, местн. п. устырскъ. Род. п. устырь является вторичной формой по отношению к устырь; она показывает, что и форма дъщеръ *Асс., Син. пс.* (здесь исправлено на -ви), действительно, могла образоваться в древнеболгарский период.

г) Основы на -s-

Только существительные среднего рода (кроме остатков склонения на -s- в сравнительной степени прилагательных и действительном причастии прош. вр. I).

¹ Также в Номоканоне.

Парадигма:

Ед. ч.		Дв. ч.	
Им.-вин.-зв.	слово	Им.-вин.-зв.	словесъ
Род.	словесе	Род.-местн.	словесоу
Дат.	словеси	Дат.-твор.	*словесыма
Твор.	словесымъ, -емъ		
Местн.	словесе		

Мн. ч.	
Им.-вин.-зв.	словеса
Род.	словесъ
Дат.	словесымъ
Твор.	словесы
Местн.	словесехъ

Род. п. ед. ч.: *Зогр., Мар., Клоц., Сав., Супр.* имеют только -е, *Асс.* — обычно -е, один раз -и, *Псалтырь* — обычно -и, два раза -е, *Требн.* — 10 раз -е, 9 раз -и, *Охр. ев.* — нѣсе (II, 3) (Местн. п. ед. ч.: *Зогр., Мар., Клоц. сб., Сав. кн.* имеют -с и -и так же, как *Требн.* и *Пс.*, в которых, однако, преобладают -и (-и); *Асс., Супр.* — только -и (-и), *Макед. глаг. л.* — словеси (*Номоканон Меф.* — словеси, нкеси).

Твор. п. ед. ч.: *ѹудесымъ Супр., 299, 2;* в остальных памятниках в твор. п. ед. ч., дат. и местн. п. мн. ч. — только -емъ, -смъ, -схъ, так даже в Саввиной книге.

Им.-вин. п. дв. ч.: наряду с частым -ѣ в Супрасльской рукописи есть и тѣлси 270, 28.

Взаимоотношения с основами на -о- среднего рода. В обоих типах склонения форма именительного-винительного падежа ед. ч. оканчивалась на -о, которое воспринималось как окончание; поэтому и в других случаях указанные типы склонения утратили четкое различие между собой, что привело к вытеснению форм на -s- формами основ на -о-. Однако наблюдался и обратный процесс, ввиду чего, например, более распространенные формы на -о в слове *дѣло* могут быть древнее, чем формы на -о, которые встречаются только в Синайском требнике и в Супрасльской рукописи. (*дѣлс-* по аналогии с *тѣлс-* или *словс-*?). Форма *дѣлса* 'та тѣрата' *Син. пс., 135, 16* (в толковании также и род. п. *дѣлсѣ Бол. пс.*) возникла, вероятно, по аналогии с *ѹдѣлса*. В тех случаях,

когда отсутствуют параллели из неславянских языков, служащие доказательством исконности склонения на -s (слово = др.-инд. śrávas-, гр. ῥέος, нево = др.-инд. nābhas-, гр. νέφος), трудно говорить с уверенностью о таких формах.

Лучше всего сохраняется форма на -s-во множественном и в двойственном числе. Только множественное и двойственное число имеют: уюдо (уюдеса, -весь и т. д. *Мар., Зогр., Асс., Сав., Клоц., Пс., Требн., Супр.*), нево (небеса, -сць и т. д. *Мар., Зогр., Асс., Сав., Клоц., Пс.¹, Требн., Супр.*), *исто (им. дв. истесь *Пс., 15б, 3—7*, вин. мн. истеса *Супр., 305, 4*), а также редко употребляемые во множественном числе око, оухо (оусса *Супр.*, род. п. оусь *Син. тр.*, твор. п. оушсы *Клоц., оусы Зогр. л.*). Наряду с формами словеса, -сць и т. д. (*Мар., Зогр., Асс., Сав., Клоц., Син. тр., Пс., Супр.*) имеется форма слова (*Зогр. и Супр.*); рядом с формой тьлеса, -сць и т. д. (*Киевск. л., Мар., Зогр., Асс., Клоц., Сав., Син. тр., Супр.*) встречается и форма тьломъ (дат. мн. — 4 или 2 раза; *Требн., Супр.*) В единственном числе, напротив, чаще встречаются формы по типу склонения на -о- этих же самых слов: невоу *Зогр., Мар., Матф., 11, 25, Лука, 12, 56; 16, 17*, но *Матф. 16, 3* небеси; невоьмь *Мар., Зогр., Матф., 5, 34*, но *Матф., 23, 22* небесемь *Мар., Зогр. б; невоу Сав. (2 раза); Син. пс. нѡу (1 раз), нѡа, нѡа (вместо нево) — 4 раза; Супр. невоу (1 раз)* и наряду с этим многочисленные формы от основы невес-; уюдоу, уюдоу (по одному разу) *Пс., Супр.; Ев. Клоц., Требн.* — единственное число от этих форм не встречается; *Супр. (один раз) уюдомъ* — твор. ед., в остальных случаях — уюдессе, -и, -ьмь; словомь (-омъ) — это единственная форма творительного падежа, которая представлена в *Мар., Зогр. ев., Клоц. сб., Син. тр.²*; она встречается чаще, чем словесемь в Супрасльской рукописи и Ассеманиевом евангелии; псалтырь имеет только словесемь (1 раз). В Ассеманиевом евангелии встречается словоу, в

¹ Частое неба (нѡа) вместо нево (см. ниже) вряд ли является формой именительного-винительного мн. ч.; нѡа могло быть сокращенной формой от небеса, ср. нѡи, -и = небеси.

² В сборнике Клоца и в Требнике не встречается формы творительного падежа по типу склонения на -s; нет этих форм и в Саввиной книге, так как форма словесемь *Иоанн, 17, 20* была понята писцом как дательный мн. ч.

Македонском глаголическом листке — род. п. ед. ч. слова (по одному разу); обе формы встречаются несколько раз в Супрасльской рукописи, но обычным является *словесе*. Формы *тълѣ*, *-ѣу*, *-ѣмь* *еванг. кодексы*, *Требн.*, *Клоц. сб.*, *Супр.* наблюдаются чаще, чем формы на *-es*; напротив, местн. ед. *тълѣсе* *Зогр.*, *тълѣси* *Клоц.*, *Пс.* (по одному разу), *Требн.* *тълѣси* (2 раза): *тълѣ* *Мар.* (1 раз), *Требн.* (2 раза); *Киевск. листки* род. п. *тълѣсе*; *ѣухѣу* — дат. ед. (по одному разу) в *Зогр.*, *Мар.*, *Пс.*; и нет ни одной древнеболгарской формы на *-es*¹; *ѣмѣ* — род. п. в *Асс. ев.* и *Пс.*, *ѣкомь* — твор. п. в *Мар.*, *Зогр.*, *Пс.*, *Требн.*, *ѣцѣ* — местн. п. в *Мар.*, *Зогр.* — по пять раз (*ѣуѣсе* — местн. п. — по 3 раза; род. п. — по 3 раза; полное согласие между памятниками), *ѣцѣ* — местн. п. (1 раз) *Асс.* (местн. *ѣуѣси* — 2 раза, род. *ѣуѣсе* — 2 раза); в *Сав.* — только *ѣуѣсе* — местн. п. ед. ч. (5 раз); *ѣуѣси* — дат. п. ед. ч. *Супр.*, 339, 17. О двойственном числе см. § 47 а.

Реже встречаются формы на *-s* у следующих слов: *колѣ* (местн. ед. *колѣси*, *-и* — по одному разу в *Син. пс.* и *Супр. рук.*; напротив, *колѣ* — род. мн. в *Супр.*, 80, 20; *колѣхъ* — местн. мн. 117, 22/3), *дѣво* *Син. пс.* (см. выше), *лѣто* (род. ед. *лѣтесе* *Супр.*, 341, 1). Только в Супрасльской рукописи встречается склонение на *-s* в словах *лице* (*лицесе* — род. ед. 335, 14, *лицеса* — им. мн. 397, 18) и *дрѣво* (*дрѣвеса*; также в Шестодневе), в то время как евангельские тексты, Псалтырь, Требник, сборник Клоца знают лишь формы по склонению на *-о* этих слов; рядом с основой на *-о* — *дѣло* (*Ев.*, *Пс.*, *Клоц.*, *Макед. глаг. л.* и *Хиланд. л.*; также *Киевск. л.*), в Супрасльской рукописи находим *дѣлесе* — род. п., *-есеми* — твор. п., *-еса* — им.-вин. мн. ч., *-есѣ* — род., *-есеми* — дат. мн. ч., *-ессы* — твор. мн., *-есехъ* — местн., *-есѣу* — род. дв. Эта же основа представлена и в Синайском требнике; род. мн. *дѣлѣсѣ*, дат. мн. *дѣлѣсеми* (по одному разу) наряду с род. ед. *дѣла* (1 раз), твор. ед. *дѣломь* (4 раза), местн. ед. *дѣлѣ* (4 раза), им.-вин. мн. *дѣла* (5 раз), *дѣлѣ* — род. мн. (два раза), *дѣломь* — дат. мн. (4 раза), *дѣлы* — твор. мн. (3 раза)². При возникновении новых основ на *-es* (типа *ličes*-, *drěves*-, *děles*-, *dives*-) из основ на *-о* новообразования начались, повидимому, с форм множественного числа,

¹ В Шестодневе: *ѣушесе*.

² В среднеболгарском Охридском апостоле наряду с *дѣлесехъ* — *дѣлѣ*, *дѣломь*, даже *дѣлови* — дат. п. ед. ч.

при возникновении же основ на -о- из основ на -es-самыми старыми новообразованиями являются, несомненно, формы твор. п. ед. ч. на -ошь и дат. п. ед. ч. на -и.

д) Основы на -ѣт-

Сюда относятся только имена среднего рода, обозначающие молодые существа: *отроуа, агна, жрьба, кюса, козьла, овьуа, осьла* — встречаются в старославянских текстах.

Флексии:

Ед. ч. Им.-вин. -а (*Ев., Требн., Супр.*)

Род. -аѣ (*Ев., Требн.*)

Местн. -аѣ (*Зогр., Мар., Сав., Клоц., Супр.*) наряду с -ати (*Зогр., Мар., Асс., Сав., Супр.*)

Мн. ч. Род. -аѣ (*Зогр., Мар., Асс.*)

Заключение об основах на согласный. Окончания по типу основ на -а- представлены только в основах на -ѣв- (дат., твор., местн. мн.). Форма творительного падежа мн. ч. следует основам на -о- (оконч. -у); особенно широко воздействие основ на -о- на существительные среднего рода, которые имеют в именительном-винительном-родительном мн. ч. те же окончания, что и основы на -о-. По основам на -о- склоняется также и именительный-винительный дв. ч. среднего рода на -ѣ; формы имени, *словеси* как формы двойственного числа представлены только в Супрасльской рукописи. В существительных женского рода (-ѣв- и -г-основ) форма именительного падежа мн. ч. заменяется формой винительного под влиянием основ женского рода на -и-, а также, вероятно, и основ на -а-. Имена женского рода в творительном падеже ед. ч. получают окончание -ѣр от основ на -и-. В единственном числе основ мужского рода на -п-, а в среднеболгарский период частично и основ на -ѣв- были устранены различия между именительным и винительным падежами; однако противопоставление -и: -ѣрь (-ѣро) сохраняется. В остальных формах влияние основ на -и- сказывается особенно сильно на формах с основами на -г-. Вин. п. на -ѣ в типах склонения женского рода встречается довольно часто. Род. п. ед. ч. на -ѣ в общем сохраняется лучше, чем местн. п. ед. ч.

на -с; чаще всего окончание -и в форме родительного падежа наблюдается в Синайской псалтыри, а затем и в Синайском требнике; напротив, окончание -и для местного падежа проводится всего интенсивнее в Супрасльской рукописи и отчасти в Ассеманиевом евангелии (ср. также в слове *дънь*, § 43,1); здесь, вероятно, имело значение стремление отличить местный падеж от родительного.

ЛИТЕРАТУРА:

R. Scholvin, „JA“, II, стр. 514—539, 542 и сл.—H. F. Schmid, *Notokanonübers.*, стр. 50.—С. Кульбакин, *Миросл.*, стр. 47—50.—Местн. п. ед. ч.: F. Miklosich, „S.-B.“, LXXXI, стр. 134 и сл.

Основы на -ъв-: J. Zubatý, „JA“, XXV, стр. 356—360.

(прѣ)ложы: В. Ягич, С. М., стр. 438.—Г. Ильинский, *О некоторых арх.*, стр. 1—8; „ЖМНП“, 1904, № 4, стр. 381; „РФВ“, LX, стр. 435—440; *Прасл. гр.*, стр. 328 и сл.—А. Соболевский, „ЖМНП“, 1904, № 3, стр. 180.—Б. Ляпунов, *Формы склонения*, стр. 59 и сл.—A. Meillet, *Recherches*, стр. 73; *Etudes*, стр. 269 и сл.—W. Vondrák, *Vgl. Gr.*, II, стр. 50 и сл.—Н. Некрасов, „Изв.“, XIV, 4, стр. 165—174.—О. Нугер, *Slov. dekl. jm.*, стр. 95 и сл.—П. Бузук, „Изв.“, XXIX, стр. 327.—Vondrák-Grünenthal, 44.

Вин. п. на -ъве, -ere: О. Нугер, *Sl. dekl. jm.*, стр. 96 и сл. (со списком литературы).

Им.-вин. п. на -у, -ень: A. Meillet, „GGA“, 1910, стр. 364 и сл.—когѣ: J. Zubatý, „RS“, II, стр. 4.—когѣ, каму, имѣ, otročѣ: Н. Трубецкой, *La forme slave du nominatif-accusatif singulier des thèmes neutres en -n-*, „MSL“, XXII, стр. 253—257.

камыкъ, мѣсѣсь: О. Нугер, *Sl. dekl. jm.*, стр. 40 (с литературой).

-es- и -о-основы: V. Vondrák, *O původu*, стр. 34 и сл.—A. Meillet, *Etudes*, стр. 356—361; „MSL“, XXI, стр. 191 и сл. (О локативе от *ѡво* в старославянском языке.)

§ 47. Гетероклитики (разносклоняемые)

Под гетероклитическими мы понимаем только такие имена, которые перешли в древнеболгарский язык из праславянского с двумя основами, определенным образом чередующимися друг с другом в парадигме. Можно выделить три различные группы таких имен:

а) Существительные *ѡво*, *ѡухѡ*, дв. ч. *ѡхѡ*, *ѡуши*.

б) Существительные мужского рода со склонением во множественном числе по основам на согласный и с основной ед. ч., удлинненной суффиксом -ни, например слова

на -ѣиниѣ, -зѣиниѣ, -ѣиниѣ, мн. ч. -ѣне, -ане, -ѣне; слова на -тѣѣ, мн. -тѣѣ; на -ѣръ, мн. -ѣръ.

в) Действительные причастия и степени сравнения, имеющие в косвенных падежах основы, удлиненные суффиксом -іе- (первоначально -іо-) и -ја-. С точки зрения истории старославянского языка существует значительно больше случаев разносклоняемости. Все формы, возникшие вследствие смещения основ на -о- с основами на -и- или смещения основ на -і- с основами на согласный, являются разносклоняемыми. Но поскольку смешанное склонение в дописменном древнеболгарском, а также, вероятно, и в языке Кирилла и Мефодия было развито в общих чертах весьма незначительно и, кроме того, поскольку степень смещения склонений для каждого слова в каждом отдельном памятнике различна, более практично рассматривать эти случаи смещения в связи с формами правильного склонения. И хотя имена на -у: -ене; -і: -еге; -у: -ѣве воспринимались древними болгарами как разносклоняемые, мы будем здесь все же придерживаться исторического принципа деления.

а) Око, оухо

К формам единственного числа, склоняемым по основам на -es- и на -о-, и к формам множественного числа на -еса (см. § 46г) относятся и формы двойственного числа по основам на -і-: им.-зв.-вин. оуи, оуши, род.-местн. оуию (-ью), оушию (-ью); дат.-твор. оуима, оушима образован вновь по аналогии с формой им.-вин. п. Вопрос о том, как возникла эта смешанная парадигма, является проблемой индоевропейской и праславянской грамматики. Склонение по основам на -es- в единственном и множественном числе древнее, чем склонение по основам на -о-.

б) Существительные мужского рода на -ѣиниѣ и т. д., -тѣѣ, -ѣръ

Разносклоняемый тип галилеиниѣ, мн. -ане; самарѣиниѣ, мн. -ѣне, граждѣиниѣ, мн. -ѣне (обычно пишется -анинѣ, -ане) развился еще в праславянском у славянских основ на -ѣп-, -јап- (также и согласный + -ап-?) и распространился затем на производные существительные от названий иностранных

местностей и стран. Формы граждане, -анѣ, -анемѣ, -анѣ, -анѣхъ получили в винительном и творительном падежах окончания от основ на -о-; в родительном падеже мн. ч. вообще оба типа склонения совпадают; в сборнике Клоца есть также форма дат. п. мн. ч. *крѣстьиномѣ* 98 (142 — находим им. п. ед. ч. *крѣстьины*; подобные же формы: *Требн.* 66 б, 16, *Супр.*, 47, 4; 78, 19). С другой стороны, в этом типе склонения встречаются, хотя и не в древнеболгарских памятниках, такие архаизмы, как дат. мн. *гоморьмѣ*, *жтєслѣмѣ* (: *Асс. жтєслѣиномѣ*) *Миросл. ев.*, *содоуламѣ* *Арханг. ев.*, (и) *срѣуасалимамѣ* *Миней* 1096, *корюнтѣмѣ* *Панд.*, *Ант.*, твор. мн. *сгуптамѣ*, *македонамѣ* *Толков. на слова Григ. Богосл. XIV в.*, местн. мн. *галилеахѣ*, -ѣахѣ — в евангелиях русско-церковнославянской редакции. Хотя подобные формы встречаются в исконных древнесербских и древнерусских текстах, они могли и не быть в древнейшем старославянском, несмотря на то, что форма местного падежа на -as, -asъ существовала в древнечешском, а форма на -asъ имеется и в современном словацком языке; окончания -пѣ, -пи, -сѣ (-хѣ) следовали здесь непосредственно за основой на -п-; указанные образования древнее, чем формы на -п-ьшѣ и т. д.

Несколько иные отношения существуют между формами единственного и множественного числа в словах: *поганинѣ* *Супр.*, 560, 21; мн. *погани* (им. мн. *Требн.*, 1036, 4); дат. *поганимѣ* *Клоц.*, 98. К другим основам, чем основы на -п-, относятся:

жидовинѣ: *жидове*; см. стр. 244.

господинѣ: *господие*; см. § 144; дат. дв. *господиномѣ* *Зогр.*, *Асс.*, *Сав.*

людинѣ *Требн.*, 103а, 24: *людие*.

воинѣ: *вои* — им. мн. *Мар.*, *Зогр.*, *вои* — вин. мн. и *вои* — твор. мн. *Мар.*, *Зогр.*, *Требн.*; более распространенным является мн. *воини*, -ѣ, -ѣ. К форме *оими*, -ѣ, -омѣ (*№ 6 Супр.*) в позднейших памятниках есть форма ед. ч. *оиминѣ*.

болиринѣ, дв. -ина *Супр.*: *болире* *Супр.* с дат. на -омѣ.

житвинѣ *Супр.*, *власетинѣ* *Супр.*? (или только в более поздних текстах?): род. мн. *житєлѣ* *Зогр.*, *Мар.*, им. мн. *власетєлє* *Супр.*, 354, 5/6 (*власетєлє Син. тр.*), твор. мн. *власетєлє* *Мар.*, *Лука*, 7, 8. — *дѣлатєлєнѣ* *Син. пат.*, 72, 5, 8 и в более поздних рукописях апостола (см. Миклошич,

Лексикон...) — может быть, это уже не древнеболгарская, а позднейшая форма.

исполниѣ *Син. пс.*; твор. мн. исполы *Требн.*, род. мн. споловь *Супр.*

роуминѣ *Супр.*: твор. мн. роумы *Супр.*, местн. мн. роумѣхъ *Остр.*

К именам на -тъль сначала относилась форма именительного мн. ч. на -тълѣ (с ѣ, а не ѡ); основа ед. ч. на -ѡ- > -ѣ- образовалась от основы, оканчивающейся на согласный. Также и к основе ед. ч. на -арѣ относилась форма мн. ч. на -аре; имена, заимствованные из германского на -arjo- (см. § 103, п. е), были при этом аналогичны типу склонения на -telje: -tele, а может быть, и основам на -г-; такими словами, вероятно, являлись в древнейшем старославянском: ѡсѣръ, пастырь. Частое употребление значка мягкости ѣ в суффиксе -тълѣ *Зогр.* и *Супр.* (в этих памятниках чаще всего употребляется указанный значок) вместе с окончанием -а (дѣлѣа, ѡсѣра) в винительном падеже, взятом из основ на -ѣ-, свидетельствует о частом, а может быть, и всеобщем произношении -тълѣ, а в древнейшем старославянском и о произношении -арѣ. При -г- смягчение обозначается реже, а в говорах Саввиной книги и Супрасльской рукописи этой мягкости уже нет совсем.

Присвоение окончания именительного падежа ед. ч. основ на -ѣ- (*Зогр.* мытари Лука, 3, 12, ѡри Лука, 10, 24, Мар. ѡри Матф., 17, 25, Асс. мытари Матф., 5, 46, 47, *Син. пс.* ѡсѣри [8 раз], съвѣдѣти наряду с -лѣ [по одному разу], *Требн.* властели 45а, 21, *Сав.* мытари [2 раза]) означает дальнейшее выравнивание по основам на -ѣ-; дальше всех в этом отношении заходит Синайская псалтырь. Формы мытарне и т. д. (см. § 44) могли вытеснить формы на -е и на -и. Формы родительного мн. ч. -слѣ, -арѣ (-арѣ) встречаются чаще, чем -елѣ (кое-где в *Зогр.*, *Мар.*, *Асс.*) и -рѣ (пастырь *Син. тр.*, 82б, 10, если это правильная форма). В формах дательного падежа мн. ч. совпали основы на -ѣ- и основы на согласный, несмотря на разную степень мягкости согласных (см. § 42). Единственный пример на местн. мн.: лателѣхъ *Син. пс.*, 10, 10 — образовано по типу склонения на -ѣ-.

В творительном падеже мн. ч. наряду с -елы *Зогр.*, *Мар.*, *Асс.*, *Требн.*, *Супр.* встречаем родительн *Сав.*, на-

против: мытары *Сав.* (три раза): мытари *Зогр., Мар., Асс.; Миросл., Остр.* -ари, -сли (только так) могут происходить из древнеболгарского оригинала.

Замечательная форма: жательнс *Асс., Матф., 13, 39*, жателньмъ *там же, 13, 30*, жателънс *Супр. 43, 21, 24*, -немъ *43, 16/7*, жателънс *Остр., Матф., 13, 39*, *Мир.*, жателъне, жетельмъ: жателе *Зогр.*, -слс *Мар.*, -слс, -слсмъ *листки Унд.*, -слемъ *Остр., Матф., 13, 30*. О *болгаринъ, жителинъ, властелинъ* см. выше.

в) Склонение действительных причастий настоящего времени, действительных причастий прошедшего времени I и сравнительной степени

В то время как обычное склонение прилагательных в мужском и среднем роде проходит по основам на -о- или -іе-, а в женском — по основам на -а-, -ја- (например, добра, добро; — боуи, боуѣ, боуе; — Авраамѣ, -мѣ, -мѣе — с предшествующим ѣ: вожни, велни; божиѣ, велиѣ; вожне, велие, или -и, -и, -ѣ; -ѣе), указанные в заглавии формальные категории в именительном падеже ед. ч. всех трех родов и в именительном падеже мн. ч. мужского рода имеют основу на согласный, в остальных падежах — основу на -іе-, -ја-, которая образовалась вследствие присоединения суффикса -іо-, -ја- к основе, оканчивающейся на -і или -с в праславянском языке.

1) Причастия настоящего времени действительные. В именительном падеже ед. ч. мужского и среднего рода представлена основа на -ont-, -jont-, -ĭnt-¹ (-ont-s > -у, -jont-s > -іе, -ĭnt-s > -е), в других формах в конце слога -оп- также после -і- переходит в -р- (см. § 19), -ĭн- в -е-; сочетание -tj- из -ont-jo-, -ĭnt-jo-, -ja- переходит в -št-; также и в именительном падеже мн. ч. мужского и среднего рода и в именительном падеже женского рода на месте исконного -t- выступает -tj- или образованное из него -št-, в то время как окончания -е или -і сохраняются; слова женского рода склоняются точно так, как слова на -ѣни (см. § 45).

¹ -ĭnt- — в глаголах класса Б IV, -jont- — класса Б III и в глаголах класса Б I с окончанием корня на -ĭ.

Мужской и средний род		Женский род
Ед. ч. Им. <i>идъ, дамъ, съдъ</i>		<i>идѣшти, дамѣшти, съдѣшти</i>
Род. <i>идѣштѣ, дамѣштѣ, съдѣштѣ</i> и т. д. по таблице		<i>идѣшты, дамѣшты, съдѣшты</i>
склон. <i>мѣхъ, лицъ</i> ; § 39. NB.:		и т. д., по типу склон. <i>юношѣ</i> , § 45.
Вин. м. р. <i>-штѣ</i> , ср. р. <i>-ште</i>		
Мн. ч. Им. м. р. <i>-ште</i> , ср. р. <i>-штѣ</i> (им.-вин.)		
Дв. ч. Им.-вин. м. р. <i>-штѣ</i> , ср. р. <i>-шти</i> .		

В именительном падеже ед. ч. наряду с -у встречаются окончания -ѣ и -р. В Зографском и Маринском евангелиях букве ѣ (глагол. ѣ) предшествует диакритический значок в виде крючка (в Маринском евангелии этого крючка нет — *Лука, 13, 35, Иоанн, 12, 13*¹); такой видоизмененный знак ѣ мы передаем в кириллической транскрипции знаком а. См. следующие примеры:

с ѣ: *Зогр. граждъ, -и Матф., 11, 3; Марк, 11, 9; Лука, 6, 47; 7, 19, 20; 19, 38; Иоанн, 6, 14, 35; 11, 27; 12, 13; живѣи Иоанн, 6, 57; сѣи, -и Марк, 13, 16; Иоанн, 1, 18; 6, 46; ѣдѣи Иоанн, 6, 54, 58; нѣсѣи Марк, 14, 13; Лука, 22, 10; Мар. граждъ Лука, 13, 35; Иоанн, 12, 13; гора Лука, 24, 32; Иоанн, 5, 35 (Зогр. гора; в славянских языках от этого глагола, относящегося к IV классу, очень распространено причастие настоящего времени по I классу); ѣдѣи Иоанн, 6, 58; сѣи Иоанн, 1, 18; 19, 38; Асс. граждъ Иоанн, 3, 31; — Клоц. граждъ 39 (2 раза), 42, 46, 55, 57; — Требн. живѣи 63 а, 17; Сав. живѣи Иоанн, 14, 10; 11, 26; сѣи Иоанн, 14, 10; Матф., 12, 30; — Супр. жѣра 115, 29; вѣда 305, 3; — Макед. кирил. л.: ѣтъ I, 19.*

На -р: *Мар. сѣи Иоанн, 6, 46; живѣи Иоанн, 6, 57; — Асс.: сѣи Иоанн, 3, 31, — Требн. сѣи 40, а 1; Пс. живѣи, -и 120 б, 17; 149, 2; граждъ 154, 5; стрѣгѣи, 171, 1; — Охр. ев.: граждъ II, 3; сѣи II, 2.*

В среднеболгарском и в сербской и в русской редакциях тоже встречаются такие формы. Для среднеболгарского, однако, наряду с этим нужно учитывать еще и более поздние процессы, связанные с влиянием аналогии; инте-

¹ Также в форме *гора Зогр., Иоанн, 5, 35*, если это последнее относится к данному типу; в пользу такого предположения свидетельствует форма *горашти* в том же памятнике.

ресно в этом отношении Добромирово евангелие. Так как в других славянских языках встречаются формы, соответствующие типу *града*, Экблом относит их к праславянской эпохе; другие предполагают параллельное развитие; но, во всяком случае, происхождение указанного типа ясно — это образование по аналогии с типом *знам : знамѣшта, мажа : мажѣшта*. Диакритический знак часто рассматривают как обозначение твердости предшествующего согласного. Эта гипотеза заставляет предполагать смягченное произношение согласных перед прежним носовым *ę*; вместе с тем нужно считаться и с возможным отклонением от нормы произношения носового *ę*. Отклонение может быть вызвано отчасти тем, что носовое *ę* после неслогового *j* и мягких согласных стало произноситься иначе, чем обычно, отчасти постановкой его после твердого согласного. Носовое *ę* в форме *сѣи* и т. д. возникло, очевидно, под влиянием аналогии с косвенными падежами; но так как подобные формы чаще всего встречаются в памятниках, не различающих *л* и *ьл*, можно думать, что произношение *-ę(i)* и *-ę(i)* было одинаковым и, вероятно, приближалось к *ą*; ср. стр. 69.

Следует отметить, что именительный падеж на *-ę* или на *-ę* встречается главным образом в склонении сложных форм.

Им. п. ед. ч. ср. р. на *-штѣ* встречаем два раза в Супрасльской рукописи № 48: *сѣштѣ* 544, 22, *пазнаменуѣштѣ* 560, 27; определенная форма — постоянно на *-штѣс*. — Напротив, вин. ед. ср. р. *сѣ* *Супр.*, 327, 16. Это причастие и причастие прошедшего времени действительного залога (п. 2) — единственные имена, винительный падеж ед. ч. среднего рода которых отличается от именительного. Именительный на *-штѣ* *Супр.*, 171, 1. | 7: *вѣсаштѣ сѣ* *юношѣ*.

В форме *сѣшти поздѣ* *Мар.*, *Асс.*, *Иоанн.*, 20, 19, *поздѣ* *бывѣши*, -и *Клоц*, 921, *Супр.*, 452, 27, *Зогр.*, *Мар.*, 1, 32 видят старый дательный склонения на согласный; *spōti* выступало бы в таком случае на месте **spōti*; но эта гипотеза излишня. Здесь мог быть употреблен дательный падеж женского рода, так как форму *поздѣ* воспринимали как дательный женского рода; влияние гр. *οφίας* (Ягич) здесь не обязательно. Ланг исходит из существительного **rozda*, допуская и наречие *rozdē*. Формы, с которыми делает сравнение

И. Шмидт — beufi *Фрейзинг.*, 1, 8 (da mi. ie. pazem zue. ete. beufi. iti fe. na op zuet), — вероятно, герундиум, а не дательный ед. ч. (см. об этом у Вондрака). Наряду с п. бывъши, -и в этом же памятнике встречается п. бывъшю, -оу; *Зогр.*, *Марк.*, 11, 11; *поздъ же сѣшю тасоу*.

В именительном падеже мн. ч. мужского рода неопределенная форма лишь в Супрасльской рукописи четыре раза оканчивается на -и (напротив, из причастий настоящего времени и причастия I прошедшего вр., по расчетам Шолвина, 789 форм оканчиваются на -е); 4 формы именительного падежа на -и, -и в Ассеманиевом евангелии, которые следует понимать как определенные формы, имеют окончание -i из -ii. Это же относится и к формам Мариинского и Зографского евангелий *въходящи*, -шти *Матф.*, 7, 13 (также и в Ассеманиевом ев.), где могло оказать влияние и следующее слово *имъ* (*имъ*). Окончание -ii для определенной формы встречается значительно чаще. Оно преобладает в Супрасльской рукописи, Синайском требнике, Ассеманиевом евангелии, встречается в Зографском евангелии, Саввиной книге и довольно часто в Синайской псалтыри; здесь имело значение влияние косвенных падежей на -ѣихъ и т. д.; отдельные неопределенные формы на -i выделились из определенных на -ii.

О герундии на -ѣ см. § 93, п. Б.

Определенные формы именительного-винительного мн. ч. среднего рода *движаштиъ Син. пс.*, 85, 5, *прѣываѣщиъ Син. тр.*, 24 а, 11/12 можно объяснить так же, как и формы мужского рода на -ii.

2) Причастие прошедшего времени действительное (I). В основе именительного падежа ед. ч. мужского и среднего рода лежит индоевропейский корень на -us-: окончание -us > слав. -ъ; в других падежах представлена основа, удлиненная на -ю-, -ја-; -us-і- переходит в -ѣ-ъ-. В именительном падеже мн. ч. мужского и среднего рода и в именительном падеже ед. ч. женского рода (в отличие от причастий наст. вр.) это ÷ не могло возникнуть под влиянием аналогии; по фонетическим законам и должно было дать ѣ, s — ѣ, а ѣ, позднее перед е, і должно было перейти в ѣ (см. § 17.1). В краткой первоначальной форме этого причастия у глаголов IV Б класса -ѣ- перешел в -ѣ-, согласно § 19: *вѣѣъ, -ѣѣъ; вращѣъ, -ѣѣъ* и т. д.

Парадигма:

Мужской и средний род		Женский род
Ед. ч. Им. ведъ, давъ, вѣль		ведъши, давъши, вѣльши
Род. ведъшъ, давъшъ, вѣльшъ		ведъшна, давъшна, вѣльшна
и т. д.— по типу склон.		и т. д.— по типу склон.
мочъ, лице, § 39		юношъ; § 45
Вин. м. р. -шь, ср. р. -ше		
Мн. ч. Им. м. р. -ше, ср. р. -шъ (им.-вин.)		
Дв. ч. Им.-вин. м. р. -шь, ср. р. -ши		
О поздъ бывъши см. п. 1.		

Определенное причастие в именительном падеже ед. ч. среднего рода оканчивается на -ше; ср. п. 1.

В именительном падеже мн. ч. мужского рода такие же отношения, как и в п. 1; новообразований сюда проникло мало; неопределенные формы на -i не встречаются; определенные на -ii в Супрасльской рукописи, Ассеманиевом и Зографском евангелиях сравнительно редки; в Требнике встречается только одна форма им. п. мн. ч. м. р. съвъши 846, 67.

О герундии на -е см. § 93, п. Б.

3) Сравнительная степень. В основе форм именительного-винительного падежей ед. ч. мужского и среднего рода лежит корень, оканчивающийся на раннее праславянское -jis-, -jos- (-jis > -jъ, -jos > -je); к этому корню в других падежах присоединился формант -jo-, -ja; j в сочтении с s дало š (см. § 18). О š из форм им. п. мн. ч. м. р. и им. п. ед. ч. ж. р. см. отмеченное в п. 2.: -ise, -ist > праслав. -ъхе, -ъхi > -ъše, -ъši. Формант -jis-, -jos- присоединяется к корню или основе, оканчивающейся на согласный, или к основе, удлинненной ё; в первом случае в праславянском развивается сочетание согласный + j, т. е. так, как это описано в § 18, например: вышии к высокъ, лишии к лихъ, болии, мьлии, гоѣи, дрзжи к драгъ, рати, главлѣи к главокъ, крѣлии к крѣпокъ, вашии (št < ti), хоужди к хоудъ, слажди к сладкъ.

Относительно типа на -ѣи (новѣи и т. д.) нужно заметить, что kē, gē, хē в праславянском изменяются в ča, (d)ža, ša, вследствие чего находим макъѣи к макъкъ, мьножѣи к мьногъ, вѣтъѣи (засвидетельствовано только в более поздних тек-

стах) к *вѣтъкъ*; во всяком случае, в древнейшем старославянском а произносилось как *ѣ*, поэтому самыми архаичными написаниями являются *макъѣи* и т. д.; см. § 19 и 27.

Из приведенных выше примеров следует, что к прилагательным на *-окъ* и *-ѣкъ* обычно относятся степени сравнения без этих суффиксов; например, *макъѣи*, *тънѣи* (*тънѣи Иоанн Экз.*), *горѣи* (от *горѣкъ*; *горѣи* „хуже“).

В некоторых формах сравнительной степени употребляются параллельно два суффикса. Например: *Мар. ѡунѣ Иоанн, 11,50*, в противоположность этому 6 раз встречаем *ѡунѣ*; *Зогр. б.* — два раза *ѡунѣ*, в остальных местах *Зогр. ев.* — *добрѣ*, *Иоанн, 11,50 добрѣ*; *Асс. ѡунѣ Матф., 19, 10; Иоанн, 16,7; 18,14* (здесь *Мар., Зогр. добрѣ*); *ѡунѣ Иоанн, 11, 50; Сав. ѡунѣ Иоанн, 18,14; ѡунѣ Иоанн, 16,7; Матф., 19,10; Клоц., II, 1 ѡунѣ*; *Супр. ѡуѣ*, *ѡуѣше*; в противоположность *ѡуѣ Супр., 394,11* в Зографском, Мариинском и Ассеманиевом *ев.* находим *ѡуѣше*, *ѡуѣшише* (*-иши*, *-иши*); *люѣше* — род. п. мн. ч. *Матф., 12,45, Зогр., Мар.: люѣше Супр.; Мар. мѣи Матф., 11,11* вместо *мѣиши*, *Супр., 64, 1/2 крѣи* вместо *крѣиши*.

Формы *бѡиши*, *вѣиши* „большой“, *мѣиши* „меньший“, *лѡуѣиши*, *ѡуѣиши* (*-иши*), *ѡуѣиши* (*-иши*) „лучший“, *горѣиши* „худший“, *рѣиши* „лучше“, „охотнее“ (*Клоц. сб.*) не имеют положительной степени от того же корня.

Различие в окончаниях между обоими типами сравнения в им.-вин. п. ед. ч. м. р. *новѣи*: *мѣиши* восходит к праславянскому периоду.

В других падежах этого различия не существует.

Парадигма:

	Мужской род	Средний род
Ед. ч. Им.	<i>мѣиши, новѣи</i>	<i>мѣе, новѣе</i>
Вин.	<i>мѣиши, новѣи (лѡуѣиши)</i>	<i>мѣе, новѣе</i>
Род.	<i>мѣиши, новѣиши</i>	как слова мужск. р.

и т. д. по типу склон. *мѣиши, новѣи*, § 39.

Женский род

Ед. ч. Им.	<i>мѣиши, новѣиши</i>
Вин.	<i>мѣиши, новѣиши</i>

и далее по типу склонения *юношѣ*; § 45.

NB.:

Им. мн. ч. м. р. -ше, ср. р. -шѣ (также и вин.)

Им.-вин. дв. ч. м. р. -шѣ, ср. р. -ши

Наряду с -ни также -и, -ѣи, -си; см. § 24.

Вин. п. ед. ч. м. р. на -ѣи встречается только один раз: *лоуѣшѣ Клоц., 194*; это образование, вероятно, древнее, чем форма вин. п. на -ни (ср. п. в, 1 и 2), которая появилась под влиянием других прилагательных, естественно, в первую очередь, прилагательных на -ѣи (*вожи, велии*), у которых именительный и винительный совпадают.

Вместо им.-вин. п. ед. ч. ср. р. несколько раз употребляется форма на -ше: *воше* — вин. п. *Мар., Лука, 20,47* (*Асс. воше, Зогр., Савв. -ше*); *воше ссиа любве никтоже не имашѣ Асс., Иоанн, 15,13*, то же в Саввиной книге (*Зогр., Мар. воша*); *воше* — вин. п. *Супр., 407,6*; *мнозише* — им. п. *94,29* (наряду с *мѣи*; иначе эту форму можно было бы понять здесь как им. п. мн. ч. м. р.); *устьѣише* — им. п. *74,1*; *устьѣише 557,13* (наречие). В определенной форме преобладает окончание -ше: *воше Зогр., Савв., Лука, 20,47, лише Зогр., Марк, 12,40* (*Мар. лише*; этого места нет в Ассеманиевом ев. и Саввиной книге), семь подобных форм находим в Супрасльской рукописи; во всяком случае, формы *таше Зогр., Иоанн, 2,10*; *воше Супр., 526,2* являются формами винительного падежа.

В именительном падеже мн. ч. мужского рода в противоположность причастиям преобладает окончание -и, проникшее сюда, вероятно, под влиянием других прилагательных: в Клоцовом сб. 6 находим *лоуѣ(ѣ)ше, Зогр., Мар., Остр. ев. имеют -ше и -ши, Асс., Сав. — только -ши, Супр. — три раза -ше, значительно чаще — -ши, в определенной форме — только -ши.*

В форме им.-вин. п. мн. ч. ср. р. наряду с частым -а два раза встречается -и: *горѣи Зогр., Лука, 11,26* (*Мар. горѣи*), *воѣи, Супр. 23,12*; определенная форма *мнозиши Требн., 76, 7/8*. Вондрак предполагал здесь влияние формы *си*; нам кажется более вероятным, что в склонении определенной формы появилось новообразование, на которое оказали влияние косвенные падежи на -ѣихѣ, -ѣимѣ (-ниѣ, -нимѣ) и т. д.; см. п. в, 1.

Превосходная степень образуется посредством частицы *paī* + сравнительная степень прилагательного: *наискорѣе* и т. д.; в значении превосходной степени употребляется также сравнительная степень с род. п. *въсѣхъ*, например: *въсѣхъ нѣвѣстѣншѣ Сунр.*, 358, 14¹/₅.

ЛИТЕРАТУРА:

К а: О. Нугер, *Slov. dekl. jm.*, стр. 86 и сл. (со списком литературы).

К б: R. Scholvin, „JA“, II, стр. 489—491, 497—500, 540.— A. Meillet, *Études*, стр. 311 и сл., 448—450.

Падежи на *-ъиъ*, *-имъ* и т. д.: А. Соболевский, „РФВ“, VI, стр. 219—223; LXIV, стр. 154 и сл.; LXXI, стр. 20.— В. Ягич, *Отношение славянских наречий к церковнославянскому языку* (литограф.), СПб., 1881—1882, стр. 227 и сл.— Р. Брандт, *Сравнительная морфология славянских языков* (обзор работы Миклошича „Vgl. Formenlehre“), Москва, 1884—1888, стр. 748.— J. Zubatý, „JA“, XV, стр. 498, сноска 2.— F. Pastrnek, *Slovenské Pohl'ady* (Turč. Sv. Martin), 1894, стр. 253.— J. Gebauer, *Hist. ml.*, III, 1, стр. 77 и сл.— Г. Ильинский, *Прасл. гр.*, стр. 323 и сл. (со списком литературы).— V. V á ž n ý, *Sborník Matice Slovenskej*, I, 1923, стр. 114 и сл.; IV, 1926, стр. 80—82.— С. Кульбакин, *Миросл.*, стр. 107 и сл.— A. Vaillant, *Mélanges-Vendryes*, Paris, 1925, стр. 369—371.— V. Flajšhans, *U Polás. Trochu retrospektivy a několik dokladů*, MNHMA (Festschrift-Zubatý), Praha, 1926, стр. 17—37.— F. Trávniček, „ČMF“, XIV, стр. 208—210.

Твор. п. на *-ри*, *-ели*: М. Козловский, *О языке Острог. еванг.*, стр. 76.— С. Кульбакин, *Миросл.*, стр. 48 и сл.

К в: R. Scholvin, „JA“, II, стр. 543—556.

Причастие *grędę(i)*, *grędō(i)*: O. Wiedemann, *Beiträge*, стр. 128 и сл. (с более старой литературой).— В. Щепкин, *Рассуждение*, стр. 89—94; *Бол. пс.*, стр. 168—171 (среднеболг.).— В. Ягич, „JA“, XVIII, стр. 598 (—у в Шестодневе).— Н. Грунский, *К Зогра. ев.*, стр. 26—30.— A. Meillet, „RS“, VI, стр. 135 и сл.— R. Ekblom, *Eine gemeinslavische Umwandlung des Ptz. Präs. Akt.*, „MO“, X, стр. 1—44; „MO“, XII, стр. 189—191; Fornvännan, 1921, стр. 246 и сл.; „JA“, XXXIX, стр. 206—208.— T. Torbjörnsson, *Die abg. Umbildung der Partizipialformen*, „Slavia“, I, стр. 208—214; *En fornpolsk nybildning*, Uppsala, 1920 (*Sl. Occ.*, II, стр. 165—171; „JA“, XXXVIII, стр. 120—127).— J. Rozwadowski, *Gr. J. P.*, стр. 141—С. Кульбакин, „J. фил.“, III, стр. 159; *Миросл.*, стр. 23, 64; *Le vieux slave*, стр. 43 и сл.— N. van Wijk, „Zschr.“, I, стр. 280—282.— Н. Дурново, „J. фил.“, IV, стр. 94 (древнерусск. формы).

падежъ сѣшнѣ, бѣвъшнѣ: J. Schmidt, „KZ“, XXVI, стр. 369 и сл.— В. Ягич, С. М., стр. 554.— J. Zubatý, „RS“, II, стр. 2 и сл.— P. Lang, „LF“, XLVII, стр. 28—33, 88—93, 175—184, 295—309.

[A. Gallis, *Études sur la comparaison slave. La syntaxe de la comparaison d'inégalité en vieux-slave-ecclesiastique et dans les autres dialectes slaves méridionaux du moyen âge. Skrifter utgitt av det*

Norske Videnskaps — Akademi i Oslo, 1946, II, Historisk-filosofisk klasse, No. 3.]

§ 48. Несклоняемые имена

Несклоняемыми являются некоторые формы прилагательных на -ъ:

свѣдѣ — им. п. ед. ч. *Син. пс.*, 1156, 26, *Клоц.*, 603; им. п. мн. ч. *Зогр.*, *Мар.*, *Асс.*, *Иоанн*, 8,33,36, *Асс.*, *Матф.*, 17,26 (-аъ; *Мар.*, *Зогр.* -дъни); — **испльнь** (-ънь) встречается в Синайской пс. 4 раза в качестве им. п. ед. ч. ж. р., 1 раз в функции им. п. мн. ч. (91,5), в евангелии как им. п. ед. ч. *Лука*, 4,1; 5,12; *Иоанн*, 1,14 (*испльнь Зогр.*, *Лука*, 4,1 неправильно с ^), кроме того, *Мар.* **сѣдмь кошъницъ испльнь** *Матф.*, 15,37, **дѣла на десате коша испльнь** (-лънь) *Матф.*, 14,20, *Марк*, 6,43 (также *Зогр.*; — *Матф.*, 15,37, 14,20 и *Асс.* **испльнь**, -ъ; *Сав.*, *Матф.*, 15,37 **плънъ**; 14,20 **ѣи. кошъницъ плънъ**); может быть, в разночтении *Иоанн*, 16,6, отклоняющемся от других кодексов, эта форма была понята писцами как прилагательное: **нъ ѣко си глѣхъ вѣмъ скръби испльнь** *сръдѣца ваша Зогр.*, **нъ ѣко се г. в. скръби испльнь сръдце ваше** *Сав.* **испльнь** (-ънь); **испльнь** им. п. мн. ч. *Супр.*, 322,9; следующие места: *Супр.*, 136,4; 255,14; 356,17, 551,6, 563,5; 566,3; — **разлихъ** *Супр.*, 303,4 (многоу и. **разлихъ гнѣвоу**); — примеры на форму, употребляемую как прилагательное **соугубъ**, приводит Миклошич в *Lex. pal.*, 902, — **прѣпрость** *Супр.*, 272,5 (житие п. 'βίος ἐν ἐπιστολῇ') может быть понята также и как наречие. Эту категорию прилагательных нельзя отделять от наречий на -ъ; иногда трудно решить, относить ли эту форму к прилагательным или к наречиям, например: **прѣпрость** (см. выше); **не оудѣсть** есть... **вѣннѣ** *Марк*, 10,24 *Зогр.*, *Мар.*; **вѣсть соугубъ бѣ въ коупъ и ѣкъ** *Требн.*, 67 а 20/1.

[Chr. S. Stang, Slavische indeklinable Adjektiva auf -ъ, Norsk Tidskrift for Sprogvidenskap, XI, 99—103.]

Б. СКЛОНЕНИЕ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ (§ 49).

Парадигмы:

	1 лицо	2 лицо	3 лицо (возвр.)
Ед. ч. Им.	азъ	ты	
Род.	мене	тебе	себе
Дат.	мѣнѣ (мѣнѣ), ми	тебѣ , ти	себѣ , си

	Вин.	мѧ	тѧ	сѧ
	Твор.	мѧноуѧ	тѧбоуѧ	сѧбоуѧ
	Местн.	мѧнѣ (мѧнѣ)	тѧбѣ	сѧбѣ
Дв. ч.	Им.	вѣ	вѧ, вѣ	как ед. ч.
	Род.-местн.	наю	вѧю	
	Дат.-твор.	нама (на)	вѧма, вѧ	
	Вин.	на, нѣ	вѧ, вѣ	
Мн. ч.	Им.	мы	вѣ	как ед. ч.
	Род.	насъ	вѧсъ	
	Дат.	намѣ, нѣ	вѧмѣ, вѣ	
	Вин.	нѣ	вѣ	
	Твор.	нами	вѧми	
	Местн.	насъ	вѧсъ	

Местоимение 3 лица онѣ, она, оно, род. п. его, еѧ, его и т. д. имеет такие же падежные флексии, как и неличные местоимения; см. § 50.

Формы дательного падежа мѧ, тѧ, сѧ употребляются только как энклитики, употребительны также формы дат. п. на (русской и сербской редакции), вѧ *Супр.* (2 раза), нѣ и вѣ *Требн.*, *Клоц.* и *Супр.*¹ Однако нередко высказываемое мнение, что формы винительного падежа мѧ, тѧ, сѧ, нѣ, вѣ являются энклитическими, а мене, тѧбе, сѧбе, насѣ, вѧсѣ — ударными, несостоятельно. Случаи типа тѧ моимѣ *Требн.*, 32б, 3, 40а, 5/6 и т. д.; съхрани мѧ отъ вѣсѣхъ речесныхъ *Требн.*, 37а, 13/4; отъ сего мѧ настоящаго мѧ избави там же, 17, 8; ꙗже мѧ на тѧ оупѣвахъ *Син. пс.*, 6а, 4; ꙗже вѣ примѣтѣ мѧ присмѣтѣ *Зогр.*, *Матф.*, 10, 40 (также *Мар.*, здесь также в первом случае присмѣтѣ); ꙗже бо ме любить... то н азъ възлюблю юго *Лавров*, *Климент*, 34, 9, 10 в старославянских текстах являются вполне обычными, а употребление мене, тѧбе, сѧбе, насѣ, вѧсѣ в функции винительного падежа встречаем в старославянском еще очень редко. В Киевских листках форма винительного падежа тѧ употреблена 17 раз, форма вин. п. тѧбе не встречается вовсе; вин. п. сѧ встречается

¹ К местам, засвидетельствованным Лескиным, Handbuch, 110, Вондраком, Akl. Gr.², 460, надо еще добавить *Супр.*, 383, 13; 411, 2. нѣ 'нѣи' также в Номоканоне Мефодия (см. Schmid, 57). Вместо вѣ нѣ *Супр.*, 71, 22, вероятно, следует разумеѣ дат. п. нѣ (см. прим. к строкам 15 и 20).

семь раз, себе — ни разу; вин. п. ѣѣ — 33 раза, насъ в функции вин. п. — ни разу; формы мене, мя; васъ, въѣ в этом памятнике не засвидетельствованы. Подобные отношения надо предполагать и для древнейших переводов библии. В „Ztschr.“, III, 261 и сл.¹ мы указывали на то, что в Мариинском ев. нет формы вин. п. насъ и только два раза встречается форма вин. п. васъ; в одном из этих мест (*Матф.*, 17,17) Ассеманиево ев. и Саввина книга имеют форму въѣ, в других местах (*Матф.*, 6,30: аще же съѣ... въ тако (w)дѣстѣ колыни паѣѣ васъ маловѣри) форма въѣ не употребляется, вероятно, потому, что без глагола в этом предложении въѣ могло быть понято и как форма именительного падежа, вследствие чего выражение было бы не совсем ясным: именно в этом и заключается исходный момент для употребления род.-вин. п. личных местоимений, другой такой момент следует искать в форме себе; родительному падежу здесь оказывается предпочтение, так как форма винительного падежа в функции возвратного местоимения превратилась в энклитику; следует обратить внимание на то, что в Мариинском ев. вин. п. себе встречается семь раз, а тебе — только один раз (*Иоанн*, 17,3: да знаѣтъ тебе единого истиннаго ба), что обусловлено, вероятно, влиянием следующего родительного; различие тѣ Ассеманиева евангелия, повидимому, древнее. В других старославянских текстах род.-вин. п. личных местоимений встречается также значительно реже, чем род.-вин. именных основ на -о-; он распространяется медленно (очевидно, под влиянием имен существительных).

Употребление ѣѣ, въѣ в качестве винительного падежа дв. ч., а въѣ также в качестве именительного падежа дв. ч. проводится в Мариинском, Зографском и Ассеманиевом евангелиях систематически. Саввина книга имеет ѣѣ, въѣ и наряду с этим ѣѣ или ва; эти же формы представлены и в Супрасльской рукописи. Употребление формы ѣѣ, въѣ в функции двойственного числа выступало скорее всего в говоре первых переводов как новообразование. О насъ, васъ, вамъ вместо ѣѣѣ, ваѣѣ, вама см. „Изв.“, IV, 1189.

Замечания к отдельным формам:

¹ См. также О. Grünenthal, „JA“, XXXI, 358.

Им. п. ед. ч. О варианте *ъзъ* в Мариинском ев., возникшем в условиях сандхи, см. § 21.

Род. п. ед. ч. *мнѣ* в Синайской псалтыри (три раза в ч. I, 1 раз в ч. II, 10 раз в ч. VI, 2 раза в ч. X₂; чаще *мѣнѣ*), в Синайском требнике (*м'нѣ*—12 раз, *мнѣ*—6 раз, *мѣнѣ*—7 раз)—древнеболгарская диалектная форма, возникшая, вероятно, под влиянием *м(ъ)нѣ*.

Род. и дат. п. ед. ч. иногда смешиваются (примеры из Синайского требника см. у Ланга, II, 73); правда, часть примеров у Ланга можно отнести к ошибкам издателя (Гейтлера).

В дат. и местн. п. ед. ч. первоначальной формой была, вероятно, *тънѣ* (так, в Остромировом ев. и вообще в древнерусском языке), и *мынѣ* с переходом *тъ* в *ь*.

Им. п. мн. ч. Киевские листки содержат *нѣи* (6 раз); форму *нѣ* *Клоц. сб.*, 58 можно понять как *пу* (*і* на месте *у*; см. § 25), тем более, что *ны* встречается и в среднеболгарских памятниках (2 раза в Добромировом евангелии).

ЛИТЕРАТУРА:

R. Scholvin, „JA“, II, стр. 558.

Вин. п и род-вин. п. Р. Брандт, „РФВ“, XIV, стр. 339—343; Сравнительная морфология (обзор на русском языке Миклошича), стр. 764 и сл. — A. Meillet, *Recherches*, стр. 83—98 и др. — К. Мюленбах, „Изв.“, IV, стр. 1192—1217 и др. — E. Berner, „KZ“, XXXVII, стр. 368—370. — J. Zubaty, „RS“, II, стр. 6 и сл. — M. Weingart, „CMF“, II, стр. 395. — N. van Wijk, „Zschr.“, III, стр. 261—263.

Дат. п. *тънѣ*: A. Brückner, „JA“, IV, стр. 16. — O. Nijer, *Zur Deklination der Personalpronomina*, „IF“, XXX, стр. 49—54 и др. (со списком литературы); *Sb. fil.*, II, стр. 197—199. — Н. Дурново, „J. фил.“, V, 115, со сноской.

Формы двойственного числа: А. Белич, „Изв.“, IV, стр. 1188—1191. — А. Соболевский, „РФВ“, LXIV, стр. 155 и сл. — A. Meillet, „Bull. SL“, XXI, стр. 26 и сл. — М. Долобоко, *Die enklitischen Formen des Pronomens der 1. und 2. Person im Dativus dualis des Urslavischen*, „Zschr.“, I, стр. 336—342. — С. Кульбакин, *Миросл.*, 53.

Им. п. мн. ч. *пу*: В. Ягич, *Ев. Добр.*, I, стр. 63.

В. Склонение родовых местоимений (§ 50)

Склонение всех неличных местоимений представляет один и тот же тип; вследствие изменения гласных под влиянием предшествующего *і* или смягченных согласных (см. § 19) различаются друг от друга твердые и мягкие

основы; различия выступают в виде чередования ъ:ъ или о:е, ё:і, у:ѣ, появляющегося во многих падежах. Третий тип парадигмы находим там, где происходит смягчение согласных по закону Бодуэна; после смягченных согласных имеем ъ, е, ѣ, но ё, а не і (см. § 17, п. 4). О некоторых формах местоимений надо сделать особые замечания. Сначала мы приведем парадигму правильного склонения¹.

1. Твердая основа

Ед. ч.	Им. м. р.	тъ	ср. р. то	ж. р. та
	Род. м. и ср. р.	того		ж. р. тоа
	Дат. м. и ср. р.	тому		ж. р. тои
	Вин. м. р.	тъ	ср. р. то	ж. р. та
	Твор. м. и ср. р.	тъмь		ж. р. томь
	Местн. м. и ср. р.	томь		ж. р. тои
Дв. ч.	Им.-вин. м. р.	та	ср. р. тѣ	ж. р. тѣ
	Род.-местн. м. и ср. р.	тою		ж. р. тою
	Дат.-твор. м. и ср. р.	тъмъ		ж. р. тъма
Мн. ч.	Им. м. р.	ти	ср. р. та	ж. р. ты
	Род. м. и ср. р.	тѣхъ		ж. р. тѣхъ
	Дат. м. и ср. р.	тъмъ		ж. р. тъмъ
	Вин. м. р.	ты	ср. р. та	ж. р. ты
	Твор. м. и ср. р.	тъми		ж. р. тъми
	Местн. м. и ср. р.	тѣхъ		ж. р. тѣхъ

2. Мягкая основа

Ед. ч.	Им. м. р.	и-же	ср. р. е-же	ж. р. ѣ-же
	Род. м. и ср. р.	его		ж. р. еа
	Дат. м. и ср. р.	ему		ж. р. еи
	Вин. м. р.	и	ср. р. е	ж. р. ѣ
	Твор. м. и ср. р.	имь		ж. р. емь
	Местн. м. и ср. р.	емь		ж. р. еи
Дв. ч.	Им.-вин. м. р.	ѣ(-же)	ср. р. и(-же)	ж. р. и(-же)
	Род.-местн. м. и ср. р.	ею		ж. р. ею
	Дат.-твор. м. и ср. р.	има		ж. р. има

¹ Как и при склонении существительных, мы транскрибируем глаголические формы кириллицей; таким образом, е = кир. ѡ и ѣ, ѣ = кир. ѣ (в формах им.-вин. п., кроме дв. ч. ж. и ср. р.) и ѣ (в им.-вин. п. дв. ч. ж. и ср. р. и род., дат., твор. местн. п.). Об и (і) < іѣ (и-же—им.-вин. п. ед. ч., и—вин. п. ед. ч.) и < іі (в других падежах мягких основ) см. стр. 95.

Мн. ч. Им. м. р.	и-же	ср. р. ѡ-же	ж. р. ѡ-же
Род. м. и ср. р.	ихъ		ж. р. ихъ
Дат. м. и ср. р.	имъ		ж. р. имъ
Вин. м. р.	ѡ	ср. р. ѡ	ж. р. ѡ
Твор. м. и ср. р.	ими		ж. р. ими
Местн. м. и ср. р.	ихъ		ж. р. ихъ

3. *вьсь < *въхъ*

Ед. ч. Им. м. р.	вьсь	ср. р. вьсе	ж. р. вьсь
Род. м. и ср. р.	вьсего		ж. р. вьсена
Дат. м. и ср. р.	вьсемоу		ж. р. вьсени
Вин. м. р.	вьсь	ср. р. вьсе	ж. р. вьсиа
Твор. м. и ср. р.	вьсьми		ж. р. вьсени
Местн. м. и ср. р.	вьсьми		ж. р. вьсени
Дв. ч. (Им.-вин. м. р.)	-ѣ	ср. р. -ѣ	ж. р. -ѣ) ¹
(Род.-местн. м. и ср. р.)	-сю		ж. р. -сю)
(Дат.-твор. м. и ср. р.)	-ѣмъ		ж. р. -ѣмъ)
Мн. ч. Им. м. р.	вьси	ср. р. вьсь	ж. р. вьсиа
Род. м. и ср. р.	вьсѣхъ		ж. р. вьсѣхъ
Дат. м. и ср. р.	вьсьми		ж. р. вьсьми
Вин. м. р.	вьсиа	ср. р. вьсь	ж. р. вьсиа
Твор. м. и ср. р.	вьсьми		ж. р. вьсьми
Местн. м. и ср. р.	вьсѣхъ		ж. р. вьсѣхъ

Кроме особых случаев, которые будут рассмотрены ниже, первый тип склонения представлен указательными местоимениями *тѣ* „этот“, *овѣ* „этот“, *онѣ* „тот“ (об *онѣ* в значении „он“ см. ниже), вопросительным местоимением *къ-то* с неопределенными формами *иъ-къ-то*, *ни-къ-то* (-же)², словами со значением местоименных прилагательных *тѣхъ*, *какъ* (вопросительное), *ѣкъ* (*икъ*) (относительно-неопределенное), *вьськъ* (*вьсиа*, *вьсакъ*; см. § 22), *толѣкъ*, *коликъ* (вопросительное), *сликъ* (*ю-*) „который“ (относительно-неопределенное), *сликъ* *тоѣтоѣ* (*мъноѣ*, *дрѣугъ*), *сликъ*, числительными *сѣни* (*ю-*; о формах без *-i-* см. стр. 139), *дѣѣ*, *оѣ*, *ниѣ*.

¹ Кириллическое *-и*, *-а* встречается в мужском роде, *-ѣ* — в среднем и женском роде.

² Другие вопросительные местоимения и наречия с присоединением *пѣ-* и *пѣ-* превращаются в неопределенные или отрицательно-неопределенные местоимения и наречия. Это сложные слова, подвергающиеся расчленению. Ср. *ни* *на* *коѣѣ* *хъѣ* *дѣѣ* *Супр.*, 37,13, *иъ* *въ* *къ* *дѣѣ*, 177, 16 7.

Ко второму типу относятся указательное местоимение *сь*, анафорическая местоименная основа *је-, і-* (см. парадигму), которую, кроме сложной формы *и-же*, представляющей правильно склоняемое относительное местоимение, находим только в косвенных падежах; далее, притяжательные местоимения *мон, твои, свои, изъшъ, възшъ, уни* (*уни*; праслав. *ŕbъ*), вопросительные местоимения *у-то, кьи* (также и неопределенное), местоименное прилагательное *тоуждъ* (*шт-, ст-*) „чужой“, числительные *дѣвон, обон, трон*.

Третий тип склонения представлен формами *вьсь, сиць* „такой“ (ср. р. *сице*, также в роли наречия, род. п. *сицего* и т. д., твор. п. *сицьмъ* и т. д.¹; формы типа *синъ, сико*, образованные по аналогии с *тэкъ, тѣко* и т. д., вряд ли являются древнецерковнославянскими). *стеръ* склоняется как имя существительное; *каторыи, каторыи* склоняется как определенное прилагательное; у некоторых из названных выше слов наряду с местоименными формами представлены также именные формы: для *толнѣкъ, колнѣкъ, еликѣкъ, селикѣкъ, другъ, мѣногъ* существует правило, что они употребляются с местоименными окончаниями, содержащими *ѣ*, но имеется, однако, много исключений; так в Синайской псалтыри из всех приведенных выше слов только *мѣногъ* заслуживает внимания, оно склоняется и как имя и как сложное прилагательное: род. п. мн. ч. *м(ѣ)ногъ* — 5 раз, дат. п. мн. ч. *мѣногѣмъ, мѣногѣмъ, -ѣмъ* — по разу, местн. п. м. р. *мнозѣхъ* — 1 раз, ж. р. *многахъ* — 3 раза, местн. п. ед. ч. *м(ѣ)нозѣ* — 2 раза, также и в Синайском требнике (здесь в соответствии с указанными правилами находим только *мнозѣми* 69 б, 11). В евангелии местоименные формы с *ѣ* довольно редки; чаще встречаются именные вместе с сложными; и при *толнѣкъ* и т. д. также есть отклонения: с одной стороны, *толнѣкоу Мар., Зогр., Лука, 7,9: толнѣкы Асс., Савв.; другому Зогр. б., Матф., 21, 30* (или, может быть, это вторичная форма вместо *другомуоу*, как и в Мариинском ев. см. § 51), с другой стороны, твор. п. *толнѣкомъ Супр., 115, 30* вместо *-ѣмъ*; в *мѣногъ*, а также в *другъ* местоименные окончания следует, вероятно, рассматривать как постепенно распространяющееся новообразование, в то время как в формах *толнѣкъ* и т. д., которые формально и семантически стоят ближе к место-

¹ *сицихъ Зогр. л.* — вторичная форма.

имениям, эти окончания могут быть более старыми; именная форма от *въськъ* представлена в Синайском требнике 56а, 16: род. п. ед. ч. *въськѣ* (на той же строчке род. п. ед. ч. ж. р. *въськѣ*); подобные формы находим и в более поздних церковнославянских текстах.

Наряду с формой *единѣ*, склоняющейся как местоимение, находим определенную форму *единѣи*, которая склоняется как обычное определенное прилагательное: род. п. *единѣаго* и т. д.; наряду с формой *тоуждѣмъ(-ѣ)* местн. п. ед. ч. *Мар., Зогра., Асс., Савв., Лука, 16, 12, Мар., Зогра., Асс., Иоанн, 10, 5*, штеждаго род. п. ед. ч. *Зогра., Иоанн, 10, 5* (тоуждаго *Асс., -нихъ Мар.*), тоуждего *Требн., 68 б, 5/6*, тоуждемоу дат. п. ед. ч. *Син. пс.* — два раза, -си местн. п. ед. ч. ж. р., там же, 1 раз, -си *Клоц.* — 4 раза, подобные формы есть и в Супрасльской рукописи; в Требнике 60 б, 7/8 находим дат. п. мн. ч. *тоуждѣмъ* (именное склонение), а также многочисленные формы, идущие по склонению сложных прилагательных (*Евангелие, Псалтырь, Требник, Супр.*, также *Киевск. л. тоуждѣмъ IV б, 10/1*); очень распространенное местоименное склонение обязано, повидимому, аналогии с *свои*.

Об отдельных окончаниях. О -мъ вместо -мь и наоборот см. стр. 164. — О *сега Мар.* и пяти формах на -га *Супр.* см. стр. 53. — Формы род. п. ед. ч. ж. р. *моѣ Син. пс., 25 б, 2*, кроме того, четыре раза с добавленным позже с в *Син. пс.* (см. также на 73 а, 10), *Супр. 123, 15, твоѣ Зогра., Лука, 14, 12, Син. пс., 4* раза, *Супр., 393, 8; 510, 12, своѣ Супр., 279, 14¹* с -ѣ (-а) вместо -ѣа, дат., местн. п. ед. ч. ж. р. *твоѣ Клоц., II, 107, своѣ Асс., Матф., 19, 5; Супр., 61, 2; 200, 16, кон Супр., 512, 4, 5* (2 раза), 6, 7, 8 вместо *твоѣи* и т. д., твор. п. ед. ч. ж. р. *моѣ Син. пс., 30 а, 15, твоѣ 36 б, 21; кон Мар., Лука, 20, 8; Супр., 528, 4* вместо *моѣи* и т. д.; род., местн., дв. ч. *моѣ Супр., 503, 9* вместо *моѣю* представляют такое же сокращение по диссимиляции, как и твор. п. *Галилѣи* и т. д. (см. § 45), при этом сказывается еще и более слабое ударение местоимения; также: *никоѣже Мар., Иоанн, 16, 29, нѣмѣи ѣа* (род. п. ед. ч.) *Зогра., Матф., 14, 4, сестры ѣа Мар., Иоанн, 11, 1, не дѣи ѣа Мар., Иоанн, 12, 7*. Местн. п. ед. ч. *моѣмъ Пс., 25 б, 16, твоѣмъ*

¹ *своѣ Супр., 424, 9* является скорее вин. п. мн. ч.

14 а, 20, -имъ 23 а, 12, своимъ 10 а, 3, 4, 13 б, 8, 10 б, 17 (в надписано над строчкой), твоимъ(-мъ) *Требн.* 2 раза, один раз даже нашимъ 26б, 8 может быть основан на смешении форм творительного и местного падежей (ср. твоимъ твор. п. ед. ч. *Син. пс.*, 24 а, 4); при этом мог также повлиять и местный падеж определенных прилагательных на -нимъ; см. § 51. Мы не знаем, является ли форма моего род. п. ед. ч. *Зогр.*, *Иоанн.* 8, 19 опиской или действительно употреблявшейся сокращенной формой.

О переходе $k > c$, $g > (d)z$, $\lambda > s$ в тацѣмъ, -ѣхъ, -ѣмъ, -ѣми, -ѣма, мѣнозѣхъ(-зѣхъ), въсѣхъ и т. д. см. § 17, п. 2.

Замечания об отдельных местоимениях:

опъ, jeho и т. д. Им. п. i (праслав. *iъ), ja, je, дв. ч. ja, (i)i, (i)i, мн. ч. (i)i, iе, ja употребляется в качестве относительных местоимений только в сложении с же: и-же, ѣ-же, с-же, дв. ч. ѣ-же, и-же, и-же, мн. ч. и-же, ѡ-же, ѣ-же. В остальных случаях в значении „он“, „она“, „оно“ в именительном падеже выступает местоимение онъ, она, оно, дв. ч. она, онъ, онъ, мн. ч. они, оны, она. Все остальные падежи образуются от основы je-, (i)i-: род. п. ед. ч. сго, ѡя, сго и т. д., после предлогов выступает так наз. эпентетическое п; см. стр. 79. Так как основа опо- во всех родах и числах употребляется только в именительном падеже, то винительный падеж отличается от именительного: ед. ч. м. р. и из *iъ, после предлогов ѡъ (въ ѡъ и т. д.) < -п-iъ; ж. р. ѡ (иѡ), ср. р. в (ѡ, ѡс), дв. ч. м. р. ѡ(и), ж., ср. р. и (ѡ *Асс.*, и *Савв.*, *Матф.*, 28, 9 в качестве вин. п. дв. ч. женского рода указывает на то, что в двойственном числе род регулярно уже не различается; Зографское и Мариинское евангелия имеют в этом случае и), мн. ч. ѡ — м., ж. р., ѡ(и) — ср. р. Род.-вин. п. жо, который сначала употреблялся при усиленном выделении местоимения (*Супр.*, 90, 7), неправильно относится к среднему роду.

тъ. Наряду с обычными формами встречаются в ряде случаев удлинненные, похожие на сложные формы прилагательных: *Зогр. б. тѣмъ Матф.*, 24, 19 (вин. п. мн. ч. м. р.) и вин. п. оубица тѣмъ *Матф.*, 22, 7 с а над строчкой, — *Асс. тѣмъ* (вин. п. мн. ч. ж. р.) *Иоанн.* 10, 16, — *Савв. тѣмъ* (им. п. мн. ч. ж. р.) *Матф.*, 25, 7, — *Супр. тѣмъ* (им. п. мн. ч. м. р.) 15, 3; 228, 9; тѣмъ (вин. п. мн. ч. м. р.) 214, 17; 215, 12; 538, 21, 552, 28. Позже, после древнеболгарского периода,

эти формы становятся более многочисленными. Ср. также *такѣа* (вин. п. мн. ч. м. р.) *Супр.*, 29, 18, *самѣа* *Супр.*, 493, 1 (смысл 441, 28 неясно). См. о *съ*. Форма *та* *Клоц.*, 77, которая рассматривается в качестве сербизма, находится в очень неясном и плохо переведенном тексте, чтобы это предположение сделать приемлемым.

сь. Склонение по типу мягкой разновидности (им. п. ед. ч. *сь*, *сѣ*, род. п. *сѣго* и т. д.) проводится систематически, хотя по происхождению местоимение *сь* относится не к основам на *jo-*, а к основам на *-i-* (и-е. **k̑i-*; некоторые предполагают **k̑e-*); поэтому им. п. ед. ч. ж. р. представлен формой *си*, а им.-вин. п. мн. ч. ср. р. — *си*. Формы родительного, дательного, творительного, местного падежей вполне закономерны (род. п. ед. ч. *сѣго*, ж. р. *сѣа*; дат. п. ед. ч. *сѣмоу*, ж. р. *сѣи*; твор. п. ед. ч. *сѣмь*, ж. р. *сѣи*; местн. п. ед. ч. *сѣмь*, ж. р. *сѣи*; род., местн. п. дв. ч. *сѣю*; дат., твор. п. дв. ч. *сѣи*; род., местн. п. мн. ч. *сѣихъ*, дат. п. мн. ч. *сѣмъ*, твор. п. мн. ч. *сѣи*); в формах именительного и винительного падежей проявляется тенденция к образованию двусложных форм, что можно приписать стремлению к одинаковому числу слогов в различных падежах.

Об отдельных падежах заметим: им., вин. п. ед. ч. м. р. — только *сь(ѣ)* имеют Зографское, Маринское, Ассеманиево ев., Саввина книга, Клоцов сб., Псалтырь (о *сѣ* < *сь* в Саввиной книге, а также в Синайской псалтыри [два раза] см. стр. 141); в Киевск. л. *сь* употреблено после существительных, *си* — перед существительными (*даръ сѣ II б, 23, VII, 20, приносъ сѣ IV, 8/9; сѣ приносъ III б, 1, сѣ даръ VI, 2*); Требник имеет семь раз *сѣи* (после существительных), чаще *сь* (как самостоятельная форма и после существительных); сомнительно, является ли форма *си* 44а, 24 (*дѣ не ѡстѣ же си си слѣсти*) именительным падежом ед. ч. мужского рода; в Супрасльской рук. чаще встречается *си*, чем *сь*; один раз встречаем стяженное *си* 102, 18; 304, 11. Часто употребляемое *си* в Мирославовом евангелии приписывается сербскому писцу, — им., вин. п. ед. ч. ср. р.: *сѣ* в противоположность редкому *сѣи* (*сѣи*) *Требн.*, 58 б, 19; *Супр.*, 47, 15 (после существительных или перед ними)¹, им. п. ед. ч.

¹ *си* *Супр.*, 10, 15 в применении к *слово* является ошибкой. *сѣ* (кирил. *сѣ*, *сѣ*) в древнеболгарском употребляется только как наречие, но в Слѣпч. ап. — из истока *сѣ* 'εις αὐτό τοῦτο', Рим. 9, 17.

ж. р. *си* наряду с редким *син* в Ассеманиевом евангелии, — вин. п. ед. ч. ж. р. *синѣ* (*сыѣ*; *ѣ*), — им., вин. п. дв. ч. м. р. *сиѣ* (*сыѣ*, *-ѣ*), — им., вин. п. дв. ч. ж. и ср. р. *си*, *си* (отмечено в качестве формы женского рода в Требнике, среднего рода — в Синайской псалтыри), — им. п. мн. ч. м. р. — только *си* (*си*, *си*) — употреблено в Саввиной книге, Синайской псалтыри, вероятно, также в листках Ундольского 23; только *сини* встречаем в Клоцовом сб. (3 раза), в Требнике (1 раз); Зографское, Мариинское ев. имеют обе формы, но *сини* преобладает; также в Ассеманиевом ев., в Супрасльской рук. часто *сини*; вин. п. мн. ч. м. р. *синѣ* (*сыѣ*); *Сав.*, *Матф.*, 10,5, несомненно, *си*; им., вин. п. мн. ч. ср. р. *си*, Ассеманиево ев. и Супрасльская рук. имеет также *сини*; им., вин. п. мн. ч. ж. р. *си* *Киев. л.*, в остальных памятниках — *синѣ*. *си* в церковнославянском *си* *ношти*, также *си* *ноштию* (не в древнеболгарской передаче) можно понять как остаток старой формы творительного падежа или как старый местный падеж. Древнеболгарские формы в Киевских листках противостоят (им., вин. п. ед. ч. м. р. *сы*, им., вин. п. мн. ч. ж. р. *си*) формам остальных древних глаголических текстов; может быть, следует предположить чехословацкое влияние на Киевские листки? Повидимому, древнейшими формами от основ *sъja-*, *sъje-* в древнеболгарском были формы *синѣ*, *синѣ*, в двойственном числе *сиѣ*.

къ-то, *сь-то*. Частица *-то* присоединяется только к форме именительного падежа *къ-то* и именительного-винительного *сь-то*. Склонение:

Им.	<i>къ-то</i>	<i>уь-то</i>
Род.	<i>кого</i>	<i>уьсо, уьсо</i>
Дат.	<i>кому</i>	<i>уьсому, уьсому</i>
Вин.	<i>кого</i>	<i>уь-то</i>
Твор.	<i>чьмь</i>	<i>уьмь</i>
Местн.	<i>комь</i>	<i>уьмь, уьсомь</i>

Также *нъ-къто*, *нъ-уьто*; *ни-къто(-жъ)*, *ни-уьто(-жъ)*; *къ-жьдо* (*ко-жьдо*; см. стр. 142); *кого-жьв* *Супр.*, 95,7 — одиночная форма. В словаре Миклошича *Lex palaeosl.* нет других примеров.

къ-то — единственное старославянское местоимение, постоянно употребляющее вместо винительного падежа форму родительного падежа.

Наряду с *сь-то* представлено еще *сь* в форме *ни-уь-же* (*ниуьже Син. пс., 51 а, 16, ниуьже Клоц., 122*; встречается 3 раза у Григ. Наз.; отсюда глагол *оу-ниутьжнѣти*). — О *ѣсо*, *ѣсо* см. стр. 138; возникший под влиянием *ѣсо*, *ѣсо* дат. п. *уѣсоу* (*Мар. 4* раза, *Зогр. 2* раза, *Асс. 1* раз), *уѣсоу* (*Зогр. по разу по уѣсоу, ни уѣсоу же*) — единственная встречающаяся в древнеболгарских текстах форма дательного падежа; в местном падеже наряду с *уѣсомь(-ъ)* *Пс., Сав., Супр.* (по одному разу) имеем *уѣмь* (*Мар. 2* раза, *Зогр. 3* раза, *Пс., Савв. по разу*); *уѣсого* *Савв., Матф., 19, 20, х'сого Супр., 153, 23*; *ниуьсогоже 267, 26* (*ниуьсого* также в Троянской притче 40), вероятно, только диалектное новообразование к дательному падежу на *-соу* и местному на *-сомь*.

куѣ (*kŭi*). Склонение или основывается на сложном типе или использует основу *коѣ-*; может быть, следует исходить из **къ + ѣ* со склонением обеих частей (**кого-ѣго* и т. д.).

Ед. ч. Им. м. р.	кѣи	ср. р. коѣ	ж. р. кѣъ
Род. м. и ср. р.	коѣго		ж. р. коѣа
Дат. м. и ср. р.	коѣоу		ж. р. коѣи
Вин. м. р.	кѣи	ср. р. коѣ	ж. р. кѣиѣ
Твор. м. и ср. р.	кѣими		ж. р. коѣиѣ
Местн. м. и ср. р.	коѣмь		ж. р. коѣи
Мн. ч. Им. м. р.	ѣи	ср. р. кѣъ	ж. р. кѣа
Род. м., ср., ж. р.	кѣихъ		
Дат. м., ср., ж. р.	кѣими		
Вин. м. р.	кѣа	ср. р. кѣъ	ж. р. кѣа
Твор. м., ср., ж. р.	кѣими		
Местн. м., ср., ж. р.	кѣихъ		

Дв. ч. Им.-вин.

ж. р. ѣи
(*Супр., 431, 19*)

Наряду с вин. п. *кѣиѣ* *Зогр., Мар., Асс., Сав., Клоц., Пс.* (здесь только *въскѣиѣ*) в *Супр. рук.* встречается один раз *коѣи* (*Клоц., II, 114*); *Зогр., Лука, 24, 19, коѣихъ* вместо *кѣихъ*. О *никоѣже* род. п. ед. ч. ж. р., *коѣ* дат., местн. п. ед. ч. ж. р., *коѣ* твор. п. ед. ч. ж. р. см. стр. 286.

въсь, *въс'акъ*. *ѣ*, из которого по закону Бодуэна развилось *ъ*, находим еще в древнерусском *вхъ* (Синод. список I

Новгор. лет.), въху (грамота Варлаама ок. 1200 г.). Им., вин. п. ед. ч. м. р. въсь, развившийся под влиянием косвенных падежей после утраты редуцированного, выступает только в Саввиной книге и очень часто в Синайском требнике (въсь 17 раз, въсь 5 раз: въсь 3 раза, въсь 5 раз, въсь 1 раз), а вообще встречается спорадически (*Зогр.* 2 раза: *Матф.*, 8, 34, 13, 38); сюда относится и диалектное среднеболгарское (v)se; въсь есть и в древнерусском. — О в(ъ)сь: в(ъ)са, в(ъ)сѣмъ: в(ъ)сѣмъ, в(ъ)сѣмъ: в(ъ)сѣмъ и т. д. см. § 22; довольно частые формы въсь, въсьмъ *Остр. ев.*, несмотря на сомнения Фортунатова („Состав О. Е.“, 43 и сл.), надо считать русизмами.

ЛИТЕРАТУРА:

R. Scholvin, „JA“, II, стр. 558—563, 568 и сл. — A. Meillet, *Slave s.*, стр. 377—387. — О некоторых деталях см. Г. Ильинский, Родительный ли падеж местоимение *въсь*?, „Изв.“, VI, 2, стр. 222—234; Сложные местоимения и окончания родительного падежа ед. ч. м. и ср. р. неличных местоимений в славянских языках, Варшава, 1903, Москва, 1905.

въ: В. Ягич, Код. Мар., стр. 442 и сл. — М. Козловский, О яз. *Остр. ев.*, стр. 77. — O. Huĵer, *Deklinace zājmena sv.*, „Sb. fil.“, II, стр. 188—197. — J. Zubatý, *Slov. *si noktĭ a *sv noktĭ*, „Sb. fil.“, II, 208—214. — Г. Ильинский, Слѣпч. Ап., XXXIII, LXXXII. — А. Соболевский, „РФВ“, LXXI, стр. 15—19. — Кульбакин, Миросл., 54, стр. 109. — М. Долобоко, „Slavia“, V, стр. 681—683.

сь-то: В. Ягич, „JA“, XVII, стр. 83. — Г. Ильинский, „Изв.“, VI, 2, стр. 222—234; О некот. арх., стр. 41—52. — Е. Бернекер, Старославянские *тъ ѿ, въсь*, „РФВ“, XLVIII, стр. 219—233. — Кое-что о *въсь* в литературе, указанной на стр. 115 в разделе „Редукция о в ѿ, е в ѿ“.

къѣдо: J. Otrębski, „Pr. fil.“, XII, стр. 185—189.

къѣ: М. Фасмер, *Die Flexion von altbulg. куѣ ‘qui’*, „IF“, XL, стр. 139—144 (со списком литературы). — А. Белич, О промени ст. слов. *къи* „кто“, „J. фил.“, III, стр. 31—34. — Н. Дурново, *Noch einmal aksl. куѣ*, „Zschr.“, II, стр. 381 и сл. — *къи и ѣи*: Г. Ильинский, Научно-литерат. сборник, II, Львов, 1902, стр. 78 и сл.

въсь: см. список литературы к § 17; кроме того: П. Лавров, Обзор, стр. 159. — В. Щепкин, Рассуждение, стр. 126—129. — Б. Ляпунов, Синод. спис., стр. 60, 72—74, 242, 281 и сл. — Ф. Фортунатов, Состав О. Е., стр. 43 и сл. — А. Шахматов, Очерк, стр. 218, 256. См. также П. Копко, „Изв.“, XX, 3, стр. 178—182. *tuždy*: F. Miklosich, *Beiträge zur altslovenischen Grammatik*, „S.-B.“, LXXXI, стр. 136.

Г. Склонение сложных прилагательных (§ 51)

Первоначально это склонение состояло из обычных падежных форм именных прилагательных, к которым присоединялись соответствующие падежи местоименной основы *je-*, *(i)i-*. В дописьменный, а частично еще в праславянский период произошло стяжение форм и ряд других изменений, которые продолжались в древнеболгарский период, причем во многих падежах языковое сознание перестало воспринимать более долгие, так наз. определенные формы в качестве сложных. Уже в дописьменный период были завершены два следующих процесса:

1. Падежные формы на *jeje* (род. п. ед. ч. ж. р.), *jeji* (дат., мест. п. ед. ч. ж. р.), *jejo* (твор. п. ед. ч. ж. р.), *jeju* (род., мест. п. дв. ч.) утратили свой первый слог, поэтому находим: *dobry-je*, *dobré-ji*, *dobro-jo*¹, *dobru-ju*.

2. Те падежи, в которых присоединенное местоимение начиналось с праслав. *(i)i* (-*imp*ь, -*ipa*, -*ič*ь, -*imp*ь, -*imi*), обобщили перед этим *(i)i* конечное -*ъ*- основы прилагательного: твор. п. ед. ч. м. и ср. р. *dobrъ-(i)imp*ь, дат., твор. п. дв. ч. *dobrъ-(i)ipa*, род., местн. п. мн. ч. *dobrъ-(i)ič*ь, дат. п. мн. ч. *dobrъ-(i)imp*ь; твор. п. мн. ч. *dobrъ-(i)imi*; то же относится и к -*ъ*:- *drevl'ъn'ъ-(i)imp*ь и т. д.

Не установлено точно, испытывали ли формы, перечисленные выше в п. 2, в языке Кирилла и Мефодия дальнейшее изменение *ъ(i)i* в *у*, при мягких основах соответственно *ъ(i)i* > *i*; см. § 24, п. в; также не вполне ясно, произносили ли славянские апостолы и их сотрудники им., вин. п. ед. ч. м. р. *dobrъi*, *drevl'ъn'ъi* или *dobry*, *drevl'ъn'i*; см. § 24 б; обе эти категории развивались неодинаково и одновременно. В других падежах изменения были, вероятно, более поздними; только для местного падежа ед. ч. мужского и среднего рода мягких основ, где не засвидетельствованы формы на -*имь* наряду с формами типа *дрѣвльнимь* и т. п., нельзя сказать определенно, употреблялось ли это окончание в древнейшем старославянском языке. В парадигме мы пишем -*нимь*; им., вин. п. ед. ч. приводится здесь на -*ни*, -*ни*; в косвенных падежах, содержащих -*ъ(i)i-*, -*ъ(i)i-*, мы указываем окончания -*ни*-, -*ни*-.

¹ Полная форма была бы **dobrojo-jejo*.

Парадигмы: а) твердая основа, б) мягкая основа.

а) Ед. ч. Им.-зв. м. р.	добрѣти	ср. р.	добрѣе	ж. р.	добрѣтъ
	Род.м., ср. р.			ж. р.	добрѣтъмъ
	Дат. м., ср. р.			ж. р.	добрѣти
	Вин. м. р.	ср. р.	добрѣе	ж. р.	добрѣтъмъ
	Твор. м., ср. р.			ж. р.	добрѣтъмъ
Дв. ч. Им.-зв.-вин. м. р.	Местн. м., ср. р.			ж. р.	добрѣти
	Род.-местн. м., ср. р.	ср. р.	добрѣти	ж. р.	добрѣти
	Дат.-твор. м., ср. р.			ж. р.	добрѣе
	Им.-зв. м. р.			ж. р.	добрѣе
	Дат.-твор. м., ср. р.			ж. р.	добрѣтъмъ
Мн. ч. Им.-зв. м. р.	добрѣти	ср. р.	добрѣтъ	ж. р.	добрѣтъмъ
	Род. м., ср. р.			ж. р.	добрѣтъмъ
	Дат. м., ср. р.			ж. р.	добрѣтъмъ
	Вин. м. р.	ср. р.	добрѣтъ	ж. р.	добрѣтъмъ
	Твор. м., ср. р.			ж. р.	добрѣтъмъ
б) Ед. ч. Им.-зв. м. р.	добрѣтихъ			ж. р.	добрѣтъхъ
	Род. м., ср. р.			ж. р.	добрѣтъхъ
	Дат. м., ср. р.			ж. р.	добрѣтъхъ
	Вин. м. р.	ср. р.	добрѣтъ	ж. р.	добрѣтъхъ
	Твор. м., ср. р.			ж. р.	добрѣтъхъ
Дв. ч. Им.-зв.-вин. м. р.	добрѣтъхъ	ср. р.	добрѣтъхъ	ж. р.	добрѣтъхъ
	Род.-местн. м., ср. р.			ж. р.	добрѣтъхъ
	Дат.-твор. м., ср. р.			ж. р.	добрѣтъхъ
	Им.-зв. м. р.			ж. р.	добрѣтъхъ
	Дат.-твор. м., ср. р.			ж. р.	добрѣтъхъ
Мн. ч. Им.-зв. м. р.	добрѣтъхъ	ср. р.	добрѣтъхъ	ж. р.	добрѣтъхъ
	Род. м., ср. р.			ж. р.	добрѣтъхъ
	Дат. м., ср. р.			ж. р.	добрѣтъхъ
	Вин. м. р.	ср. р.	добрѣтъхъ	ж. р.	добрѣтъхъ
	Твор. м., ср. р.			ж. р.	добрѣтъхъ
Дв. ч. Им.-зв.-вин. м. р.	добрѣтъхъ	ср. р.	добрѣтъхъ	ж. р.	добрѣтъхъ
	Род.-местн. м., ср. р.			ж. р.	добрѣтъхъ
	Дат.-твор. м., ср. р.			ж. р.	добрѣтъхъ
	Им.-зв. м. р.			ж. р.	добрѣтъхъ
	Дат.-твор. м., ср. р.			ж. р.	добрѣтъхъ
Мн. ч. Им.-зв. м. р.	добрѣтъхъ	ср. р.	добрѣтъхъ	ж. р.	добрѣтъхъ
	Род. м., ср. р.			ж. р.	добрѣтъхъ
	Дат. м., ср. р.			ж. р.	добрѣтъхъ
	Вин. м. р.	ср. р.	добрѣтъхъ	ж. р.	добрѣтъхъ
	Твор. м., ср. р.			ж. р.	добрѣтъхъ

Об окончаниях именительного падежа -yі, -ʔі (-oi), -y; -ii, -ʔі (-ei), -i см. § 24 (категория б).

Об окончаниях -aa наряду с -aё (-aіa); -aago, -ago наряду с -a(i)ego; -иѡти, -иѡти наряду с -и(i)ѡти; -ёѡть, -ёѡть, -ёѡть наряду с -ё(i)ѡть см. § 21 (стр. 124).— Старославянские полные окончания -aego, -иѡти встречаются иногда в более поздних памятниках (*Паремийник Григ., Пс. Толстого, Иоанн Экзарх, Златоуст Ягича*), также -еѡть (*Изб. 1073*; см. Горский-Невострюев, II, 2, 391).

О различных вариантах творительного падежа ед. ч. мужского и среднего рода, дательного и творительного дв. ч., родительного, дательного, творительного, местного падежей мн. ч. с -yі-, -ii-; -ʔі; -y-, -i- см. § 24 (категория в).

Дальнейший шаг в развитии сложного склонения, переход к формам, которые уже не воспринимаются больше как сложные, состоит в заимствовании прилагательными местоименных окончаний уже в поздний старославянский период: *Сав. живого Лука, 10, 30, Асс. благъвѣрномѹ 165, Зогр. б прѣвомѹ Матф., 21, 28, другомѹ 21, 30¹, послѣднемѹ 20, 14, Праз. л. сѣпномѹ, Син. отрывки древльнѹ, Требн. пѣснѹ 47 а, 5, 6* (если только это чтение правильно). В среднеболгарский период такие формы становятся многочисленнее; наряду с ними существуют также формы на -оѡмѹ (-оѡмѹ), -сѡмѹ (-сѡмѹ); местоименные окончания получают распространение также в сербском и русском языках; окончание -оѡмѹ, часто встречающееся в Мирославовом евангелии, повидимому, обязано своим происхождением сербским писцам.

В творительном падеже ед. ч. женского рода окончание -оіѡ встречается довольно редко: *обръѡсѡмъ Зогр., Мар., Асс., Лука, 2, 5 (Сав. -оѡмъ), сѣѡмъ Зогр., Лука, 2, 5 (Мар., Асс., Сав. -сѡмъ); сѣѡмъ Син. пс., 2а, 12, вѣѡкон'нѡмъ Клоц., 682*; в Требнике встречается три примера, многочисленные примеры находим в Супрасльской рукописи (больше 20). Чаще встречаются формы на -оѡмъ (-сѡмъ), которые формально не отличаются от неопределенных форм, если не считать различий в ударении и в интонации. Это -оіѡ вызвано, вероятно, с одной стороны, влиянием имен-

¹ См. стр. 285.

ного склонения, с другой — стремлением к дифференциации, которая подсказана, во-первых, соседством двух носовых гласных, во-вторых, звуковым совпадением с формой винительного падежа ед. ч. В слове *пеквѣськоуѣ Киевск. л., VI б, 7/8*, возможно, представлена диссимилиация; кроме того, Киевские листки содержат еще форму *въуѣноуѣ V, 17/8*.

Некоторые формы определенных степеней сравнения и действительных причастий дают повод к особым замечаниям.

Именительный-винительный падеж ед. ч. мужского рода сравнительной степени не отличается от именной формы того же падежа: *мѣнѣи (-ѣи, -ѣи, -и), добрѣи* и т. д.; только форма *мѣнѣи Асс., Лука, 15, 12* (вместо -ѣи) выступает как им. п. ед. ч.; о им.-вин. п. ед. ч. ср. р., им. п. мн. ч. м. р., им., вин. п. мн. ч. ср. р. см. § 47. Наряду с им. п. ед. ч. ж. р. на -ѣ находим один раз -ѣа: *большаа (прѣваа и в. заповѣдь) Асс., Матф., 22, 38*; ср. им. п. ед. ч. ж. р. *сѣшѣа Супр., 570, 11*. Остальные формы (*мѣнѣшаго, -шюмоу, -шнимъ* и т. д.) не нуждаются в особых замечаниях.

Окончание -у-ѣ в им. п. ед. ч. м. р. причастия наст. вр. (а также действительного причастия I прош. вр.) совпало в ѣі с окончанием -ѣ-ѣ обычного прилагательного. Это сочетание передается в Киевских листках как -ѣ, т. е. в данном памятнике имеем ѣі, в других памятниках старославянского языка выступает у-, которое передается в них посредством -ѣ или ѣи. Формы типа *въсѣмоуѣи Киевск. л., жнѣи Зогр.* являются новообразованиями, новообразованьем в причастии прош. вр. I является также тип *ведѣи* (обычно пишется в дѣи или вѣдѣ!), *хѣвалѣи* (хѣвалѣи, отсюда хѣвалѣи); см. об этом § 24 (категория б).

О *сѣшѣа* им. п. ед. ч. ж. р. *Супр., 570, 11* см. выше. — О встречающихся формах им., вин. п. мн. ч. ср. р. на -ѣ, -ѣ наряду с *градѣшѣа Зогр., Мар., Асс., Иоанн, 16, 13, въважѣшѣа, -ѣа Зогр., Мар., Асс., Сав.* см. § 47б, 1.

Об им. п. мн. ч. м. р. на -ѣі или -ѣіі см. § 47 б, 1, 2, 3; развитие в обратном направлении, чем описанный там перенос -ѣі в им. п. мн. ч. м. р., отражено в виде переноса е в косвенные падежи: *Зогр. слышашѣиъ Мар., 4, 24, посѣлазѣиъ Иоанн, 1, 22* и т. д.; подобные формы находим также в Маринском ев. и других памятниках.

ЛИТЕРАТУРА:

F. Miklosich, *Über die zusammengesetzte Declination in den slavischen Sprachen*, „S.-B.“, LXVIII, 1871, стр. 133—156 (133—136 — старославянский материал); Vgl. Gr., III, изд. 2, стр. 55.— A. Leskien, *Declination*, стр. 131—135.— R. Scholvin, „JA“, II, стр. 563—568.— Л. Милетич, „МСб.“, II, стр. 244 и сл.— W. Vondrák, *Zur Declination des zusammengesetzten Adjectivums*, „JA“, XXII, стр. 6—11.— Г. Ильинский, К истории сложного склонения прилагательных имен, Научно-литературный сборник, II, Львов, 1902, стр. 75—79.— M. Weingart, „CMF“, II, стр. 297.— Н. Barič, *Beiträge zur slav. Sprachgeschichte*, Wien — Leipzig, 1918, стр. 33 и сл.— Ф. Фортунатов, *Лекции*, стр. 118—130.— Ф. Каминский, „Изв.“, XXVIII, стр. 299—301.— О некоторых деталях: -ы, -ь: J. Kurz, „LF“, L, стр. 229 (см., кроме того, литературу к § 24).— -аго и т. д.: В. Ягич, *Entst.*, изд. 2, стр. 276 и сл.— -ому: С. Кульбакин, *Миросл.*, стр. 109.— R. Nahtigal, „Razprave“, II, стр. 252.— *всьеомогъ*: Б. Ляпунов, „Изв.“, XXVIII, стр. 300, сноски (исходит неправильно из формы *всьеомогъ-йъ*).— Об отпадении *ĭ*- и наступающем вследствие этого стяжении см. литературу к § 21.

[J. Kurz, *K otázce nominativu zájmena třetí osoby v jazyce staroslověnském*, „LF“, 67, 290—302.]

Дополнение к склонению

§ 52. Склонение числительных

Количественные числительные *одинъ* и *два*, так же как и *о*ва, следуют местоименному склонению; см. стр. 284; *три* представляет собой форму с основой на -i- во множественном числе; см. стр. 246; *четыре* — старую основу на согласный; см. стр. 262; *десять* — также форма с основой на согласный; см. стр. 250; *десять*, в противоположность *четыре*, употребляется как прилагательное, является существительным. Как существительные с основой на -i- склоняются *пять*, *шесть*, *семь*, *о*сьмь, *девять*. *сѣто* — существительное среднего рода, *тысяща*, *тысяща* — существительное женского рода. О *ед(ь)н-* наряду с *одинъ* см. стр. 139. О чередовании *тысяща* : *тысяща* см. стр. 233.

Порядковые числительные склоняются как обычные прилагательные.

Собирательные *двои*, *трои* склоняются как местоимения; см. стр. 284, также *о*кни, *четверъ*, -о и т. д. склоняются как прилагательные или как существительные.

II. СПРЯЖЕНИЕ

§ 53. Обзор глагольных классов и типов спряжения

Старославянский глагол имеет следующие формальные категории:

три времени: настоящее, аорист, имперфект. Этими краткими названиями обозначаются три времени изъявительного наклонения. Настоящее время употребляется также в значении будущего. Описательное образование с *научьнъ* и т. д. древние болгары вряд ли воспринимали как глагольную форму времени;

три более редких описательных времени — перфект, плюсквамперфект и будущее предварительное (*futurum exastum*). Будущее предварительное употребительно лишь в немногих текстах;

повелительное наклонение;

условное наклонение (описательное образование);

инфинитив, супин;

причастия; три действительных: действительное причастие настоящего времени, действительное причастие I прошедшего времени и действительное причастие II прошедшего времени; два страдательных: причастие настоящего времени и причастие прошедшего времени¹.

Других формальных категорий, помимо страдательных причастий, которые можно было бы назвать страдательными, не существует.

Неописательные категории образуются от глагольной основы посредством суффиксов. Глагольная основа многих глаголов имеет две разновидности, именуемые основой настоящего времени и основой инфинитива. Эти термины не совсем точны, так как существуют глаголы, обладающие двумя основами, но представленные в настоящем времени и инфинитиве одной и той же основой (например, *влькѣ*, *вльшти*, но *влькѣ*, *влькѣ*); так как эти случаи немногочисленны, мы будем придерживаться общепринятых терминов; первой основой мы называем основу настоящего времени, второй основой — основу инфинитива.

¹ Об образованиях на *-ньнъ*, *-тънъ*, которые именуют *Partic. necessitatis*, см. § 64.

При любой морфологической классификации глагола следует учитывать в первую очередь различные комбинации основ настоящего времени и инфинитива, которые встречаются в старославянском языке, при этом, кроме всего прочего, принимаются во внимание различные суффиксы, образующие настоящее время. Чтобы сделать классификацию наглядной, следует привести деление глаголов по типу образования инфинитива, как поступают Миклошич и Вондрак, а затем перечислить различные образования настоящего времени, относящиеся к одному типу инфинитива, или, наоборот, подобно Лескину и Кульбакину, исходя из основы настоящего времени, рассматривать основы инфинитива по порядку при каждом классе настоящего времени. Мы примыкаем к классификации Лескина (также и Łoś, *Gramatyka starosłowiańska*; иначе строит классификацию Лер-Сплавинский в „Zagrys“, хотя он также исходит из основы настоящего времени), но с небольшим отступлением, осуществленным уже Пастрнеком в его „Tvarosloví“, состоявшем в том, что сначала рассматриваются основы настоящего времени на *mi-*, а затем четыре класса с окончаниями в 1 лице наст. вр. на *-r* в том же порядке, как и у Лескина. Принимая во внимание потребности общеславистических исследований, необходимо придерживаться той классификации, которая более соответствует языковому чувству раннего праславянского периода, чем периода древнеболгарского. С точки зрения отдельных языков, в частности древнеболгарского, все подразделы нашего класса БI уже не воспринимаются как один класс. С другой стороны, типы *rĕjor*, *bĕjor*: *piti* или *biti* (БI или БIII), несмотря на различия в интонации и в ударении, для древнеболгарского языкового чувства значительно сблизились друг с другом. Грамматика, принимающая во внимание только старославянский язык, должна различать продуктивные и непродуктивные образования. Попытку дать классификацию, соответствующую древнеболгарскому языковому чувству, сделал Белич (работа не опубликована) и Кульбакин (*Symbolae-Rozwadowski*).

Чтобы облегчить правильное понимание следующей главы, мы начнем с краткого обзора глагольных классов, при этом следует учитывать только главные типы; детальный обзор содержится в § 66.

А. Глаголы с настоящим временем на -*ti*; таких глаголов только пять: *есмь*, инф. *быти*; *дамь*, инф. *дати*; *ымь*, инф. *ѣсти*; *въмь*, инф. *вѣдѣти*; *имамь*, инф. *имѣти*.

Б. Глаголы с настоящим временем на -*o*; различаются следующие четыре класса:

- I. К глагольной основе непосредственно примыкают окончания -*o*, -*eši* и т. д.: *нес-ж*, *вер-ж*. Типы инфинитива: а) *нес-ти*, б) *вер-ти*; во втором типе вторая основа оканчивается на -*a*.
- II. К глагольной основе присоединяются суффиксы -*po*, -*peši* и т. д.: *двиг-нѣ*. Инфинитив образуется обычно от второй основы на -*po*: *двигнѣ-ти*.
- III. К глагольной основе присоединяются: -*jo*, -*ješi* и т. д. или -*'o*, -*'eši* и т. д.: *зна-нѣ*, *зна-ши*; *ѡр-нѣ*, *ѡр-ши*. Инфинитив образуется или от той же глагольной основы (IIIa), например, *зна-ти*, или от второй основы, расширенной суффиксом -*a* или -*ja* (IIIб), например: *ѡра-ти*, *таѣ-ти* (к *та-нѣ*), *коупова-ти* (к *коупоу-нѣ*).
- IV. К глагольной основе присоединяются -*jo*-, -*'o*), -*iši* и т. д., например: *хвал-нѣ*, *хвал-ши*; *зѣр-нѣ*, *зѣр-ши*. Инф. на -*iti* или -*eti*: IVa *хвали-ти*, IVб *зѣрѣ-ти*.

ЛИТЕРАТУРА:

Разделы о спряжении в работах Миклошича и Пастернака указаны в § 37.— J. Kolář, O novém rozřídění sloves slovanských, Praha, 1882.— В. Ягич, Klassifikation des slavischen Verbums, „JA“, XXVIII, стр. 17—27 (с историческим обзором и критической оценкой системы).— W. Vondrák, Vgl. Gr., II, стр. 129—132 (короче: Vondrák-Grünenthal, стр. 110 и сл.).— Г. Ильинский, Праслав. гр., стр. 513—516.— M. Weingart, Starosl. časování, стр. 2—12.— С. Кульбакин, Классификация глагола в старославянском, Symbolae-Rozwadowski, II, стр. 175—184.— Статья Лескина: Die Präsensbildungen des Slavischen und ihr Verhältnis zum Infinitivstamm, „JA“, V, стр. 497—533, рассматривает только часть кл. Б I.

Общая литература о древнеболгарском спряжении: F. Miklosich, Lehre von der Conjugation im Alt-Slovenischen (Denkschr., I), Wien, 1849.— В. Добровский, К учению о русском глаголе, „Филологические записки“, XIX, Воронеж, 1880 и сл. (с 20-го тома, № 6: о славянском глаголе).— O. Wiedemann, Beiträge zur altbulgarischen Conjugation, СПб., 1886.— M. Weingart, Staroslověnské časování, Praha, 1921.— Среднеболг.: П. Лавров, Обзор, стр. 190—213.

[A. Dostál, Studie o vidovém systému v staroslověnině, Praha, 1954.— В. Havránek, Aspect et temps du verbe en vieux slave, Mélanges Bally, 223—230.]

§ 54. Личные окончания изъявительного наклонения

В настоящем времени представлены следующие окончания:

	Класс А	Класс Б I, II, III	Класс Б IV
Ед. ч.	1 л. -мъ	-ѡ(-ѡ)	-ѡ
	2 л. -си	-ѡ-ши	-и-ши
	3 л. -тъ	-ѡ-тъ	-и-тъ
Дв. ч.	1 л. -въ	-(ѡ-въ)	-и-въ
	2 л. -тъ	-ѡ-тъ	-и-тъ
	3 л. -те	-ѡ-те	-и-те
Мн. ч.	1 л. -мъ	-ѡ-мъ	-и-мъ
	2 л. -те	-ѡ-те	-и-те
	3 л. -ѡтъ (но сѡтъ, имѡтъ)	-ѡтъ (-ѡтъ)	-ѡтъ

Различие между классами Б I, II, III состоит в том, что в классе Б I флексии -р или тематическому гласному -е- предшествует согласный, оканчивающий корень; в классе Б II между исходом корня и флексией находится суффикс -п-, а в классе Б III — суффиксальное -і-, которое в глаголах этого класса сохранилось только после гласных, а после согласных сливалось с ними в один смягченный звук или сочетание звуков (Б I *nes-р*, *-eši*, Б II *dvig-п*, *-neši*, Б III *zna-і*, *-ješi*; *maz-і*, *-ješi* > *mažр*, *-eši*). В классе Б е или і, стоящие перед -ši и т. д., являются с точки зрения истории языка основообразующими суффиксами (в классе Б II, III вместе с предшествующими п, і: Б I *nes-e-*, Б II *dvig-ne-*, Б III *zna-іе*, Б IV *pos-i-*) и как таковые еще осознавались в древнеболгарском языке; правда, вследствие слияния суффикса основы с личным окончанием в 1 лице ед. ч. и в 3 лице мн. ч. осознание наличия суффикса основы ослабело. С другой стороны, одинаковые окончания -si или -ši, -tъ, -vѣ, -la, -te, -mъ, -te во всех классах глаголов приводили к убеждению, что это действительно личные окончания.

Аорист и имперфект имеют в двойственном числе и в 1-м и 2-м лицах мн. ч. такие же окончания, как и настоящее время: -въ, -тъ, -те, -мъ, -те; 1 лицо ед. ч. оканчивается на -ъ, 3 л. мн. ч. — на -ѡ или -ѡ, а 2 и 3 л. ед. ч.

равны основе инфинитива (бѣ, дѣла) или оканчиваются на -ѡ (движ-ѡ, нѣс-ѡ); в некоторых классах встречается окончание -тъ (пи-тъ, ѡ-тъ). Эти различия объяснимы только в связи с образованием времен; см. § 58. Об окончаниях императива и кондиционалиса также см. в соответствующих разделах (§ 56, 57). Далее следуют некоторые замечания о личных окончаниях настоящего времени; при рассмотрении окончаний двойственного числа и 1 лица мн. ч. привлекаются и другие времена и наклонения.

1 л. ед. ч. -мѣ вместо -мѣи, даже -мѣи вместо -мии; см. стр. 164, также стр. 174. О вѣдѣ см. § 66.

2 л. ед. ч. В Киевских листках встречается 1 раз подась III 7, что может быть понято, если иметь в виду vuez „ты знаешь“ Фрейзингенских отрывков I, 20, как форма старославянского языка, применяемая в Моравии и Паннонии; ср. также vзовуѣ, заденѣѣ (наряду с poſtediſi) *Фрейзинг. отр.* Наряду с -ши нет древнеболгарского окончания -шь; окончание -ſъ(ь) других славянских языков может быть продолжением праславянского -ſъ, но может восходить и к праслав. -ſi; гипотеза Шахматова о произношении -ſſ обоснована неудовлетворительно. Среднеболгарское -шь наряду с -ши восходит, вероятно, к -ſi. 2 лицо ед. ч. хощи *Супр.*, 65, 21 может быть понято как очень старая форма изъявительного наклонения; некоторые видят в ней оптатив; было бы, однако, правильнее считать эту форму сокращением формы хоſteſi вследствие особых интонационных отношений в предложении, так же как и дѣѣ *Супр.*, 438, 23.

3 л. ед. ч. Наряду с -тъ находим отдельные случаи -тѣ. Только в Ассеманиевом евангелии, которое вообще неправильно употребляет ѣ, эти формы являются более частыми; затем следует Саввина книга, содержащая 12 примеров (в пяти из этих примеров ѣ позднее переделан в тѣ); кроме того, здесь имеются формы аориста дасть, вѣсть и форма 3 л. мн. ч. сѣтъ. Бросается в глаза сравнительно большое количество таких старославянских форм в глаголах наст. вр. на -ти; может быть, они возникли по аналогии с 1 лицом ед. ч. на -тъ? Можно также предполагать исконный характер -тъ в глаголах на -ти. Это тѣ сохранилось наряду с более частым тѣ (по аналогии с классом на -р) и кое-где проникло в тематический класс. Соб-

ственно древнеболгарские памятники не позволяют нам допустить существования древнеболгарского диалекта с таким же частым употреблением форм на -тъ, какое мы находим в Остромировом ев., Новгородских листках и в Слушкой псалтыри; -тъ в этих памятниках надо считать русизмом (в противовес мнению Фортунатова и других русских исследователей).

Утрата тъ отмечена в Зографском ев. в формах *досто!* *Марк*, 3, 4, *подъваа Лука* 18, 1; — в *Иоанн*, 21, 22, 23. е(ю) встречаются также в Мариинском, Ассеманиевом ев., Клоцовом сб., Саввиной книге и Супрасльской рук.; в этом случае, а также в формах типа нъ *Мар.*, *Сав.*, *Супр.*, *вѣде Мар.*, *л. Унд.*, *Супр.* (са съвѣде *Зогр. л.*), *може, хъште Супр.*, въ *Супр.* и *досто!*, *подъваа* сокращение форм вызывалось интонационными отношениями в предложении; кроме того, в Ассеманиевом ев. *Матф.*, 19, 28 встречается форма *саде*, а в Супрасльской рукописи — многочисленные формы на с, главным образом в № 27; четыре формы, расположенные по соседству, находим в № 20, но в первой части этого памятника указанные формы встречаются спорадически. Может быть, относительно частое употребление форм на -с в Супрасльской рукописи следует приписать не только позднему происхождению этого памятника, но и более раннему распространению этих форм в некоторых восточноболгарских диалектах. В пользу гипотезы Мейе о том, что -тъ в этой грамматической категории произносилось почти как твердое т и развилось из -тъ, свидетельствует как будто подобный же процесс в русском языке и отпадение окончания во многих славянских языках; однако формы *поставити-и Мар.*, *Матф.*, 24, 47, *може-сь Мар.*, *Иоанн*, 6, 52, *лежито-сь Асс.*, *Лука*, 2, 34, *сымърито- Син. пс.*, 106, 1/2 и т. д. не позволяют нам отказаться от гипотезы о существовании доисторического тъ наряду с ть.

3 л. дв. ч. Исконное -то в Мариинском ев., Клоцовом сб., Пс., Требнике¹, а также в Охридском ев. (8 раз) представлено без исключений; в других небольших отрывках нет примеров. В Зографском и Ассеманиевом ев. на-

¹ възвесаита са *Требн.*, 85 б, 8 Ланг и Вондрак принимали за форму 3 лица, но это форма 2 лица.

ряду с *-тѣ* (87 или 75 раз) встречается более позднее *-та* (11 или 10 раз)¹; в Саввиной книге и Супрасльской рукописи *-та* уже преобладает; в Супрасльской рукописи *-тѣ* находим только в № 40, имеющем западноглаголическое происхождение (5 раз), и, кроме того, в 233,22; 417,29/30; 472,19. При подлежащем в женском роде в Супрасльской рук., Саввиной кн. и Остромировом ев. встречается окончание *-тъ*; оно возникло по аналогии с именным и местоименным именительным падежом двойственного числа; *-та* также вызвано аналогией с именительным падежом двойственного числа мужского рода. Окончание *-тѣ* в таких более поздних рукописях, как Шестоднев Иоанна Экзарха (см. А. Михайлов, Опыт, 356), является архаизмом.

1 л. мн. ч. Под влиянием местоимения *мы* наряду с *-мъ* появлялось окончание *-мы*: Зограф. *мы вѣмы Иоанн, 9,29*, да *субмы Клоц., 809/10*. Может быть, это окончание появилось сначала у глаголов на *-ти*, но в Супрасльской рук., где *-мы* встречается один раз в № 18 и несколько раз в № 32, 33, 38, 39, вряд ли можно предполагать особое предпочтение этому классу глаголов; Супрасльская рук. имеет один раз *ликуими 321,15*. Старославянский оригинал Мирославова евангелия, вероятно, также имел формы на *-мы*. Встречается *-мы* и в среднеболгарском. Среднеболгарское *-ме* появилось уже в XII в., сначала у глаголов на *-ти* (в Болонской пс. *-ме* только у этих глаголов, если не считать однократной формы *выхъме*, в Охридском апостоле также преимущественно у глаголов на *-ти*); *-ме* появилось, вероятно, по аналогии с 2 лицом мн. ч. Труднее объяснить среднеболгарское *-ме*, если это не старая параллельная форма наряду с *-тъ*. Как *-ту*, так и *-те*, *-то* весьма распространены в славянских языках.

3 л. мн. ч. Находим отдельные случаи с *-тъ*: *сѣтъ Пс., Сав., прсѣтъ Мар.* — 1 раз; *поклонѣтъ Асс., сѣтъ Макед. кирил. л.* — два раза, но так как эти памятники употре-

¹ Следует обратить внимание на *-та* в Зографском евангелии в более позднем типе аориста (в, см. § 58); Маринское евангелие имеет в соответствующих местах более старые типы аориста *а, б* и окончание *-тѣ*.

ляют ь нерегулярно, то такие случаи не имеют никакого значения. -тъ в Новгородском листке и в Остромировом евангелии — русизм. Есть несколько примеров на -ж без -тъ *Асс.* и *Супр.*; форма *поидж Син. пс.*, 113,5, вероятно, описка; за глагольной формой следует слово *отъ*, а писец этой части Псалтыри произносил -жтъ почти как *отъ*; см. § 29, п. 5.

ЛИТЕРАТУРА:

Ст.-слав. -ши, -си. В. Ягич, „JA“, X, стр. 171.— В. Облак, *Mas. Stud.*, стр. 108.— W. Vondrák, *Vgl. Gr.*, II, стр. 134 (короче Vondrák-Grünenthal, стр. 112).— *Дзъ*: В. Ягич, „JA“, XX, стр. 11.— V. Vondrák, *O pŕivodu*, стр. 35.— А. Шахматов, „JA“, XXXI, стр. 499.— *хъшти*: Ф. Фортунатов, *Сравнительная морфология. Спряжение в индоевропейском языке* (литографированные лекции), 1892, стр. 120 и сл.— Б. Ляпунов, *Синод. спис.*, стр. 185 и сл.— Бернекер, „JA“, XXV, стр. 479 и сл.— A. Meillet, „MSL“, XIV, стр. 413.— А. Соболевский, „РФВ“, LXIV, стр. 163—165.— F. Ramovš, *Čas za slov. jez.*, II, стр. 128 и сл.— E. Fraenkel, „IF“, XLI, стр. 410.

Церк.-слав. -тъ, -ть: Р. Брандт, „РФВ“, V, стр. 169—174.— В. Ягич, „JA“, X, стр. 170 и сл.— М. Козловский, *О яз. Остр. ев.*, стр. 93 и сл., 114—116.— А. Шахматов и В. Щепкин, *Грамматика старославянского языка* А. Лескина, Москва, 1890, стр. 185; об этом В. Облак, „JA“, XIII, стр. 251.— E. Berneker, „KZ“, XXXVII, стр. 370 и сл.— W. Vondrák, *Vgl. Gr.*, II, стр. 135; изд. 2, стр. 113.— Ф. Фортунатов, *Состав О. Е.*, 63, сноска; *Старославянское -тъ в 3-м лице глаголов*, „Изв.“, XIII, 2, стр. 1—44 и др.— A. Meillet, *La désinence -tŭ du vieux slave*, „MSL“, XVIII, стр. 232—238; *Slave s.*, стр. 270—272.— Ф. Каминский, „Изв.“, XXVIII, стр. 285 и сл.— В. Поржезинский, „Pr. fil.“, X, стр. 121.— A. Brückner, „JA“, XL, стр. 136.— *Отпадение -тъ*: В. Ягич, С. М., стр. 444.— W. Vondrák, *Zur Kritik*, стр. 777 и сл.; *O mluvě*, J. Ex., стр. 34 и сл.

2, 3 л. дв. ч.: В. Ягич, С. М., стр. 447 и сл.— А. Белич, „Изв.“, IV, стр. 1159 и сл., сноска.— A. Meillet, *Sur les désinences de 2-e et 3-e personnes du duel en slave*, *Jagić-Festschr.*, стр. 201—203.

Др.-ср.-болг. -ту, ср.-болг. -ме, -мо: П. Лавров, *Обзор*, стр. 197—199.— В. Щепкин, *Бол. пс.*, стр. 226.— С. Кульбакин, *Охр. рук. Ап.*, CXIV—CXVI; *Миросл.*, стр. 56.— В. Ягич, „JA“, XXII, стр. 38.— E. Berneker, „KZ“, XXXVII, стр. 371.— F. Ramovš, „JA“, XXXVII, стр. 161 (со списком литературы).— A. Meillet, *Slave s.*, стр. 266—268.

[В. В. Бородин, К истории форм настоящего времени глаголов совершенного вида в древнеболгарском языке, Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР, III, 345—393.]

§ 55—65. Образование и спряжение времен и наклонений

§ 55. Настоящее время изъявительного наклонения

См. § 53 и 54.

§ 56. Повелительное наклонение

Повелительное наклонение образуется от основы настоящего времени. У глаголов на -ти находим следующие окончания: 2, 3 лицо ед. ч. *-їь, 1 лицо дв. ч. -нѣъ, 2 лицо дв. ч. -нта, 1 лицо мн. ч. -нмъ, 2 лицо мн. ч. -нте; таким образом: даждь (*dad-їь), дадивъ и т. д. У глаголов на -р 2 и 3 лицо оканчиваются на -и, 1 лицо ед. ч. — на -ѣмъ, 1, 2 лицо дв. и мн. ч. — на -ѣвъ, -ѣта, -ѣмъ, -ѣте; таким образом: вѣдѣмъ, -и, -и, -ѣвъ и т. д. Можно считать -і- основообразующим элементом в нетематических и -ѣ- в тематических глаголах, а -тъ, -вѣ, -та, тѣ, -те рассматривать как флексии; ср. стр. 300. 3 лицо мн. ч. оканчивается на -ѡ, оно другого происхождения, чем остальные формы.

По аналогии с вѣди, ви и т. д. из daždь и т. д. возникло диалектное daždi и т. д.; эти формы являются особенностью Синайского требника и так наз. Синайского отрывка; в среднеболгарском они встречаются лишь в немногих памятниках. Требник имеет три раза виждь 62б, 1, 75а, 21, 24, но 68 форм на -жди; одна форма встречается также в Отрывке.

Так как -і- и -ѣ- тематического повелительного наклонения восходят к дифтонгу oi, то после і и мягких согласных в глаголах класса Б III и глаголах класса Б I с окончанием корня на -і вместо ѣ появляется і: мажитѣ, пинте и др.; см. § 19. Класс Б IV также имеет хвали, хваливъ и др. NB. виждь.

В старославянском языке лишь один раз встречается форма 1 лица ед. ч. повелительного наклонения отъплѣмъ (-ъ вместо -ь) Син. пс., 6 а, 13 (также в Болонской псалтыри и Погодинской). Закономерный характер этой формы доказывается наличием ее в кириллической и хорватско-глаголической псалтырях, затем существованием формы вѣдѣмъ, -ь, восходящей к старославянскому языку, хотя и известной только в позднейшей передаче (Болон. пс., др.-

русск. *псалтырь*) и наличием сербо-хорватских *pozēti*, *pozīti* (XV в). Относится ли сюда и древнедубровническое *budijem*, решить нельзя.

3 лицо мн. ч. *бѣдѣ* (*Киевск. л.*, V, 16, *Зогр.*, *Мар.*, *Асс.*, *Сав.*, *Лука*, 12, 35, *Син. пс.*, 144 б, 20, 22; 145 а, 10), имеющее такое же побудительно-желательное значение, как и остальные формы 1 и 3 лица повелительного наклонения, включается в парадигму наряду с другими формами повелительного наклонения. Постепенно это образование исчезает; вместо него в Добромировом евангелии и в Болонской псалтыри представлены формы *бѣдѣти* или *гѣ* (без предшествующего *да*), в древнеболгарских текстах форма 3 лица мн. ч. повел. накл. также употребляется не всегда там, где бы мы ее ожидали.

Относительно *-мѣ*, *-мо*, *-мо* наряду с *-мѣ* в 1 лице мн. ч. см. стр. 303.

Наряду с фонетически закономерными формами двойственного и множественного чисел на *-ивѣ*, *-итѣ*, *-имѣ*, *-ите* от форм наст. вр. на *-іѣ* (*’-р*), *-іеі* (*’-еі*) встречаются формы на *ѣ*, *и* (*а*), например: *оукиѣмѣ*, *виѣте*, *ишѣте*, *иштѣте* с *и* (конечно, только в кириллических памятниках): *пишѣте* (*Сав.*), *глагоѣште* (*Супр.*) и т. д. Саввина книга имеет только такие формы (14), они преобладают в Зографском ев. (22; 11 форм с *и*, *і*; *Зогр. б.* — по разу *-ите* и *-ѣмѣ*), Маринском ев. (17; 13 форм с *и*), Ассеманиевом ев. (18; 8 форм с *и*, *і*), Супрасльской рук. (20; 10 форм с *и*); отдельные формы этой категории, встречающиеся в листках Ундольского, также имеют *ѣ*; напротив, формы на *и* преобладают в Синайской псалтыри, более редкие формы в Требнике (3) и в Клоцовом сб. (2) содержат только *и*, *і*. То, что это собственно древнеболгарское образование (встречающееся и в среднеболгарском) возникло вследствие переноса *ѣ* из твердых основ (Лескин, Вондрак, Вейнгарт, Кульбакин в Грамматике 1915 г.), а не является старым и-е. конъюнктивом (Облак, „JA“, X, Мейе, Кульбакин, др.-ц.-сл. яз., 1917), вытекает из частого употребления *ѣ* после шипящих именно в данных формах и в таких текстах, которые в других случаях почти всегда употребляют *шѣ* и т. д.: *Сав.* *ишѣте* 3 раза, *покажѣте* 1 раз: *покажѣте*, *плачѣте* по разу, но только раз *ишоуѣша*; *Зогр.* *покажѣте* и 3 раза *иштѣте*: *съважѣте*, 2 раза *иштѣте*; в остальных слу-

чаях с ѣ употреблено лишь 1 раз *уъсь* и 1 раз *хъдѣаше* и *Зогр. б. множиша*; Остромирово ев. имеет ѣ после ш и ж только в этом типе повелительного наклонения (9 раз). Несомненно, сознание того, что окончания -ѣтъ, -ѣте и т. д. встречаются не только в этих формах с шипящими, но и в других местах, оказало на произношение звука ѣ сдерживающее влияние. Однако в тех говорах, где произношение *ѣа* и т. д. было неудобным, в конце концов и в формах повелительного наклонения *ѣа* заменилось *ѣа*; в Супрасльской рукописи встречаются только такие формы (*ауауа*, *показате* и т. д.). Правильность этого объяснения доказывается подобными же явлениями в других славянских языках и в более поздние периоды развития болгарского языка, когда -ѣ могло проникнуть даже в глаголы класса Б IV (См. Облак, *Maced. Stud.*, 112 и сл.; В. Ягич, „JA“, XXXVI, 503; А. Белић, *Дијалекти ист. и јужне Србије*, Белград, 1905, 541). В пользу этого говорит и обратное развитие в формах *призовите* *Зогр. б. Мар.*, 22, 9, *сътъримъ Требн.*, 98 а, 9 (вместо -ѣте, -ѣмъ под влиянием ед. ч. на -і и флексий мягкой разновидности); среднеболгарское *принсите Добром.*, *Добрейш. ев.* относится сюда же. Ср. также рассмотренную в § 47 в 1 замену окончания причастия -у посредством -ѣ по аналогии со склонением *знаје*, *-јаѣ*.

ЛИТЕРАТУРА:

дажди и т. п. J. Horák, *Z konjugace souhláskové*, Praha, 1896, стр. 28; об этом W. Vondrák, „JA“, XX, стр. 409.— R. Nahtigal, „Kazrgrave“, II, стр. 253 и сл. (со списком литературы).

1 л. ед. ч. на -ѣтъ: Р. Брандт, *Перевод на русский язык Морфологии Миклошича* (Сравнительная морфология славянских языков), Москва, 1884 до 1888, стр. 780.— В. Щепкин, *Бол. пс.*, стр. 227.— M. Rešetar, „Rad.“, CXXXVI, стр. 165 и сл.— J. Vajs, „Slavia“, I, стр. 282.— S. Ivšić, *Symbolae-Rozwadowski*, II, стр. 77—84.

иштѣте и т. д.: F. Miklosich, *Beiträge zur slav. Gramm.*, „S.-B.“, LXXXI, стр. 132—134.— A. Leskien, „JA“, IV, стр. 148.— В. Ягич, *С.М.*, стр. 448 и сл.— V. Oblak, *Ein Beitrag zum slavischen Imperativ*, „JA“, X, стр. 143—151; *Maced. Stud.*, 112 и сл.— В. Щепкин, *Рассуждение*, стр. 285—287.— А. Шахматов, „Изв.“, VI, 4, стр. 290—292.— Б. Цонев, *Добрейш. ев.*, стр. 90.— A. Meillet, „MSL“, XV, стр. 35—38.— M. Weingart, „CMF“, II, стр. 296; *Starosl. časování*, стр. 142—144.— Г. Ильинский, *Прасл.*, гр., 489.—

А. Селищев, Очерки, I, стр. 230 и сл.—Ср.-болг. материал у Г. Ильинского, Слеч. Ап., LXXXIII.

[R. Nahtigal, Starocerkvenoslovanski imperativ s formantom a (ě), „Razprave“, 2, 1944, 77—96.]

§ 57. Условное наклонение

Это наклонение мы рассматриваем сразу после повелительного, так как оно имеет сходные формы с последним. Необходимо обратить особое внимание на форму I лица ед. ч. на -ть и на форму 3 лица мн. ч. на -р, образованные от совершенно иной основы, чем остальные лица.

Условное наклонение образуется из формы именительного падежа причастия прошедшего времени II (окончания: -лъ, -ла, -ло в единственном числе, -ли, -лы, -ла во множественном числе) и вспомогательного глагола (причем глагол также называется условным, ср. предшествующее изложение), который спрягается следующим образом: ед. ч. 1 л. *бимъ*, 2, 3 л. *би*, мн. ч. 1 л. *бимъ*, 2 л. *бисте*, 3 л. *бѣ*.

2 л. мн. ч. *бисте* (*бистѣ*), которое часто встречается в Зографском, Мариинском, Ассеманиевом ев., является, вероятно, вторичной формой, образованной по типу аориста. Дальнейшие новообразования в этом направлении: 1 л. мн. ч. *бимъ* *Зогр.*, *Иоанн*, 18, 30 (Мариинское и Ассеманиево евангелия сохраняют старую форму) и 3 л. мн. ч. *биша*, встречающееся в Зографском, Мариинском, Ассеманиевом ев. наряду с более частым *бѣ*; в Зографском ев. в последней части преобладает *бѣ*, в первой части *биша*. Клоцов сборник имеет только *бѣ* (2 раза), Синайская псалтырь — 1 раз *биша* и ни разу *бѣ*.

Наряду с *бимъ* и т. д. в той же функции употребляется аорист от глагола *быти*: *быхъ*, *бы*, *бы* и т. д. (в этой функции выступает только *бы* и ни разу не встречается *быхъ*). Ассеманиево ев., Клоцов сб., Требник содержат только первый тип условного наклонения. Синайская псалтырь имеет 1 раз *биша*, Мариинское ев.—по разу *бисте*, *биша*, Зографское ев.—3 раза *бисте*, 2 раза *биша*; в этих трех памятниках часто встречается другое образование на *bi-*. В противоположность этому *by-* господствует в кириллических памятниках: *Сав.* *бимъ* (1 л. ед. ч.) 1 раз, *би* 5 раз, в остальных случаях *быхъ* и т. д.; — *Супр.* *бимъ* (1 л. ед. ч.)

1 раз (№ 32), в 9 раз (3 раза в № 6, 2 раза в № 11, по разу в № 24, 35, 43, 26; 307, 21: а би быль) и 6 раз ашти, -иша в № 38, 39; эти формы являются сокращением из *ašte bi*, *ašte biše*; в остальных случаях встречается только *быхъ* и т. д. Вообще *бишь* и т. д. лучше всего сохранялось на западе. Оно, однако, не было чуждо и восточной Болгарии; несомненно, что Иоанн Экзарх употреблял еще эти формы; в среднеболгарском также встречается *бимь* наряду с *быхъ* и т. д.; Добромирово евангелие имеет только формы на *i*; во всяком случае, наряду с *бимь* появляется *бихъ*. Для древнеболгарского оригинала Мирославова евангелия можно предположить формы *бимь*, *би*, *бимъ*, *бисте*, *биша*.

Форма *бим* представлена и в Фрейзингенских отрывках; это образование условного наклонения встречается также и в Чакавской области; вообще в славянских языках данные формы в функции условного наклонения древнее, чем формы *бучь*, *бу* и т. д. Несомненно, на древнеболгарской почве начинается процесс вытеснения этой формы формами аориста 2 и 3 лица мн. ч.; в Саввиной книге и в Супрасльской рукописи от основы *bi-* встречаются только формы единственного числа; с другой стороны, Зографское ев., Мариинское ев. и Синайская псалтырь во 2 и 3 лице мн. ч. имеют только основу *бу-*. *бъ* было, повидимому, для языка неудобным, формы *бисте*, *биша* образовались также под влиянием аориста.

ЛИТЕРАТУРА:

Кроме работ общего характера (Видемана, Вейнгарта, Вондрака и Ильинского, ср. Грамматики сравнительные и старославянские грамматики): F. Miklosich, Beiträge zur altslov. Grammatik, „S.-B.“, LXXXI, стр. 115—125.— В. Ягич, С. М., стр. 450—452; „JA“, XVIII, стр. 598.— J. Vajs, Nejst. breviář, стр. 20 и сл.— С. Кульбакин, Миросл., стр. 63.— N. van Wijk, Suprasl., 15.

Об ашти, -иша: W. Vondrák, Altslov. St., стр. 15.— E. Fraenkel, „IF“, XLI, стр. 409.

§ 58. Аорист

Славянские аористы обычно делят на три типа: 1) простой или сильный аорист, 2) сигматический аорист без соединительного гласного, 3) сигматический аорист с соединительным гласным. Но поскольку в славянском аористе

большую роль играет гетероклизия, постольку различия между этими тремя типами четко провести нельзя и приходится предполагать смешанные типы; в старославянском, кроме аориста типа *а*, не представлен полный сигматический аорист, так как 2 и 3 лица ед. ч. образуются иначе, чем остальные формы; вполне возможно, что все формы 2 и 3 лица закономерно восходят к индоевропейским формам без признака времени *s*. Фактическое состояние в старославянском языке представлено следующими формами:¹

	Тип <i>а</i>	Тип <i>б</i>	Тип <i>в</i>
Ед. ч. 1 л.	идѣ	нѣсь	идохъ, несохъ
2 л.	иде	нессе	иде, несе
3 л.	иде	нессе	иде, несе
Дв. ч. 1 л.	идовѣ	нѣсовѣ	идоховѣ, несеховѣ
2 л.	идѣта	нѣста	идѣста, нессѣста
3 л.	идѣте	нѣсте	идѣсте, нессѣсте
Мн. ч. 1 л.	идомъ	нѣсомъ	идохомъ, несехомъ
2 л.	идѣте	нѣсте	идѣсте, нессѣсте
3 л.	идѣ	нѣса	идоша, нессоша
	Тип <i>г</i>	Тип <i>д</i>	Тип <i>е</i>
Ед. ч. 1 л.	знахъ	іасъ, пихъ	дахъ
2 л.	зна	іать, пить	дасть
3 л.	зна	іать, пить	дасть
Дв. ч. 1 л.	знаховѣ	іасовѣ, пиховѣ	даховѣ
2 л.	знаста	іаста, писта	даста
3 л.	знасте	іасте, писте	дасте
Мн. ч. 1 л.	знахомъ	іасомъ, пихомъ	дахомъ
2 л.	знасте	іасте, писте	дасте
3 л.	знаша	іаса, пиша	даша

Распределение этих типов аориста связано главным образом с образованием инфинитива, причем типы *а*, *б*, *в* относятся к основам инфинитива на согласный, а типы *г*, *д* — к основам инфинитива на гласный; только тип *е* встречается в обеих разновидностях инфинитива; гла олы на *-pŕti*, образованные от корней, оканчивающихся на согласный, имеют аористы типа *а* и *в* (двигъ, двигохъ), но

¹ Тип *а* — аорист первого типа по данной выше классификации, типы *б*, *г*, *д*, *е* — второго, тип *в* — третьего.

при этом возникли формы и на -нѣхъ (см. § 66). К глаголам с основой инфинитива на согласный относятся также глаголы типа грѣѣхъ : грѣти, тепѣхъ : тепти, в которых в и п отпали, и вѣдѣхъ : вести, могѣхъ : мошти, где сочетание согласный + t претерпело определенные изменения. Напротив, основы инфинитива на носовой гласный (ѣти и т. д.) и на возникшие вследствие метатезы слоги лѣ, лѣхъ, рѣ, рѣхъ (клати : колѣхъ, млѣти : мелѣхъ, брати : борѣхъ, мрѣти : мьрѣхъ) относятся к основам, оканчивающимся на гласный. О живѣхъ, жити см. стр. 82. О классах спряжения по образованию настоящего времени (см. § 53) следует сказать следующее:

типы аориста *а*, *б*, *в* представлены главным образом в классе *Б1а*, за исключением глаголов с инфинитивом на -i-ti, -u-ti, -e-ti, -rē-ti (-r-ti)¹ и глаголов класса *Б II* с корнем, оканчивающимся на согласный; у других глаголов только в отдельных случаях типа обрѣхъ, обрѣхъхъ : инф. обрѣсти, наст. вр. обрѣштѣ. Все остальные глаголы имеют аорист типа *г*, *д*, *е*.

Другие замечания о типах *а*, *б*, *в*. Все три типа во 2 и 3 лице ед. ч. имеют одинаковое образование (и.-е. имперфект); в типе *а* к этому же спряжению относятся и другие лица. Тип *в*, в противоположность *а* и *б*, — более позднее образование. Типы *а* и *б* в старославянских текстах распределяются следующим образом:^{2, 3, 4}

Глаголы на -прѣти (если аористы не имеют основы на -пр-) обладают аористом типа *а*: -вѣгъ, -жъ; -выкѣхъ; -гльбѣхъ (*-glъbъ), -гльбѣхъ; -гльбѣхъ; -двигъ, -жъ, оужасѣхъ, -сѣхъ; -завѣхъ; -крѣхъ; -кысѣхъ; -млькѣхъ; -никѣхъ; -нъзѣхъ; -свадѣхъ; -сѣхъ (*-сѣхъ), -сѣхъ; -топѣхъ; -тъкѣхъ; -хрѣмѣхъ; иштѣхъ, -зѣхъ; затем следуют другие аористы типа *а*: идѣхъ, -омѣхъ, -ствѣхъ (также 3 л. дв. ч.), -жъ вместе со сложными глаголами (об-, при-об-, съ-) рѣхъ, -омѣхъ, -жъ, -ствѣхъ (3 л. дв. ч.); съдѣхъ, -омѣхъ, -жъ вместе со сложными глаголами; -лѣзѣхъ; -ѣдѣхъ; падѣхъ вместе со сложными глаголами; -крдѣхъ; -врѣхъ; -могомѣхъ, -гѣхъ, можѣхъ (3 л. дв. ч.) вместе со сложными глаголами;

¹ См. далее, § 66.

² См. материал в работе Видемана „Beiträge“.

³ Формы 2, 3 л. ед. ч., которые имеют в классах *а*, *б*, *в* одинаковое образование, мы оставляем в стороне.

⁴ В более поздних памятниках аористы типа *а* и *б* следует считать архаизмами, восходящими к старославянским текстам; см., например, Михайлов, Опыт, 355 и сл., 407 и сл.

-логѣ; -трасъ, -сѣ; — сигматический аорист типа б: рѣхъ, -хомъ, рѣств (3 л. дв. ч., 2 л. мн. ч.), рѣста, рѣша вместе со сложными глаголами; тѣхъ, -ствѣ, -ша вместе со сложными глаголами; -жѣша; -(в)лѣхъ, -хомъ, -ша; нѣсѣ, -са, -ствѣ (3 л. дв. ч.); вѣсѣ, -сомъ, -ствѣ (2 л. мн. ч., 3 л. дв. ч.), -са вместе со сложными глаголами; -грѣса; -баса; -врѣсѣ, -ствѣ (3 л. дв. ч.), -са; -лахъ, -ша; -трасъ (см. выше; может быть, также и аорист типа а), -са; -мась, -сомъ, -са (-ша); унеса; -цвѣса; -блосѣ, -а; ѣсѣ, -а вместе со сложными глаголами наряду с ѣхомъ, ѣша. Все эти аористы типа а и б (кроме перечисленных раньше аористов от глаголов на -прѣти) принадлежат к классу Б1а, за исключением ѣсѣ, ѣса: ѣмь, ѣсти и ѣб-, приок-, сѣ-рѣтъ к -рашѣ, -рѣсти. Только от одного глагола встретились обе формы аориста а и б: сѣтраса Мар., Матф., 28, 4: сѣтрасѣ Асс.; здесь, вероятно, только одна из этих двух форм является исконной, а вторая возникла потому, что во всех лицах, кроме 2 и 3 л. мн. и дв. ч., оба типа аориста при корне, оканчивающемся на -s-, должны были совпасть. Бросается в глаза отсутствие типа а в глаголах класса Б1 с е в наст. вр.: рѣкѣ: рѣхъ, несѣ: нѣсѣ и т. д.; в противоположность этому *-legъ 3 л. мн. ч. -логѣ относится к лѣгѣ, иштезѣ, 1 л. ед. ч. *ištezъ к иштезѣ. О ѣсѣ см. ниже в классе е. Форма 3 л. мн. ч. помѣша Син. пс., 138 а, 15, вероятно, ошибка вместо помѣнаша; ср. встречающиеся несколько раз формы помѣнаж, -нажѣ в Синайской псалтыри. Форма сѣмаша (Син. пс. -ѣша) вместо сѣмаса (Син. пс. -ѣса) (обе формы встречаются в Синайской псалтыри; и только -ша — в Марииинском ев.) — образование по аналогии; ср. о ѣсѣ, ѣхъ стр. 316.

Аорист типа в — позднее новообразование по сравнению со 2 и 3 л. ед. ч. В этом случае послужил образцом распространенный тип г. Поскольку в западнославянских языках и в некоторых македонских диалектах отсутствует чередование суффиксов -охъ: -е и т. д., Мейе (в противоположность Облаку) объяснял это чередование как позднейшее изменение флексий -еухъ: -е и т. д. Хотя этот тип аориста встречается во всех славянских областях, он все же позднего происхождения, вследствие чего можно наблюдать его постепенное распространение в древнеболгарских памятниках. В конце концов он вытеснил аористы типа а и б. Наличие аористов типа а в более поздних памят-

никах является самым убедительным доказательством большой древности текста, содержащего этот тип. В древнеболгарских памятниках мы встречаем следующее распределение аористов типа *а* и *б*, с одной стороны, и типа *в* — с другой: в Мариинском ев., Клоцовом сб., Синайской псалтыри отсутствует тип *в*, в Синайском требнике и Ассеманиевом ев. содержится 5 resp. 26 примеров типа *в* и, напротив, более многочисленные примеры представлены типами *а* и *б*. В Зографском ев. хотя и встретилось 120 форм типа *в*, но распределение форм свидетельствует о значительном преобладании аористов типа *а* и *б* в оригинале (аорист типа *в*: *Матф.* — 41, *Марк* — 45, *Лука* — 29, *Иоанн* — 5; тип *а* и *б*: *Матф.* — $22 + 26 = 48$, *Марк* — $15 + 18 = 33$, *Лука* — $36 + 31 = 67$, *Иоанн* — $50 + 72 = 122$). Саввина книга наряду с более частыми формами аористов типа *а* и *б* содержит 78 примеров на аорист типа *в*, в Супрасльской рукописи аорист типа *а* ограничивается единственной формой *въскрьсѣ*, которая встречается как раз в № 40 и является формой македонско-глаголического происхождения. Аорист типа *б* встречается лишь в многочисленных формах от глагола *решти* (*ръхъ*, *-хѣмъ*, *-сте*, *-ша*, *-ста*); таким образом, за исключением последнего глагола, говор Супрасльской рукописи знает только тип *в*, представленный 339 примерами. Что касается глагола *решти*, то нужно обратить внимание на то, что аорист на *-хъ* от него встречается только в Зографском ев. и Супрасльской рук., да и там очень редко: *Зогр.* *рѣкоста* 1 раз, *Супр.* *рѣкохъ* 1 раз, *рѣкоша* 5 раз, *нарѣкоша* 4 раза, *рѣкоста* 6 раз, *нарѣкоста* 1 раз, кроме того, в Новгородских листках *рѣкоша* 1 раз. В Супрасльской рук. форму *рѣкоста* находим чаще, чем *ръста* (3 раза), в остальных случаях значительно преобладает тип *б*; несомненно, что немногочисленные формы двойственного числа слабее всего противодействуют стремлению к выравниванию форм. Из небольших памятников, кроме Новгородских листков, мы рассмотрим Охридское евангелие и Слуцкую псалтырь; они имеют только формы аориста типа *а* и *б*; листки Ундольского — 3 раза *ръша*.

О *-търе* (*Зогр.*, *Мар.*, *Сав.*, *Супр.*), *-живе* (*Зогр.*, *Мар.*, *Асс.*, *Сав.*, *Требн.*): *-търь* или *-жить* см. при разборе типов *г*, *д*; *привѣрътъхъ* *Зогр.*, *Матф.*, 25, 20, *придѣша* *Марк*, 5, 15 — описки.

Другие замечания о типах *г*, *д*, *е*. Тип *е* встречается только с глаголами *быти*, *дѣти*, *ѣсти*; аористы типа *г* и *д* при сравнительном сопоставлении некоторых живых славянских языков имеют следующее употребление: тип *д* имеют глаголы класса Б I а, корень которых оканчивается на *-i-*, *-ě-*, *-rě* (праслав. *-er-*), *-ę-* с циркумфлексным ударением: 2, 3 л. ед. ч. *пѣть*; *по-вѣть*, *об-нѣть*; *пѣть*, *вѣс-пѣть*; *из-мѣть* *сѣ*; *оу-мрѣть*; *про-стрѣть*; *по-жрѣть* '*жѣтѣіе*' (*Син. пс.*); *ѣтъ* и сложные образования; *на-*, *за-ѣтъ*, *кѣтъ*, *про-кѣтъ*; *зѣ-*, *рас-пѣть*; также и *сѣтъ*, если это аорист, а не настоящее время. Это *-тъ*, которое появляется именно у глаголов, имеющих причастие прошедшего времени страдательного залога также на *-тъ* (см. § 64, 1), — очевидно, очень древний суффикс. По аналогии он появляется и в форме *при-жѣть* *Супр.*, 482, 27 (№ 42), представляющей собой новообразование к инфинитиву *жѣти*, как и *пожѣ* (*-ни*, одно *н* стерто) 564, 27 вместо *-живѣ* (*о-живѣ*, *о-живѣ* *Зогр.*, *Мар.*, *Сав.*, *Асс.*; *по-живѣ* *Требн.*); форма *жѣтъ* во многих местах кн. Бытия, V, восходит, вероятно, к первоначальному тексту (см. Михайлов, Опыт, 194, особенно стр. 201, сноску 1); *изжѣтъ*, *-тъ* *Син. пс.*, 40 б, 18, 169 б, 20 (в обоих местах Болонской пс. — *-і*, *-и*, в одном месте в Погод. пс.), *потрѣбѣтъ* *сѣ*, там же, 8 а, 13 (*Пог.*, *Бол. пс.* *-и*) могут быть объяснены таким же образом, но здесь возможно и неправильное употребление настоящего времени¹.

С другой стороны, по нашему мнению, отпадение окончания *-тъ* воспринимается как замена типа *д* типом *г*. Этот процесс происходил, повидимому, в говоре Супрасльской рукописи и, по всей вероятности, проводится уже переводчиками — представителями этого говора в большинстве разделов рукописи. Редкие формы на *тъ* (3 раза в № 6, 1 — в № 7, 4 — в № 21, 1 — № 34, 8 — в № 40, 4 — в № 42, 7 — в № 43; 1 раз *сѣтъ* наст. вр. или аор. в № 41) можно приписать говору переводчиков, за исключением примера в № 34, приведенного в тексте и заимствованного из старославянского недельного евангелия о страстях².

¹ Ряд форм такого рода в евангелии и в Синайском требнике, а также и в Мирославовом ев. сербской редакции, для которых можно предположить функцию аориста, являются скорее формами наст. вр.; см. Вондрак, Aksl. Gr²., 501, прим.; Кульбакин, Миросл., 57.

² Интересен пример с *-тъ* в № 7, содержащем две формы без *-тъ*.

В остальных памятниках такие формы весьма редки. Кроме употребленного несколько раз *прѣст(ъ)ръ*, где по аналогии с формой настоящего времени был включен *ъ*, вследствие чего основа стала восприниматься как двусложная, находим только следующие примеры: *прѣна*, *поѣна*, *наѣна* — по одному разу в Зографском ев., *ѣна*, *прѣна*, *поѣна*, *вѣли* — по одному разу в Мариинском евангелии; *въѣна*, *зѣна* — по одному разу в Синайском требнике, *ѣна* — 1 раз в Синайской псалтыри, *наѣна* — два раза в Саввиной книге, *прѣна* — в Слуцкой псалтыри, *оумръ* — в Новгородском листке. Напротив, от *вити* и образованных от него глаголов встречаются формы 2 и 3 л. ед. ч. только в виде *ви*, так как *і* здесь находилось под акутовым ударением (ср. сербо-хорв. *bī*, *bīla*); также *-ѣры* и т. д., *сѣтръ*, *стръ* (*истръ?*) *Син. пс.*, *поѣръ* *Супр.* (инф. *ѣрѣти*, *ѣрѣти* *Мар.*, *Зогр.*, *Супр.*, сербо-хорв. *īŕti*, суп. *сѣтрѣтъ* *Супр.*, 342, 2), также *на-трѣу* и *иѣу*; то же во всех многосложных глаголах на *-ati*, *-ēti*, *-iti* и в глаголах на *-pŕti*, если они не образуют аориста по типу *а* или *в* (см. выше), например: *сѣ-вѣра*, *по-вѣлъ*, *врати*, *по-манѣ*, *кошнѣ*. Наряду с *-тръ*, *-тръ* встречаем *о-трѣ* *Зогр.*, *Мар.*, *Сав.*, *Супр.*, *сѣ-трѣ* *Супр.* Формы типа *е*: *дѣстъ*, *вѣтъ*, *выстъ* возникли, вероятно, под влиянием форм настоящего времени и 2, 3 лица аориста типа *пѣтъ*, *иѣтъ*. *вы*, употребляющееся в функции условного наклонения, является, вероятно, старой формой; напротив, формы *да* (от простого глагола встречаются по разу в Зографском, Мариинском, Ассеманьевом евангелиях, Саввиной кн., 6 раз в Супрасльской рук., от сложных глаголов — по 3 раза в Зографском, Мариинском ев., Саввиной книге, 1 раз в Синайском требнике, 25 раз в Супрасльской рукописи), *вы* (от простого глагола — 14 раз в Супр., от сложных — 3 раза в Син. пс., 2 раза в Клоцовом сб., 20 раз в Супрасльской рукописи), *-ѣ* (2 раза в Супрасльской рук.), употребляющиеся в функции аориста, в противовес формам на *-стъ*, встречаются не чаще, чем аористы типа *-ѣа* в противоположность типу *-ѣать*, а в Супрасльской рук. они представлены даже гораздо реже, так как здесь, за исключением сложных образований, формы *дѣстъ* (41 раз), *выстъ* (225 раз), *иѣтъ* (1 раз) являются обычными формами; таким образом, *да*, *вы*, *-ѣ*, вероятно, возникли как сокращения из *дѣстъ*, *выстъ*, *-ѣстъ* (ср. *в* из *вѣтъ*); само собой разумеется, что сокра-

щение произошло сначала в сложных глаголах, удлинённых на один слог, ибо там эти формы встречаются чаще всего. В -ѣ можно предположить старую форму, относящуюся к парадигме ѡсь (Син. пс.), ѡсьма Мар., Лука, 13, 26 (вероятно, из *ёсомъ), ѡса (-ѡ), Мар. 6 раз, Син. пс. 7 раз (простой глагол и сложный); но весьма распространенное даже в сложениях ѡсть делает более вероятным предположение о том, что -ѣ — позднейшая форма. Аорист ѡсь и т. д. является, повидимому, более древним, чем спряжение ихъ (Супр.), ѡхомъ (Зогр., Асс.), ѡша, ѡша (часто Зогр., Мар., Асс., Супр.), возникшее под влиянием дахъ. Как следует объяснять отъѡъ Сав. (2 раза), отъѡъ, отъѡъ, отъѡша — по разу в Ассеманиевом ев., еще не ясно, поскольку мы не знаем, какой и.-е. корень — ѡйт- или ѡѣ- — лежит в его основе¹.

Флексии -хъ, -хотъ, -ше при окончании корня на гласный фонетически закономерны после і, ё < оі, г, г, например: пихъ, хвалихъ, пѣхъ, -мрѣхъ, (гѣ < ег), жрѣхъ; -хъ и т. д. вместо -съ после -а-, -ѣ- < -ѣ-, -р- основано на действии праславянской аналогии; подобное аналогическое воздействие имело место в древнеболгарский период и в глаголах типа ѡсь. Мариинское ев. 5 раз имеет -ша, и, напротив, 68 примеров с -съ, -сомъ, -са, Синайская пс. — 1 раз възѡхъ (в ч. Х₁) и 15 форм старого типа; оригинал имел, вероятно, только -съ и т. д. В Зографском евангелии преобладает новый тип; распределение выглядит так: -съ и т. д. Марк 2 раза, Лука 2 раза, Иоанн 3 раза; -хъ и т. д. Матф. 12 раз, Марк 18 раз, Лука 15 раз, Иоанн 14 раз; в оригинале окончания -съ и т. д. были, повидимому, более частыми. Асс. 29 раз -съ и т. д., 16 раз -хъ и т. д. Син. тр. приѡсь 2 раза, съѡсомъ 1 раз; ѡша 1 раз Клоц. сб. — только раз възѡша. Сав., Супр. — только -хъ и т. д. (29 или 74 раза); Слуц. пс. — по разу клѡса (вместо клѡсь са?) и ѡхъ.

В памятниках русской редакции в противоположность 3 лицу настоящего времени 2 и 3 лицо аориста имеют обычно -тъ, а не -ть, но бысть, дасть, ѡсть.

В среднеболгарских памятниках (например, в Болонской

¹ повѣдъ Мар., Иоанн, 5, 15 с написанным над строчкой да не является доказательством существования формы *ро-вѣ.

псалтыри) на месте -ша появляется -хъ по аналогии с имперфектом.

ЛИТЕРАТУРА:

F. Miklosich, Beiträge zur altslovenischen Grammatik, „S-B.“, LXXXI, стр. 99—132. — А. Соболевский, Несколько редких форм церк.-славянского аориста, „РФВ“, VII, стр. 274. — В. Ягич, С. М., стр. 452—455; „JA“, XXVIII, 27 и сл. (также введение к изданию Ассеманиева ев., Rački, стр. LIV и сл.; об этом I. Crnčić, Assem., Rom, 1878, стр. XXII и сл.). — В. Облак, Maced. St., стр. 117, „JA“, XVII, стр. 470 (об аористе на -оуъ, -еуъ). — Г. Ильинский, Из истории ст.-слав. аориста, „Изв.“, V, стр. 191—203. — A. Meillet, La désinence -tū à l'aoriste, Etudes, стр. 134—142; A propos de l'aoriste de v. sl. *jasti-*, „MSL“, XV, стр. 32—35, „GGA“, 1910, стр. 365—367 (об -оуъ, -еуъ), Slave c., стр. 207—217; также и некоторые замечания в работе: Sur l'aoriste sigmatique, Mélanges F. de Saussure, 1908, стр. 81—106. — W. Vondrák, Vgl. sl. Gr., II, стр. 146—152 (Vondrák-Grünenthal, 123—127). — С. Обнорский, Ефр. кормч., 78 (др.-русс. -тъ). — Ф. Фортунатов, „Изв.“, XIII, стр. 19—25 (ст.-слав. -тъ). — K. Brugmann, Grundriß, II, изд. 2, 3, стр. 425—427. — N. van Wijk, „Slavia“, I, стр. 216 и сл., Супрасл., 11—14; Die slavischen Partizipia auf -to- und die Aoristformen auf -tъ, „IF“, XLIII, стр. 281—289. — С. Кульбакин, Миросл., стр. 56—61.

[A. Vaillant, L'aoriste second du slave, B. Sl., 126, 67—74.]

§ 59. Имперфект

Происхождение славянского имперфекта представляет собой весьма спорную проблему праславянской грамматики. Но образование имперфекта в исторический период древнеболгарского языка просто и ясно: к основе, оканчивающейся на -ѣ- или -а-, в 1 лице присоединяется окончание -ахъ, которое затем изменяется подобно флексии простого аориста типа а:

1 л. ед. ч.	-ахъ	ДВ. Ч.	-ахоуъ	МН. Ч.	-ахомъ
2 л.	-аше		-ашета		-ашето
3 л.	-аше		-ашете		-ахъ.

Часть слова, предшествующая -ахъ и т. д., идентична основе инфинитива у глаголов, основа инфинитива которых (вторая глагольная основа или глагольная основа вообще) оканчивается на -а- или -ѣ; таким образом, у глаголов класса Б1б (зъваахъ), у глаголов класса Б1Іб (изъаахъ, коуповаахъ) и у глаголов класса Б1ІІ а с глагольной основой на -а-, -ѣ-

(зѣлахъ, съахъ, дѣлахъ, жѣлахъ), у глаголов класса Б IV б (трѣпахъ, мѣлахъ) и у двух глаголов класса А (вѣдахъ, имѣлахъ). У тех глаголов, у которых ни глагольная основа, ни основа инфинитива не оканчиваются на -ѣ-, -а-, имперфект образуется от основы настоящего времени с помощью суффикса -ѣ- (после *і* и первоначально мягких согласных — -а-; см. § 19), составляющего удлинненную глагольную основу, выступающую перед -ахъ и т. д. Это происходит у глаголов класса Б I а (несѣлахъ, тѣлахъ), класса II (двигѣлахъ), у тех глаголов класса Б III а, которые имеют другой корневой гласный, чем а, ѣ (виѣлахъ¹, крыѣлахъ¹, уюѣлахъ¹, жыѣлахъ^{1,2}), у глаголов класса Б IV а (хваѣлахъ¹) и у глаголов класса А (дамъ, дати: дадѣлахъ; ѣмъ, ѣсти: ѣдѣлахъ). К сказанному надо заметить еще следующее:

1) Те глаголы, у которых -а-, -ѣ- в конце основы появились только вследствие метатезы или в результате монофтонгизации, применяют второй принцип образования, присоединяя -ѣ- (-а-) к основе настоящего времени: мѣрахъ, борѣлахъ (к борѣхъ, брати; класс Б III а, также:), мѣлахъ, нолѣлахъ; поѣлахъ (:поѣхъ, пѣти, класс Б Iа).

2) У глаголов класса Б IV а и у глаголов типа вѣти имперфект совпадает с имперфектом относящихся к ним итеративов, например: хвалѣ-ѣ-ахъ к хвалихъ, -ити, вѣс-хвалѣ-ахъ к вѣс-хвалихъ, -ѣти; ви-ѣ-ахъ к вѣти, раз-виѣ-ахъ к раз-виѣхъ, -ѣти. — Также казѣлахъ к казѣхъ, казати, но съказѣлахъ к съказѣхъ, съказати и т. д.

3) Редкая форма дадѣлахъ (в Евангелии только 3 л. ед. ч. дадѣлаше *Зогр., Мар., Марк, 11, 16, Зогр., Лука, 4, 41*) образована, вероятно, к дамъ и т. д. (3 л. мн. ч. дадѣхъ) по аналогии с ѣмъ: ѣдѣлахъ.

4) Имперфекты класса Б I б, Б III б, образованные от основы настоящего времени, являются вполне ясными новообразованиями; одна форма этого рода встречается в Ассеманьевом евангелии: плѣлахъ *Марк, 15, 19* (: *Мар., Зогр. плѣлахъ, Сав. плѣлахъ*); остальные формы встречаются только в Суп-

¹ NB. ѣ = кирил. ю. — Следует обратить внимание на форму *обръстахъ* к *свръсти*, и, напротив, *обрътахъ* к *обръгати*.

² Появление -ѣ- в основе наст. вр. у этого глагола вряд ли может быть древним явлением; вероятно, оно вызвано тем, что в типе *neso-nesti-nesēaxъ* языковое чувство объединило имперфект с настоящим временем.

расльской рукописи: *зѡвъаше* (№ 46), *зѡвъахъ* (№ 28), *жѣдѣаше* (№ 5), *жѣдѣахъ* (№ 3), *жѣдѣахъ* (№ 9), *женѣахъ* (№ 2); *приемляаше* (№ 32), *приемляше* (№ 24), *мештаахъ* (№ 18); *всѣдуише* (№ 26, № 48), *красѡуише* (№ 30), *трѣбоуише* (№ 26), *радоуише* (№ 48)¹. В среднеболгарском такие формы более многочисленны: *зѡвъше*, *трѣбоуше* *Добром. ев.* и т. д.

5) К глаголу *юсмь* относится правильно спрягаемый имперфект *въахъ* и, кроме того, спрягаемые как сигматический аорист (тип 2; см. стр. 310) формы: *въхъ*, *въ*, *въ*; *въховъ*, *въста*, *въсте*; *въхомъ*, *въсте*, *въша*, которые употребляются в значении имперфекта, хотя *въша* *Зогр., Мар., Лука, 13, 2, 4* переводит гр. *ἐγίνετο*. Вероятно, спряжение *въхъ* и т. д. является более старым. Сначала исчезает форма 3 л. мн. ч. *въша* и появляется *въахъ* — новообразование по аналогии с другими имперфектами (NB. *Мар.* 9 раз *въаше*: *въ* „reg-saere“, но *въахъ* 49 раз, *въхъ* 4 раза; *въша* 11 раз; в Синайской псалтыри встречается только *въ* 13 раз и, напротив, *въша* 1 раз; *въахъ* 3 раза; *Савв.* *въше* 1 раз: *въ* очень часто, но *въша* 6 раз: *въхъ* 14 раз). В Синайском требнике находим только *въ* (4 раза), *въша* (1 раз); *Клоц. сб.* 16 раз *въ*, 1 раз *въша*, форма *въше* 384, встретившаяся один раз, — неясна. К сожалению, древнеболгарские памятники исследованы в этом отношении недостаточно.

6) Наряду с формами на *-вахъ*, *-лахъ*, *-шахъ* и т. д. встречаются формы на *-хъ*, *-ахъ*, *ихъ* и т. д. (например, *хотѣхъ*, *глаголахъ*, *виѣхъ*). По мнению некоторых исследователей, образования такого рода являются более древними, чем удлиненные формы; но, во всяком случае, распределение кратких и долгих форм в древнеболгарских памятниках указывает на то, что встречающиеся в древнеболгарских памятниках более краткие формы образовались из долгих (что не исключает возможности существования в раннем праславянском языке утраченных форм типа **nesěxъ*). В Зографском ев. в глаголах класса Б I тип **nesěxъ* отсутствует, однако есть формы с *-ja-* (*-jā-*): *вьше*, *можахъ* и т. д. — всего 10 форм; это указывает на возникновение кратко́го типа из долго́го: при *-ja-a-* (*jā-a-*), *-a-a-* условия для стяжения были более благоприятными. По подсчетам

¹ Сюда, вероятно, не относится *ръаше* *Супр., 90, 13*, так как инфинитив был **re(i)ati*.

И. М. Тимчинова, если включить все типы основ, числовые отношения между стяженными и нестяженными формами для каждого из евангелистов в Зографском евангелии будут следующими: Матф.—1:2, Марк—1:21,5, Лука—1:15,5, Иоанн—1:1,48 („Изв.“, XXIX, 353); интересно противопоставление с ѣ в слабой позиции, где именно евангелия от Марка и Луки дают более новый тип (ь).

В Мариинском ев. числовые отношения стяженных и нестяженных форм говорят о большей древности второй части евангелия (Матф.—46:39, Марк—40:181, Лука—19:280, Иоанн—16:172); в других отношениях вторая часть кодекса также является более древней. В Синайском требнике вовсе не встречается тип -ѣхъ (трѣпѣаше 4б, 2/3, хотѣахъ 106а, 14) и, напротив, наряду с 8 формами на -јаа-, -аа- имеется 8 форм на -ја- (-ѣ-), -а-; в Клоцовом сб. находим 9 раз -ѣа- (древнее -ѣа-): два раза -ѣ-, 34 раза -аа-, -ѣа- (старое -јаа-): 27 раз -а-, -ѣ-¹.

Интересно противопоставление Саввиной книги и Супрасльской рукописи. Саввина книга имеет только стяженные формы, Супрасльская рук., напротив, только нестяженные (стяженными являются чаще -и-, -а-, чем -ѣ-); ср. противопоставление Сав. -аго, -оумоу, -ѣмь: Супр. -лаго, -оуоумоу, -ѣмь (см. стр. 124); такую же ассимиляцию, как и при -ѣмь, встречаем в формах словѣше, идѣше, нагнѣхомъ и т. д. Супр.² Из небольших памятников Хиландарские листки имеют только нестяженные формы (3 раза вѣаше, 2 раза можааше, по разу тѣааше, подѣааше). Охр. ев.—только две стяженных формы (идѣшете, наждашете), листки Унд.—только четыре стяженных формы на -аше- или -ахъ, Слуцк. пс.—ѣахъ и 4 нестяженных формы. Материал Синайской псалтыри и Ассеманиева евангелия исследован недостаточно. В среднеболгарском встречаются формы стяженные и нестяженные, нестяженные формы большей частью восходят к более древним оригиналам. Распределение по аналогии и на глаголы, которые раньше имели ѣ (идѣаше, вѣахъ), является

¹ глаше, -хъ рассматриваются здесь как стяженные формы, поскольку встречается также и глашше. В ондрак, Glag. Clozŭv, 25 неправомерно относит формы дѣше, прѣдѣше к нестяженным.

² Встречаются также творѣше 280, 25/6, творѣше 473, 20/1, строише 389, 18. -ѣ- также в Добром. ев.

русизмом; такими русизмами отличается первая часть Остромирова евангелия от второй (листы 2—24), большей, части¹; *волаше* в Новгородских листках — также русизм (в других случаях в этом памятнике находим: *вѣхъ*, *бѣ* 2 раза, *любѣше*, *искахъ*).

Развитие в другом направлении наблюдается в Супрасльской рукописи и в некоторых среднеболгарских кодексах, которые переносят *-ѣа-* на глаголы класса Б IV а: *Супр. не радѣвахъ* 187,2; *приходѣвахъ* 568,25; среднеболг. также в Добром. ев., Болонск. пс., Буков. ев.

7) Об окончаниях. 3 лицо на *-тъ*: *Зогр. б можаашеть Матф., 22,46, Сав. запрѣашеть Марк, 7,36* — новообразования. В древнерусском очень часто встречаются формы такого рода и в 3 лице мн. ч.: *-шеть*, *-хъть*; в среднеболгарском и в старославянском сербской редакции они появляются реже. — Во 2 и 3 лице дв. ч., во 2 лице мн. ч. по аналогии с аористом наряду с окончаниями *-шта*, *-шете* встречаются окончания *-ста*, *-сте*; если в более поздних памятниках находятся формы на *-шта*, *-шете*, то это указывает на очень древнее происхождение текста. В старославянских кодексах, если там имеются формы такого лица, находим следующие отношения: *Зогр.* — только *-шта*, *-шете* (24 раза), также *Охр. ев.* (2 раза) и *Клоц. сб.* (только *дѣашете* 847), за исключением одного места (*поношааше Матф., 27,44*), также *Мар. ев.* (25 раз); напротив, в Ассеманиевом ев. уже восемь раз встречается *-ста*, *-сте*: *-шта*, *-шете* — 9 раз; в Саввиной книге представлено только *-ста*, *-сте*. В Супрасльской рук. — *-шта*, *-шете* (5 раз) находим в № 40,41, которые и в других отношениях отклоняются от обычного типа языка Супрасльской рукописи; в остальных случаях — только *-ста*, *-сте* (36 раз); Мирославова ев. имеет 4 раза *-шта*, *-шете*, в остальных случаях — *-ста*, *-сте* (9 раз). *-ста*, *-сте* — обычные среднеболгарские окончания; в сербском и хорватско-церковнославянских текстах очень часты формы на *-хота*, *-хоте*.

¹ Остромирово ев.¹ имеет также 9 форм с *ѣ* вместо *ѣ*, значительно большая часть Остромирова ев.² имеет только две таких формы. Соответствует ли это противопоставление различию между древнеболгарскими оригиналами? Такого различия между Остр. ев.¹ и Остр. ев.² при *-а-* вместо *-ѣ-* нет.

ЛИТЕРАТУРА:

В. Ягич, С. М., стр. 455—463.— А. Соболевский, Jagić-Festschrift, стр. 204.— Ф. Фортунатов, Лекции, стр. 137 и сл.— С. Кульбакин, Миросл., стр. 61 и сл.

звѣзхъ и т. д. О. Wiedemann, Beiträge, стр. 118 (с литературой).— В. Северьянов, Супр. рук., стр. 304.

Стяженные формы: W. Vondrák, Glag. Cloz., стр. 24 и сл.— Ф. Фортунатов, Состав О. Е., стр. 27 и сл.— П. Бузук, „Изв.“, XXIX, стр. 341—353.— А. Margulies, „JA“, XLI, стр. 186—188.

Др.-русс. -иа- вместо -и-. Ф. Фортунатов, Состав О. Е., стр. 2 и сл., 34 и сл.

Ср.-болг. вѣдѣхъ и т. д.: В. Щепкин, Бол. пс., стр. 228.— В. Ягич, Добром., I, стр. 74; Ein Beitrag zur Erforschung der aksl Evangelientexte (Evangelium Bucovinense), Wien, 1916, стр. 39.

З л. на -тъ: Б. Цонев, Врач. ев., стр. 59.— Н. Дурново, Очерк, стр. 321 (также и о -ста, -сте).

[А. Negad, Vyznam staroslověnského imperfekta, „LF“, 68, 1—14.— В. В. Бородич, К вопросу о значении аориста и имперфекта в старославянском языке, „Слав. филология“, 1, 21—37.]

§ 60. Будущее время

В древнеболгарской глагольной парадигме нет особых форм, которые можно было бы назвать будущим временем. Единичная реликтовая форма будущего времени, унаследованная из индоевропейского языка, известна только в русской редакции — это причастие *вышѣхъ* (*вышащее, вышавшее* и т. д. в Изборнике 1073 г., в проповедях Григория Назианзина и в Минеи Путяты).

Только один глагол имеет особое будущее время, которое отличается от настоящего не своим видом, а только своим временным значением: *вѣдѣ* — совершенный глагол к несовершенному *вышѣхъ*, но он выступает и как простое несовершенное будущее к *есмь*; так, *живѣ вѣдѣтъ* (*Иоанн, 6, 51, 58: ж. б. въ вѣкъ*) — просто будущее к *живѣ естъ*. Также и в будущем предварительном *вѣдѣтъ покаахъ са* и т. д. форма *вѣдѣтъ* воспринимается как будущее к *естъ*; см. § 61.

ЛИТЕРАТУРА:

byšešteje: И. Срезневский, Др.-слав. пам. юс. письма, стр. 181—183.— В. Ягич, „JA“, XXVIII, стр. 35 и сл.

bofro 'ero': A. Meillet, Etudes, стр. 56.— E. Boehme, Actiones стр. 20.

§ 61. Перфект, плюсквамперфект, футурум экзактум

Эти времена образуются посредством соединения действительного причастия II прошедшего времени (см. § 63) с формой настоящего времени *есмь* или с формой имперфекта *бѣхъ*, *бѣахъ* и будущего времени *бѣдѣ*, причем в причастной форме различаются три рода, например:

Ед. ч. 1 л.	ѡлѣ, ѡла, ѡло	есмь...	бѣхъ, бѣахъ	бѣдѣ
2 л.	" "	еси...	бѣ, бѣаше	бѣдѣши
3 л.	" "	естъ...	бѣ, бѣаше	бѣдетъ
Дв. ч. 1 л.	ѡла, ѡлѣ, ѡлѣ	есвѣ...	бѣхсѣвѣ, бѣахсѣвѣ	бѣдѣсѣвѣ
2 л.	" "	еста...	бѣста, бѣашеста	бѣдѣста
3 л.	" "	есте...	бѣсте, бѣашесте	бѣдѣсте
Мн. ч. 1 л.	ѡли, ѡлы, ѡла	есмы...	бѣхомъ, бѣахомъ	бѣдемъ
2 л.	" "	есте...	бѣсте, бѣашесте	бѣдете
3 л.	" "	сѣтъ...	бѣша, бѣахѣ	бѣдѣтъ.

§ 62. Инфинитив и сунин

Эти формы образуются посредством присоединения *-ti* или *-тъ* к глагольной основе или ко второй основе, если таковая имеется, например, класс Б I а: *нес-ти*, *нес-тъ* (см. далее, § 66), класс Б I б: *зѣва-ти*, *зѣва-тъ*, класс Б II: *двигнѣ-ти*, *двигнѣ-тъ*, класс Б III а: *кры-ти*, *кры-тъ*; *кла-ти*, *кла-тъ* (**kol-*); *дѣла-ти*, *дѣла-тъ*; *питѣ-ти*, *питѣ-тъ*, класс Б III б: *маза-ти*, *маза-тъ*; *коупова-ти*, *коупова-тъ*, класс Б IV а: *хвали-ти*, *хвали-тъ*, класс Б IV б: *видѣ-ти*, *видѣ-тъ*. О нетематических глаголах (класс А) см. § 66.

Окончание инфинитива *-тъ*, которое одни исследователи считают праславянским вариантом, а другие рассматривают как более позднюю редукцию окончания *-ti*, в старославянских памятниках не встречается. Это говорит в пользу второй точки зрения, хотя одно это явление само по себе в качестве доказательства еще недостаточно.

ЛИТЕРАТУРА:

[К. Horálek, K otázce staroslověnského infinitivu, Pocta Fr. Trávníčkovi a F. Wollmanovi, Brno, 1948, 159—165.—К. Н. Meyer, Altkirchenslavische Studien, II. Das Supinum, Halle, 1944.]

§ 63. Действительные причастия прошедшего времени I и II

Эти причастия образуются с помощью суффикса -ъ, -въ или -лъ от глагольной основы или второй основы, если таковая имеется, но у многих глаголов на -пр-іі, корень которых оканчивается на согласный, за основу берется неудлиненный корень (без суффикса -пр). Далее, надо обратить внимание на то, что в классе Б IV а (инф. на -іі) окончание -і- глагольной основы в действительном причастии прошедшего времени I перед *-ъ выступает как неслоговое і, сливающееся с предшествующим согласным в один мягкий звук или сочетание звуков (по правилам, описанным в § 18), в то время как на месте -ъ появляется -ь (по § 19). В остальных случаях после корня, оканчивающегося на гласный, находим -въ. Примеры: класс Б I а: нес-ъ нес-лъ; класс Б I б: зъва-въ, зъва-лъ; класс Б II: двиг-ъ, двиг-лъ; минѡ-въ, минѡ-лъ¹; класс Б III а: кры-въ, кры-лъ, би-въ, би-лъ; *кла-въ (не засвидетельствовано примерами), кла-лъ; дѡла-въ, дѡла-лъ; пить-въ, пить-лъ; класс Б III б: маза-въ, маза-лъ, коупова-въ, коупова-лъ; класс Б IV а: хваѡ-ъ, хваѡ-лъ; класс Б IV б: видѡ-въ, видѡ-лъ. О нетематических глаголах см. § 66.

У глаголов класса Б I а, имеющих чередование гласных в корнях, в действительном причастии прошедшего вр. представлен гласный на ступени редукции. Сюда относятся следующие типы глаголов: уѡтъ, уѡлъ: уѡтъж, уѡсти; мър-ъ, мър-лъ: мърж, мърѡти; врьг-ъ, врьг-лъ: врьгж, врьшти², а также об-лък-ъ, об-лък-лъ: об-лъкж, об-лъшти; не-брьгъ, *не-брьг-лъ к не-брьгж, небрьшти. У этого класса глаголов ступень слоговых плавных і и г ограничивается только причастием прошедшего времени; -ваѡкъ, -(ъ)ше, не брьгѡша Супр.—вторичные формы; также ѡзваѡкъ Зогр., Матф., 26,51 (ср. стр. 232), а также на-уѡн-ъ, на-уѡ-лъ, шыѡъ, шылъ (*шыѡ-лъ) содержит ступень редукции корня *sed- (и.-е. sed-); ступень -о- этого корня находим в хѡдѡ, хѡдити.

¹ По аналогии -пр-въ, пр-лъ находим и после согласных; см. § 66.

² Приведенного из Супрасльской рук. Видеаном причастия жидѡ, Супр. рук. (Микл., 301,16) к глаголу жидѡ, жѡдати, не существует. Селверьянов отмечает правильную форму жидѡ (404,19).

Вполне понятное образование по аналогии с глаголами на -ati, -eti и с двусложными на -iti (пити, вѣти и т. д.) — это причастие прошедшего времени I на -ivъ у глаголов класса Б IV а: хвалѣвъ и т. д. Во всех более крупных памятниках, кроме Супрасльской рукописи, преобладает старый тип хвалѣ; Клоц. Асс., Син. пс., а из меньших отрывков Охридское евангелие и листки Ундольского имеют исключительно эту форму: по подсчетам Видемана соответственно 25, 106, 24, 2, 3 примера. В Мариинском евангелии Видеман насчитывал 186 форм старого типа и 1 форму новую; для остальных памятников существуют следующие цифры: Зографское ев. имеет 160:5 (все пять форм даны у Матфея и Марка; одна из них в Зогр. б), Синайский требник вместе с так наз. Синайской литургией — 180:15, Саввина книга — 69:2 (дважды погубивы). Напротив, Супрасльская рук. содержит 117:598, Макед. глагол. л.—0:1, Хиландарские листки—0:2. Старый тип встречается особенно часто в некоторых разделах Супрасльской рукописи (например, № 6, 21, 40), и это является важным указанием на происхождение данных разделов. В Мирославовом евангелии употребляется три раза -ивъ наряду с многочисленными случаями на -ь. Кирилл и Мефодий знали, повидимому, только тип на -ь.

Подобным же новообразованием, как и форма на -ivъ, является, вероятно, *простръвъ* Супр., 311,6¹. Северьянов понимает эту форму иначе.

О склонении действительного причастия прошедшего времени I см. § 47 в 2; действительное причастие прошедшего времени II склоняется как обычное прилагательное: м. р. былъ, ж. р. была, ср. р. было и т. д.; см. также § 61.

ЛИТЕРАТУРА:

F. Miklosich, Beiträge zur altslovenischen Grammatik, „S.-B.“, Wien, LXXXI, стр. 83—95, Vgl. Gr., III, изд. 2, стр. 117.—J. Schmidt, „KZ“, XXVI, стр. 365—369.—O. Wiedemann, Beiträge, стр. 128—135.—A. Meillet, Slave c., стр. 218 до 222; La critique des textes vieux-slaves et le participe passé en -ivъ, „Revue“, VIII, стр. 46—49.—С. Кульбакии, Миросл., 63 и сл.

¹ Ср. в более поздних старославянских памятниках *възавѣ* и т. д.; см. Миклошич, Vgl. Gr., III², 105.

§ 64. Страдательные причастия прошедшего времени

В зависимости от типа спряжения глагола употребляется один из трех суффиксов: -тъ, -пъ, -епъ.

1. -тъ имеют те глаголы, которые во 2 и 3 лице ед. ч. аориста оканчиваются на -тъ. Это — глаголы класса Б Iа на -ęti, -ręti, -iti, -ęti; для всех этих инфинитивов следует предположить циркумфлексное ударение на корневом гласном и, вероятно, старый гласный на ступени полного образования (-em-, -en-, -eg-, -ei-, -oi-). Примеры: *иать, -пать, клаать, на-уать; (рас)простръть* (*Требн.*, 31а, 7, *Клоц.*, 566, *Супр.*, 555, 14/5; 141, 28 и т. д.; обычно пишется с рь), *пожръти, -оу* (*Хиланд. л.*, к по-жръти 'хатапiуеiу'); -вить, -лить; *пъть*. Затем в функции прилагательных следуют *отвърьтъ (-ръсть)* „открытый“ (*Ев., Пс., Требн., Клоц., Супр.*), *оувастъ* „увенчан“ (*Супр.*), *извъсть* „известный“ (*Супр.*). Формально это причастные образования от *от-въръжъ, от-въръсти* или от глагольных корней *vęz-* и *vęd-*.

2. -епъ имеют глаголы класса Б Iа, за исключением типов, названных в п. 1, например: *несенъ, веденъ, псехенъ; -тьренъ* (*Клоц., Супр.*), *-жърень* „пожертвован“ к *тръти, жръти* (надо обратить внимание на противопоставление глаголам типа -*stręti, -žręti*, п. 1); *на-дъменъ* (*Супр.*, 117, 18) к *дѣти* (следует обратить внимание на противопоставление глаголам на -*ęti* в п. 1; *đęti*, вероятно, из старого ѣп; глаголы на -*ęti*, напротив, имеют ступень полного образования *ep, em*). — Класс Б IVа: *хваѣ-енъ* (*хваленъ*) и т. д. — Большинство глаголов класса II с корнем, оканчивающимся на согласный (*движ-енъ, -трѣж-енъ*; наряду с ними тип -*ринов-енъ*; см. § 66), — глаголы класса Б IIIа, у которых глагольная основа оканчивается на иной звук, чем -а- и -ѣ-; вместо -i-, -у- перед -епъ появляются сочетания -ѣi-, -ѣу-, например: *виенъ, въенъ* (надо иметь в виду противопоставление к -*внъ* в п. 1), *-мѣвнъ, ок-оувнъ, -коленъ* (*Мар., Зогр. б. Асс., Требн., Супр.*; наряду с этим по аналогии с другими глаголами на -*ati* находим новообразование *за-кланъ* *Супр.*, 232, 8; 422, 1), **борепъ* (*борению* *Супр.*, 486, 27/8; наряду с этим — более позднее **бгапъ*, откуда *бѣрание, бѣрание* *Супр.*, 86, 13, 14), *ок-рътвенъ*. Из класса А встречаем только *ѣденъ*; от *за-бѣти* — *за-бѣвенъ*.

3. -пъ имеют все глаголы с глагольной основой или второй основой на -а-, -ѣ-, следовательно, глаголы классов

Б I б, Б IV б, большинство глаголов класса Б III и некоторые нетематические глаголы; например: данъ, о-дѣнь, дѣланъ, оудолѣнь, повелѣнь и т. д.

Причастия с суффиксами -тъ и -епъ, принадлежащие к глаголам класса Б I а, которые имеют чередование гласных в корне, как и причастия прошедшего времени действительные, содержат гласный на ступени редукции: при-хътенъ к хътъ, хъсти; про-стрѣтъ к -стрѣтъ, -стрѣти, отъ-връженъ к връжъ, връшти; об-лъуенъ к -(в)лъжъ, -(в)лъшти и т. д.; об-лъуенъ; из- и съ-влъуенъ *Супр.* (там же и облъуенъ) — более поздние формы. В формах въжьженъ *Супр.*, 25, 20, раждъ-жены 4, 6, -енъ 142, 25, съ-жьжена 91,7 представлен более поздний ь, возникший только в древнеболгарских говорах из е; см. стр. 137. В Супрасльской рукописи, а также и в других памятниках находим -жеженъ.

К страдательному причастию прошедшего времени примыкает форма, образованная с помощью суффикса ьпъ, которая часто соединяется с отрицательной частицей не-, особенно в Синайском требнике, и употребляется для выражения невозможности: неиздръхенъ, неизглаголанъ, неистъльнъ, нераскаленъ и т. д. (См. Lang, Jaz. rozbor, Časování, 16), но доуханъ *Супр.*, 505,22; граница между простым причастным значением и обозначением возможности или невозможности не очень четка: ср. нестажанъ *Супр.*, 323, 20/1 и принтенъ Лука, 4,24, Мар., Асс.: приять Сав., Остр. 'δέχτος' (в отрицательном предложении), приятьно Лука, 4,19, Сав., Асс., Остр.: приято Мар. В случаях, описанных нами, можно рассматривать имена на -ьпъ как причастия; это относится и к встречающемуся несколько раз истоуканъ-и 'ὑποπτός' (субстантивированное употребление) в Синайской псалтыри; наряду с этим встречается и другое значение, близкое к значению отглагольных имен на -ѣе, -пѣе, например: показанъ постъ Требн., 696, 7/8, втъ сѣмьнъ на мѣста 546, 17/8, забвѣнъ мольба 89 а, 24/5, мльуанъ мѣсто *Супр.*, 273,23. Следует обратить внимание на формы Синайского требника 49 б, 18/9 времени вѣстанънаго і уавѣнаго, где подобная же основа образована от страдательного причастия настоящего времени.

В евангелии извъстѣнъ „известный“: *Супр.* извъсть.

ЛИТЕРАТУРА:

- A. Meillet, *Slave c.*, стр. 226—229.— N. van Wijk, *Die slav. Partizipia auf -to- und die Aoristformen auf -tъ*, „IF“, XLIII, стр. 281—289.
 -ѣтъ наряду с -ѣтъ: Л. Васильев, „РФВ“, LXX, стр. 373—376.
 -тъ, -(ѣ)тъ: О. Wiedemann, *Beiträge*, стр. 139 и сл.—
 A. Meillet, *Etudes*, стр. 440 и сл.— W. Vondrák, *Vgl. sl. Gr.*, I, изд. 2, стр. 533 и сл.

§ 65. Действительные и страдательные причастия настоящего времени

В противоположность рассмотренным выше причастиям, образуемым от глагольной или инфинитивной основы, действительные и страдательные причастия настоящего времени образуются от основы настоящего времени.

Действит. причастия наст. вр.: *несы, несѣшта; крыы, крыѣшта; хвалаа, хвалашта.*

Страдат. причастия наст. вр.: *несомъ; крыемъ, хвалимъ.*

Окончания -ѣ, -ѣшта или -ѣтъ представлены в классе Б IV, окончания -у, -рѣшта или -омъ—в других классах основ после твердого согласного, окончания -ѣ, -рѣшта или -ѣтъ после *i* и мягких согласных. О склонении действительных причастий настоящего времени и о типе *gręde(i)*, *se(i)* см. § 47 в 1.

Бѣдѣшт- „будущий“ (*Требн., Супр., 1 раз Мар.*) можно назвать причастием будущего времени; архаичнее форма *бѣшашт-*; см. выше и у Мейе, *Etudes*, 77 и сл.

§ 66. Отдельные типы глагольных основ

А. Глаголы с настоящим временем на -тъ или так наз. нетематические глаголы

Сюда относятся только глаголы *всмь: быти, дамъ: дати, ѣмь: ѣсти, вѣмь: вѣдѣти, имамъ: имѣти*, также *сать* ‘inquit, *φησὶν*’ (28 раз в Клоцовом сб., по разу в Синайской псалтыри и в Супрасльской рук., также в Толковой псалтыри Исихия), если понимать последнюю форму как настоящее время, а не как аорист. Основы настоящего времени следующие: (i)es-, *dad-*, (i)ēd-, (i)ad-, *vēd-*, *ima-*. Конечное *d* в основе *dad-* принадлежит старой удвоенной основе на-

стоящего времени. О изменении в группах согласных см. § 11, п. 2, 4, 8 и стр. 83, сноску.

Спряжение настоящего времени:

Ед. ч.	1 л.	есѣ	дамь	ѣмь	вѣмь	имамь
	2 л.	еси	даси	ѣси	вѣси	имѣши
	3 л.	естъ	дасть	ѣстъ	вѣстъ	имать
Дв. ч.	1 л.	есѣѣ	давѣ	и т. д., как спряжение дамь		имавѣ
	2 л.	еста	даста			имата
	3 л.	есте	дасте			имате
Мн. ч.	1 л.	есѣмь	дамь			имамь
	2 л.	есте	дасте			имате
	3 л.	сѣтъ	дадатъ			имѣтъ.

В образовании причастий настоящего времени и повелительного наклонения глаголы дамь, ѣмь, вѣмь также совпадают:

Действит. прич. наст. вр.: дады, -ѣшта; ѣды, -ѣшта; вѣды, -ѣшта; наряду с вѣдомъ находим и более позднее вѣдимъ (в-ю Супр., 212, 30, недовѣдимы Требн., 56 б, 13, 4), возникшее, вероятно, под влиянием второй основы vědě- и сближения типа vidimъ: vidomъ к vidēti.

Повелительное наклонение:

2, 3 лицо ед. ч. даждь; ѣждь; вѣждь
1 лицо дв. ч. дадивѣ; ѣдивѣ; вѣдивѣ

и т. д.; см. § 56. Ср. видѣ к видѣти (Б IV б).

Так как каждый глагол этого класса образует основу инфинитива по-своему, а в спряжении также имеет свои характерные особенности, мы будем рассматривать каждый глагол в отдельности.

а) *iesmь, byti*.

Прич. наст. вр. сѣ (са, сѣ; см. § 47 в 1), сѣшта. Если принять, что новомакедонские формы *set, se* (ср.-болг. сѣтъ; 3 лицо мн. ч.) и соответствующие словацкие формы выводятся из праслав. **setь* (-ѣ), то наряду с *setь* (сѣ, сѣшта) могла существовать и форма **set-*. [Вероятно, более позднее происхождение имеют среднеболгарские формы *имать* — 3 л. мн. ч., *имат-*, -шт- — причастие наст. вр. (наряду с др.-болг. и ср.-болг. *имѣтъ* или *имѣт-*, -шт-), кото-

рые могли быть образованы по аналогии с типом *vidēti*: *vidētъ*, -t-, -št- к инф. *imēti*.]

Об *е* вместо *єсть* см. § 54. *Зогр., Лука, 11, 27* *ѣже си съсѣхъ*, с *si < (i)esi*. Из формы *ne-єсть* и т. д. возникли: *нѣсмь*, *нѣси*, *нѣсть* (*нѣ*) и т. д.; см. стр. 120.

Буд. вр. *бѣдѣж*, -*єши*, -*єтъ* и т. д.; см. § 60; от той же основы образуется повел. накл. *бѣдѣмь*, -и, -и, -*ѣвѣ*, -*ѣтѣ*, -*ѣмѣ*, -*ѣте*, -*ж*; см. § 56. О причастии будущего времени см. § 60 и 65.

Имперф. *бѣхъ*, *бѣ* и т. д. и *бѣахъ*, -*аше* и т. д.; см. § 59. От основы *by-*: инф. *бѣти*; супин *бѣтъ*; действит. прич. I прош. вр. *бѣхъ*, прич. II *бѣлъ*; страдат. прич. прош. вр. *зѣ-бѣвєнъ*; аор. *быхъ*, *бѣ(єтъ)* (2—3 л. ед. ч.), *бѣховѣ*, *бѣста*, *бѣсте*, *бѣхомъ*, *бѣсте*, *бѣша*; эти формы употребляются и как формы условного наклонения.

Формы *вимь*, *би*, *би*, *вимѣ*, *бѣсте*, *бѣ* в функции условного наклонения являются более древними, чем формы *быхъ* и т. д.; см. § 57.

бѣдѣж, *бѣти* — так же относятся к *бѣваѣж*, *бѣвати*, как глаголы совершенного вида к глаголам несовершенного. В сложных глаголах несовершенного вида встречается только этот последний глагол, например *зѣ-бѣвати*, -*ашъ*: соверш. в. *зѣ-бѣти*, *зѣ-бѣдѣж*.

б) *datъ*, *dati*.

От основы настоящего времени — редкий имперфект *дадѣахъ*; см. § 59.

От основы инфинитива — аорист *дахъ*, *даєтъ(да)* и т. д. (см. § 58), инф. *дати*, супин *дѣтъ*, причастие *давѣ*, *далѣ*, *данѣ*.

в) *ѣтъ*, *ѣsti*.

О начале слова см. стр. 122.

Имперфект *ѣдѣахъ* и т. д. — аор. *ѣсь(ихъ)*, *ѣсть* (*из-ѣ*), 2—3 л. ед. ч. *ѣсєѣ*, *ѣста*, *ѣсте*, *ѣсомъ* (*ѣхомъ*), *ѣсте*, *ѣса* (*ѣша*); см. стр. 316. Инф. *ѣти*, супин *ѣтъ*, причастие *ѣдъ*, *ѣлъ* (**ēd-lъ*), *ѣденъ*.

г) *věmъ*, *vědēti*.

Наряду с 1 лицом ед. ч. *вѣмъ* встречается форма *вѣдъ*, которая представлена также в древнечешском, древнерусском и древнесловенском (см. Фрейзингенские отрывки). Только *вѣмъ* имеют Маринское ев. и Синайская пс. (в Маринском ев. находим простой глагол и сложный, в Синай-

ской псалтыри — только *повѣмъ*, *-ѣ*, *исповѣмъ*, *-ѣ*, *сповѣмъ*). В Зографском ев. два раза встречаем простой глагол *вѣдъ* (*Матф.*, 25, 12, *Лука*, 13, 25), в остальных случаях употребляется только *вѣмъ* — как простой глагол и в сложениях; *Асс.* *вѣдъ* *Матф.*, 28, 5, *проповѣдъ* *Марк*, 17, 38, в остальных случаях — *(-)вѣмъ* (*-ѣ*); *Син. тр.* *исповѣмъ* 77б, 14, *вѣмъ* 54б, 15 и 16 (эти формы могут обозначать 1 лицо мн. ч.); напротив, в Синайском отрывке находим простой глагол *вѣдъ* (4 раза); Саввина книга в качестве простых и сложных глаголов употребляет и *вѣдъ* и *вѣмъ* (*-ѣ*), Супрасльская рук. имеет обычно *(-)вѣдъ*, наряду с этим (по Лескину, „Berichte“, Leipzig, 1875, 95) 14 форм на *-мъ*, 5 на *-мь* (15 из этих форм на *-мь*, *-мъ* в начале № 31). Макед. глагол. л. имеет *съповѣдъ* III, 13/4. Несомненно, что форма *вѣдъ* была более употребительной в восточно-болгарском наречии, а *вѣмъ* — в западном; древнейшие переводы евангелия и псалтыри имеют, повидимому, только *вѣмъ*, так же как и Паремийник (см. Михайлов, Опыт, 172, сн. 5): *с(ѣ)вѣдъ* в глаголической редакции жития св. Вацлава („РФВ“, XLVIII, 108,9 = „JA“, XXV, 17, 28; в древнерусской редакции *вѣмъ* — „Věstn. č. spol. náuk, 1903, стр. 84), вероятно, форма моравско-паннонско-хорватского церковнославянского языка.

От второй основы *вѣдѣ-*: имп. *вѣдѣхъ*, *-аше* и т. д., аор. *вѣдѣхъ*, *-ѣ* и т. д., инф. *вѣдѣти*, сущин *вѣдѣтъ*, причастие *вѣдѣвъ*, *-ѣвъ*, *-ѣтъ*. Более поздний аорист *вѣхъ*, главным образом в сложных глаголах (*повѣхъ*, *повѣша*), еще неизвестен древнеболгарским кодексам.

д) *имать*, *imēti*.

Основа *ima-* содержится только в форме настоящего времени изъявительного наклонения и в причастии настоящего времени *имы*, *-ѣшта*. О ср.-болг. *имать* 3 л. мн. ч., *имат-*; *-шт-* — причастие, см. выше. п. а. Формы *имы*, *-ѣшта* совпадают фонетически с действительными причастиями настоящего вр. от *имѣ*, *имѣти*; отсюда возможна замена указанных образований другими формами; в древнеболгарском они вытесняются обычно формой *имѣмъ* (*Зогр.*, *Мар.*, *Асс.*, *Клоц.*, *Требн.*, *Сав.*, *Супр.*, везде наряду с *имы*; в Синайской псалтыри встречается только одна причастная форма *имы*, *Макед. глагол. л.* 2 раза *имѣи*). Несомненно, что в древнеболгарском причастие *имѣмъ*, *имѣи*

в общем ограничивается только им. п. ед. ч.¹; только в Супрасльской рук. находим также *имѣшѣ* и т. д.; наиболее регулярно употребляется форма *имѣи*; и вряд ли встречается определенная форма **имѣи*². В Супрасльской рукописи можно отметить разделы с *имѣ* (приблизительно № 32, 38, 39) и с *имѣа* (№ 34, 35, 36); это важный критерий для определения происхождения отдельных частей Супрасльской рукописи.

Повелительное наклонение постоянно представлено *имѣи* и т. д.; другие формы: имперф. *имѣахъ*, аор. *имѣхъ*, инф. *имѣти*, причастие прош. вр. *имѣвъ*, *имѣлъ*, *имѣнъ*.

Б. Глаголы с настоящим временем на -ѣ или так наз. тематические глаголы

1. Глаголы с основной наст. вр. на -ѣ, -е (нес-ѣ, нес-еѣ и т. д.)

Примечание. Следует обратить внимание на постоянную корреляцию между основами настоящего времени и инфинитива.

Глагольная основа на взрывной согласный или спирант: к основам настоящего времени, образованным с помощью *-ѣ-* (класс III), относятся основы инфинитива на *-а-*: тип *аѣти*: *аѣти*, *вѣти*: *вѣти* (за исключением *ѡб-рѣшѣти*: *ѡб-рѣшѣти* с особым образованием настоящего времени посредством носового инфикса). К основам настоящего времени, образованным с *-е-*, *-ѣ-* (класс I), относятся основы инфинитива без *-а-*. Тип *несѣти*: *несѣти*; исключения: глаголы с гласным *-ѣ-* (*сѣѣти*: *сѣѣти* и т. д.) и *жѣти*: *жѣти*, *искѣти*: *искѣти*.

Глагольная основа на *г*, *л*, *ш*, *п*: к основам настоящего времени глаголов I класса с *ѣ*, *ѣ* относятся основы инфинитива без *-а-*: тип *тѣти*: *тѣти*, *мѣти*: *мѣти*, *пѣти*: *пѣти*, *дѣти*: *дѣти*. — К основам настоящего времени по классу I с гласным *е* относятся инфинитивы на *-а-*: тип *вѣти*: *вѣти*. — Только к основам настоящего времени по классу III могут относиться инфинитивы с *-а-* и без *-а-*: *вѣти*:

¹ В Номоканоне Мефодия *имѣи* употреблено один раз; *имѣи* и т. д. — 9 раз (Schmid, Nomokanonübers, 4).

² В *имѣи* совпали причастие наст. вр. от *ѣти*, причастие прош. вр. от *ѣти* и причастие настоящего вр. от *имѣти*; затем окончание *-ѣи* в большинстве говоров совпало с *-у* неопределенной формы причастия настоящего времени.

брати (*bor-ti), колы́, клати (*kol-ti), но *орѣмъ*: *орати*, *сѣлѣмъ*: *сѣлати*.

Глагольная основа на *i*, *ĩ*: к основам наст. вр. по классу I относятся основы инфинитива без -а-: тип *пиѣмъ*, *пыѣмъ* (*рѣĩ-р*): *пити* и глагол *поѣмъ*: *пѣти*; исключение составляет тип с гласным на ступени удлинения: *лѣмъ*: *лиѣти* (*лѣѣти*). К группе основ настоящего времени (III) *биѣмъ*, *вьѣмъ* (*bĩ-jĩ*) принадлежат инфинитивы без -а-: *бити* и т. д.¹. Менее прочные корреляции у основ на -и-, -ѣ-: *плывѣмъ*: *плѣѣти*, но *ковѣмъ*: *ковати*, *зѣвѣмъ*: *зѣвати*; различие *уюѣмъ*, *уюти*: *плѣѣмъ*, *плѣвати* связано с различием в ударении.

Класс I а (без второй основы на -а-)

Глаголы, относящиеся к этому классу, можно разделить на группы различным образом: по гласным корням, по окончанию корня (с которым связаны более поздние отличия в спряжении), по наличию или отсутствию чередования, по различию в образовании времен (особенно аориста). Более важные различия в спряжении лучше всего учитывает следующее деление: 1) корни на взрывные или спиранты без чередования; 2) корни на взрывные или спиранты с чередованием; 3) корни на *p*, *m*, *g*, *ĩ*, *č*; 4) глаголы с неправильным образованием настоящего времени (носовой инфикс, формант *d*). Прежде чем рассматривать различия в спряжении этих четырех групп, мы перечислим неправильные формы, вызванные утратой или изменением согласных.

В настоящем времени, повелительном наклонении, аористе, имперфекте, причастиях страдательных прошедшего времени в корнях на веларный согласный действовали законы палатализации; см. § 17, 1 и 2.

Нормальное спряжение		Корни на -k-, -g- (-χ-)
Наст. вр. Ед. ч.	1 л. <i>крадѣмъ</i>	<i>рскѣмъ</i> , <i>врьгѣмъ</i>
	2 л. <i>крадѣши</i>	<i>рскѣши</i> , <i>врьгѣши</i>
	3 л. <i>крадетъ</i>	<i>рскѣтъ</i> , <i>врьжетъ</i>
Дв. ч.	1 л. <i>крадевь</i>	<i>рскѣвь</i> , <i>врьжевь</i>
	2 л. <i>крадѣта</i>	<i>рскѣта</i> , <i>врьжѣта</i>

¹ О различии классов (*bi-jĩ* и *рѣĩ-р*) см. стр. 339.

		3 л. крадеѣ	реуѣѣ, врьжѣѣ
	Мн. ч.	1 л. крадемъ	реуемъ, врьжемъ
		2 л. крадеѣ	реуѣѣ, врьжѣѣ
		3 л. краджѣ	режѣѣ, врьжѣѣ
Повелит.	Ед. ч.	2, 3 л. кради	рьци, врьзи (з)
накл.	Дв. ч.	1 л. крадьѣѣ	рьцѣѣѣ, врьсѣѣѣ (з)
		2 л. крадьѣѣ	рьцѣѣѣ, врьсѣѣѣ (з)
		3 л. крадьѣѣ	рьцѣѣѣ, врьсѣѣѣ (з)
	Мн. ч.	1 л. крадьѣѣ	рьцѣѣѣ, врьсѣѣѣ (з)
		2 л. крадьѣѣ	рьцѣѣѣ, врьсѣѣѣ (з)
Аор.	Ед. ч.	1 л. крадь	(рьхъ, рсехъ), врьгъ
		2, 3 л. краде	реуѣ, врьжѣ
	Дв. ч.	1 л. крадовѣѣ	(рьховѣѣ, рекоховѣѣ), врьговѣѣ
		2 л. крадеѣѣ	(рьсѣѣѣ, рекосѣѣѣ), врьжѣѣѣ
		3 л. крадеѣѣ	(рьсѣѣѣ, рекосѣѣѣ), врьжѣѣѣ
	Мн. ч.	1 л. крадомъ	(рьхомъ, рекохомъ), врьгомъ
		2 л. крадеѣѣ	(рьсѣѣѣ, рекосѣѣѣ), врьжѣѣѣ
		3 л. краджѣ	(рьша, рсехѣѣ), врьгѣѣ
Имперф.	Ед. ч.	1 л. крадьѣѣхъ	реуѣѣѣхъ (-ѣѣѣ-), врьжѣѣѣхъ (-жаѣѣ-) ¹
		2, 3 л. крадьѣѣше	-ѣѣѣѣ, -ѣѣѣѣ
	Дв. ч.	1 л. крадьѣѣховѣѣ	и т. д. и т. д.
		2 л. крадьѣѣшѣѣѣ	О праслав. <i>ča, ža</i> > <i>kē, gē</i> см. § 19.
		3 л. крадьѣѣшѣѣѣ	
	Мн. ч.	1 л. крадьѣѣхомъ	
		2 л. крадьѣѣшѣѣѣѣ	
		3 л. крадьѣѣхъ	

Страдат. причастие прош. вр.: краденъ, реуенъ, врьженъ.

В сигматическом аористе перед -s- и возникших из него -š-, -χ- (после k, r и раннепраславянских *ī, ū, i, u*) спиранты и взрывные согласные отпадают (см. § 11, 1 — 4), например:

нѣсъ, нѣсовѣ, нѣста, нѣсте, нѣсомъ, нѣсте, нѣса < *nēs-s-*
-врьсъ, -врьсовѣ, -врьста, -врьсте, -врьсомъ, -врьсте,
врьса < *verz-s-*,
-васа < *bad-s-*,

¹ От этих глаголов совершенного вида имперфекты встречаются очень редко; указанные формы нужно рассматривать только как фонетико-морфологические образцы.

-мась и т. д. < mēnt-s-,

-грѣсь и т. д. < grēb-s-,

рѣхъ, рѣховѣ, рѣста, рѣсте, рѣхомъ, рѣсте, рѣша < rēk-χ-, rēk-š-,

-вѣхъ, -вѣховѣ, -вѣста, -вѣсте, -вѣхомъ, -вѣсте, -вѣша < velk-χ-, velk-š-,

-жѣхъ и т. д. < žag-χ-, žag-š-.

Перед t в инфинитиве и супине отпадают р, b и, вероятно, v; t, и d изменяются в s, также z; kt, gt изменяются в št, после которого ъ в супине переходит в ъ; см. § 11, 5, 6, 7 и сноску. Примеры:

тети к тепѣ, грети: гревѣ, пѣти: пѣвѣ, гнети: гнетѣ, вѣсти: вѣдѣ, -врѣсти: -врѣзѣ, рѣшти: рѣкѣ, мошти: могѣ. Также и формы супина: тетѣ, гретѣ, пѣтѣ, гнетѣ, вѣстѣ, -врѣстѣ, рѣштѣ, моштѣ.

Перед l в действительном причастии I прошедшего времени t и d утрачиваются; см. § 11, п. а.

Примеры: гнелѣ: гнетѣ, кралѣ: крадѣ, шълѣ: причастие прош. вр. I шьдѣ; жналѣ — вероятно, образование по аналогии с пилѣ: пилѣ и т. д.

Сочетания -lě-, -rě- в глаголах типа вѣшти, врѣшти, мрѣти восходят к -el-, -er; см. § 12; лѣ в жлѣсти также из el.

1. Корни на взрывные или спиранты без чередования гласных. Сюда относятся глаголы: вѣсти, вѣдѣ; гнѣсти, гнѣдѣ; грѣти, грѣвѣ; жѣсти, жѣгѣ; мѣсти, мѣтѣ („бросать“ и „мести“); нести, несѣ; пешти, пѣкѣ; пѣсти, пѣтѣ; рѣшти, рѣкѣ; тѣшти, тѣкѣ; тѣсти, тѣпѣ; с метатезой: жлѣсти (жлѣсти), жлѣдѣ; пѣти, пѣкѣ; стрѣшти, стрѣгѣ; они имели такую же структуру корня, как и вторая группа (исконные -el-, -er- + согласный), и, очевидно, обладали формами причастий прошедшего времени с чередованием, не засвидетельствованными в памятниках: блѣсти, блѣдѣ; оу-вѣсти, оу-вѣзѣ; зѣшти, зѣвѣ; *зѣти, зѣвѣ; лѣшти, лѣкѣ; масти, матѣ; прашти, прагѣ; прасти, прадѣ; -сашти, -сагѣ; трасти, трагѣ;¹ — бѣсти, бѣдѣ; мошти, могѣ. С метатезой: власти, владѣ (-ol-), растѣ, рѣстѣ (-og-), — гѣсти, гѣдѣ, — лѣсти,

¹ Так как е может восходить как к ѣп, ѣт, так и к ѣп, ѣт, то возможно, что с точки зрения более раннего праслав. языка в этом классе встречается такое же чередование, как и при вѣгѣ: вѣшти и т. д.; то же относится и к гѣдѣ: гѣсти.

болгарских памятниках, но представлено в Толковой псалтыри Феодорита), — *врѣти, врѣпѣ (не в старославянских памятниках), врѣшти, врѣгѣ; -врѣсти, -врѣзѣ, врѣшти, врѣхѣ „молотить“; урѣти, урѣпѣ; урѣсти, урѣтѣ; брѣшти, брѣгѣ; — мльсти, мльзѣ; тльшти, тлькѣ; вльшти, влькѣ.

В глаголах врѣшти и вльшти слабая ступень гласного (гъ, ъ) ограничивается тремя причастиями прошедшего времени; у остальных глаголов эта ступень встречается в настоящем времени, в причастиях настоящего времени и в повелительном наклонении, в имперфекте и аористе типа *a* и *b* (поскольку эти глаголы имеют такие аористы).

Обзор:

Наст. вр.: влькѣ, -уеши и т. д.; врѣгѣ, -жеши и т. д.

Повел. накл.: вльци и т. д.; врѣзи и т. д.

Причастие наст. вр.: влькы, влькомѣ; врѣгы, врѣгомѣ.

Имперф.: вльувахѣ (-уах-) и т. д.; врѣжвахѣ (-жах-) и т. д.

Аор.: вльхѣ, влькхѣ, вльус и т. д.; врѣгѣ, врѣгохѣ, врѣжс и т. д.

Инф. и сунп.: вльшти, -шь; врѣшти, -шь.

Прич. прош. вр.: влькѣ, влькѣтѣ, вльуенѣ; врѣгѣ, врѣгѣтѣ, врѣженѣ.

Об образовании аориста см. § 58.

3. Корни на п, т, г, ѓ, ц.

Сюда относятся глаголы: клати, клѣнѣ; мати, мѣнѣ; пати, пѣнѣ; тати, тѣнѣ; -уати, -уѣнѣ; жати, жѣнѣ; ѡти, ѡмѣ (в сложных образованиях — -ати, -ѣмѣ); дѣти, дѣмѣ; -врѣти, врѣжѣ; жрѣти, жърѣ вульг. „жрать“; мрѣти, мърѣ; -нрѣти, -нърѣ; -прѣти, прѣжѣ; раскврѣти, -скврѣжѣ; -стрѣти, -стерѣжѣ; жръти, жърѣ „жертвовать“; трѣти, търѣ; -вити, виѣ (вьѣ) (в сложениях с об: обвити); гнити, гниѣ, лити, лиѣ (лыѣ); пити, пиѣ (пыѣ), вероятно, также и вѣпити, вѣпиѣ (-ѣмѣ); пѣти, поѣ; плѣти, плѣвѣ; рѣти (роути), рѣсѣвѣ (ровѣ); слоути, словѣ; троути, трѣвѣ. Не все эти глаголы встречаются в старославянских текстах, но, вероятно, они полностью были представлены в древнеболгарском языке.

Только в аористе, а для большинства глаголов и в страдательных причастиях прошедшего времени встречаются значительные отклонения от парадигмы в п. 1 и 2. Остальные формы следующие:

Наст. вр.: клѣнѣ, -еши и т. д.; мърѣ, -еши и т. д., пиѣ, -еши(пѣ-); плѣвѣ, -еши и т. д.

Повел. накл.: клѣни, -ѣвѣ и т. д.; мърѣи, -ѣвѣ и т. д.; пиѣи, пиѣвѣ (ѣи; пиѣвѣ) и т. д.; плѣви, -ѣвѣ и т. д.

Прич. наст. вр.: *кльнѣ, -омъ; мьрѣ, жьромъ; пиѣ, пиемъ* (пѣ-) и т. д.; *пловѣ, -омъ* и т. д.

Имперф.: *кльнѣахъ* и т. д.; *мьрѣахъ; пиѣахъ* (пѣ-; *иа*); *пловахъ*.

Прич. прош. вр. действит.: *кльнѣ, клалѣ; мьрѣ, мрьлѣ; пивѣ, пилѣ; пловѣ, плоулѣ*.

Инф., супин: *клати, -тъ; мрьти, -тъ; пити, -тъ, плоути, -тъ*.

В парадигме глаголов *мьрѣ, мрьти* ступени чередования гласных распределяются так же, как и в глаголах *врьгѣ, врьшти* (п. 1); также и *клати, ѡти* и т. д. могут иметь *ѣ* из еп, ет; тогда и здесь мы находим похожие праславянские отношения чередования между инфинитивом — супином и другими формами.

Об аористе см. § 58. Из сообщенного в этом параграфе видно, что существует два типа аориста, а именно: тип *г*: *жьрхъ, жрь* и т. д., *тръхъ, трь* и т. д., тип *д* — у глаголов с инф. на *-ръти* и у глаголов с инф. на *-ати, -ити, -ѣти*: *мрьхъ, мрьтъ* и т. д.; *ѡсъ, ѡтъ* и т. д.; *пихъ, пить* и т. д., *пѣхъ, пѣтъ* и т. д., причем страдательное причастие оканчивается на *-тъ*: *-жьрѣтъ, ѡтъ, пить, пѣтъ* и т. д., напротив: *-тьренѣ, -жьренѣ* (искон. *жь-*). К глаголу *дѣти* относится причастие *-дѣменѣ* и, вероятно, также аорист **dǫsъ, *dǫ*, не засвидетельствованный памятниками. Тип аориста *г* (без *-тъ* во 2 и 3 лице ед. ч.) и причастие на *-епъ* относятся к инфинитиву с акутовым ударением, а форма аориста на *-тъ* (тип *д*) и страдательное причастие прошедшего времени на *-тъ* — к инфинитиву с циркумфлексным ударением; см. стр. 314. Наряду с *-тръ* существует и аорист *-тьре*¹; эта форма, употребляемая в Зографском, Мариинском ев., Саввиной книге, Супрасльской рукописи, заставляет предположить, что глаголы данного типа (*тьгъ, тгѣи; жьгъ, жгѣи* „жертвовать“) и, вероятно, также *дѣгъ, дгѣи* (**dǫmti*) раньше спрягались точно так же, как описанные выше в п. 1 глаголы (*несѣ, нести* и т. д.), и что *тгъ, жгъ, *dǫ* являются более поздними образованиями, возникающими по аналогии. Тип аориста *д*, как известно, также отклоняется от типа *г*, вследствие чего формы типа *ѡ, пи, мрь, спорадически* встречающиеся в других древнеболгарских

¹ Опыръша Остр., Матф., 7, 27 в противовес к опыръша (Зогр., Мар., Асс.) — вторичное образование.

памятниках, в Супрасльской рукописи являются обычными; пивъ — вторичная форма вместо *rǫjъ; в более поздних текстах также клавъ и т. д. вместо каьнъ.

В старославянском не всегда легко отличить тип $\text{r}\ddot{\text{b}}\text{i}-\text{r}$: piti от типа $\text{b}\ddot{\text{b}}-\text{i}\ddot{\text{r}}$ (из $\text{bi}-\text{i}\ddot{\text{r}}$): biti (класс III а). Во всех формах, кроме 2 и 3 лица ед. ч. аориста и страдательного причастия прошедшего времени (ви , виенъ , вьенъ), эти два типа глаголов выглядят совершенно одинаково; сравнение с другими языками принуждает нас принять во внимание различия в ударении и интонации и для старославянского языка (поскольку последние еще существовали в древнеболгарском): $\text{r}\ddot{\text{b}}\text{i}\ddot{\text{r}}$, но $\text{b}\ddot{\text{b}}\text{i}\ddot{\text{r}}$; $\text{p}\ddot{\text{i}}\text{l}\ddot{\text{z}}$, $\text{p}\ddot{\text{i}}\text{l}\ddot{\text{a}}$, но $\text{b}\ddot{\text{i}}\text{l}\ddot{\text{z}}$, $\text{b}\ddot{\text{i}}\text{l}\ddot{\text{a}}$ и т. д.

По аналогии с *питъ*, *пѣтъ* можно было бы ожидать и **tru-tъ*, **r'u-tъ*, **plu-tъ*, **slu-tъ* как в аористе, так и в страдательном причастии прошедшего времени; но существующие на самом деле формы *на-троу Син. пс., 110 а, 8*, *ис-тровоу Григ. Наз., Б 276 а* говорят против этого предположения; *въз-а-роу Супр., 71, 26 (№ 5)*, *плоу, 428, 21 (№ 38)* для решения этого вопроса не имеют никакого значения, так как они встречаются в таких отделах *Супрасльской* рукописи, которые вообще не знают аориста типа *д*.

Частые формы *оумьръти*, *простьръти*, аор. *-мьръ(тъ)*, *-стьръ(тъ)*, *опьръша* и т. д. — вполне понятные образования по аналогии с настоящим временем; они встречаются в Зографском, Мариинском, Ассеманиевом евангелиях, Синайском требнике, Клоцовом сб. и Супрасльской рукописи: в Синайской псалтыри находим только *-стръ(тъ)* 3 раза; отсутствие формы *оумьръ-* в Саввиной книге (наряду с *простъ* и *простьръ* — по разу) связано с отпадением *ь* в основе настоящего времени *мьръ-* (*оумреть*, *оумрсмъ* — всего 5 раз; даже *оумрьшо*, *умрьша*, *оумры* и *оумры* 'ὁ τεθνηώς').

4. Глаголы с неправильным образованием настоящего времени.

С носовым инфиксом: състи, садж; лешти, лагж; бадж; градж. С суффиксом d: ити, идж; вхати, вдж.

Основа настоящего времени *sed-, leg-* содержится, кроме формы настоящего времени изъявительного наклонения, в форме повелительного наклонения и в редкой для этих глаголов совершенного вида форме причастия

настоящего времени: садн, лашн(-зи); сады, лагы. Могли быть и имперфекты: *seḏēaḡ, *leḏāaḡ. От основы инфинитива: аор. съдъ, -охъ, съдс и т. д., легъ, -охъ, лсжс. Инф. съети, лешти, супин съетъ, лештъ, прич. прош. вр. съдъ, сълъ, легъ, леглъ. Страдательные причастия прошедшего времени -sēdenъ, -leženъ встречаются только в сложениях. вждъ также имеет носовой инфикс (см. сказанное о классе А, п. а). Также и неполный глагол грядъ, от которого встречаются только формы настоящего времени (включая повелительное наклонение и причастие) и редкий имперфект.

ити, вхати. От основы настоящего времени образуются, кроме формы наст. вр. изъав. накл. идъ, вдж, форма повелит. накл. иди, вди, причастия идъ, вды, также имперфект идъахъ, вдъахъ и аорист идъ, идохъ, 2, 3 л. идс и т. д., вдж, вдохъ, 2, 3 л. вде и т. д. Наряду с формой повелит. накл. възвди *Мар.*, *Лука*, 5, 4, *Асс.*, възди Зографское ев. имеет в этом же тексте вхати от основы инфинитива. пръвъхше *Мар.*, *Зогр.*, *Матф.*, 14, 34 (: *Асс.*, *Остр.* пръвъхъше), пръвъхшу, -оу *Мар.*, *Зогр.*, *Марк.* 5, 21 — старые формы от корня ē или со вставкой i- — iē-, iа-; Зографское ев. имеет привъхъше *Марк.* 6, 53, Мариинское и здесь — пръвъхше. К ити относится причастие прошедшего времени шьдъ, шьлъ; супин итъ.

Класс I б (со второй основой на -а-)

По образованию основ можно различить следующие группы: 1) парадигму с чередованием гласных и с корневыми г или п: врати, вєрѣ; дѣрати, дєрѣ; пѣрати, пєрѣ; гѣнати, жєнѣ;

2) с корневым гласным ѣ: съсати, съсѣ; тѣкати, тѣкѣ; рѣвати, рѣкѣ;

3) тип ковати, ковѣ; о-сновати, о-сновѣ. С чередованием: зѣвати, зовѣ;

4) с гласным на ступени удлинения в настоящем времени: зѣти (зѣ-; -ити), зѣкѣ; лиѣти, лѣкѣ; смѣти, смѣѣ са; также, может быть, и приѣти, прѣѣ (см. Миклошич, *Gr.*, III², 124; *Супр.*, 212, 17 принята)¹; эти глаголы надо толковать,

¹ Вряд ли здесь представлено допускаемое некоторыми *rijati : рѣѣ. Этот глагол был итеративом (см. § 110, п. 26), и формы прош. вр. рѣѣше *Супр.*, 90, 13, отърѣѣхъ *Чуд. пс.*, 76,4 являются, вероятно, старыми формами.

как *zě-jŕ* и т. д., а не как **zě-jŕ* и т. д., которое относилось бы к классу III;

5) глаголы *искати*, *искѣ* и *жъдати*, *жидѣ*; в Супрасльской рукописи основа настоящего вр. также *жъд-* (*жъд-*, *ж'д-*) аналогично основе инфинитива (6 раз); сюда относится также и имперфект *жъдѣше*, *-ахѣ*.

У всех глаголов основа настоящего времени представлена только в настоящем времени изъявительного наклонения, в повелительном наклонении и в причастии наст. вр. *верѣ*, *вери*, *веры*, *верымѣ*; все остальные формы образуются от второй основы: имперф. *вьраахѣ*, аор. *вьрахѣ*, *-а* и т. д. (тип 2; см. стр. 310), инф. *вьрати*, супин *вьратѣ*, причастие прош. вр. *вьравѣ*, *вьралѣ*, *вьранѣ*. О более поздних формах имперфекта типа *зовѣахѣ* см. § 59, п. 4.

От глагола *искати* наряду с *искѣ* — 1 л. ед. ч., *искѣтъ* — 3 л. мн. ч., *иски*, *-ѣшта* — причастие наст. вр., находим *иштѣ*, *-ѣтъ*, *-а*, *-ѣшта*; эти формы довольно часты во всех древнеболгарских евангельских кодексах (в Зографском ев. — только 2 раза *иск-*, в Мариинском — 5 раз, в Ассеманиевом — 3 раза). Саввина книга имеет только *иштѣ* и т. д.; Супрасльская рук. — 1 раз *искѣшти* и 3 раза *искомыи*. Напротив, в Требнике и в Псалтыри преобладают формы *искѣ* и т. д.; это, вероятно, более старые формы; появление *иштѣ* и т. д. по классу III было вызвано, вероятно, тем, что формы *ишѣши*, *-етѣ* и т. д. (*št < sk* перед *e*) воспринимались как формы класса III. В позднем церковнославянском языке встречаются также формы настоящего времени от *ковати* и *о-сновати* в виде *коужѣ*, *о-сноужѣ* по аналогии с типом на *-ијѣ*: *-ovati*.

отъръвена *Супр.*, 133,12 вместо *отъръвана* (ср. *Зогр.*, 9/10 *отъръвания*) — вероятно, просто описка. Глагол *отъръти*, к которому *отъръвена* было бы правильным причастием, к этой форме не имеет отношения.

Трудно решить, употреблена ли форма *сѣахѣтъ* *Супр.*, 234,12 на месте формы настоящего времени от **sovr*, *-eši*, *-etъ* или от **suijŕ*, *-eši*, *-etъ*.

II. Глаголы с основой настоящего времени на *-по-*, *-не-*

К глаголам такого образования в настоящем времени относятся инфинитивы на *-пр-ти*: *двиг-нѣ*, *-неши*: *двиг-нѣти*, *ми-нѣ*, *-неши*: *ми-нѣти*. Исключением является *ста-нѣ*: *ста-ти*

(аор. *стахъ*, *ста* и т. д., причастие прош. вр. *ставъ*, *сталъ*) вместе со сложными глаголами (ср. русск. *дену*: *дѣть*, *Фрейз. отр. zadeneſ*; в старослав. *дѣти*: *дѣдѣ*, *дѣмъ*) и, может быть, еще некоторые глаголы (ср. такие случаи, как польск. *biegnę*: *biedz*, сербо-хорв. *rò-bjegnēm*: *rò-bjeći*), но вообще формы настоящего времени на *-пр* и инфинитивы на *-прѣ* образуют устойчивую парадигму. Все глаголы этого класса спрягаются одинаково.

Изъяв. накл. наст. вр.: *двиг-нѣ*, *-неши*; *ми-нѣ*, *-неши*.

Повел. накл.: *двиг-ни*; *ми-ни*.

Причастие наст. вр.: *двиг-ны*, *-номъ*; *ми-ны*, *-номъ*, редко у глаголов совершенного вида.

Имперф.: *двиг-нѣахъ*; *ми-нѣахъ*, редко у глаголов совершенного вида.

Инфинитив: *двиг-нѣти*; *ми-нѣти*.

Супин: *двиг-нѣтъ*; *ми-нѣтъ*.

При этом, если глагольный корень оканчивается на *-t-*, *-d-*, *-p-*, *-b-*, нужно принять во внимание правила, указанные в § 11, п. 9, 10 и в § 11б: *-свѣнѣти* < **svѣt-proti*, *-прѣнѣти* < **prѣd-proti*, *-сѣнѣти* < **sѣp-proti*, *-гѣнѣти* < **gѣb-proti*; напротив, *-топнѣти*, *-зѣнѣти*.

Аорист и три причастия прошедшего времени у ряда таких глаголов образуются непосредственно от глагольного корня. Это типы аориста *а* или *в*: *двигъ*, более поздняя форма *двигохъ*, 2,3 л. ед. ч. *двигъ*, действительное причастие прошедшего времени I *двигъ*, II *двиглъ*, страдательное причастие прошедшего времени на *-епъ*: *движенъ*; у других глаголов в этих формах проводится основа инфинитива на *-пр*: *кошенѣхъ*, *-ж* и т. д. (тип аориста 2), *-жѣ*, *-жѣ*, причастие прош. вр. страд. зал. *-кошновенъ*.

Формы, образованные непосредственно от корня, постепенно вытесняются формами с суффиксом *-пр*, особенно часто встречающимися в Супрасльской рукописи. В глаголах с гласным исходом корня суффикс *-пр* еще в дописменный период проник во все формы: *минѣ* (аор.), *-жѣ*, *-жѣ* (Ев.), *по-мѣнѣхъ*, *-ж*, *-жѣ*, *-жѣ*, *-жѣ* (Ев., Пс.; также и с корневым гласным *-а*), *пѣнѣ* (аор.), *-жѣ* (Ев.), (*бѣ*)*пѣнѣ* (*Савв.*, *Тр.*), *по-манѣ*, *-жѣ* (Ев.), *доунѣ* (*Мар.* *оу*; Ев.), *оу-ринѣ* (аор.), *-жѣ*, *-жѣ* (Пс., *Требн.*), *ок-инѣ* (Пс.), подобные формы можно предположить для всех глаголов на *-пр* с гласным исходом корня (ср. еще *зи-нѣти*

и-соузнѣти, по-винѣти). Однако у некоторых глаголов с исходом корня на согласный образования с -пр- настолько часты, что их можно считать совсем или почти совсем установившимися в дописьменный период. Так, например, от дрѣзнѣти встречаются только формы с -нѣ- (дрѣзнѣвъ *Ев.*, *Клоц. сб.*; другие формы представлены в Супрасльской рук.), от коснѣти (вместе со сложными глаголами), наряду с многочисленными формами на -нѣ-, -нѣвъ-, -нѣлъ и т. д., в Евангелии и в Супр. рук. только один раз встречаем косе (*Супр.*, 561, 28). Это — старая форма (ср. косениемъ *di ářřz Пандект. Антиоха и Венский слав. кодекс 12, лист 15 б, прикосъ-, -ъшии, Кирилл Иерусалимский, прикосениемъ Минейя, 269, 6; см. Северьянов о Супрасльской рук.*). Несомненно, что уже в дописьменный период она стала довольно редкой; ср. также не-при-косновены, -о, -ъ *Требн.*, при-коснокосени *Супр.*, 93, 14/5 и падежные формы от дрѣзновенъ (дрѣзн-), дрѣзно-вение *Супр.* или *Требн.* и *Клоц. сб.*; следует обратить внимание на употребление этой причастной формы и образованного от нее существительного у глаголов с гласным исходом корня: -риновенъ *Пс.*, доуновениемъ *Требн.*, плинovenиъ *Ев.*, намановение, помановеньмъ *Супр.*, а также на употребление глаголов миновати, обвиновати, повиновати наряду с мишѣти, обвинѣти, повинѣти. Кроме того, вполне обычными формами являются: въздѣхнѣ (аор.), -жѣвъ и т. д. *Мар.*, *Зогр.*, *Асс.*, *Требн.*, *Сав.*, *Супр.* В Псалтыри употреблено дѣхновенъ (напротив, только издѣше, издѣше, -ъше *Мар.*, *Зогр.*, *Марк, 15, 37, 39, Лука, 18, 46*, последнее также в Ассеманиевом ев.); оусъхнѣтъ, -ж, -жѣтъше *Зогр.*, *Мар.*, *Асс.*, *Супр.*, в Остромировом ев. встречаем оусъхновение (со значением 'ἀποξηραλίξειν', но, напротив, оусъхи 'ἐξχοφον' *Матф.*, 5, 30; несомненно, что для корней дѣх- и сѣк- суффикс -п- является средством дифференциации значения). Затем надо обратить внимание на формы исхнѣ — 3 л. аор. *Зогр.*, *Мар.*, *Асс.*, *Сав.*, л. *Унд.*, *Марк, 5, 29* (единственное место, где аорист от этого глагола встречается в Евангелии; но *Син. пс. исхале 138 б, 1*), тѣхнѣвъшю *Зогр.*, *Мар.*, *Асс.*, *Сав.*, *Лука, 12, 36* (такие же формы находим и в Супр. рук.; наряду с тѣхнѣти также тѣхшѣти, тѣхѣ), раз-, съ-гнѣвъ (по разу; других форм нет) *Зогр.*, *Мар.*, *Асс.*, *Сав.*, оужаснѣтъ *Зогр.*, *Сав.*, -нѣша *Мар.*, *Зогр.*, *Супр.* (наряду с оужасе, -сѣ; см. стр. 311); в Синайской псалтыри встре-

чаем *отъригнѣ* (также *Супр.*) — аор., *прозвѣнѣша* (*Мар.* *прозвѣѣ*; см. стр. 311), *канѣша*, *оу-мѣкнѣша*, *оу-сѣнѣхъ*, *-ѣша*; в *Требнике* также 2 падежа от *оу-сѣнѣхъ*, *Супр.* *оу-сѣнѣ* и т. д. (:в *Требнике* представлены и 3 падежные формы от *оусѣпъ*, *кирил. надпись 993 г.* *оусѣпѣш(ихъ)*, *Супр.* *оу-сѣпѣ 275, 18*; в Евангелии употребляется несколько раз *оу-сѣпѣ* и существительное *оу-сѣпенис*); *Требн.* *въз-*, *въз-двигнѣхъ*, *Супр.* *по-двигнѣ* (см. стр. 311), в *Супрасльской* рукописи подобные формы находим от *-вѣнѣти*, *выкнѣти*, *-ванѣти*, *гонезнѣти*, *-канкнѣти*, *-крѣснѣти*, *-мѣкнѣти*, *-сѣпнѣти*, *-стигнѣти*, *-сѣхнѣти*, *-топнѣти*, *-трѣгнѣти* (*-рѣ-*), *-тъкнѣти*, *-тагнѣти*; ср. также отглагол. существительное *канкнѣненіе* (также с *вѣс-*) *Син. пс.*, *въскрѣсновеніи* (*-рѣ-*) *Мар.*, *Зогр.*, *покрыновениимъ Супр.* и т. д.

На стр. 311 рассматривались простые формы аориста от глаголов на *-пр-*; при этом формы на *-е* 2 и 3 лица ед. ч. остались вне рассмотрения. Нужно обратить внимание также на *за-кнѣ* *Киев. л.* (:*-*кнѣти*), *оу-тажѣ* там же, *про-тажѣ Супр.*, 14, 17 (:*-*тагнѣти*), *прильпѣ* употреблено несколько раз в *Синайской псалтыри* (:*-*льпнѣти*), *по-мръѣс Мар.*, *Лука, 23, 45*, *мръѣшю*, *рьшоу Зогр.*, *Асс.* там же (: *мръкнѣти*), *про-мъѣс Зогр.*, *Мар.*, *Асс.*, *Сав.* (: *-мъкнѣти*), *по-стижѣ Ев.* (: *-стигнѣти*), *по-гразе Супр.* (: *гразнѣти*), *въ-кыс Сав.*, *Зогр.* (: *кыснѣти*), *оу-трѣпѣста Супр.*, 66, 1/2 (: **трѣпнѣти*), *оу-вазоша Супр.* (: **вазнѣти*), *по-мръѣзша Супр.*, 349, 6/7 (: *-мръзнѣти*), *по-плѣзъ Супр.*, 354, 25, *вѣс-по-плѣзень Син. пс.*, 70 а, 2/3 (: **плѣзнѣти*, *Бол. пс.* *въпоплѣзновении*), *не-по-сагъши Супр.*, 375, 26 (: *по-сагнѣти*), *о-слѣпѣшемъ Требн.* 2 раза (: *-слѣпнѣти*), *оу-дѣвѣна Супр.*, 135, 2/3 (: **дѣ(в)нѣти*), — *ѡтрѣжѣны Требн.*, 51/2 (: *трѣгнѣти*) и т. д.

В древнеболгарском, в языке первых переводчиков носовой суффикс был проведен через всю парадигму не только у глаголов с гласным исходом корня, но также у *дрѣзнѣти*, *коснѣти*, *и-сакнѣти*, *оу-сѣкнѣти*, *въз-дѣхнѣти*, может быть, у *-гънѣти* и в некоторых других, не встречающихся в евангельских текстах. В деталях говоры расходились друг с другом (ср. *кѣс Супр.*); в письменный период употребление суффикса *-пр-* распространилось на аористы и причастия прошедшего времени. Хотя у многих глаголов суффиксы *-пе*, *-по-* в настоящем времени и *-пр-* в инфинитиве относительно позднего происхождения, все же упот-

ребление их в этих категориях восходит к дописьменному периоду.

Кроме глаголов, перечисленных выше и в § 58 (класс II), в древнеболгарском языке встречаются также глаголы *вѣснѣжти* (*вѣснѣжшѣ Клоц., 15/6*), *крѣкнѣжти* (*Супр., 129, 20*), *планѣжти* (*вѣс-планѣтъ Син. пс., 18 а, 17/8*).

III. Глаголы с основой настоящего времени на -іе-

Класс III а без второй глагольной основы на -а-; класс III б со второй основой на -а-.

К классу III а относится ограниченное число первичных и некоторые разряды отыменных и производных глаголов:

III а 1. Первичные глаголы — с корнем на -t-:

(об-, приоб-, съ-) *рѣсти*, -*рашѣ*; с корнем на l, r, n: *мѣти* (**mel-ti*), *мелѣ*, *клати* (**kol-ti*), *колѣ*, *крати* (**bor-ti*), *борѣ*, *жати*, *жнѣ*; с корнем на гласный: *знати*, *знаѣ*, *снѣти*, *снѣжѣ*(съ-), (оу-) *пѣвати*, -*аѣ*(**вѣлати*, *вѣлаѣ*? в евангелии засвидетельствованы только причастие *вѣлаѣ* и имперф. *вѣлаахѣ*); *дѣти*, *дѣжѣ* и *деждѣ* (см. ниже), *сѣмѣти*, *сѣмѣжѣ*, *спѣти*, *спѣжѣ*, *сѣти*, *сѣжѣ*; *вити*, *виѣ*(*вьѣ*), *по-вити*, *по-виѣ*, *шѣти*, *шнѣ* (*ši- < sji-*); *крыти*, *крыѣ*, *мыти*, *мыѣ*, *оу-ныти*, *оу-ныѣ*, *рыти*, *рыѣ*; *на-доути*, *на-доуѣ* (об-, из-) *оути*, -*оуѣ*, *уюти*, *уюѣ* (*уоу-*); только в аористе *от(ъ)вѣ*, -*ѣша*; см. стр. 316.

III а. 2. Производные глаголы: итеративы на -a-ti, -a-іо: *парѣцати*, -*аѣ*; *бывати*, -*аѣ*; *оубивати*, -*ѣжѣ* и т. д. (см. § 110,2); отыменные глаголы на -a-ti, -a-іо: *дѣла-ти*, *дѣла-ѣ*; *отъ-вѣштати*, -*аѣ* (суффикс -ja-; ср. *отъ-вѣтъ*) и т. д.; отыменные глаголы на -ѣ-ti, -ѣ-іо (после *і* и мягких согласных — -a-): *цѣлѣти*, -*ѣжѣ*; *разоумѣти*, -*ѣжѣ*; *боуѣти*, -*ѣжѣ* (-ю-); *об-ништати*, -*аѣ*; *ветѣшати*, -*аѣ*; *вѣз-мѣжати*, -*аѣ*; не всегда можно решить, является ли глагол отыменным. Так обстоит дело с глаголами *тълѣти*, *питѣти* и *питати*, *желѣти* и *желати*; для древнеболгарского языкового чувства эти глаголы не были отыменными, но, с другой стороны, они не воспринимались как одинаковые по образованию с глаголом *дѣти* и т. д.

III б. К этому классу относятся все глаголы с корнем на взрывной согласный или спирент в настоящем времени,

(*Требн.* съвѣшен, *Син. пс.* съвѣшеи, насьша), кроме того, основа съ- встречается в Зографском и Мариинском евангелиях (въсь, всь, съль, въ-сьно и т. д.; см. Wiedemann, стр. 150); наряду с этим находим и съа-. Представлены также формы дѣати и дѣти. В Мариинском евангелии эти формы распределяются так: простой глагол дѣати, -аша, но задѣша (3 раза), придѣша, одѣхомъ, -ша, -сте (2 раза), -нѣ (2 раза), -на, — *Требн.*: дѣати, дѣти, дѣаша; съдѣати, -ѣти, -ѣаль, -ѣннал, падѣахъ съа, но: въдѣ, -ѣша, одѣша, задѣша, въздѣвъ, — *Син. пс.*: надѣѣти сѣа (2 раза), -ѣахъ сѣа (аор.), но -въздѣхъ, -хомъ, ѡдѣша, одѣна (2 раза), — *Клоц.* дѣашете, съдѣа, -ати, — в Саввиной книге наблюдаются такие же отношения, как и в Мариинском евангелии. Первоначально глагол dēti: dēzdr был глаголом совершенного вида, а dējati: dējр — производным от него итеративом; отчасти это различие между ними сохраняется, но не везде (см. стр. 350); так, глагол *съ-dēti утратился и был заменен в качестве перфективного глагола глаголом съдѣѣти (сохранилась только форма съдѣѣтъ 'δημιουργεῖ').

Форма sējati — более поздняя вторичная форма от sēti; также vajati и т. д. вместо *vati и т. д.; vējati и т. д. вместо *vēti и т. д. Только dajati, -stajati, подобно dējati, являются более старыми формами; здесь вместе с различием в образовании основ различаются и виды глагола.

2. Формальное совпадение глагольной основы итеративов, принадлежащих к классу III б (несовершенного вида), со второй основой дуративов (в сложении глаголов совершенного вида) вызывает некоторую путаницу в отношении образований по аналогии. Дело обстоит следующим образом: класс глаголов типа алуѣ: алкати имел своей исходной точкой чередование, которое было представлено у ряда глаголов. Оно наблюдается еще в глаголах зѣдати: зижѣж, др.-чешск. lzáti (ст.-слав. *льзати): анжѣ, пьсати: пишѣ, пльзати: пльжѣ, слѣпати: слѣпѣж, стрѣгати: строужѣ, *стрѣцати: стрѣвѣж, трѣзати: трѣжѣ, урѣпати: урѣпѣж, бѣвкати: бѣвѣж, пѣввати: пѣвѣж, стѣлати: стѣлѣж, имати: емѣж. Это чередование, у ряда глаголов уже утраченное или продолжающее утрачиваться в течение праславянского периода, перестало восприниматься как необходимый или даже важный признак класса с -je-a- (см. стр. 231; для таких редко встречающихся в текстах глаголов, как пльзати, стрѣгати, *стрѣцати в некоторых древне-

болгарских говорах выравнивание пошло дальше, чем оно проявляется в текстах). Данный тип спряжения развился также и у глаголов без чередования, имевших точно такой же вокализм, как и входящие в эту группу итеративы; в результате в старославянском находим следующие параллельные формы:

Дур. (сложн. соверш.)	мажѣ, мазати
”	” гашѣ, гасати
”	” мрьѣти, мрьцати
”	” ташѣ, тасати
”	” кажѣ, казати
”	” важѣ, вазати
”	” ишѣ, исати
”	” (по-)ѣшѣ, (по-)ѣсати
”	” пишѣ, писати (в ряде памят- ников писати)
Итер. (сложн. соверш.)	-мазати, -мазати
”	” -гасати, -гасати
”	” -мрьцати, -мрьцати
”	” -тасати, -тасати
”	” -казати, -казати
”	” -вазати, -вазати
”	” -исати, -исати
”	” (по-)ѣсати, (по-)ѣсати
”	” -писати, -писати

В некоторой части подобных глаголов имелись различия в интонации между дуративами (соверш. вида) и итеративами, но вряд ли они носили всеобщий характер. Однако различие между этими двумя категориями сохранялось. Ср. *обръжѣтъ Лука, 2,21* (да и о. тоѣ перитѣмѣѣ) *Зогр., Мар., Асс., Сав.:* *обръзаете (-латѣ) Иоанн, 7,22* (перитѣмѣѣте) *Зогр., Мар., Асс., — прѣповѣсаетъ сѣ Требн. 97 а, 11* (примѣлетъ... прѣп... вѣстѣмѣетъ), но *97 б, 15/16* *вѣлѣѣте сѣ... поѣшите сѣ... примѣте, 84 а, 23:* *вѣрѣжи сѣ ...! прѣповѣши сѣ;* см. далее *85 б, 23, 93б, 26, 100 а, 15;* см. Вондрак, *Aksl. Gr.*, изд. 2, стр. 563 и сл., где также указана форма *съжазати ‘ὁποδείξω* *Лука, 12,5, Зогр., Мар. (Асс. съжажѣ);* встречается также замена наст. вр. на аіе- посредством простой формы на је-: *при-сѣжѣщимъ Син. тр., 24 а, 6, въ-скаѣтъ Супр., 421, 6, на-скаѣтъ 497, 15;* в Супрасльской рукописи встречаются такие случаи, когда

у некоторых глаголов соответствующий дуратив (в сложении совершенного вида) образуется без суффикса (на это могли повлиять исконно итеративные глаголы) несовершенного вида типа -ьmati: -eml'о, ristati: risto¹: нариуѣ и т. д., страд. прич. нариуѣмый (нарицаемый, во всяком случае, еще чаще), прорриуѣть 381, 23, -уа 305, 27, так же как и цвѣтъць не оуважда *Супр.*, 352, 23 (: ни оуваждаштинимъ вѣньцемъ 256, 19, неовувадаштинимъ вѣньцемъ 271, 12/13); в Шестодневе и т. д. находим -тиуѣ: -тицати. Формы наст. вр. ѿ-клеветѣѣ, -еши *Супр.*, 413, 26; 408, 18 являются также вторичными, в противоположность формам, образованным в Мариинском, Зографском, Ассеманиевом ев., Саввиной книге, Псалтыри, Клоцовом сб. от основы наст. вр. ѿ-клеветаете-; эти формы отличаются от нариуѣ и т. д. только тем, что глагол ѿклеветати — совершенного вида (при этом форма ѿклеветавашитаго 2 раза *Син. пс.* — несовершенного вида). — совалѣть *Супр.*, 234, 12 образовалось потому, что основа инфинитива сова- была введена также и в настоящее время (вместо sove-? suje-?); также и растръзываютъ там же, 350, 28; в более поздних церковнославянских рукописях глаголы на -ovatі встречаются чаще.

Замечания к спряжению отдельных времен и наклонений.

Спряжение настоящего времени для всех глаголов класса III одно и то же. Например:

Ед. ч.	1 л.	знаѣѣ	дѣлаѣѣ	колюѣѣ	мажуѣѣ	коупоуѣѣ
	2 л.	знаеши	дѣлаеши	колѣеши	мажеши	коупоуеши
	3 л.	знаетъ	и т. д.	и т. д.	и т. д.	и т. д.

Дв. ч.	1 л.	знаеѣѣ
	2 л.	знаестѣ
	3 л.	знаете

Мн. ч.	1 л.	знаемъ
	2 л.	знаете
	3 л.	знають

О встречающихся в этой парадигме случаях ассимиляции и стяжения см. стр. 125 и сл.

¹ Ср. приришѣште *Марк.* 9, 15, съриштеѣ сѣ *Марк.* 9, 25, пририѣ *Требн.*, 83 б, 24, пририѣѣѣ 84 а, 9/10.

Причастия наст. вр.			
Действительные прич.:	знаѣа	дѣлааа	колаа
	Род. знаѣшта	дѣлаѣшта	колаѣшта
	и т. д.	и т. д.	и т. д.
Страдательные прич.:	знасмѣ	дѣлаасмѣ	коласмѣ
	Повелит. накл. знаи	дѣлаи	коли
	знаивѣ	дѣлаивѣ	коливѣ
	и т. д.	и т. д.	и т. д.
Причастия наст. вр.			
Действительные прич.:	мажа	коупоуа	
	Род. мажѣшта	коупоуѣшта	
	и т. д.	и т. д.	
Страдательные прич.:	мажсмѣ	коупоуемѣ	
	Повелит. накл. мажи	коупоуи	
	маживѣ	коупоуивѣ	
	и т. д.	и т. д.	

О новообразованиях на -ѣвъ, -ивѣ, -авѣ и т. д. см. стр. 305 и сл.

Об образовании имперфекта см. № 59. Из изложенного там видно, что существуют следующие типы имперфекта:

о́браштаахъ	знаахъ	виахъ	дѣлаахъ	питаахъ
мѣлаахъ	сѣмаахъ	крѣахъ	бѣваахъ	цѣлаахъ
жѣнаахъ		уоуахъ	оубѣахъ	боуахъ
III а 1			III а 2	
мазаахъ	грѣахъ ¹	коуповаахъ		
пѣлаахъ	даахъ	сѣназоваахъ		
III б				

Аорист. Кроме (об-, из-об-, съ-)рѣтъ и более позднего -рѣтохъ, 2 и 3 л. ед. ч. -рѣте и т. д., все глаголы этого класса имеют тип аориста 2: вихъ, ви и т. д.; крѣхъ, крѣи и т. д.; уюхъ, ую и т. д.; знахъ, зна; сѣхъ, сѣ; по-жа (*Супр.*, 364, 19); также 2—3 л. ед. ч. *Син. пс.* за-кла (-кѣла), прѣ-брѣ (вѣраша), 3 л. мн. ч. сѣ-мѣша; а также некоторые многосложные основы:

¹ Такие формы вряд ли встречаются в полном своем виде. Следует обратить внимание на формы к сѣти: аор. сѣхъ, сѣи, имперф. сѣихъ, сѣи.— К сѣти, сѣти — аор. сѣахъ, сѣи, сѣахъ, сѣи, имперф. *сѣаихъ, *сѣаихъ.

дѣла, пить, пьса, маза, на-сѣдова. О других лицах см. стр. 220.

О причастиях прошедшего времени действительных I и II см. § 63. Формы *ѡб-рѣтъ*, *ѡб-рѣлъ* в классе III являются одиночными, хотя можно предположить праславянские формы **kol-ъ*, **mel-ъ*, **bor-ъ*, но в древнеболгарском, вероятно, были употребительны **kla-vъ*, **mlè-vъ*, **bra-vъ*; для причастия II фонетически закономерными формами являются формы *kla-lъ*, *mlè-lъ*, *bra-lъ*.

Причастия прош. вр. страдательные: *ѡб-рѣт-енъ*, *-кол-енъ*, а также и незасвидетельствованные формы **mel-enъ*, **bor-enъ* (отсюда *кореннѣ*); *-кланъ*, **b(ъ)гпъ* (*бѣрание* — существительное) — образования по аналогии с *зна-нъ*, *дѣла-нъ* и т. д.; затем причастия *внѣнъ* (*вѣенъ*), *крѣвенъ*, *шѣвенъ*, *ѡб-ѡулены* *Мар.*, *Зогр.*, *Марк.* 6, 9; напротив, от корней на -а-, -е- имеем: *знанъ*, *ѡ-дѣнъ*, *сѣнъ* и от многосложных инфинитивных основ на -а-, -ѣ- — *дѣланъ*, *сѣ-казанъ*, *дарованъ*, *ѡу-питьнъ*.

Замечания об отдельных глаголах и группах глаголов.

дѣлти, *сѣлти*. О вторичных формах на -ати см. стр. 125.

виж и т. д. Об отношениях этого класса глаголов к *пиж* см. стр. 338; несмотря на различия в ударении и интонации и на различный способ образования страдательных причастий прошедшего времени и 2 и 3 лица аориста, эти два типа настоящего времени воспринимались как образования, не слишком строго отделенные друг от друга; так, надо обратить внимание на одинаковое деление на слоги: *рѣ-іѡ*, *бѣ-іѡ* и *ро-іѡ*, *лѣ-іѡ* и т. д. (см. стр. 339 и сл.), как *кгу-іѡ* (*крѣ-іѡ*), *си-іѡ*. — О повелительном наклонении *кры*, мы наряду с *крын*, *мын* см. § 24, п. в.

О *хотѣти*: *хотѣѣ*, -сши и т. д. и *до-вѣлти*: *до-вѣлѣ*, -ѣвши см. ниже, в классе IV б.

Изолированное положение среди глаголов III класса занимают глаголы *ѡб-рѣсти*, *ѡб-рѣштѣ*; *жати*, *жнѣѣ*. Их основа инфинитива и все формы, образованные от нее, включая и аорист, согласуются с классом I а. Так как *жати* имеет *ѣ* с акутовым ударением (сербо-хорв. *žěti*), то для древнейшего болгарского следует предположить 2—3 лицо аориста **žę*, а не **žę-тъ* (могло быть и **žьне*, ср. -тъе наряду с -трѣ, -трѣ), а страдательное причастие прошедшего времени, вероятно, имело вид **žьпенъ* (как *-дѣшенъ*; см. § 64, п. 2).

Настоящее время *деждъ*, которое встречается только в сложных глаголах *въздѣти*, *въдѣти*, *одѣти* (инф. *дѣти*) (*Ев., Пс., Требн., Супр.*; в Клоц. сб. — только форма наст. вр. простого глагола: *дѣтъ* 2 раза, *дѣмъ*), искони имело значение совершенного вида, в то время как *дѣмъ*, инф. *дѣти* (-ати) являлось итеративом (поэтому, например, форма *одѣтъ сѧ Требн., 97 а, 17* стоит в предложении в одном ряду с формами наст. вр. *вѣлаунѣ сѧ* — *примелѣтъ* 2 раза — *прѣповѣсѣтъ сѧ* — *въстѣпаѣтъ* — *примелѣтъ*; *придѣмѣше* — несов. вида *Мар., Зогр., Лука, 23, 36*; *надѣмъ сѧ*, *надѣѣти сѧ*; *издѣмѣша Син. пс.*). О *дѣѣши*, *дѣши*, *дѣѣ Супр.* см. § 108, п. е.

клати, *брати*, *мѣти*. Со вставным редуцированным: *за-кѣла Зогр., Лука, 15, 27*, *закѣла, закѣлаа Асс., Лука, 15, 27, 30*; *закла Зогр., Лука, 15, 30, Мар., Сав. Лука, 15, 27, 30*; *кѣла* — также в Синайской псалтыри и в Супрасльской рук. — *б'рахома Супр., 72, 27*, *б'раша 113, 9*, *б'ранию 86, 13*, *б'ранию 86, 14*: *прѣ-бра 489, 5*, *браша Син. пс.* 2 раза. — *мѣлѣтъ* (супин) *Супр., 565, 4*: *сѣ-мѣлѣша 395, 30*. По аналогии с типом *б'рати* (: *берѣ*; ѣ по перегласовке из ъ) находим и *мѣрѣти* (со вставным ъ; см. стр. 339). Нельзя решить, произносились ли в каждом отдельном случае вставные редуцированные и редуцированные в тех словах, которые послужили образцом для вставки этих звуков.

IV. Глаголы с основной настоящего времени на -і-.

Выделяются две группы: IV а — основа инфинитива оканчивается на -і-; IV б — основа инфинитива оканчивается на -ѣ-. Глагол *сѣпати*, наст. вр. *сѣплѣмъ*, *сѣпиши* и т. д., не относится ни к одной из этих групп.

Образование и спряжение глаголов настоящего времени изъявительного наклонения, повелительного наклонения и причастий наст. вр. в обеих группах совпадают; также глагол *сѣплѣмъ*; например:

(IVа)		(IVб)		(сѣпати)
Изъяв. накл.				
Наст. вр.	Ед. ч.	1 л.	<i>хвѣламъ</i>	<i>сѣтѣмъ</i>
		2 л.	<i>хвѣлаши</i>	<i>сѣтѣшиши</i>
		3 л.	<i>хвѣлаитъ</i>	<i>сѣтѣшитъ</i>
				и т. д.

Дв. ч.	1 л.	хвалѣвъ	слышѣвъ	
	2 л.	хвалѣнта	слышѣнта	
	3 л.	хвалѣнте	слышѣнте	
Мн. ч.	1 л.	хвалѣмъ ¹	слышимъ	
	2 л.	хвалѣнте	слышите	
	3 л.	хвалѣтъ	слышатъ	съпатъ
Повелит. накл.				
Ед. ч. 2, 3 л.		хвали	слыши	съпи
Дв. ч. 1 л.		хвалѣвъ	слышѣвъ	съпѣвъ
		и т. д.	и т. д.	и т. д.
Причастие действит.		хвалаа	слышаа	съпаа
		Род.	хвалааша	слышаша съпаша
Причастие страдат.		и т. д.	и т. д.	и т. д.
		хвалѣмъ	слышимъ.	

В 1 лице ед. ч. настоящего времени к глагольному корню (у большинства глаголов он оканчивается на согласный) присоединяется *-іѡ*. О звуках и группах, возникших в результате сочетания согласного с *і*, см. § 18.

Остальные глагольные формы образуются от основы инфинитива; при этом надо обратить внимание на изменение праславянских групп *-іѣ-*, *-кѣ-*, *-гѣ-*, *-хѣ-* в *-іа-*, *-ѡа-*, *-(d)ѡа-*, *-ѡа-* (см. § 19); поэтому: *стоѡти* (*стоѡти*), *криѡти* (*-ѡѡти*), *лѡѡти* (*-ѡѡти*), *слышѡти* (*-шѡти*). Что касается согласных в этих формах, то они выступают в том же виде, что и в форме настоящего времени, где *k*, *g*, *χ* перед *і*, *ѣ* изменяются в *ѡ* или *(d)ž*, *š*. (Об *ѡ* (*ѡ*) на месте *a* после *ѡ* и т. д. и *і* см. § 27.)

Примеры:

	IVa		IV б	(съпати)
Имперфект	хвалѣвахъ (-ѡахъ)	велѣвахъ	слышѡвахъ	съпѡвахъ

О спряжении его см. § 59. Там же и о более новом типе *радѣвахъ*.

Аор.	хвалихъ	велихъ	слысѡхъ	съпахъ
2, 3 л. ед. ч.	хвали	вели	слысѡ	съпа
	и т. д. по типу аор. 2; см. стр. 310.			
Инф.	хвалити	велѡти	слышѡти	съпати
Супин	хвалѣтъ	велѡгъ	слышѡтъ	съпатъ

¹ Дл *съмѡтриѡмъ* Супр., 54, 13, вероятно, описка.

Причастие I *хва̑лъ*, род. -ьша *всѣхъ* *слышавъ* *сѣнавъ*
 прош. вр. (*хва̑ливъ*, -ьша)

действит.

Причастие II *хва̑навъ* *кѣхъ* *слышавъ* *сѣнавъ*

прош. вр.

действит.

Причастие *хва̑ненъ* *всѣнъ* *слышанъ*.

прош. вр.

страдат.

О втором типе действит. причастия I прошедшего времени для класса IV а см. § 63.

В страдат. причастии прошедшего вр. класса IV а имеем такое же изменение согласного *i*, как в 1 лице ед. ч. настоящего времени.

Замечание об отдельных глаголах:

Смешанную форму настоящего времени имеет глагол *хощѣ*, *хощеши* и т. д., но 3 л. мн. ч. *хотатъ*, также *довѣлѣ*, *до-вѣлѣши* и т. д., но *до-вѣлатъ*. Инфинитивы: *хощѣти*, *до-вѣлѣти*; от той же основы образован имперфект: *хотѣхъ*, *до-вѣлѣхъ*, аор. *хотѣхъ*, *до-вѣлѣхъ*. Повел. накл. *въсхощи* *Супр.*, 2, 7, действит. причастие наст. вр. *хотѣ*, -ашѣ. О 2 лице ед. ч. изъяв. накл. *хощи* см. стр. 301. О *хѣт*-наряду с *хот*- см. стр. 138. Наряду со старой формой наст. вр. *довѣлѣ* и т. д. в Зографском, Маринском¹, Ассеманиевом ев., Саввиной кн., Клоцовом сборнике, Требнике, Супрасльской рук. стоит причастная форма *довѣлѣ* *Требн.*, 99а, 21/2, в Супрасльск. рук. 5 раз встречается *довѣлѣтъ*; подобные формы имеются также и в более поздних памятниках и в Остромировом евангелии.

К *горѣти* относится действит. причастие наст. вр. *gorot-*, *gorošt-* (им. п. ед. ч. *горѣ* засвидетельствован только в среднеболгарском; в Охр. ап. — *горѣше* *Зогр.*, *Мар.*, *Асс.*, *Лука*, 12, 35; *Син. пс.* *горѣшимъ*, *горѣшими*; такие же формы представлены и в Супрасльской рукописи, сюда же относятся и форма *Мар. ев.* *гора* — дважды; см. стр. 272 и сл.). Эти формы древнее, чем *гора*, *горашт-* (*Зогр.* *гора* 1 раз, *Сав.* *гораште*, Супрасльская рук. имеет такие же формы; трудно решить, соответствует ли форма Ассеманиева ев.

¹ *довѣлѣтъ* *Мар.*, *Иоанн*, 6, 7 объясняется как образование по аналогии на -ѣтъ, но может быть и ошибкой вместо *довѣлѣать*.

гора, -иа форме Мариинского ев. гора или форме Зографского гора).

К глаголу видѣти относится форма 2 лица ед. ч. повелительного наклонения виждь (-ъ; *Требн.* -и). А наряду с обычной формой страдательного причастия наст. вр. видимъ в Супрасльской рукописи встречается архаическая форма видомъ (невидимыи ї видомъ ... не вѣдомы и вѣдомъ 504, 29; видомыхъ 430, 2/3; у Григория Назианз. — *прѣвидомо*), в более поздних памятниках встречается также и действительное причастие видѣшт-, которое также является очень древним.

К классу IV а относятся также многочисленные отыменные глаголы (например, хвалити, любити, сѣдити), имеющие иногда факитивное значение (цѣлѣти, оу-мрътвѣти, оу-гнѣвѣти, правѣти и т. д.); кроме того, каузативы (пѣти к пѣти, бѣудити к бѣдѣти, оуучити к вѣкижѣти) и итеративы (ходѣти к нѣти, причастие прош. вр. I шѣдъ, носѣти к нести, лазѣти к лѣсти и т. д.). — IV б — это класс первичных глаголов: вѣштати (вѣштѣ, вѣштитиши, корень *bl̥sk-*), вѣѣти, вѣѣти сѣ, вѣдѣти (к нему же на-вѣдѣти, съ-на-вѣдѣти), вѣжати, вѣсѣти, вѣдѣти (к сложным глаголам относится, вероятно, и об-вѣдѣти), вѣсѣти, вѣрѣти, до-вѣѣти, вѣрѣти, горѣти, грѣмѣти, движѣти, дръжѣти, жадѣти, зръѣти, клауѣти, криуѣти, късѣти, кыпѣти, лѣжати, летѣти, -лѣпѣти, лѣштати сѣ, мѣуѣти, мръзѣти, мѣуѣти, мѣнѣти, пльзѣти, поѣти, пьрѣти сѣ, свѣѣти сѣ, скръѣѣти, слѣшати, смръдѣти, стоѣти, стѣдѣти сѣ, сѣдѣти, трѣпѣти, тѣштати, тажати, штадѣти, хотѣти.

ЛИТЕРАТУРА:

Работы, указанные в списке литературы к § 53. Затем: Г. Ульянов, Основы настоящего времени в старославянском и литовском языках, Варшава, 1888; Значения глагольных основ в литовско-славянском языке. I. Основы, обозначающие различия по залогам, II. Основы, обозначающие различия по видам, Варшава, 1891 и 1895 — и Meillet, Etudes, стр. 8—58. — О некоторых деталях — J. Zubatý, Slov. *ryjanz* a jiné tvary podobné, „LF“, XXVIII, стр. 24—35, 359—365.

Частные вопросы: Кл. А.: Супплетивное спряжение es-: by-; K. Brugmann, Die Syntax des einfachen Satzes im Indogermanischen, Berlin — Leipzig, 1925, стр. 75 и сл. — *sēti 'sunt': J. Polívka, „LF“, XXX, стр. 229 и сл.; XXXIV, стр. 30; „Изв.“, XII, 3, стр. 355. — M. Weingart, 3. pl. praes. verbi *esmi ve slovanštině, „Prace lingw.“, стр. 25—30; „CMF“, VIII, стр. 251 и сл.; X, стр. 272. — vědě, věmь

С. Кульбакин, „Изв.“, IV, стр. 860 со сноской.— A Meillet, „GGA“, 1910, стр. 364.— R. Nahtigal, „Razprave“, II, стр. 255.— Ср.-болг. *имать* и т. д.: С. Кульбакин, „Изв.“, IV, стр. 850.— *ima-*: *imě-* в наст. вр.: A. Meillet, „RS“, VI, стр. 134 и сл.— N. van Wijk, „JA“, XL, стр. 267. и сл.

Кл. Б I: Постоянные корреляции: N. van Wijk, *Tauta ir Žodis*, IV, Kaunas, 1926, стр. 77—80.— Типы *pě o*, *bějo*: N. van Wijk, „Review“, III, стр. 37—41; „IF“, XLIII, стр. 281—289.— Основы наст. вр. с носовым инфиксом: Г. Ульянов, *Значения*, I, стр. 117—121.— *grědo*: В. Ягич, *Entst.*, изд. 2, стр. 337.— *r'uti* и т. д.: A. Meillet, „MSL“, XIV, стр. 354 и сл.— *isko*, *išto*: A. Meillet, „MSL“, XI, стр. 300, сноска.— Тип. *lějo*: A. Meillet, „MSL“, XIV, стр. 345—347 (со списком некот. литературы).— Ф. Фортунатов, *Лекции*, стр.—145.— W. Vondrák, *Vgl. Gr.*, I, изд. 2, стр. 195.

Кл. Б II: A. Meillet, „MSL“, XIV, стр. 203—206, 347; „RS“, VI, стр. 136—139; *Slave s.*, стр. 189—193.— Я. Эндзелин, „РФВ“, LXVIII, стр. 370—372.

Кл. Б III: Тип *-jo*: *-ati*: Г. Ульянов, *Значения* (см. выше), I, стр. 110—112, 130 и сл.— N. van Wijk, *Tauta ir Žodis*, IV, Kaunas, 1926, стр. 72—83; *O rzeczownikach typu trepetz i o czasownikach typu trepetati, trepešto*, *Symbolae-Rozwadowski*, II, стр. 159—165.— *нарѣмъ*: W. Vondrák, *Aslov. Stud.*, стр. 47.

Кл. Б IV: J. Horák, *Z konjugace souhláskové*, Praha, 1896 и др. (В целом посвящено праславянскому происхождению этого класса; об этом см.: V. Vondrák, „JA“, XX, стр. 406—410).— Г. Ульянов, *Значения* (см. выше), I, стр. 91—107.— Ф. Фортунатов, *Сборник*, LXIV, № 11, стр. 48—51.— A. Meillet, „MSL“, XI, стр. 323.— *gorpt-*: E. Berneker, „JA“, XXV, стр. 493.

[Е. В. Чешко, К истории славянских глагольных видов (основы глаголов движения в Зографском кодексе). Уч. зап. Ин-та славян., III, 328—344.]

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ (основные работы и журналы)

Р. Брандт, Григор. Парем. = Григоровичев Паремийник. В сличении с другими паремийниками, 3 тетр., Москва, 1894—1901.

А. Будилович, Исследование = Исследование языка древнеславянского перевода XIII слов Григория Богослова по рукописи Императорской Публичной Библиотеки, СПб, 1871.

Г. Воскресенский, Др.-слав. Ап(остол) = Древнеславянский Апостол, 3 тетр., Сергиев Посад, 1892, 1906, 1908.

Год. Соф. Унив. = Годишник на Софийския Университет.

Горский — Невоструев = А. Горский и К. Невоструев, Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, I, Москва, 1855; II, 1, 1857; II, 2, 1859; II, 3, 1862.

Н. Грунский, К Зогр. ев. = К Зографскому евангелию, в Сборнике, LXXXIII, СПб, 1907.

Н. Грунский, Лекции = Лекции по древнецерковнославянскому языку, изд. 2 (конспективное) со снимками и текстами, Дорпат (Юрьев), 1914.

Н. Дурново, Очерк = Очерк истории русского языка, Москва, 1924.

И. Евсеев, Дан. = Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе, Москва, 1905.

ЖМНП = Журнал Министерства Народного Просвещения. Последнее время издавался Е. Радловым, СПб.

Зборник Белићу = Зборник филолошких и лингвистичних студија А. Белићу поводом 25. годишњице његова научног рада, Белград, 1921.

Ј. Иванов, Бълг. стар(ини) = Български старини из Македония, София, 1908.

Изв. = Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук (после Октябрьской революции: Российской Академии Наук, после 1925: АН СССР), СПб (Петроград, Ленинград), 1896 и сл., после 1928 под названием: Известия по русскому языку и словесности.

Г. Ильинский, О некот. арх. = О некоторых архаизмах и новообразованиях праславянского языка. Морфологические этюды, Прага, 1902.

Г. Ильинский, Прасл. гр. = Паславянская грамматика, Нежин, 1916.

Г. Ильинский, Слеч. ап. = Слеченский Апостол XII века, Москва, 1912.

В. Истрин, Хрон. Г. Ам. = Книги временные и образные Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь, Петроград, 1920—1922—1930.

М. Козловский, О яз. Остр. ев. = Исследование о языке Остромирова евангелия, в Исследованиях по русскому языку, I, СПб, 1885—1895.

С. Кульбакин, Др.-ц.-сл. яз. ³ = Древнецерковнославянский язык³, Харьков, 1917.

С. Кульбакин, Грамм. = Грамматика церковнославянского языка по древнейшим памятникам. [Энциклопедия славянской филологии, вып. 10.], Петроград, 1915.

С. Кульбакин, Миросл. = Палеографска и језичка испитивања о Мирослављевом Јеванђељу, Белград, 1925.

С. Кульбакин, Охр. рук. Ап. = Охридская рукопись Апостола конца XII века, София, 1907.

П. Лавров, Обзор = Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка, Москва, 1893.

Б. Ляпунов, Синод. спис. = Исследование о языке синодального списка 1-ой Новгородской летописи, вып. I, СПб, 1900.

Б. Ляпунов, Формы склонения = Формы склонения в старославянском языке. I. Склонение имен, Одесса, 1905.

Мак. прег. = Македонски преглед. Списание за наука, литература и културен живот (Revue macédonienne), София, 1924 и сл.

А. Михайлов, Опыт = Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе, I, Варшава, 1912.

МСб. = Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. Начиная с XXVII т.: Сб. за нар. ум. и народописъ. Изд. Министерством просвещения, позже — Болгарским литературным обществом (Българското книжовно дружество) или Академией наук, София, 1889 и сл.

С. Обнорский, Ефр. К. = О языке Ефремовской Кормчей XII века. СПб, 1912.

В. Погорелов, Толкования, Толков. Феод. = Толкования Феодорита Киррского на Псалтырь в древнеболгарском переводе, Варшава, 1910.

В. Погорелов, Словарь = Словарь к толкованиям Феодорита Киррского на Псалтырь в древнеболгарском переводе, Варшава, 1910.

А. Потебня, Из записок = Из записок по русской грамматике², Харьков, 1888.

Прилози = Прилози за книжевност, језик, историју и фолклор. Изд. П. Поповичем и др., Белград, 1921 и сл.

ПСП. = Периодическо списание, Браила — София, 1870 и сл.

РФВ = Русский филологический вестник. Последнее время издавался Е. Ф. Карским, Варшава, 1879 и сл.

Сборник = Сборник отделения русского языка и словесности, СПб, 1867 и сл.

Сборник Фортунат. = Сборник статей, посвященных... Филиппу Федоровичу Фортунатову по случаю тридцатилетия его ученой и преподавательской деятельности в Имп. Московском Университете, Москва, 1902. [=РФВ, XLVIII—XLIX.]

Сборник-Златарски = Сборник в чест на Васил Н. Златарски по случай на 30-годишната му научна и професорска дейност, София, 1925.

В. Северьянов, Супр. рук. = Супрасльская рукопись, I, СПб, 1904.

А. Селищев, Очерки (I) = Очерки по македонской диалектологии, I, Казань, 1918.

А. Соболевский, Лекции⁴ = Лекции по истории русского языка⁴, Москва, 1907.

А. Соболевский, Мат(ер). и исслед. = Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии, в Сборнике, LXXXVIII, СПб, 1910.

Спис., Списание = Списание на българската Академия на Науките, София, 1911 и сл.

Срезневский = И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, СПб, 1890—1912.

И. Срезневский, Др. глагол. пам. = Древние глаголические памятники сравнительно с памятниками кириллицы, СПб, 1866.

И. Срезневский, Др. сл. пам. юс. письма = Древние славянские памятники юсового письма с описанием их и с замечаниями об особенностях их правописания и языка. Сборник III отд. р. яз. и слов., СПб, 1868.

И. Срезневский, Свед. и зам. = Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, СПб, 1867, 1875, 1876, 1880. № I—XL в Сборнике I, № XLI до LXV в Сборнике XII, № LXVI до LXXX в Сборнике XV, № LXXXI—XC в Сборнике XX.

Ф. Фортунатов, Лекции = Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка. Посмертное издание, Петроград, 1919.

Ф. Фортунатов, Состав О. Е. = Состав Остромирова евангелия, СПб, 1908. Сборник статей в честь В. И. Ламанского.

Б. Цонев, Врач. ев. = Врачанско евангеле. Среднобългарски паметник от XIII век, София, 1914.

Б. Цонев, Диал. студии = Диалектни студии. I. Поправки и дополнения към Милетичевата книга Das Ostbulgarische, София, 1904. В „МСб.“, XX.

Б. Цонев, Добрейш. ев. = Добрейшово четвроевангеле. Среднобългарски паметник от XIII век, София, 1906.

Б. Цонев, История I = История на българский език. А. Общая часть. I, София, 1919.

Б. Цонев, Класификация = Класификация на българските книжовни паметници от най-старо време до края на XVI век, София, 1905, в Год. Соф. Унив. за 1904—1905 г.

Б. Цонев, Увод = Увод в историята на български език, София, 1901, в „МСб.“, XVIII.

Чтения = Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете, Москва.

А. Шахматов, Очерк = Очерк древнейшего периода истории русского языка. [Энциклопедия славянской филологии, 11, 1], Петроград, 1915.

В. Шепкин, Бол. пс. = Болонская псалтырь, СПб, 1906.

В. Шепкин, Рассуждение = Рассуждение о языке Саввиной книги, в Петербургском Сборнике, LXVII, СПб, 1901.

В. Шепкин, Учебник р. пал. = Учебник русской палеографии, Москва, 1920.

Я. Эндзелин, Слав.-балт. эт. = Славяно-балтийские этюды, Харьков, 1911.

Ј. фил., Јф. = Јужнословенски филолог, повремени спис за словенску филологију и лингвистику. Изд. А. Беличем, Белград, 1914 (I), 1921 и сл.

В. Ягич, Графика = Графика у славян [Энциклопедия славянской филологии, выпуск 3], СПб, 1911.

В. Ягич, Четыре... статьи = Четыре критико-палеографические статьи. Приложение к Отчету о присуждении Ломоносовской премии в 1883 г., СПб, 1884 (Сборник XXXIII, № 2).

S. Agrell, Z. sl. Lautl. = Zur slavischen Lautlehre, Lund, 1915.

BB = Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. Изд. А. Беуценбергером, от XIX т. вместе с В. Прелльвицем, Göttingen, 1877—1906.

Berichte Leipzig = Berichte über die Verhandlungen der kgl. sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig. Philologisch-histor. Klasse, Leipzig, 1849 и сл.

E. Berneker, Et. Wtb. I = Slavisches etymologisches Wörterbuch. I. A — L, Heidelberg, 1908—1913.

E. Boehme, Actiones = Die Actiones der Verba simplicia in den albulgarischen Sprachdenkmälern, Leipzig, 1904.

O. Broch, Slav. Phon. = Slavische Phonetik, Heidelberg, 1911.

K. Brugmann, Grundriß = K. Brugmann und B. Delbrück, Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, 2 переработанное издание, Straßburg — Berlin, 1897 — 1916.

B(ull). SL. = Bulletin de la Société de Linguistique de Paris, Paris; начиная с 1907 г. включает критические статьи, а в последние годы также и статьи различного содержания.

Čas. za slov. jez. = Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino. Изд. А. Каспретом, Ф. Кидричем, Р. Нахтигалем, Ф. Рамовшем (начиная с III т. — только тремя последними), Любляна, 1918 и сл.

ČČM = Časopis českého musea, Praha, 1827 и сл.

ČMF = Časopis pro moderní filologii a literatury. Изд. Янко, Махалем, Гашковцем; начиная с IX т. также и Матезиусом, Praha, 1911 и сл.

I. Črnič, Assem. = Assemanovo izborno evangjelje, Rom, 1878.

Delbrück, Grundriß. См. Brugmann.

Denkschr. = Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse, Wien, 1850 и сл.

DLz. = Deutsche Literaturzeitung. Изд. М. Родигером и другими, Berlin, 1880 и сл.

EP = Encyklopedia polska. II, III: Język polski i jego historia z uwzględnieniem innych języków na ziemiach polskich, Kraków, 1915.

J. Gebauer, Hist. ml. = Historická mluvnice jazyka českého, I, Praha, 1894; III, 1, 1896; III, 2, 1898; IV, 1929.

GGA = Göttingische gelehrte Anzeigen, Göttingen, 1753 и сл. (начиная с 1802 г. под настоящим заглавием).

Gr. J. P. = T. Benni, J. Łoś, K. Nitsch, J. Rozwadowski, H. Ułaszyn, Gramatyka języka polskiego, Kraków, 1923.

O. Hujer, Slov. dekl. jm. = Slovanská deklinace jmenná, Praha, 1910.

O. Hujer, Úvod² = Úvod do dějin jazyka českého², Praha, 1924.

IF = Indogermanische Forschungen. Изд. К. Бругманом и В. Штрейтбергом, т. XL — XLIII — Штрейтбергом, т. XLIV и сл. — Ф. Зоммером и А. Дебруннером, Straßburg, 1892 и сл., Berlin — Leipzig, 1917 и сл.

JA = Archiv für slavische Philologie. Изд. В. Ягичем; начиная с 38 т. — Е. Бернекером, Berlin, 1876 и сл.

V. Jagić, Ap(ost). = Zum altkirchenslawischen Apostolus, Wien, 1919—1920 (S.-B., 191, 193, 197). Числа I, II относятся к тетр. II или III всей работы — лексике. Особенности славянского перевода, I, II.

V. Jagić, Beiträge = Beiträge zur slavischen Syntax, Wien, 1899, в Denkschriften, XLVI.

V. Jagić, C. M. = Quattuor evangeliorum versionis palaeoslovenicae Codex Marianus glagoliticus (Памятник глаголической письменности. Маринское четвероевангелие с примечаниями и приложениями), Berlin — Санкт-Петербург, 1883.

V. Jagić, Dobrom. или Ev. Dobr. = Evangelium Dobromiri. Ein alt-macedonisches Denkmal der kirchenslawischen Sprache des XII. Jahrhunderts. Grammatisch und kritisch beleuchtet, Wien, 1898. Из венских „Sitzungsberichten“, CXXXVIII и CXL.

V. Jagić, Entst.² = Entstehungsgeschichte der kirchenslawischen Sprache. Новое, исправленное и расширенное издание, Berlin, 1913.

V. Jagić, Glagolitica = Glagolitica. Würdigung neuentdeckter Fragmente, Wien, 1890, в Denkschriften, XXXVIII.

V. Jagić, Psalt. bon. = Psalterium bononiense. Interpretationem veterem slavica, cum aliis codicibus collata, adnotationibus ornatam, appendicibus auctam... ed. V. Jagić, Wien — Berlin — St. Petersburg, 1907.

V. Jagić, Specimina = Specimina linguae palaeoslovenicae. Образцы языка церковнославянского по древнейшим памятникам глаголической и кирилловской письменности, СПб, 1882.

V. Jagić, Zlatoust = Bericht über einen mittelbulgarischen Zlatoust des 13.—14. Jahrhunderts, Wien, 1898, в Sitzungsber., CXXXIX.

Jagić-Festschr. = Jagić-Festschrift — Zbornik u slavu Vatroslava Jagića, Berlin, 1908.

Jsb. Inst. rum. Sprache = Jahresberichte des Instituts für rumänische Sprache zu Leipzig. Изд. Г. Вейгандом, Leipzig, 1894 и сл.

A. Kalina, Studyja = Studyja nad historyją języka bułgarskiego, Rozpr. fil., XIV, 163—547; XV, 396—592, Kraków, 1891.

KZ = Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Т. I—XXV изд. А. Куном, с XXVI до XXXVII — Е. Куном и И. Шмидтом, т. XXXVIII—XL — Е. Куном и В. Шульце, т. XLI до XLIX — А. Беценбергером, Е. Куном и В. Шульце, т. L — А. Беценбергером и В. Шульце, т. LI и сл. — В. Шульце и Р. Траутманом. Начиная с XLI т. — вместе с ВВ. (см. там же), Berlin, Gutersloh, Göttingen, 1852 и сл.

P. Lang, Jaz. rozbor = Jazykovědecký rozbor Euchologia Sinajského. I. Pravopis a hláskosloví, II. Tvarosloví (Deklinace), III. Tvarosloví (Konjugace), Příbram, 1833—1890.

A. Leskien, Declination = Die Declination im Slavisch-Litauischen und Germanischen, Leipzig, 1876.

A. Leskien, Gramm(atik) = Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache, Heidelberg, 1909.

A. Leskien, Handbuch^{5*} = Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Grammatik — Texte — Glossar, изд. 5, 6, Weimar, 1910; Heidelberg, 1922.

LF = Listy filologické. Редакторы О. Гуйер, Ж. Якубец, О. Ирань, Praha, 1874 и сл.

A. Margulíes, Suprasl. = Der altkirchenslavische Codex Suprasliensis, Heidelberg, 1927.

A. Meillet, Etudes = Etudes sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, Paris, 1902—1905.

A. Meillet, Recherches = Recherches sur l'emploi du génitif-accusatif en vieux-slave, Paris, 1897.

A. Meillet, Slave c. = Le slave commun, Paris, 1924.

Mélanges Boyer = Mélanges publiés en l'honneur de M. Paul Boyer, Paris, 1925.

K. H. Meyer, Hist. Gr. = Historische Grammatik der russischen Sprache. I: Einleitung, Laut-, Formen- und Akzentlehre, Bonn, 1923.

K. H. Meyer, Unt. Dekl. = Der Untergang der Deklination im Bulgarischen, Heidelberg, 1920.

J. J. Mikkola, Berührungen = Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen. I. Slavische Lehnwörter in den westfinnischen Sprachen, Helsingfors, 1894.

J. J. Mikkola, Ursl. Gr. I = Urslavische Grammatik. Einführung in das vergleichende Studium der slavischen Sprachen. I: Lautlehre, Vokalismus, Betonung, Heidelberg, 1913.

S.-B. = Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse der (до 1918. Kaiserlichen) Akademie der Wissenschaften in Wien, Wien, 1848 и сл.

Sb. fil. = Sbornik filologický. Изд. 3 клас. чешской Академии, Praha, 1910 и сл.

H. F. Schmid, Nomokanonübers. = Die Nomokanonübersetzung des Methodius. Die Sprache der kirchenslavischen Übersetzung der Synagoge des Johannes Scholasticus, Leipzig, 1922.

J. Schmidt, Vocalismus = Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus, I, Weimar, 1871; II, 1875.

E. Sievers, *ě* und *ja* = Altslawisch *ě* und *ja*. Eine sprachgeschichtliche Untersuchung. Berichte über die Verhandlungen der sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, Philol.-hist. Klasse, LXXVII. Bd., 2. Heft, Leipzig, 1925.

E. Sievers, Verstehte = Die altslawischen Verstehte von Kiew und Freising, im Verein mit Georg Gerullis und Max Vasmer herausgegeben von Eduard Sievers. Berichte über die Verhandlungen der sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, Philol.-hist. Klasse, LXXVI. Bd., 2. Heft, Leipzig, 1925.

Slavia = Slavia, Časopis pro slovanskou filologii. Изд. О. Гуйером и М. Мурко, Praha, 1922 и сл.

Sl. Occ. = Slavia occidentalis, Poznań, 1921 и сл.

S. Słowski, Nebensatzkonstruktionen = Die Übertragung der griechischen Nebensatzkonstruktionen in den albulgarischen Sprachdenkmälern, Kirchhain N.-L., 1908.

Starine = Starine. Na svijet izdaje Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti, Agram (Zagreb), 1869 и сл.

Symbolae-Rozwadowski = Symbolae grammaticae in honorem Ioannis Rozwadowski, 2 Bde., Kraków, 1927—1928.

J. Vajs, Nejst. breviár = Nejstarši breviár chrvatsko-hlaholský (Prvý breviár vrbnický), Praha, 1910.

Věstn. č. spol. nauk = Věstník královské české společnosti nauk. Třída filosoficko-historicko-jazykozpytná. — Sitzungsberichte der kgl. böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften. Klasse für Philosophie, Geschichte und Philologie, Praha.

W. Vondrák, Aksl. Gr.² = Altkirchenslavische Grammatik, изд. 2, Berlin, 1912.

W. Vondrák, Altslov. Stud(ien) = Altslovenische Studien, Wien, 1890. Из венских "Sitzungsberichten", Bd. CXXII.

V. Vondrák, Glag. Cloz. = Glagolita Clozův, Praha, 1893.

V. Vondrák, O mluvě J. Ex. = O mluvě Jana exarcha bulharského. Příspěvek k dějinám církevní slovanštiny, Praha, 1896.

V. Vondrák, O původu = O původu Kijevských listů a Pražských zlomků a o bohemismech v starších církevněslovanských památkách vůbec, Praha, 1904.

V. Vondrák, Studie = Studie z oboru církevněslovanského písemnictví, Praha, 1903.

W. Vondrák, Über einige usw. = Über einige orthographische und lexikalische Eigentümlichkeiten des Codex Suprasliensis im Verhältniss zu den anderen altslovenischen Denkmälern, Wien, 1891, в S.-B., CXXIV.

W. Vondrák, Vgl. sl. Gr. oder: Vgl. Gr. = Vergleichende slavische Grammatik, I, Göttingen, 1906 (2. Auflage, 1924), II, 1908 (2. Aufl., 1928).

W. Vondrák, Zur Kritik = Zur Kritik der altslovenischen Denkmale, Wien, 1886. Из венских "Sitzungsberichten", Bd. CXII.

Vondrák-Grunenthal = Vergleichende Grammatik von Dr. Wenzel Vondrák. II. Band: Formenlehre und Syntax. Изд. 2, вновь переработанное О. Грюненталем, Göttingen, 1928.

M. Weingart, Bulh(aři) a Cař(ihrad) = Bulhaři a Cařihrad před tisíciletím. List z dějin byzantských vlivů na osvětu slovanskou, Praha, 1915.

M. Weingart, Byz. kron. = Byzantské kroniky v literatuře církevně-slovanské. Přehled a rozbor filologický, Preßburg (Bratislava), 1922—1923.

M. Weingart, Prasl. vok. = Praslovanský vokalismus. (I. část srovnávací mluvnice jazyků slovanských), Praha, 1919—1920 (литографированные лекции).

M. Weingart, Starosl. časování = Staroslověnské časování, Praha, 1921 (литографированные лекции).

O. Wiedemann, Beiträge = Beiträge zur altbulgarischen Conjugation, СПб, 1886.

N. van Wijk, Suprasl. = Zur Komposition des altkirchenslavischen Codex Suprasliensis, Amsterdam, 1925.

Zschr. = Zeitschrift für slavische Philologie. Изд. М. Фасмером, Leipzig, 1925 и сл.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Предисловие автора	12
I. Введение. Общие замечания и исторические сведения (§ 1—6 а)	
§ 1. Мораво-паннонский период	13
§ 2. Древнейший старославянский язык и первые старославянские тексты	17
§ 3. Дальнейшая судьба церковнославянского языка в чехословацкой, словенской и хорватской областях	24
§ 4. Болгарский период старославянского языка	28
§ 5. Значение текстов для истории старославянского языка	36
§ 6. Старославянские памятники и их классификация	42
§ 6а. Общие работы по грамматике и лексике старославянского языка. Хрестоматии	61
II. Фонетика (§ 7—36)	
§ 7. Общие тенденции фонетического развития	64
§ 8. Произношение старославянских звуков	66
§ 9. Тенденция к восходящей звучности (§ 9—15)	74
§ 10. Изменение слогораздела	75
§ 11. Утрата согласных, закрывающих слог	80
§ 12. Праславянские сочетания <i>or, ol, er, el</i>	85
§ 13. Праславянские слоговые плавные <i>г, љ (г', љ')</i>	90
§ 14. Вставные редуцированные в иностранных и заимствованных словах	93
§ 15. Протетические <i>ј</i> и <i>ѵ</i>	95
§ 16. Тенденция к палатализации (§ 16—19)	99
§ 17. Палатализация согласных	99
§ 18. Развитие группы согласных с последующим <i>ј</i>	104
§ 19. Изменение гласного после <i>ј</i> и т. д.	113.

§ 20. Фонетические изменения в процессе развития древнеболгарского языка (§ 20—35)	118
§ 21. Начальное и интервокальное <i>j</i> ; протеза <i>j</i> - и <i>v</i> - в древнеболгарском	119
§ 22. Смягченные согласные	128
§ 23. Еры или редуцированные (ъ, ь)	135
§ 24. Напряженные ѣ, ѣ или редуцированные у, і	169
§ 25. Гласные у, і	179
§ 26. Гласные и, 'u (iu)	180
§ 27. Гласные а, 'a(ja), ѣ	182
§ 28. Слоговые плавные г, [, г', л' (а) Праславянские гъ, лъ, гъ, лъ (б)	192
§ 29. Носовые гласные р, ę	203
§ 30. Аффриката dz	215
§ 31. Изменение sts > st, zdz > zd	217
§ 32. Перегласовка	220
§ 33. Мена гласных. Мена согласных. Их утрата	222
§ 34. Диссимиляция и метатеза	225
§ 35. Зияние, ассимиляция, стяжение	225
§ 36. Приложение к фонетике. Чередование	226
III. Морфология (§ 37—66)	
I. Склонение (§ 37—52) 235	
§ 38. А. Именное склонение (§ 38—48)	236
§ 39. Основы на -о- и -jo- (-je-)	237
§ 40. Основы на -и-	240
§ 41. Взаимодействие основ на -о- с основами на -и-	241
§ 42. Основы на -і-	246
§ 43. Взаимодействие основ на -і- с основами на согласный	248
§ 44. Взаимодействие основ на -і- с основами на je-	250
45. Основы на -а- и -ja-	253
§ 46. Основы на согласный	256
§ 47. Гетероклитики (разносклоняемые)	267
§ 48. Несклоняемые имена	279
§ 49. Б. Склонение личных местоимений	279
§ 50. В. Склонение родовых местоимений	282
§ 51. Г. Склонение сложных прилагательных	292
§ 52. Склонение числительных	296
II. Спряжение (§ 53—66) 297	
§ 53. Обзор глагольных классов и типов спряжения	297
§ 54. Личные окончания изъявительного наклонения	300

§ 55. Настоящее время изъявительного наклонения	305
§ 56. Повелительное наклонение	305
§ 57. Условное наклонение	308
§ 58. Аорист	309
§ 59. Имперфект	317
§ 60. Будущее время	322
§ 61. Перфект, плюсквамперфект, футурум экзактум . . .	323
§ 62. Инфинитив и суфин	323
§ 63. Действительные причастия прошедшего времени I и II	324
§ 64. Страдательные причастия прошедшего времени . . .	326
§ 65. Действительные и страдательные причастия настоящего времени	328
§ 66. Отдельные типы глагольных основ	328
Список сокращений	357

Н. Ван-Вейк

ИСТОРИЯ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Редактор *М. А. ОБОРИНА*

Корректоры *Н. Р. Пиковская* и *Н. А. Сваицкая*

Переплет художника *Г. Л. Дейч*

Технический редактор *С. В. Клименко*

Сдано в производство 27/VIII 1956 г. Подписано к печати 13/II 1957 г.
Бумага 84×108¹/₃₂=5,8 бум л 18,9 печ л Уч.-изд. л 20,0. Изд. № 13/2761
Цена 14 р Зак. № 2235.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва, Ново-Алексеевская, 52.

Министерство культуры СССР. Главное управление полиграфической промышленности
Набрано в Первой Общ. оной тип. им. А. А. Жданова. Москва, Ж-54 Ватная, 28.

Отпечатано во 2-й типографии Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., 10 Заказ 1507

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
72	17 сверху	dēsētero	dēsētero
107	7 снизу	-ѣи	-ѣи
112	12 сверху	мышѣше	мышѣше
177	10 снизу	-ыни	-ыни
185	1 »	і	іѧ
227	12 »	чзвестные	известные
»	11 »	иередование	чередование
268	2 сверху	-тсѣ	-тсле
293	11 снизу	дрѣлѣиѣиѣи	дрѣлѣиѣиѣи
349	12 »	ѣлаѣи	дѣлаѣи

Ван-Вейк

Н. ВАИ-ВЕАН

•

ИСТОРИЯ

СТАРО-

СЛАВЯНСКОГО

ЯЗЫКА